

ISSN 1680-645X

07002

9 771680 645003 >

№ ЕСЛИ

Февраль 2007

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

**КРИС БЕКЕТТ
ПЕРИМЕТР**

**ВЛАДИМИР ПОКРОВСКИЙ
АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН
РОН КОЛЛИНЗ
КЭРОЛИН ИВ ДЖИЛМЕН**

**ГЛЕБ ЕЛИСЕЕВ,
СЕРГЕЙ ШИКАРЕВ:
ВНИМАНИЕ,
НЕИЗВЕСТНАЯ ПЛАНЕТА
ЗЕМЛЯ**

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

**ГРАНДМАСТЕР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ**

На правах рекламы

«На протяжении последних лет романы
Василия Головачева постоянно становятся
бестселлерами» —
РИА «Новости».

«Новое поколение космонавтов вдохновляется
книгами Василия Головачева» —
Сергей Залётин, космонавт.

«Держит интрига, не отпускает!» —
«Мир Фантастики» о книге
«Ко времени моих слёз».

Василий Головачев вошел в Российскую
книгу рекордов Гиннеса как автор 40
оригинальных книг!

Парадоксы времени и пространства,
космические захватчики и миры,
продуманные до мелочей...

Как жить в дробных пространствах?
В чем причина того, что русский язык
становится примитивным?
Почему европейская цивилизация
приходит в упадок?
Кто мы? Откуда? Куда движемся?

Это и многое другое — в увлекательном
путешествии с книгами Василия Головачева!

За все время в книгах Головачева не
обнаружено ни одного противоречивого
факта — все подчинено законам физики
и природы. И это неудивительно. Ведь
писатель следит за всеми последними
научными открытиями и посещает
в них миллионы поклонников подлинной
фантастики.

Более 50 увлекательных повестей и романов!
Более 18.000.000 проданных книг!

www.eksmo.ru www.golovachev.ru

НОВАЯ КНИГА!
**ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ**
"ВЕДИЧ"

УЖЕ В ПРОДАЖЕ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

Далии ТРУСКИНОВСКОЙ
«НАТУРЩИК»
Брюса СТЕРЛИНГА
«КИОСК»

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

Марии ГАЛИНОЙ,
Алексея БЕССОНОВА,
Александра СИЛЕЦКОГО,
Алистера РЕЙНОЛДСА

ОЧЕРК

о жизни и творчестве
Дугласа Адамса

ЗАМЕТКИ

о фильмах Гильермо дель Торо

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ
начинающего фантаста

Текущую подписку на наш журнал
вы можете оформить в своем почтовом отделении
по двум каталогам: «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».
Цена одного номера (без стоимости почтовых услуг) —
53 рубля. Индекс — 73118.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТА:
Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91 (доб. 181).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ИЗДАТЕЛЬ:
Издательский дом
«Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «Центропечать»,
«Сити Пресс Сервис», «Сейдл»,
«Метропресс» (С.-Петербург),
«ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс»,
«АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат»,
142300, г. Чехов Московской обл.
E-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 15 300 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2007

**23 Кэролин Ив ДЖИЛМЕН
ОКАНОГАН-ЛИП**

Чужим среди своих делается на Земле инопланетный оккупант, хотя и своим среди чужих не становится.

**211 Крис БЕКЕТТ
ПЕРИМЕТР**

Переступить эту черту настрого запрещено, ведь она разделяет законный виртуальный мир и почти нелегальный физический.

**3 Владимир ПОКРОВСКИЙ
ГИТИКИ**

Интеллигентный мужчина редко бывает понят — женщиной, начальником или даже собственной копией.

**73 Джерри СИГЕР
ВОЙНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО**

...но не было и выживших.

**97 Александр ЯБЛОКОВ
МЕРТВЕЦ**

Его сознание после смерти, как водится, скопировали, но герой считает свое существование иллюзией.

**123 Алексей КАЛУГИН
ВСЕ ДУРАКИ
ОТПРАВЛЯЮТСЯ В АД**

Глупость не смертный грех, но и не меньший чем самонадеянность.

**151 Рон КОЛЛИНЗ
ЕДИНИЦА — ЗНАЧИТ ИСТИНА**

Герой создает программу зрительных иллюзий, не подозревая, что самая большая иллюзия — его собственные представления о реальном мире.

183 **Лорен МАКЛАФЛИН**
ШЕЙЛА

Кажется, пора вводить законы роботехники для отбившихся от рук программ.

197 **Гельмут МОММЕРС**
СЫР ДЛЯ МЫШИ

...бывает сами знаете где.

84 **ВИДЕОДРОМ**

Поднимите ему веки — пускай ужаснется... Диалоги о жизни и смерти во времени и пространстве... Если бокс-офис на бюджет налезет — кто кого соберет?.. Шоу-политинформация товарища Трумэна... Подростковые мечты и комплексы ценой в сто миллионов долларов... Караул Санта-Клаусов устал.

251 **Вадим НЕСТЕРОВ**
КЛОУН СДЕЛАЛ РАМУ

Еще до выхода в свет книга главного мифологизатора русской словесности и сама стала скандальным мифом.

267 **Глеб ЕЛИСЕЕВ, Сергей ШИКАРЕВ**
НА СУШЕ И НА МОРЕ

Космос космосом, но и на родной старушке Земле фантасты умудрялись отыскивать загадочные сверхцивилизации и целые затерянные миры.

255 **РЕЦЕНЗИИ**

Что бы там ни говорили, но для нас главнейшим из искусств по-прежнему остается литература.

283 **КУРСОР**

С горячими фантастическими новостями не страшны любые холода.

264 **Эдуард ГЕВОРКЯН**
ВОЗВРАЩЕНИЕ СМЫСЛОВ

В кои-то веки эксперт не чешет в затылке по поводу результатов очередного интернет-опроса. Он честно пытается быть оптимистом. Стиснув зубы.

278 **Вл. ГАКОВ**
ПРИГЛАШЕНИЕ В СКАЗКУ

В российских читателях любовь к этой писательнице вспыхнула, что называется, с первого взгляда. Точнее — прочтения.

285 **ПЕРСОНАЛИИ**

На этот раз в номере есть немало новичков — для российского читателя.

В Л А Д И М И Р
П О К Р О В С К И Й

ГИТИКИ

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

ФЭЯ

У Ивана Глухоухова, пятидесятилетнего кандидата технических наук из лаборатории поднятия тяжестей ЛБИМАИСа, появилась фея. Вообще-то Глухоухов не очень хорошо относился к женщинам. То есть хорошо относился, но не очень. Особенно резко это отношение обострилось после того, как он попал в ЛБИМАИС, в лабораторию поднятия тяжестей, где мужчин, кроме него, вообще не было. «Женщина в науке — это как женщина на корабле, — говорил он в минуты отчаяния бывшим сослуживцам по НИИ социальных потрясений и катастроф МЧС РФ. — Ее туда нельзя. От нее всякого можно ждать, но только не чистой науки».

Поэтому, когда однажды вечером в его двухкомнатную квартиру позвонила некая дама неумытого вида, чем-то похожая на Фаину Раневскую, он восторга не испытал, хотя актрису эту любил, несмотря на все свое отношение к женщинам. Дама прорвалась внутрь и с ходу заявила с отчетливым южным акцентом:

— Я теперь ваша фея. Я буду решать все ваши проблемы, и вам теперь вообще не об чем беспокоиться. Могу, например, устроить контрамарку на новогодний бал в Кремлевский дворец имени Ленина.

— Но сейчас июль, — злобно заметил Глухоухов, все еще не испытывающий восторга и прописанный, между прочим, в Санкт-Петербурге.

— Самое время заняться, — сказала она. — А чтобы продемонстрировать свои возможности, я сейчас, на ваших глазах, превращу этот немутный, мутный граненый стакан в бокал чистейшего богемского хрусталя.

Она порылась в сумочке размером с дорожный чемодан, извлекла оттуда некий раскрашенный сучок и стукнула им по стакану. Стакан разбился, но осколки оказались хрустальными.

— Вот видите! — сказала она.

Выгнать «фэю» тут же Глухоухов по слабости характера не сумел. Прежде он вынужден был выслушать душеспитательную историю о том, что бедную непонятую волшебницу из-за какой-то ерунды, а точнее, из-за интриг, собираются уволить за якобы несоответствие занимаемой должности, но на самом деле просто из зависти, и о том, что он, Иван Глухоухов, есть ее последняя надежда восстановить попорченную интриганами репутацию. Потому что ее на него бросили и дали испытательный срок.

Голос у «фэи» оказался склочно-пронзительный, унять ее было нельзя никак, а когда голова окончательно разболелась, Иван, чуть не

плача, согласился на все ее предложения, включая Кремлевский дворец имени Ленина, и выпроводил наконец даму, получив напоследок визитную карточку с телефоном, факсом и электронным адресом fayina@feya.gov.ra1. Фею, оказывается, тоже звали Фаина.

Поглощенный научными изысканиями, он, как это у творцов водится, тут же о Фаине забыл и вспомнил только тогда, когда действительно появились проблемы.

Он, видите ли, заснул на работе. Как вам это понравится, человек уже не может поспать, если ему приспичило. Начальница, Жанна Эммануиловна, потомственная интеллигентка-шляпу-надела, причем немка, застучала его за этим занятием, уволокла в свой кабинет и оттренировала так, как никакой старшина-язвенник никогда не оттренировал после обеда провинившихся новобранцев (и что самое обидное, ни одного ненормативного слова). У них и прежде были взаимно-острые отношения, потому что как Глухоухов не очень любил женщин, так и начальница не очень выносила мужчин. То есть выносила, но не очень. Временами даже очень не очень.

Предложила, кстати, по собственному, потому что, говорит, терпение кончилось.

У Ивана сделались корчи.

Всю ночь он не спал, и вовсе не потому, что заранее отоспался — он страдал. С одной стороны, он просто мечтал вырваться на свободу из этой женской богадельни, а с другой — ну где же еще ему удастся продолжить исследования по противоречивой теории «Веревки Ропе-Корде-Куэрдаса» (это по-научному, вам не понять, но в то время эти исследования Глухоухова захватили)?

А под утро, совершенно уже отчаявшись, он решил позвонить Фаине. Но та позвонила первой, он еще только визитку к глазам поднес.

— Все ваши проблемы я беру совершенно на себя, ведь я же ведь ваша фэя! — заявила она, даже не поздоровавшись. — Успокойтесь и ложитесь поспать, в вашем возрасте не спать всю ночь вредно.

— В каком еще во...

— Ту-ту-ту-ту-ту...

На работе творилось черт знает что — ждали директора ЛБИМАИСа, все мыли плафоны, убирали бумаги в стол и срочно заполняли журнал прихода и ухода. Жанна Эммануиловна, промчавшись мимо Ивана в свой кабинет, рывкнула:

— Заявление! Сразу же после!

Иван вздохнул и стал писать заявление.

Потом наступила полная тишина, потому что пришел директор Сергей Сергеевич. Директор был низок и толст. Ну, не так чтобы сов-

сем уже толст, а что называется «пышный мужчина». Борода его казалась приклеенной.

— Здрассь! — сказал он.

— Здрассь-здрассь-здрассь-здрассь!

Он величественно проследовал к кабинету Эммануиловны, остановился перед дверью, потому что вообще-то она обычно его встречала вне кабинета, и величественно прокашлялся. И тут дверь стремительно распахнулась.

Полная тишина превратилась в мертвую.

На пороге качалась пьяная в стельку начальница с бутылкой водки в руке.

Директор распахнул рот.

— Что это значит, Жанна Емельяновна?

— Аэз знач вотшт! — сказала Эммануиловна и со всего размаху ударила его кулаком в бороду.

От неожиданности директор упал.

— Ы-ой! — жутким басом сказала Эммануиловна и припала к своей бутылке. Потом поставила ногу на пышный живот Сергея Сергеевича, полила его остатками водки и ненавидяще прошипела: — Зайленне нстол. Ньмедль! Ннно!

Словом, случился непредставимый скандал, и ни одного открытия в тот день в лаборатории сделано не было. В тот же день был издан приказ, смещающий вед.н.с. Ж.Э.Приходько с поста заведующей лабораторией, переводящий ее в статус м.н.с.; а завлабом сделали И.О.Глухова. Иван удовлетворенно урчал.

Немного протрезвев, Эммануиловна пришла в ужас, откуда не выходила несколько рабочих дней подряд. Всем желающим она клялась, что вообще никогда ни капли, что в бутылке была простая вода, что бутылка была не бутылка, а самый обыкновенный простой графин, и все это мерзкие козни Глухни, которого она хотела уволить, а мерзавец ее подставил. И что все мужики — козлы. В чем с ней истово соглашались.

Вечером позвонила фея.

— Как я ее, а?

Она так пронзительно хохотала, что у Ивана чуть не лопнула голова.

Но сразу же пошли проблемы другого сорта. Да, он наконец получил собственный кабинет, зарплата существенно выросла и все сотрудницы его немедленно полюбили, но... Но, но, но! Иван патологически не умел руководить. Он сразу же завалил все, что мог, и все, что завалить практически невозможно. Это еще можно было терпеть, хотя Сергей Сергеевич мылил ему шею каждодневно и до нестерпимости, но времени на исследования «Веревки Ропе-Корде-Куэрдаса» катаст-

рофически не хватало. Спустя два месяца Эммануиловна, хищно улыбаясь, налила ему в графин водки. Иван оттуда даже не пригубил, но директор учуял запах и, движимый раскаянием, произвел обратную рокировку. Жанна снова стала завлабом, коллеги снова разлюбили Ивана. Жить стало еще невозможнее, чем до того как он нечаянно занул на работе.

Позвонила Фаина и сказала:

— Не беспокойтесь, все будет улажено в миг, ведь я же ведь ваша фэя!

— И когда кончится этот ваш испытательный срок? — поинтересовался Иван.

— А я знаю? Как помрете, тогда и кончится.

После чего Иван напрочь отключил телефон, перестал отвечать на звонки в дверь и приготовился к дальнейшим ужасам жизни.

СОСПИРАЛЬ

Иван Глухоухов, старший научный сотрудник лаборатории поднятия тяжести ЛБИМАИСа, шел по улице академика Бабилова, куда приехал по своим командировочным надобностям, и удивлялся неприглядному строению мира вокруг, когда вдруг видит — идет навстречу сам президент Академии Всех Наук и, что интересно, очень приветственно ему улыбается:

— Здравствуйте, — говорит, — Александр Сергеевич! Какая дорогая для сердца встреча! Уж и не чаял!

— Здравствуйте, — растерянно отвечает Иван, — глубокоуважаемый Михаил Юрьевич. Я тоже... очень... Вот, все хотел насчет третьей соспиральи с вами поговорить.

— Насчет соспиральи — это можно, — ответил ему президент, все еще продолжая приветственно, но уже вымученно улыбаться, — однако я вовсе не Михаил Юрьевич.

— Так ведь и я, — решив почему-то проявить склочность, сказал на это Иван, — тоже не Александр Сергеевич. — Испугался и добавил поподобострастнее: — Хе-хе!

Президент очень странно и совсем уже неприветливо посмотрел на Ивана, затем отвел глаза и буркнул себе в усы:

— Ошибочка, значит, вышла.

И скрылся, вздернув голову, в двенадцатидверном лимузине производства японской фабрики. Иван Глухоухов еще долго после этого стоял на улице академика Бабилова как громом поражен.

Дело в том, что у Ивана Глухоухова некоторое время назад вызрела очень продуктивная идея из области биологии и генетики, хотя и был

он на самом деле специалистом по поднятию тяжестей. Как известно, в организме практически каждого человека можно найти молекулу ДНК, содержащую личное дело этого организма. Как утверждают знающие люди, состоит она из двух навитых друг на друга спиралей, вроде как косичка из двух волосиков. Размышляя над проблемами поднятия тяжестей, а заодно почитывая и другую научную литературу, Иван пришел однажды к неопровержимому выводу: у ДНК должна быть третья спираль для прочности, потому что кто же вьет косички из двух волосиков. То есть там не то чтобы совсем уж спираль, но все-таки как бы и спираль тоже — Глухоухов назвал ее «соспираль». Вот так на стыках иногда просто даже несостыкуемых дисциплин рождаются великие открытия.

Новое всегда с большим трудом пробивает себе дорогу, в этом Иван Глухоухов убедился на собственном опыте. На работе о своем открытии он даже заикнуться боялся, еще турнут. Генетики, с которыми разговаривал по знакомству, все как один оказались коррумпированными — они даже слушать не хотели о соспирали. Слушать, пусть даже и под бокал, соглашался разве что Владимыч из третьего подъезда, но и тот однажды сказал:

— Знаешь, Ваня, я в этих женских приспособлениях разбираюсь плохо. Меня Шумахер тревожит, вот что.

А надо сказать, у Ивана Глухоухова была фея Фаина. Так себе фея, приблудная, появилась внезапно, насильно навязала свои услуги по решению многочисленных глухоуховских проблем, больше портила, чем чинила, и Глухоухов ее всячески избегал, но все же, согласитесь, не у каждого такое приобретение, не у каждого такой тыл за спиной. Поэтому, постояв некоторое время как громом поражен на улице академика Бабилова, Иван проявил смекалку и догадался:

— Опять она!

Звонить с рекламацией, правда, не стал, потому что все равно бесполезно: Фаина — это судьба. Стал ждать дальнейшего, и дальнейшее не замедлило.

Когда он подходил к Институту травматологии и физпрактикума, Ивана обогнала президентская машина. Из последнего, двенадцатого, окошка донеслось униженным тоном:

— Ну, Ива-ан Александрович!

— Иван Оскарович меня зовут! — сердито поправил Иван, злясь, конечно, на Фаину, а не на президента, но тут же ощутил привычное подобострашие — которое уподоблю чувству вины и униженности, помноженному на стыд, ненависть и восторг — и остановился.

— Зайдите, пожалуйста, на секундочку. Очень нужно.

Он зашел и, предъявив проездной, уселся вежливо на самом краешке роскошного кожаного дивана напротив. Весь внимание.

Машина изнутри была ничего себе, но Иван уже наездился в автобусах, так что привык.

Вид у президента академии был несчастный, совсем никуда вид.

— Э-э-э, — сказал он, ставши еще несчастнее, — товарищ Плохомулов... Я тут подумал насчет вашей сос... соспирали, — при этом слове он сморщился, будто съел какую-то гадость. — Я, конечно, на все готов, но нельзя ли как-нибудь обойтись без отдельного института и государственной мегапрограммы? Что угодно, какие угодно фонды!

Иван был человек злобный, но догадливый. Он тут же смекнул, что Фаина что-то такое сделала президенту...

— Это вы с Фаиной встречались? — уточнил он.

— С ней, — утопая в ужасе от одного этого имени, подтвердил президент. — С референтом вашей.

— Понятно, — веско сказал Иван, не понимая абсолютно ничего, кроме того, что надо ковать железо. — Насчет отдельного института, — он вспомнил свой недолгий, но очень печальный опыт руководства и передернулся, — здесь вы правы, здесь мы, наверное, погорячились. Соспираль все-таки третья, а у первых двух соспиралей институтов пока что нет, могут не так понять. Но вот мегапрограмма, — это слово ему очень понравилось...

— Да-да? — сказал президент.

Иван немножко подумал и ответил:

— Да-да!

— Ох! — сказал президент.

Насчет мегапрограммы они в конце концов договорились, здесь Иван проявил настойчивость. Дача, машина, двухъярусная квартира в центре Питера и еще такая же в Москве, это уж как водится, и по праздникам туристическая поездка по Золотому кольцу России, правда, за границу — ни-ни.

— Дело в том, товарищ Недогузов, — искательно сказал президент, — что мегапрограмма, которой вы будете управлять, относится к разряду даже не двойных, а совсем уже тройных технологий, ведь сос... соспираль-то ваша, — тут президент снова сделал тошнотворное движение горлом, — все-таки третья. Словом, будет это государственная тайна высшей категории. Чтобы не то что посторонние шпионы, но и даже сами исследователи, которых вы привлечете, о предмете исследований не знали. Желательно, чтобы и вы тоже были не в курсе.

— Это как? — изумился Иван.

— А, обычное дело. Лучше быть не в курсе, и это, знаете, хорошо.

Многая знания, знаете ли, многая лета, или как там... Словом, отдохните, поправьтесь, поуправляйте.

Иван, человек злобный, но импульсивный, уже собравшись было выходить из автобуса, не выдержал и спросил:

— Эта Фаина, референт моя. Она угрожала? Чем эта стерва грозила? Так просто, из любопытства.

Президент взрыднул:

— У... утюгом горячим грозила. Главное, что никакая охрана... и где вы ее взяли такую?

— Сама навязалась. Только вы не бойтесь ее. Это фея, добрая фея, как у Золушки. Утюги не по ее части, это она так. Просто дура.

— Фея?!

— Она самая. Как у Золушки. Добрая. Так что никаких утюгов, будьте уверены.

— Ага, — сказал президент и хитрющим образом скосил глаза в сторону.

Здесь Иван маху дал. Потому что ни на следующий день, ни на все последующие президентская секретарша к телу по телефону не подпускала — нет его и все. Зато появились некие цивильные люди с наручниками и объяснили, что его фирма «ЗАО Интерпродукткомплекс-энерго» (о которой Иван слышал впервые) является жульническим расхитителем госсобственности, а потому пройдет.

Сидит теперь Иван Глухоухов в тюрьме, в совершенно дурной компании, всякую дрянь кушает, а иногда к нему приходит Фаина, и тут уж не отвертишься.

— Вы только не беспокойтеся, — говорит она на свиданиях, — я уже почти что все уладила, и со следователем тоже, и с прокурором. Я все ваши проблемы совершенно решу. А как же? Ведь я же ведь ваша фея!

И Иван рыдает, вздрагивая, на ее широкой груди.

ЧЕЛОВЕК-ТЕЛЕФОН

Он вошел в купе, не отрывая от меня взгляда, поздоровался и сел напротив. Рожа та еще. Представьте — огромный рот, километровый подбородок, Пизанская башня вместо носа, почти квадратные проводочные брови, но взгляд глуповатый. Потом, так же пристально на меня глядя, он демонстративно снял шляпу — а?

Из головы его, в основаниях затылка, торчали тоненькие серые рожки.

Я обалдел, он гаденько захихикал:

— Уху-ху-ху-ху! Успокойтесь, никакой мистики. Я не сатана, это антенны. Я, видите ли, обыкновенный мобильный телефон для бога-

тых, сейчас на отдыхе. Может быть, слышали про эту новую моду рублевских кланов — живые мобильники? Нет?

Я промолчал.

— Причем никаких чудес! Немного трансплантации, немного кибероргии, немного даже нанотехнологии для проращивания контактов, стволовые клетки, словом, высокие технологии, доступные каждому, у кого хватит на это денег. Сейчас это считается очень круто. Так что позвольте представиться — ВипФон-1681, другого имени даже не признаю, отечественная сборка со стандартным набором функций. Что?

Я промолчал.

— Ну, самые обычные функции, ничего суперсверх. Скажем, виброзвонок...

Он демонстративно нажал на пупок, вскочил с места, воздел руки вверх и стал исполнять что-то среднее между цыганочкой и джигой, страстно подергивая плечами и немзыкально подвывая. Одновременно откуда-то из его живота раздалось препротивнейшее гудение, отдаленно напоминающее вибросигнал мобильника, находящегося на гладкой поверхности. Потом поморщился, сел, поглаживая левую ляжку. Пожаловался:

— Вот в левой ляжке у меня при этом болезненные ощущения. Недодумали что-то. Отечественная сборка, что вы хотите? Есть еще игры, не при детях будь сказано, а еще WAP, GPS, GPRS, органайзер, радио, конвертер валют, калькулятор, синий зуб...

При этих словах он широко раскрыл рот и ткнул указательным пальцем в один из верхних резцов, который действительно был синим.

— Уот эсь... Еще видекамера на 60 мегапикселов, — он продемонстрировал тот же указательный палец, его подушечка заканчивалась темной круглой стекляшкой. — Еще...

— А где же дисплей? — спросил я.

ВипФон сокрушенно цокнул языком.

— Дисплей, к сожалению, накладной. Сейчас есть модели даже с двумя дисплеями — на лбу и на груди, есть варианты на любителей — с использованием интимных мест. А вот я... все-таки одна из первых моделей. Но знаете, у кого я работал первым мобильником? Ни за что не догадаетесь. А?

Я промолчал.

— Сам господин П, — мечтательно сказал ВипФон. — Сам господин П. Невероятная гадина.

Я опять промолчал. Я знал, что представляет собой господин П. Любой, кто смотрит телевизионные новости, знает о нем.

— Секретов его я, к счастью, не знаю, хотя мечтал. Но у него для таких вещей есть обыкновенная японская поделка за восемь тысяч долларов, он меня выгонял, когда по тому мобильнику говорил. Я-то у него шел по графе «представительские расходы» со спецтарифом 60 долларов за секунду. Он пользовался мной для трепа с домашними, обслугой, с цыпочками своими, ну и с прочей мелочью.

Уж с ними он оттягивался, будьте уверены. Видал я хамов, сам хам, но такое встретил впервые. Со всеми, буквально со всеми, кто зависел от него хоть самую малость, и с теми, кто от него вроде бы даже и не зависел, но сам не мог причинить ему никакого вреда, он разговаривал только матом, и поверьте слову, это был самый грязный, самый скабрёзный и оскорбительный мат, который я только слышал — а ведь мне все это приходилось передавать.

Меня он звал Мипистопель, ну, вроде как юмористическая копия Сатаны — лицо у меня такое. Деньги платил очень хорошие, а за человека не принимал, я для него был вещь, телефон и только. Он меня бил.

В поисках сочувствия ВипФон обдал меня пронзительным страданием взгляда. И кивнул головой:

— Бил! С размаху, в морду. Бил, если абонент находился вне зоны действия сети, бил, если ему скажут что-нибудь неприятное, если в ответ на его мат ему не станут вылизывать задницу. Бил, если в моей памяти не оказывалось нужного телефона... А иногда просто так бил, для самочувствия, и всегда почему-то в морду. Пару раз, знаете ли, даже выбивал зубы, но в таких случаях отдавал меня своему личному стоматологу (единственный человек, который обращался со мной прилично, правда, садист) — он не мог себе позволить шербатый мобильник. Гримера из МХАТа переманил, чтоб фингалы мои закрашивал.

Он жалобно замотал головой, это было так смешно при его морде.

— Я бы вообще к этому всему и привык бы, деньги этот гадина платил очень хорошие, но вот что непереносимо — всегда быть при нем. Вы не представляете, что это такое. Всякие там якобы деловые переговоры, бизнес-ланчи, яхты, пьянки, этот дурацкий гольф, который он ненавидел почти так же, как я, — все это можно перенести, но вот ночь... Я, человек тонко чувствующий, можно сказать — нерв обнаженный по всему телу, и вот унижен отсутствием собственного угла, и даже не угла, а просто ночного лежбища, хоть какого! Обязательно чтобы при нем! Вот мы с вами сейчас одни в поезде, через несколько часов разбежимся, я вам сокровенно сейчас признаюсь: настал момент, когда я пришел к единственно правильному решению — убить господина П. Зарезать эту сволочь, удавить, отравить ядом! Вы против?

Я промолчал. Я просто подумал, что не встречал в новостях сообщения о смерти этого господина.

— Я, например, только «за». Таким не место в нашей жизни! Я даже план составил, очень хитроумный, из таких, что Агате Кристи ни за что б не додуматься... И в тот самый момент, когда все уже было готово, когда... В тот самый момент он взял да и выкинул меня. Представляете? А я уже и розеточку подготовил, а он говорит своим: «Этого — вон». И выкинули. Представляете, какой гадина?

Я промолчал.

— Ну узнал я потом, что да почему. У нас ведь прогресс не стоит на месте, особенно в смысле мобильной связи, я просто устарел, появились новые, продвинутые модели. Я, конечно, все понимаю, но вот так взять и выкинуть...

ВипФон чуть не всплакнул при этих словах. Но потом лукавство прорезалось. Завеселилось во взгляде.

— Ни за что не догадаетесь, кого он на мое место взял! — почти выкрикнул он. — Он жену свою себе своим телефоном сделал! Так ей, гадине, и надо, пусть теперь попробует то, что испытал я.

Я опять промолчал. Иначе мы не можем. Мы, семейные альбомы для богатых (появилась недавно такая мода в рублевских кланах), очень мало имеем возможностей для бесед — нас рассматривают, и то нечасто. А насчет разговоров всяких, так это просто запрещается, даже по контракту. Потому молчаливы.

СКРИПАЧ

Посвящается доктору И.С.Дулькину.

— Тут вот какая штука, — сказал скрипач. — Я не чувствую музыки.

Соломон Иосифович внимательно и устало посмотрел скрипачу в глаза. Он не сказал, что вообще-то он не психоаналитик, а специалист по лечению внутренних органов, расположенных в брюшной полости, но это и не нужно было, скрипач и так знал. Уже давно, с тех пор, как Соломон Иосифович, обычный врач обычной московской больницы бомжового типа, случайно спас скрипачу жизнь, он стал его личным домашним доктором, хотя на дом не приходил. С тех самых пор только ему скрипач и доверял. Соломон Иосифович был очень хороший врач, хотя, повторимся, как бы обыкновенный, и его главное достоинство заключалось в том, что он всегда стремился вылечить пациента, любой ценой от любой болезни. Чурался разве что онкологии. С онкологией у скрипача пока все было в порядке, а остальные болячки он нес только ему. Слышал стороной, что за консультации Соломон Иосифович сейчас берет хорошие деньги, но давать стеснялся, платил

подарками, своими дисками и хорошим коньяком. Как-то попытался деньгами, но Соломон Иосифович его высмеял.

— Что с мочой? — спросил Соломон Иосифович.

— Последний анализ в норме. Но вы меня не поняли, это я виноват. Это не сейчас случилось. Это у меня всегда так было, что я не чувствую музыки, просто я вам об этом не говорил, не считал болезнью. А сейчас подумал: может, это болезнь?

Соломон Иосифович удивился. Вообще-то он считал, что врачу не положено удивляться. Точнее, удивляться-то можно, только показывать, что ты удивлен, не следует. Следует устало и внимательно посмотреть пациенту в глаза и сделать вид, что с подобным анамнезом ты знаком и знаешь, что по этому поводу делать. Но тут он не только удивился, но по оплошности даже и проявил удивление.

Он сказал:

— Сережа, ты что? Ты хоть понимаешь, что ты не можешь не чувствовать музыки. Тыходишь в тройку лучших скрипачей планеты, ты композитор, ты создаешь такие вещи, от которых люди рыдают, ты собираешь залы, каких поп-звезды не собирают, ты легенда, ты создаешь вечно... и вдруг говоришь, что не чувствуешь музыки. Как это может быть?

Тут же, впрочем, опомнился, собрал себя в кучку и продолжил, добавив повелительности в голос:

— Рассказывай.

Скрипач вздохнул и на секунду закрыл глаза.

— С самого начала, когда я еще был вундеркиндом, я не чувствовал музыки. Нет, я не скажу, меня никто не заставлял, мне она очень нравится, и эта скрипка с ее возможностями, и особенно нравится, что я умею играть на ней и сочинять композиции как никто. Ну, как бы человек, который хотел достичь вершины и достиг, и даже не достиг, а просто родился на той вершине... Они рыдают от моей музыки, а для меня это просто... как будто бы я что-то напеваю себе под нос, размешивая чай ложкой. Я ничего особенного при этом не чувствую. Вот они вскочили со своих кресел, от эмоций задохнулись, а потом в ладоши захлопали, на сцену полезли, в слезы ударились... И, конечно, это приятно, только я не понимаю почему. Я-то сам ничего не чувствую!

При этом он вспомнил духоту черного зала, жар юпитеров, нацеленных на него, скрипку, от которой болит рука, смычок, у которого оторвалась одна нитка и болтается, болтается, как сумасшедшая, по своим физическим законам — маятник на конце маятника, дурупианистку вспомнил с шеей толстой, как у хряка, и насморк, который надо скрывать, но сопли-то вытекут, если вовремя не сделать носом

всхрип неприличный... а те, которые в зале, собрались на самых задних местах, чтобы скрипку слышать, а не его насморк, а потом, после аплодисментов, в туалете, у писсуаров, восхищение свое выражать будут: непревзойден, гений, каких еще не рождалось.

А он напевал просто.

— Мне надо подумать, — сказал Соломон Иосифович. — Случай сложный. Ты зря молчал.

На следующий день они встретились, и первым делом Соломон Иосифович спросил:

— Как моча?

Скрипач хукнул.

— Значит, так, — сказал Соломон Иосифович. — Я подумал. У меня есть друзья, парочка просто замечательных психиатров...

— Нет, — сказал скрипач, — только вы! Мне нужно чувствовать музыку, а что они в этом понимают.

— Но я не чувствую музыку!

— Вы чувствуете меня.

— Значит, так, — сказал Соломон Иосифович. — Я и об этом подумал. Есть два варианта. Первый... Черт возьми, как я устал! Выпить хочешь? У меня тут коньяка — магазин открывать можно. Нет? Значит, первый вариант. Я делаю то, что ты просишь. То есть я не знаю, сделаю или нет, но попытаюсь. Мне кажется, это можно. Вся твоя музыка просто накинется на тебя, ты обалдеешь от нее, как я от нее балдею, как весь мир от нее балдеет.

— Вы сможете?!

— Сережа, я попытаюсь, но обещать...

— Вы сможете?!

— Здесь есть маленькое «но». Если я прав, ты больше не сможешь писать такую музыку. Ты — напевающий человек, этого не изменить, я полагаю. Музыка, которая живет внутри тебя и которая так просто вырывается наружу, может жить внутри тебя, только если тебе комфортно, если ей комфортно, если она не задевает тебя, а просто так, нравится, чтобы напевать ее, когда ты размешиваешь свой кофе в джезве.

— Я... растворимый, извините.

— Неважно... Словом, мне кажется, я могу сделать так, чтобы ты чувствовал свою музыку, хотя и не обещаю. Только в этом случае другой такой музыки ты уже не напишешь.

— Да черт с ней! — сказал скрипач. — Мне и того хватит.

— Это первый вариант, — внушительно сказал Соломон Иосифович. — Но есть и второй. Чтобы ты мог выбрать.

И замолчал.

— Ну?

— Я попробую сделать так, чтобы ты создал музыку, которая и тебя унесет на небеса. Я прикинул, вроде получится, но вероятность небольшая. Медицина, знаешь ли, умеет очень немного гитик.

— Вы так с сомнением говорите. Здесь есть какое-то «но»?

Теперь хукнул сам Соломон Иосифович, маленький, бледненький, просто прозрачный от очередной порции лечебного голодания, с глазами усталыми, словно бы с Креста.

— Я не знаю, какие «но». Но какие-то должны быть обязательно. Может, тебе просто не захочется напевать ту музыку, которая сегодня зажигает весь мир. Может, нет: ведь «чижика-то пыжика» мы напеваем...

— Я чижиков-пыжиков не пишу! — возмутился скрипач.

Соломон Иосифович заскрипел, изображая доброжелательное посмеивание.

— Выбор перед тобой, Сережа. Или-или.

— Я могу подумать?

— Конечно.

— Тогда второе, — сказал скрипач.

Соломон Иосифович был врач от Бога. Может быть, он даже и верил в Бога, нам про это ничего не известно. Известно только, что он был очень хороший врач. Известно также, что несколько был привержен Соломон Иосифович тайнам нетрадиционной восточной медицины и даже, говорят, неплохо прирабатывал на тех тайнах: после утреннего обхода всегда к его кабинету стояла очередь, и в очереди той замечались люди не из простых. Мы не знаем, может, просто из зависти люди так говорят. А может, так и на самом деле было. Однако когда речь шла о лечении больного, Соломон Иосифович именно что его лечил — и предпочитал самыми традиционными способами.

Он считал, что медицина за тысячи лет, а особенно за последние несколько декад, кое к чему пришла. Что лекарства, которые продаются в аптеках, пусть даже и не дешевые, все-таки кое-что могут, а вот если в комплексе, так это и совсем хорошо. Он прямо-таки колдун был, выискивал сочетания различных медикаментов, поэмы из лекарств составлял, больные едва не выли, когда он их пичкал, но потом как-то так получалось, что они уже и не больные вовсе.

Посидел Соломон Иосифович в кабинетике своем тесном, поколдовал над бумажкой, потом телефончик поднял и позвонил скрипачу домой: приходи, мол.

Тот примчался.

— Это не поэма медикаментозная, — заявил он скрипачу с ходу, — это соната бетховенская, судьба стучится в дверь, это мое лучшее произведение... но придется помучиться. Я бы предпочел, чтобы ты у меня полежал.

— Нет, — сказал скрипач, — это уж слишком.

— Ты хочешь почувствовать музыку? Когда я говорю «я бы предпочел», это значит, ты должен лечь.

— Но... это же не болезнь, это же просто какой-то дефицит в моем организме.

— Дефицит в организме — это и есть болезнь, канифоль свою скрипку! И ложись. Прямо сейчас.

— Но...

— Прямо сейчас! Причем придется и заплатить. У тебя денег-то сколько?

Никакой усталости не было в глазах доктора. Они сверкали. Причем сверкали нехорошо.

Оба двухместных бокса, которыми распоряжался Соломон Иосифович, были, к сожалению, в тот момент заняты, так что скрипачу пришлось лечь на высокую неудобную кровать в шестиместной палате с весьма разношерстной публикой. Особенно развлекал сосед, мужчина настолько толстый, что лежа на животе (а он лежал почему-то только на животе), он не доставал головой до подушки, а на подушке у него всегда валялась какая-нибудь книжка, и не поймешь, то ли спит он, то ли читает, а во сне вдобавок он имел обыкновение громко разговаривать, причем злобно. Для разнообразия иногда храпел — громко и тоже злобно.

Но скрипачу было не до соседа. Бетховенская соната Соломона Иосифовича обернулась для него гестаповской пыткой, он уж и пожалел, да отступить постыдился. По 10—13 часов в день он лежал под капельницей. Время от времени к нему приходила сестра и ложками впихивала таблетки. В коротких промежутках между капельницами его заставляли поворачиваться на живот и вкалывали в зад целую кучу ампул, а еще мучили внутривенными.

И сто раз на день подлетал Соломон Иосифович. Все время что-то выстукивал, высматривал, живот мял (хотя при чем тут живот, когда речь о музыке), а когда дежурил, даже ночью прискакивал. В общем, старался изо всех сил.

Лекарства действовали. То бессонница нападала, то сон кромешный, то вдруг жор, да такой, как будто бы от голода пропадаешь, а то вдруг что-то вроде вознесений на небеса.

Больные смотрели на него с интересом и подозрением, спросили

как-то: «С чем лежишь?» Скрипач сказал: «Нервное». Посмотрели с сомнением, заподозрили, кажется, алкоголизм, но отстали, вернулись к своим кроссвордам, детективам и телевизору — вот телевизор скрипача донимал. Самый молодой принес в палату телик и смотрел там только про спорт и рыбалку.

А потом однажды лопнуло что-то у скрипача в голове. Типа — дзын-нь! Скрипач испугался и тут же позвал Иосифовича.

Тот почему-то опять помял ему живот, наверное, по привычке. Потом сказал:

— Завтра — на выписку. Нечего тебе здесь больше делать. Если не помог, значит, и не помог. Извини.

Выписка, как и во всех бомжовых больницах, осуществлялась примерно в 12 часов дня, а лопнуло у скрипача накануне вечером. Музыка веером летала в его голове, самая разная, но пронзающая насквозь, скрипач плакал, что не сможет эту музыку запомнить, да и невозможно было ее запомнить, он попытался было убежать из больницы, но дверь на этаже была уже заперта. Больные пожалели его, видят, человек мучается, спросили: «Хочешь выпить?», но скрипач в ужасе замахал руками, и от него снова отстали, перестав уважать вконец.

Завтрашнего дня еле дождался. Даже выписку об истории болезни не стал брать, помчался, переполненный музыкой, к своей скрипке. Прибежал, схватил, он даже не успевал переводить в ноты, сразу магнитофончик включил, стал играть — душу переворачивало.

Единственное — это сил требовало. Это скрипачу было не очень привычно, надо было превозмогать. Но он кричал себе: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» — и это помогало, он такое вытворял на своей скрипке, что сам себе удивлялся.

Дальше — больше. Он подумал: «А почему скрипка, почему бы и не оркестр? Почему бы не симфония?»

Отложил инструмент и стал по памяти в нотную бумагу записывать свою музыку — и страдание, и радость, и гордость, и черт знает что еще в его сердце творилось, какая там скрипка, вот она, музыка, ради этого можно сойти с ума!

Утром прибежал в больницу, но Соломон Иосифович уже ушел. Тогда он позвонил ему домой, разбудил и примчался к нему. Встретила жена, уходящая на работу, встретила неприветливо, потому что Соломону Иосифовичу надо выспаться, но тот сам встал, рукой поманил его, жене сказал: «Иди, милая», а самого пригласил на кухню и спрашивает: «Ну как?»

— Слушайте! — сказал скрипач гордо, приладил скрипку к плечу, воздел смычок и запел струнами.

Это была не музыка, а черт знает что. Это была зубная боль и несварение ушных полостей. Соломон Иосифович наконец не выдержал и сказал:

— Стоп.

— Что? — спросил скрипач.

— М-м-мэх, — ответил Соломон Иосифович. — Как-то немюзыкально. Даже очень немюзыкально. Ты меня извини, что-то я не то сделал.

— Да вы даже не представляете, что вы сделали! — возразил скрипач. — Вы просто ничего не понимаете в музыке. Рахманинов отдыхает! А эта ваша «судьба стучится в дверь» — да она там скребется!

И умчался — к специалистам, которые понимают в музыке. Те тоже поморщились, но тайком. Вслух сказали, что очень ново, но...

— Да что вы понимаете?! — вскричал скрипач и умчался на квартиру к своей депрессии.

Он знал, что это настоящая музыка, он видел ее, осязал, она выворачивала ему душу, но постепенно он начинал понимать, что на концерте с этим не выступишь. А напевать уже не хотелось.

Тут позвонил ему покаянно Соломон Иосифович.

— Что я наделал, Сережа! Я отнял тебя у человечества, ни больше, ни меньше. Но, слушай, я придумал, я могу вернуть все назад. Бесплатно. Ты снова будешь...

— Вот уж не надо! — сказал скрипач. — Спасибо, конечно... только что мне до человечества?

ВИРТУАЛЬНЫЕ ГАСТАРБАЙТЕРЫ

Федор Трентиньянов был человеком нелюдимым и всему остальному свету предпочитал собственное общество. Поэтому, поднакопив денег, он решил заказать тридэ-копию самого себя. В фирму, изготавливающую лицензированных тридэ, он не пошел: во-первых, дорого, а во-вторых, сами знаете этих конвейерных уродцев, которых нам так рекламируют по телевизору. Сходство, конечно, фотографическое, а вот с внутренней сущностью дела плохи. Сбагрят тебе черт знает кого, да еще кучу бумаг подписать заставят — то не делай, туда не ставь, ругайся с ним только по делу, и уж ни в коем случае, чтоб использовать в коммерческих целях. Нет, Федору нужна была точная копия, без каких бы то ни было обязательств, и поэтому он пошел к частному тридэ-мастеру, каковой в нашем городишке находился в единственном числе в маленьком домишке по Зеленой улице. Звали его Степан.

Мастер очень обрадовался заказу. Ему надоело создавать утраченных возлюбленных, усопших родственников и домашних животных по

плохо сделанным фотографиям и любительским клипам, восстанавливать их характеры по сбивчивым и малодостоверным описаниям клиентов, а потом еще и выслушивать жалобы на плохое сходство. А здесь тебе и точный образец, и внутреннюю сущность можно скопировать по максимуму.

Словом, Степан решил продемонстрировать миру все свое мастерство. Он настолько извел своего нового клиента всякими тестами и, прямо скажем, nepозволительными расспросами, что тот уже пожалел тысячу раз, что связался с этим копированием. Заняло месяц, а под конец Степан спросил Федора, чего он желает — чтобы тридэ был действительно точной копией или как можно более точной копией того, что Федор сам думает о себе.

Нелюдимость не сделала Федора совсем уже дураком, поэтому он подумал предварительно и сказал:

— Делай точную.

Тридэ получился совершенно замечательным, Степан даже при-танцовывал. Федор тоже неудовольствия не выразил. И в первые дни общения со своим новым голографическим другом он испытывал даже что-то наподобие счастья. Радостно глядя друг на друга, они в унисон клеймили антинародное правительство, цены на водку, окружающий бандитизм и, соответственно, падение нравов, осуждали Америку и время от времени спорили (спорили!) о сравнительных качествах диссектора и суперортикона (типах телевизионных трубок). Тридэ, к явному неудовольствию Федора, проявил большие познания о предмете, но тонкостей не знал, потому спор шел с переменным успехом.

Однако очень скоро приятели друг другу надоели, причем настолько, что Федор просто взял и выключил свою копию, заметьте, с помощью топора. Правда, к убийству дело не привело, ибо тридэ Федора (по имени Федор) был человек предусмотрительный и заранее приготовил себе убежище. Он уже давно, миллисекунд за четыреста, переместил по Сети свой организм в ящик с неиспользуемым тридэ (таких, как вы знаете, было тогда навалом, причем повсюду) и начал новую жизнь.

Новая жизнь для него подчинялась только одной цели — накопить денег. Кое-что он сумел умыкнуть у своего, скажем так, родителя, но это копейки. Главное было в умыкновении — собственный счет в банке, о котором Федор даже не подозревал. Тридэ Федор тут же создал в Сети магазин по продаже сбежавших тридэ и уже через два месяца набрал требуемую сумму.

С ней он пришел к Степану. По Сети, разумеется. И попросил у Степана сделать еще одну копию Федора, только теперь уже не с Федора, а с него самого, с тридэ. Потому что тридэ-Федор был человеком

крайне нелюдимым и всему свету предпочитал только себя самого, а в собеседнике он тем не менее нуждался.

Степан радостно крикнул и принялся за работу, опять-таки с помощью бесчисленных и более чем неприличных вопросов (вот тут тридэ абсолютно не возражал и отвечал честно, то есть почти никак).

Так как основные данные у Степана уже имелись, новый тридэ был создан мгновенно, передан по Сети клиенту после получения соответствующей mzды (ох, какое же это, господа, хорошее слово «mзда»!), и тридэ-Федор получил себе лучшего в мире собеседника тридэ-Федора-2.

О, как много благословенных миллисекунд они провели в собеседном соитии, глубокомысленно размышляя об антинародном правительстве, повышении цен на траффик и т.д., а потом, конечно, надоели друг другу, потому что нелюдимыми были, и расстались, слава те Господи, без всякого топора, полюбовно, хотя Федору-2 с непривычки еще очень долгое время, миллисекунд двести, пришлось искать новое пристанище.

И он тоже начал зарабатывать деньги на нового Федора. И тоже в конце концов пришел к Степану. Ну не к фирмам же лицензированным ему, нелицензированному, идти?

Карусель завертелась. История стала повторяться вновь и вновь. Каждый новый трентиньяновский тридэ быстро разочаровывал своего родителя, уходил и начинал копить деньги на собственную копию. Тридэ стали множиться конвейерным образом, чем безмерно огорчали Федора Трентиньянова, который из-за всех этих событий из мизантропа превратился в тридэненавистника.

Секрет был прост — этот хитрюга Степан в самого первого трентиньяновского тридэ, а потом и во всех остальных тоже, заложил неистребимое, алкоголическое желание завести себе копию. Последующее разочарование в собеседнике специально закладывать даже и не пришлось — оно уже было заложено в самом Федоре. Степан на этом деле заработал баснословные деньги, из домика на Зеленой, впрочем, не съезжая и легальную фирму не регистрируя.

Деньги на новую копию каждый из Федоров-N зарабатывал самыми разными способами: одни играли на бирже, другие писали душещипательные романы, благо для этого не обязательно быть человеком и творцом в полном смысле этого слова, третьи разными ухищрениями добивались ролей в телевизионных сериалах, четвертые, вы не поверите, ударились в науку и стали клепать одну за другой аналитические статьи для журналов. И так далее в том же духе. И главное, все, кроме самого Федора, были поначалу довольны — ведь тридэ, юридически не существующие, пользовались, за определенный процент от доходов, банковскими счетами и фамилиями жителей нашего городка.

Те были счастливы получать деньги за просто так, да и кто бы от этого был несчастлив?

Разумеется, все кончилось плохо. Скоро трентиньяновские тридэ заполонили интеллектуальный рынок рабочих мест нашего городка, и жители потихонечку начали понимать, что они, пусть и за бесплатно, но получают намного меньше, чем до того зарабатывали. Они попробовали повысить процентную ставку аренды своих имен, но из этого ничего не вышло — тридэ пригрозили обратиться к другим, еще не охваченным обладателям банковских счетов. Люди попробовали вновь устроиться на работу, но работа осталась такая, которой они избегали с детства: грузоперевозки, строительное всякое, дворницкое, словом, то, что требует грубой мужской силы. Интеллектуальные гастарбайтеры вытеснили людей из их собственного жилища.

Тогда жители обратились в суд — суд отказал в исках, сославшись на полную законность содеянного. Тогда жители растерялись.

И в этот момент на сцену вышел совершенно уже озверевший Федор Трентиньянов. Немного поговорив об антинародном правительстве и ценах на водку, мизантроп и тридэненавистник Федор рассказал народу о своем опыте тридэ-терапии с помощью топора. Народ возликовал и побежал в магазин за инструментом. Тридэ настороженно хихикали. Как оказалось, хихикали они зря.

Топор сделал то, чего не смог сделать компьютер, не говоря уже об антинародном правительстве.

Вмиг были переколошмачены все системные ящики, в которых содержались тридэ, в том числе и лицензионные. На всякий случай досталось и остальной оргтехнике — в горячке ломали даже будильники и аппараты мобильной связи. Остановились заводы, автомобили и наградные часы. В городишко вошел спецназ.

После чего Самый Главный Суд Самого Главного Города Нашей Страны, не дожидаясь реакции Законодательной Ветви Власти, постановил: отныне, раз и навсегда, изготовление, хранение, распространение и использование нелегальных тридэ считать тяжким преступлением против человечества и карать жесточайшим образом.

Вот почему с того самого момента и до наших времен нелегальные тридэ считаются вне закона. Их, правда, стало не очень много меньше, но теперь их распространяют подпольно, вместе с наркотиками. Степан в тюрьму не попал, а даже и наоборот, разбогател еще больше. Да и рабочих мест в городке нашем в смысле интеллектуальной сферы почему-то не прибавляется.

К Э Р О Л И Н И В
Д Ж И Л М Е Н

ОКАНОГГАН-ЛИП

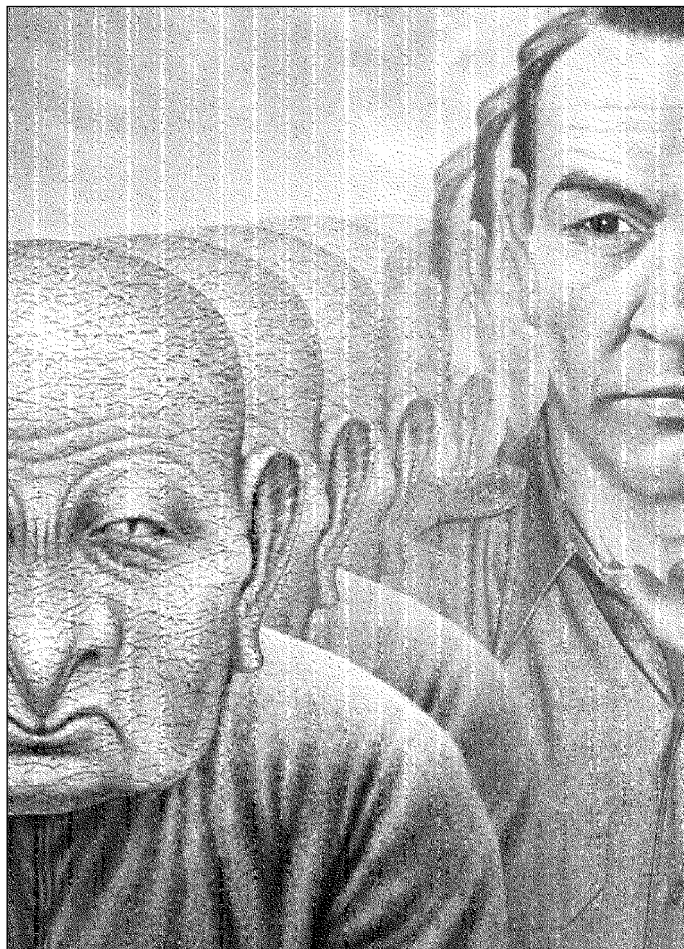

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Городок Оканогган-Лип стоял на берегу реки в уютной пасторальной долинке между грядами отлогих холмов на юго-западе Висконсина — в краю маслоделов и сыроваров, светлых листовенных рощ и пастбищ, покрытых сочной и мягкой, как мех норки, травой. Два века назад это был самый обычный поселок при лесопилке, теперь же Оканогган-Лип превратился в тихий провинциальный городок, утопающий в густой листве старых деревьев. Вдоль Главной улицы, идущей параллельно реке, выстроились старомодные кирпичные лавочки, чьи витрины были забраны затейливыми коваными решетками. Каким-то образом Оканогган-Лип удалось избежать и Сциллы франчайзинга*, и Харибды эксклюзивных бутиков, поэтому если вам хотелось гамбургеров, вы шли в кафе Эрла, а если вам нужно было душистое мыло, то для этого существовала аптека Майера. В парке перед старым зданием городского муниципалитета стоял обсиженный голубями памятник героям войны за Независимость, и мистер Уодворт все так же вывешивал на флагштоке государственный флаг. Тишь да гладь царили в городке; порой могло даже показаться, что большой и бурный мир, о котором рассказывали в новостях кабельных каналов, был выдумкой журналистов, и что Соединенные Штаты продолжали существовать без всяких потрясений.

Провинциальные американские города сильно изменились с тех пор, как Синклер Льюис назвал их тихими заводами, где правят бал конформизм и тупое самодовольство. Оплотом воинствующего мещанства и провинциальной ограниченности стали благополучные пригороды гигантских мегаполисов, где оседал так называемый средний класс. Что касалось крошечных, затерянных в сельской местности городков, то их жителей отличала разве что некоторая эксцентричность. Именно там на душу населения приходилось больше всего переквалифицировавшихся в скульпторы сварщиков, кустарей-кукольников, индивидуалистов со своим собственным мнением, а также людей, способных относиться ко всем вышеперечисленным чудачествам благожелательно и терпимо.

Завоевание Земли и последовавшая за ним оккупация почти не затронули Оканогган-Лип, как, впрочем, и большинство провинциальных городов Среднего Запада. Мало кто из местных жителей видел работников-уотессунцев воочию (телевидение, разумеется, не в счет).

* Франчайзинг — специальный вид лицензирования, когда компания-владелец известной торговой марки предоставляет другой компании право ставить эту торговую марку на свою продукцию, но при этом получает право контроля за качеством и т. д. (Здесь и далее прим. перев.)

Поначалу, правда, уязвленное чувство национальной гордости вызвало робкие попытки организовать что-то вроде кампании гражданского неповиновения, однако стоило завоевателям снизить налоги и отменить некоторые ограничения (как они и обещали), и число недовольных резко пошло на убыль. Население по-прежнему недолюбливало оккупантов, однако покуда уотессунцы занимались своими делами и не лезли в чужие, простые граждане склонны были мириться со своим положением.

Но все изменилось одним субботним утром, когда Марджи Селенжо, жившая в доме-фургоне на обочине шоссе № 14, ворвалась в город на своем подрессоренном «шевроле», подсакивавшем на выбоинах не хуже необъезженной лошади, и принялась рассказывать всем и каждому, кто только готов был ее слушать, как уотессунская армейская колонна проехала на рассвете мимо ее дома и свернула на дорогу, ведущую в направлении старой мельницы к северу от города. Там, по всей видимости, пришельцы собирались встать лагерем. Почти в то же самое время в доме мэра Оканогган-Лип раздался телефонный звонок. Стоя босиком в собственной кухне, мэр Том Эбернати впервые в жизни разговаривал с капитаном уотессунской армии, который на хорошем английском сообщил, что в соответствии с решением оккупационных властей город будет незамедлительно снесен, а население — эвакуировано.

Услышав новости, жена Тома, Сьюзен, которая никак не могла освоиться со своим новым статусом «гражданского населения, проживающего на оккупированной территории», даже перестала готовить бутерброды с арахисовым маслом, предназначавшиеся для их двух сыновей, и возмущенно заявила:

— Они не могут так поступить с нами! Что они там о себе воображают?!

Том Эбернати был спокойным, но слишком худым мужчиной лет сорока, состоявшим, казалось, исключительно из костей, суставов и острой челюсти. Работа мэра не была для него основным занятием — в городе у него имелось небольшое, но довольно успешное предприятие по оптовой торговле строительными материалами. Мэром Том стал таким же путем, каким изредка оказываются у власти простые, порядочные люди. Во всем был виноват инстинкт самосохранения. Устав иметь дело с живыми ископаемыми — членами городского совета, которые управляли Оканогган-Лип еще с восьмидесятых годов, Том выдвинул на выборах свою кандидатуру, пообещав проводить в жизнь те простые принципы, какие он нередко отстаивал в частных разговорах. В результате он был избран подавляющим боль-

шинством — «за» проголосовали триста семьдесят четыре человека, «против» — сто двадцать три.

Сейчас он почесал в затылке, как делал всегда, когда чувствовал себя озадаченным, и ответил:

— Я думаю, уотессунцы могут поступать так, как им заблагорассудится.

— В таком случае мы должны отбить у них охоту лезть в наши дела, — отрезала Сьюзен.

За семнадцать лет совместной жизни еще не было случая, чтобы Том сказал, будто что-то невозможно, а Сьюзен не восприняла его слова как личный вызов, как стимул сделать это «что-то» всенепременно. Никакого противоречия в этом не заключалось — так функционировал их брак.

Но Тому и в голову не могло прийти, что его жена не побоится применить свои способности против захватчиков из космоса.

* * *

Заседания городского совета в Оканогган-Лип не отличались строгим протоколом, поэтому некоторые члены муниципального управления частенько позволяли себе опаздывать или вовсе не являться на свои рабочие места. Но сегодня перед ними должен был выступить офицер уотессунской армии, поэтому все официальные лица собрались в мэрии задолго до назначенных пяти часов. К этому времени им уже было известно, что сносу подлежит не только Оканогган-Лип. Все четыре городка, выстроившиеся один за другим вдоль Четырнадцатого шоссе, были окружены оккупационными войсками, командиры которых тоже намеревались выступить перед членами местного самоуправления ровно в пять пополудни. Это последнее обстоятельство никого не удивило: все военные операции захватчиков отличались безупречной координацией.

Прибытие капитана уотессунских сил прошло почти незамеченным. Два армейских вездехода, выкрашенных в грязно-песочный маскировочный цвет, промчались по Главной улице и остановились перед зданием муниципалитета. Двое пришельцев, прибывших в первом вездеходе, двинулись к дверям. Трое солдат из второго вездехода взяли машины под охрану, сдерживая активность зевак. Их оружие, впрочем, оставалось в кобурах. Судя по всему, пришельцы не стремились раздуть страсти.

Двое инопланетян, вошедших в здание муниципалитета, выглядели точь-в-точь как уотессунцы, которых показывали по телевидению: приземистые, почти квадратные, они были покрыты бугристой серо-

вато-коричневой кожей, по цвету, а главное, по фактуре напоминавшей засохшую глину, смешанную с гранитной крошкой. Оба были одеты в полевую форму светло-бежевого оттенка, которая наподобие упаковочной пленки герметично закрывала их тела от лодыжек до шеи. Впрочем, ни один из офицеров (а в том, что это именно офицеры-командиры, ни у кого из землян не возникало сомнений) не носил ни защитной маски, ни перчаток, которые уотессунцы обычно надевали каждый раз, когда им предстояло иметь дело с человеческой расой. Вместе с ними в зал заседаний ворвался и запах, слегка напоминавший обожженную глину; он не был неприятным, а просто необычным, поскольку подобные запахи обычно не ассоциировались у людей с живыми существами.

Старший из офицеров — он был немного выше ростом — говорил на безупречном, но слишком уж правильном английском. Он сообщил, что его зовут капитан Гротон, а его спутника — лейтенант Агуш. На этом представление и закончилось — никто из землян не рискнул обменяться с пришельцами рукопожатием, поскольку все знали, какое отвращение вызывает у уотессунцев прикосновение к скользкой человеческой плоти.

Члены муниципального совета слушали речь капитана, сидя за длинными столами, которые обычно использовались во время официальных слушаний. Капитан Гротон встал напротив них за невысокой кафедрой, откуда обычно давали показания вызванные на заседания свидетели. И все же любой посторонний наблюдатель сразу догадался бы, на чьей стороне сила. Представители города тоже знали это и не питали никаких иллюзий, однако их ждал небольшой сюрприз. Они готовились услышать резкий, не подлежащий обсуждению приказ, но, ко всеобщему удивлению, капитан Гротон избрал достаточно корректный тон. Впрочем, смысл его слов от этого ни на йоту не изменился.

Как выяснилось, уотессунцы решили превратить пятидесятимильный участок Оканогганской долины в карьер по добыче полезных ископаемых.

— Наши изыскания, — сказал капитан Гротон, — сделают эту местность непригодной для жизни людей. Армейские подразделения присланы в район будущих работ для оказания помощи населению при эвакуации. Местные органы самоуправления должны оказать оккупационным властям поддержку, чтобы переселение прошло организованно и без эксцессов.

Эти последние слова были произнесены все тем же ровным тоном, однако в них недвусмысленно прозвучала угроза.

Когда капитан закончил, последовала короткая пауза. Члены совета пытались освоиться с мыслью, что все, ради чего они жили и что было им дорого, в ближайшее время перестанет существовать. Образ зеленой долины, превращенной в пыльный карьер или шахту, встал перед мысленным взором каждого из членов городского управления. Не будет больше величавых кленов, не будет фиалок, собак и уличных фонарей... И вообще ничего не будет.

Роб Мэсси — редактор местной газеты, известный своим задиристым характером — первым обрел дар речи.

— Что вы собираетесь здесь добывать? — резко спросил он. — В долине нет никаких полезных ископаемых.

— Мы собираемся добывать кремнезем, — пояснил капитан. — Под известняком, образующим дно долины, залегает богатое месторождение чистейшего диоксида кремния.

Он говорил, разумеется, о белом песчанике — рыхлой осадочной породе, которая не годилась ни для какого строительства. Лишь кое-где ее использовали для производства стекла. Для чего песчаник понадобился уотессунцам, было совершенно непонятно. Впрочем, людям вообще было мало что известно об оккупантах.

— Какую компенсацию мы получим за нашу собственность? — спросила Пола Сандерс, словно деньги и в самом деле могли как-то возместить то, что предстояло потерять жителям города.

— Никакой, — ответил капитан ровным голосом. — Эта земля принадлежит нам.

С подобным заявлением, при всей его возмутительности, трудно было спорить.

— Но ведь это наш дом! — выпалил Том. — Многие семьи живут здесь на протяжении четырех-пяти поколений. Этот городок построен нашими руками, здесь наша жизнь! Вы не можете просто взять и сравнять Оканогган-Лип с землей!

Неподдельное страдание, прозвучавшее в голосе Тома, заставило помедлить с ответом даже капитана, хотя внешность глиняного истукана отнюдь не предполагала особой чувствительности.

— Можем, — ответил он наконец без каких-либо признаков раздражения. — И помешать нам не в ваших силах. Единственное, что вам остается, это примириться с неизбежным.

— Сколько... сколько у нас времени? — Пола Сандерс выплевывала слова так, словно они были горькими или обжигали ей язык.

— Мы понимаем, что вам необходимо свыкнуться с мыслью о неизбежности перемен, поэтому готовы дать вам на переезд два месяца.

Зал заседаний буквально взорвался возмущенными криками и протестующими воплями.

Выждав некоторое время, капитан Гротон поднял вверх короткий обрубок, заменявший ему верхнюю конечность.

— Хорошо, — сказал он бесстрастно. — Я уполномочен в случае необходимости увеличить указанный срок. Я могу дать вам на переезд *три* месяца.

Как стало известно впоследствии, все четыре командира подразделений оккупационных войск тоже увеличили срок эвакуации населения подлежащих сносу городов до трех месяцев. Несомненно, подобная уступка была спланирована заранее.

Выполнив свою задачу, капитан Гротон повернулся и направился к двери, хотя собрание позади него еще бурлило бессильной яростью. У выхода он едва не столкнулся со Сьюзен Эбернати, которая как раз в этот момент открыла дверь со стороны приемной. Вместе с ней в комнату проник аромат свежесваренного кофе.

— Разве вы не останетесь на кофе, капитан? — спросила она как ни в чем не бывало. — По сложившейся традиции мы пьем кофе после каждого заседания.

— Большое спасибо, мадам, — вежливо отозвался пришелец, — но я должен вернуться на базу.

— Меня зовут Сьюзен, — представилась она и первой подала капитану руку.

Уотессунец не сумел сдержаться и отпрянул, но уже в следующее мгновение вполне овладел собой и вытянул вперед свой обрубок. Сьюзен дружески пожала протянутую руку, потом подняла голову и посмотрела в похожие на крупные гальки глаза капитана.

— Поскольку в ближайшие пару месяцев мы, по-видимому, будем соседями, то могли бы общаться как подобает цивилизованным людям, — сказала она.

— С вашей стороны это весьма дальновидно, мадам.

— Зовите меня просто Сьюзен, — поправила она и добавила: — Что ж, если вам сейчас некогда, может быть, заглянете к нам завтра вечером?..

И снова капитан Гротон заколебался. Люди ожидали от него новой отговорки, но пришелец в конце концов сказал:

— Спасибо, мне будет очень приятно... Сьюзен.

— Отлично. Я позвоню вам, и мы уточним время.

Потом капитан и сопровождавший его лейтенант ушли, а Сьюзен повернулась к членам совета.

— А вы будете пить кофе? — спросила она.

* * *

— Вот это номер! — воскликнул сын Сьюзен, Ник. — Ну и какой он на ощупь?

После того как Сьюзен прикоснулась к инопланетянину, она стала в городе чем-то вроде знаменитости — во всяком случае, среди одиннадцатилетних подростков.

— Сухой. Теплый, — ответила она, не отрывая взгляда от экрана ноутбука, стоявшего на кухонном столе. — Немного шершавый. Со всем как ящерица.

Том в соседней комнате разговаривал по телефону.

— ...То, что ты предлагаешь, Уоррен — самое настоящее безумие, — говорил он. — Я почти уверен, что мы еще можем добиться от них дополнительных уступок. Как раз сейчас я и мои помощники работаем над этим. Но если вы начнете стрелять, нам всем конец. Так что выбрось это из головы. И чтобы я больше не слышал от тебя ни о какой «охоте на лягушек», о'кей?..

— А ты вымыла руку? — продолжал допытываться Ник.

Сьюзен выпустила «мышь» и быстро обтерла кисть о предплечье сына.

— Э-э!.. — запротестовал тот. — Теперь у меня будут бородавки! Кто трогает жаб, у того обязательно выскакивают бородавки.

— Не смей называть их так! — резко оборвала сына Сьюзен. — Это невежливо. И запомни: сегодня вечером ты должен вести себя как следует. Понятно?

— Но ведь мне не надо будет прикасаться к нему, правда?

— Я уверена, что мистеру Гротону и самому не захочется прикасаться к такому противному мальчишке.

Том в другой комнате набрал еще один номер.

— Послушай, Уолт, я хочу, чтобы твои ребята подежурили сегодня вечером перед моим домом. Да, одной патрульной машины будет достаточно... Потому что если кто-то из наших патриотов подстрелит капитана у дверей моего дома, завтра на месте города будет дымящаяся воронка.

— Это правда? — спросил Ник, широко открывая глаза.

— Нет, — солгала Сьюзен. — Папа преувеличивает.

— А можно я сегодня вечером пойду к Джейку?

— Нет, ты будешь нужен мне здесь, — ответила Сьюзен, стараясь не показать своей тревоги.

— А что будет у нас на ужин?

— Когда ты меня отвлек, я как раз пыталась выяснить, что едят уотессунцы.

— Лично я не собираюсь есть всяких червяков!

— Я тоже, — ответила Сьюзен. — А теперь — брысь!

В кухню вошел Том и со вздохом опустился в кресло.

— Весь город настроен очень воинственно, — сообщил он. — В бухгалтерском смысле. Пола Сандерс собиралась установить у нашего дома пикет. Я ее еле отговорил — сказал, что у тебя есть план и что она должна тебе верить. Кстати, в чем он заключается — этот твой план? Ты что-то ничего мне не говорила...

— Мой план заключается в том, чтобы накормить нашего гостя пищей.

— Пищей?!

— Почему бы нет? Насколько я успела выяснить, у уотессунцев не существует никаких особых ограничений по части еды, а пищу любят все!

Том откинул голову назад и мрачно уставился в потолок.

— Конечно. Почему бы нет? — проговорил он. — Если он отравится и умрет, то на ближайшие два часа ты сделаешься национальной героиней. А потом превратишься в жертву жестоких оккупантов... И мы заодно.

— Пищей еще никто не отравился, — парировала Сьюзен, поднимаясь из-за стола, чтобы немного прибраться к приходу гостей.

Семья Эбернати жила в большом трехэтажном доме, возведенном еще в 1918 году. К дому была пристроена веранда, окружавшая его со всех четырех сторон, а в просторном дворе стояла небольшая башенка с остроконечной крышей. Раздвижные деревянные двери гостиной, веерные окна со вставками из цветного стекла и отделанный дубом камин выглядели довольно помпезно, однако, несмотря на это, комната имела уютный, жилой вид. В немалой степени этому способствовали наваленные повсюду книги, обгрызенный собакой афганский ковер и заваленное моделями самолетов фортепиано. Удобная, изрядно поцарапанная мебель хранила следы множества школьных вечеринок, дружеских и деловых встреч. В доме четы Эбернати гости бывали чуть ли не каждый день, а ужины, которые они у себя устраивали, никогда не напоминали официальные мероприятия, кто бы ни был на них приглашен. Формализм и официоз не вязались с характером Сьюзен.

По специальности Сьюзен была медсестрой, однако она уже давно оставила работу. Виной тому были, однако, не пациенты, а все тот же дремучий формализм и беспросветный бюрократизм больничного начальства, с которым Сьюзен не могла мириться. Природа наградила ее независимым, гордым умом и крепким телосложением прусской крестьянки. Прямые светло-русые волосы до плеч обрамляли круглое мило-

видное лицо, с которого не сходила приветливая улыбка. Ходила Сьюзен преимущественно в джинсовой юбке и клетчатой ковбойке с закатанными рукавами, поэтому, когда Тома выбирали мэром, жители (и особенно жительницы) Оканогган-Лип могли быть уверены: жена нового градоначальника не станет навязывать им свои вкусы по части мод.

Капитан Гротон приехал в точно назначенное время в машине с тонированными стеклами. За рулем сидел, очевидно, кто-то из солдат; салона он не покинул, а остался ждать начальника внутри. Том, встречавший гостя на крыльце, нервничал и украдкой бросал быстрые взгляды вдоль улицы. Когда оба прошли в гостиную, Сьюзен появилась из кухни, держа в одной руке бутылку вина, а в другой — три бокала на тонких, высоких ножках.

— Глоток вина, капитан? — спросила она.

Капитан Гротон заколебался.

— Если это принято... К сожалению, я не очень хорошо знаком с вашими обычаями, касающимися совместного приема пищи. Я знаю только, что их много и они довольно сложны.

— Это ферментированный ягодный сок, который оказывает легкое опьяняющее действие, — объяснила Сьюзен, наливая немного вина в его бокал. — Люди пьют вино, чтобы чуточку расслабиться.

Гротон осторожно взял бокал, и Сьюзен увидела, какие у него короткие, толстые пальцы. Не пальцы, а просто какие-то культишки. К счастью, работая медсестрой, она научилась испытывать сострадание даже к самым уродливым пациентам. Сейчас ей пришлось прибегнуть к этой своей способности.

— Ваше здоровье, — сказала она, поднимая бокал.

Послышался хруст, и ножка капитанова бокала переломилась пополам. Гротон попытался поймать осколки, и вино выплеснулось ему на руку.

— Прощу прощения, — пробормотал он. — Я не ожидал, что этот сосуд настолько хрупок.

— Ерунда, не обращайтесь внимания, — проговорила Сьюзен, забывая у него осколки и передавая Тому. — Вы не порезались?

— Нет, я не... — не договорив, капитан Гротон уставился на свою руку. Его лопатообразную ладонь пересекала тонкая кровавая линия.

— Позвольте, я этим займусь... — Взяв капитана за здоровую руку, Сьюзен повела его в ванную. Промокнув рану марлевым тампоном, она вдруг сообразила, что Гротона не передернуло от ее прикосновения как в первый раз, и мысленно улыбнулась своей маленькой победе. Однако стоило ей достать бактерицидный аэрозоль, как гость отпрянул и даже спрятал раненую руку за спину.

— Что это такое? — подозрительно осведомился он.

— Дезинфицирующее лекарство, — ответила Сьюзен. — Чтобы предотвратить нагноение. Оно на спиртовой основе, так что...

— О-о!.. — проговорил капитан. — Я думал, это вода...

Сьюзен обработала его руку и стала перевязывать. Капитан с любопытством оглядывался по сторонам.

— Что это за помещение? — спросил он. — Для чего оно?

— Это ванная комната, — объяснила Сьюзен. — Здесь мы, гм-м... моемся, чистимся и так далее. Вот туалет... — Она подняла крышку унитаза, и капитан Гротон попятился, не сумев скрыть отвращения.

Сьюзен рассмеялась.

— Здесь все очень чисто. Честное слово!

— Но там внутри — вода, — брезгливо заметил Гротон.

— Она же не грязная! Во всяком случае — не сейчас.

— Вода не может быть чистой, — убежденно возразил пришелец. — В одной крошечной капле полным-полно бактерий — возбудителей сотен опасных болезней, но вы, люди, относитесь к воде без всякой осторожности. Вы разрешаете своим детям играть в ней. Вы ее пьете! Впрочем, вы, вероятно, привыкли к этому, раз вам приходится жить на планете, где буквально все пропитано водой. У вас она даже падает с неба. Укрыться от нее невозможно, так что у людей, по-видимому, просто нет другого выхода.

Пораженная подобным отношением к влаге, Сьюзен сказала:

— Должно быть, вам не слишком приятно находиться на Земле. А на что похожа ваша планета?

— Там очень сухо, — последовал ответ. — Ее поверхность покрывают мили и мили горячего, чистого песка, как в вашей Сахаре. К сожалению, никто из вас, людей, не живет в этой пустыне, даже в оазисах, поэтому нам там тоже нечего делать.

— Но как же... Ведь вы должны пить, хотя бы иногда! Насколько я успела узнать, ваш метаболизм не сильно отличается от нашего. В противном случае вы не смогли бы есть нашу пищу.

— Нам хватает той воды, которая содержится в продуктах питания. Кроме того, мы не выделяем ее, как вы.

— Так вот почему у вас нет ванн! — догадалась Сьюзен.

Капитан Гротон озадаченно нахмурился, потом до него дошло, о чем умолчала Сьюзен, когда объясняла, что делают люди в ваннных комнатах.

— Эти помещения предназначены для экскреторных функций?

— Да, — кивнула Сьюзен. — У нас не принято справлять естественные нужды на людях.

— Но ведь вы постоянно выделяете влагу, — удивился капитан. — Она испаряется из ваших ртов, со слизистой носа, через кожу... И это происходит в том числе и в публичных местах. Как это согласуется с вашими предыдущими словами?

Значит, подумала Сьюзен, люди для него — ходячие мешки, из которых постоянно сочится отравленная бактериями влага! Мысль об этом ее настолько поразила, что она не сразу нашлась с ответом.

— Вот поэтому мы и приходим сюда, чтобы привести себя в порядок, помыться и так далее, — сказала она наконец.

— Но как вы это делаете? — Капитан Гротон огляделся по сторонам. — Я что-то не вижу здесь никаких приспособлений для мытья!

— Как же не видите?! — удивилась Сьюзен. — А это что? Смотрите...

Она включила душ, но капитан Гротон отшатнулся в таком неприглядном ужасе, что Сьюзен поскорее завернула кран.

— Мы считаем воду чистой, — объяснила она. — И используем ее для мытья. А как моетесь вы?

— С помощью песка, — сказал капитан, слегка пожимая плечами. — Соответствующие емкости наполняются сухим, подогретым песком... Ощущение просто божественное, можете мне поверить.

— Охотно верю.

Сьюзен действительно представила себе ванну, наполненную мягким, белым песком. Должно быть, именно такой песок залегал под известняковой плитой, на которой был выстроен Оканогган-Лип. Внезапно ее осенило.

— Так вот почему вы... — произнесла она, повернувшись к уотессунцу.

— Я не имею права об этом говорить, — сказал он. — Так что, пожалуйста, ни о чем меня не спрашивайте.

Но Сьюзен было достаточно и такого ответа.

* * *

— Прошу прощения, мы немного увлеклись обсуждением одной важной проблемы, — сказала Сьюзен, взглядом давая мужу понять, что расскажет ему обо всем позже. — Познакомьтесь, мистер Гротон, это наши сыновья — Бен и Ник.

Мальчики встали и неловко поклонились. Они, по-видимому, очень боялись, как бы им не пришлось пожимать руку инопланетному чудищу.

— У вас, стало быть, двое? — уточнил уотессунец.

— Да, — подтвердил Том. — А у вас, капитан, есть дети?

— Да. У меня есть дочь.

— Сколько ей лет? — поинтересовалась Сьюзен, наливая гостю несколько глотков вина в надежную фарфоровую чашку.

Капитан Гротон не отвечал так долго, что Сьюзен испугалась, не оскорбила ли она его своим вопросом. Наконец он покачал головой.

— Никак не могу сосчитать. Из-за деформации времени это довольно трудно. К тому же результат вам мало что скажет, ведь наши и ваши годы такие разные.

— Значит, ваша дочь осталась дома?

— Да.

— А ваша жена? Она здесь?

— Моя жена умерла.

— О, простите!.. Вам, наверное, было тяжело расставаться с дочерью?

— Такова необходимость. Я получил назначение и должен был исполнить свой долг.

Сьюзен уже поняла, что блюда, содержащие чересчур много воды, вряд ли будут лучшим угощением для гостя, поэтому она принялась рыться в буфете и вскоре собрала подходящий стол из легких закусок: поджаренные соевые бобы, крекеры, сухофрукты, кедровые орешки и сладкий картофель на десерт — все пошло в дело. Пока Том тщетно пытался увлечь капитана разговором о рыбалке, Сьюзен поставила разогреваться предназначавшуюся для людей пиццу и отправила Бена кормить собаку, которая вот уже некоторое время скреблась в дверь черного хода. Ник включил «Геймбой», и ей пришлось попросить сына приглушить звук, потому что грохот атомных взрывов и вой звездолетных двигателей мешали ей разговаривать с гостем. В целом, однако, Сьюзен чувствовала себя достаточно комфортно — она уже привыкла к хаосу, который создавали в доме постоянные гости и присутствие дух сыновей-подростков.

— А что вы едите там, у себя? — спросила она Гротона, когда ей представилась такая возможность.

Капитан пожал плечами.

— Мы не уделяем еде так много внимания, как вы. Впрочем, мы всеядны, поэтому идет в пищу почти все.

— Пожалуй, нам придется присматривать за нашими собаками, — пробормотал вернувшийся Бен. — Иначе кое-кто может лишиться своих любимцев.

— Бен!.. — одернула сына Сьюзен.

Капитан Гротон взглянул на Бена своими похожими на мраморные шарики глазами.

— Ваш домашний скот нас не интересует.

Все четверо людей в ужасе уставились на уотессунца.

— Наши собаки — не скот! — выпалил Бен.

— Тогда зачем вы их держите? — удивился Гротон.

— Для компании, — объяснил Том.

— Для удовольствия, — сказал Бен.

— Домашние любимцы напоминают нам о том, что мы не животные, а люди, что мы — разумны. Если бы их не было, мы могли бы об этом забыть, — добавила Сьюзен.

— А-а, понимаю, — сказал капитан. — У нас тоже многие придерживаются подобных взглядов.

Возникла неловкая пауза, в продолжение которой люди старались представить, как могут выглядеть домашние животные уотессунцев. Выручил их короткий сигнал таймера. Из микроволновки появилась пицца, и вскоре на кухне снова стоял дым коромыслом.

В интернете Сьюзен прочла, что уотессунцы едят совсем немного, но капитан Гротон был, по-видимому, исключением из правил. Он попробовал буквально все, что она выставила на стол, и даже съел два ломтика пиццы.

* * *

Чтобы гость не увидел, как стол, посуда и приборы будут подвергаться воздействию смертельно опасной жидкости, Сьюзен предложила ему выйти во двор, пока Том и дети будут прибираться. На стук сетчатой двери тотчас примчался пес, которого Бен забыл привязать. Ему очень хотелось обнюхать пришельца, но Сьюзен схватила его за ошейник и затолкала в кухню. Потом она повела уотессунца прочь от дома, в сгустившиеся сырые сумерки, звеневшие от песен сверчков и цикад.

Это был прекрасный летний вечер, какие бывают только на Среднем Западе с его теплым, мягким климатом. Просторный задний двор Эбернати упирался в реку; высокий каменистый берег, густо заросший сумахом и диким виноградом, круто обрывался вниз. Сначала Сьюзен хотела отвести гостя на лужайку у обрыва, но, вспомнив о его специфическом отношении к воде, свернула в сторону. В дальнем углу двора, заросшем кустарниками и деревьями, она села на качели, свисавшие с раскидистого, кряжистого дуба. Старые веревки негромко скрипнули, зашуршала листва. Под дубом было еще темнее, чем у обрыва; темнота и тишина располагали к приятным размышлениям, и Сьюзен, слегка раскачиваясь на качелях, не могла не вспомнить о множестве других столь же чудесных вечеров.

Вскоре, однако, ее мысли изменили свой плавный ход. Раньше Сьюзен почти не задумывалась, сколь сильно и глубоко она любит го-

род, в котором прошла вся ее жизнь. Но теперь, когда над городом нависла угроза, Сьюзен не могла представить, как она сможет обходиться без него. Глядя на темные кусты, на фоне которых парили крупные светляки, она спросила, даже не пытаясь скрыть охватившей ее печали:

— Скажите, капитан, разве все это не кажется вам прекрасным?

Он не ответил, и Сьюзен, повернувшись в его сторону, увидела, что уотессунец, погрузившись в глубокую задумчивость, тоже вглядывается во мрак.

— Простите, вы что-то спросили? — сказал он, очнувшись.

Вместо того, чтобы повторить свой вопрос, Сьюзен проговорила:

— Я думаю, у каждого человека есть свое особое место, с которым он сроднился и без которого не мыслит себя. Все мы можем восторгаться другими, быть может, более красивыми местами, но родной край всегда остается ближе и милей. Оканоган-Лип — моя родина, и здесь мои корни. Вы меня понимаете?..

— Да, — кивнул Гротон.

— Значит, вы в состоянии понять, что мы испытываем и что означает для нас эта ваша... этот ваш план. Конечно, мы можем много рассуждать, сколько труда мы вложили в эту землю, спорить о размере компенсации и прочем, но в действительности мы просто пытаемся как-то заглушить нашу боль. Истина, капитан, заключается в том, что мы любим наш город, нашу реку, нашу долину... Каждый из нас накрепко привязан к этой земле, и разорвать эту связь очень и очень не просто.

Капитан Гротон молчал так долго, что Сьюзен перестала раскачиваться и пристально посмотрела на него.

— Да, я понимаю, — сказал он.

— Правда? — переспросила она, не в силах совладать со всколыхнувшейся в сердце надеждой.

— Я понимаю, — повторил он. — Но это ничего не изменит. Мне очень жаль, Сьюзен.

Сдерживая разочарование, она вглядывалась в его бугристое лицо. Теперь, когда она немного привыкла к уотессунцу, он уже не казался ей вылепленным из глины и камней. Даже фигура его как будто стала немного изящнее. Вот он совсем по-человечески нетерпеливо взмахнул рукой и сказал:

— Ну почему вы, люди, так любите выражать недовольство? Можно подумать, вы жить не способны как-то иначе — чтобы не протестовать, не сопротивляться, не бороться с неизбежным! Со стороны это выглядит очень незрело, по-детски и к тому же серьезно осложняет жизнь и вам, и нам.

— Но, капитан, согласитесь: есть вещи, с которыми нельзя не бороться!

— Например?

— Глупость. Злоба. Несправедливость.

— Все, что вы перечислили, — с горечью перебил он, — является неотъемлемой частью мироустройства. Такова природа вещей, и мы не в силах ее изменить.

— И вы не стали бы даже пытаться? — спросила Сьюзен.

— Жизнь — вещь жестокая. Только глупцы могут верить в справедливость. И тех, кто пытается за нее бороться, не ждет ничего, кроме крушения иллюзий.

— Быть может, у вас это действительно так, — медленно сказала Сьюзен, — но мы, люди, устроены иначе. Мы способны даже мириться со злом, покуда нам кажется, что оно нами заслужено. Каждый человек постоянно борется за справедливость — и для себя, и для общества в целом. А если бы вы нам позволили, мы боролись бы за справедливость и для вас!

— Значит, свойственные человечеству агрессивность и непокорность объясняются исключительно заботой о нас? — спросил уотессунец.

Сьюзен удивленно рассмеялась.

— Вот не знала, капитан Гротон, что ваша раса тоже наделена чувством юмора!

Ее реакция, похоже, застала уотессунца врасплох. Казалось, он уже жалел о том, что затронул эту тему.

— Я смеялся вовсе не над вами, — проговорил он с поспешностью, которая так не вязалась с его обликом и манерой тщательно взвешивать каждое слово. — Во всяком случае, я не хотел обидеть вас, Сьюзен.

— Откуда вам знать, что для меня обидно, а что нет? — ответила она и сама смутилась.

— Разумеется, я не знаю, — промолвил капитан и снова надолго замолчал, а Сьюзен подумала, что до сих пор — во всяком случае, в неофициальной обстановке — Гротон держался так же противоречиво и упрямо, как любой мужчина-человек.

— Вот вы только что говорили, что в справедливость могут верить только глупцы, — раздумчиво сказала она. — Быть может, я лезу не в свое дело, но мне показалось — в ваших словах было слишком много горечи. Я имею в виду, вы как будто основываетесь на собственном жизненном опыте... Нет, если вам неприятно, можете не отвечать — просто мне хотелось знать, что случилось...

Уотессунец снова окинул ее непроницаемым взглядом. Его лицо окаменело, и Сьюзен уже подумала, что он решил не удостаивать ее ответом, как вдруг капитан сказал:

— Сожалеть о прошлом бессмысленно, его уже не изменишь. Что было, то было — с этим можно только смириться. Надо жить настоящим, а не терзать себя воспоминаниями о прошлых бедах.

Некоторое время оба молчали, прислушиваясь к негромким ночным звукам. Потом Сьюзен тихонечко вздохнула:

— К сожалению, *наши* беды еще в будущем.

Не успела она произнести эти слова, как печаль нахлынула на нее с новой силой. У нее просто не укладывалось в голове, что через каких-нибудь три месяца эта очаровательная тихая долина превратится в разверстую рану в земной коре. Слезы гнева и горя навернулись ей на глаза, и Сьюзен поспешно встала с качелей, чтобы вернуться в дом. Перед ступеньками черного хода она ненадолго остановилась, чтобы немного успокоиться и вытереть слезы.

Капитан Гротон, который молча шел следом за ней, удивленно спросил:

— Вы выделяете влагу?

— Да, — ответила Сьюзен. — Это часто случается с людьми, когда они испытывают сильное эмоциональное напряжение.

— Хотелось бы мне... — капитан не договорил.

— Что? Что бы вам хотелось?

— Так, ничего, — ответил он и отвернулся.

* * *

Тем же вечером, лежа в постели с Томом, Сьюзен рассказала ему все, что узнала.

— Песок! — воскликнул Том. — Эти бесхвостые ящерицы собираются снести наши дома только потому, что им нравится принимать песчаные ванны!

Никакого сочувствия к уотессунцам Том не испытывал. Уже после того, как их сегодняшний гость отбыл в своем лимузине с тонированными стеклами, ему позвонил мэр Уокера — соседнего города, выросшего вокруг новенького универмага «Уол-март». Уотессунский капитан, отвечавший за эвакуацию этого населенного пункта, оказался рьяным служакой, установившим для жителей очень жесткие, почти невыполнимые сроки переезда. Новости из Ред-Блаффа — еще одного городка, расположенного на Четырнадцатом шоссе, были и того хуже. Тамошний капитан-уотессунец проявил себя самым настоящим расистом. Судя по его поведению, он полагал, что воздействовать на

местное население можно только силой — это как раз то, что нужно для отсталой человеческой расы.

— Ларри хочет, чтобы мы оказали уотессунцам что-то вроде организованного сопротивления, — сообщил Том. — Он предлагает оставаться в своих домах и заявить оккупантам, что мы никуда переезжать не намерены. Не готовиться, не собирать вещи и так далее... Но я боюсь, что даже это слишком рискованно.

Сьюзен некоторое время лежала молча, пытаясь собраться с мыслями. Наконец она сказала:

— Как-то несолидно выглядит... Так мы ничего не добьемся, а уотессунцы вооружатся еще одним доказательством нашей незрелости и инфантильности.

— Ты хочешь сказать — они решат, что мы ведем себя, как упрямые дети? — раздраженно спросил Том.

— Я ничего не хочу сказать. Но что еще они могут о нас подумать?

— В таком случае, что нам делать?

— Не знаю. Но если мы будем вести себя, как взрослые, разумные существа, это пойдет нам только на пользу. Нет, я вовсе не собираюсь сдаваться... Просто нужно сопротивляться так, чтобы они ничего не заметили и не поняли.

Том повернулся на подушке, чтобы посмотреть на жену.

— Откуда ты столько знаешь об уотессунцах? Неужели от капитана? Мне этот субъект сообщает только минимум необходимой информации.

— Все очень просто, Том. И ты, и он — лица официальные, так что капитан Гротон вынужден разговаривать с тобой официально. Ну а я... я не в счет.

— А может быть, наоборот, дело именно в тебе? Может, ты ему понравилась!

— Не говори глупости, Том!

— Кто бы мог подумать, что оживший кусок глины может ухаживать за моей женой?!

Сьюзен подавила острое желание стукнуть его подушкой.

— Знаешь, — проговорила она, — капитан иногда рассуждает как настоящий философ.

— Знаю, — буркнул Том. — Сократ хренов!..

— Он больше напоминает Марка Аврелия. Честно говоря, мне начинает казаться, что капитану очень не по душе его миссия. Во всяком случае, на Земле ему не нравится. Кроме того, в его жизни было что-то... какое-то трагическое происшествие, о котором он не хочет рассказывать. Это означает, что в нем есть что-то человеческое, и я ду-

маю, Гротон может отнестись к нам с сочувствием, надо только расположить его к себе.

Том приподнялся на локте и серьезно посмотрел на жену.

— Боже мой, похоже, эта брюква действительно разоткровенничалась, стоило ей только остаться с тобой наедине!

— Я просто сложила два и два, Том. Единственное, чего я пока не знаю, что мы выиграем, если завоюем его симпатию. В конце концов, он военный и подчиняется приказам.

— Ты не права. Даже один друг среди этих ходячих корнеплодов — уже прогресс. Я, во всяком случае, не стану тебе мешать. Делай, что считаешь нужным, Сью.

— Это приказ, господин мэр?

— Что-то вроде, моя маленькая Мата Хари, — ответил Том со смущенной улыбкой, которая ей всегда так нравилась.

Придвинувшись ближе к мужу, Сьюзен положила голову ему на плечо. Когда Том был рядом, самые сложные проблемы казались ей пустяками.

* * *

В следующие несколько недель капитана Гротона почти не было видно. Информация, инструкции и распоряжения по-прежнему поступали в мэрию из его штаба, но сам капитан не звонил и не появлялся. Нездоров — такова была официальная версия. Узнав об этом, Сьюзен в тот же день позвонила в штаб уотессунцев, боясь, что причиной заболевания могла стать непривычная пища, которой она угощала капитана. К ее удивлению, уотессунец сам подошел к телефону.

— Не беспокойтесь, Сьюзен, — сказал он, когда она объяснила, зачем звонит. — Ваша еда не может мне повредить.

— Я вам не верю, — заявила она. — Насколько я успела заметить, вы склонны к чрезмерному стоицизму и будете упорствовать, пока вас не свалит токсический шок.

— Уверяю вас, со мной все в порядке.

— Но я медицинская сестра, капитан, — не отступала Сьюзен. — И если вы больны, значит, моя прямая обязанность позаботиться о вас.

Последовала интригующая пауза, потом капитан сказал:

— Боюсь, это чисто уотессунская болезнь. Вряд ли она вам знакома.

Его признание, однако, заставило Сьюзен беспокоиться еще сильнее.

— Это... очень серьезно? — спросила она.

— Она не смертельна, если вы это имели в виду.

— И все-таки мне бы хотелось увидеться с вами.

— Я весьма признателен за вашу заботу, но помощь мне не нужна. Этим ей и пришлось удовлетвориться.

В конце концов Том встретился с капитаном раньше нее. Это произошло на собрании, где представитель уотессунцев не мог не присутствовать — члены городского совета должны были отчитаться перед оккупационными властями, как идет подготовка к эвакуации.

— Насколько я понял, у него что-то вроде артрита, — ответил Том на вопрос Сьюзен. — Он ходит с палочкой и раздражается по любому поводу.

Но Сьюзен никогда не доверяла мужской способности замечать подробности и потому позвонила Эллис Бруди, тоже присутствовавшей на собрании. Эллис, казалось, была только рада поделиться с кем-то своими наблюдениями.

— Капитан, безусловно, нездоров, во всяком случае он чувствует себя явно не лучшим образом, — сказала она. — Но самое странное не это...

Сьюзен насторожилась.

— Знаешь, он выглядит намного выше, чем в прошлый раз. Такое впечатление, будто наш капитан вырос сразу на несколько дюймов! Да и телосложение у него теперь совсем другое. Он больше не напоминает бочонок с ножками, если ты понимаешь, что я имею в виду. Сначала мне показалось — капитан похудел, но теперь я вижу: все лишнее, что у него было, не исчезло, а просто перераспределилось. И еще: у него теперь немного другая кожа. Она стала более гладкой и приобрела почти человеческий цвет.

— Как ты думаешь, что с ним творится?

— Будь я проклята, если знаю!

Именно после этого разговора Сьюзен пришла в голову мысль пригласить капитана Гротона на празднование Четвертого июля*. Правда, сама идея праздника вызвала некоторые сомнения, — в сложившихся обстоятельствах было, пожалуй, не до веселья, — однако после долгих размышлений городской совет все же решил не отступать от традиций в надежде, что праздничная суэта сможет немного поднять настроение жителей. Кроме того, уотессунцы не особенно задумывались о том, что День независимости имел — хотя бы чисто номинально — политическую подоплеку. Они считали его чем-то вроде

** День независимости — основной государственный праздник, отмечаемый 4 июля в честь принятия Декларации независимости. Один из самых популярных и любимых праздников США; в этот день устраиваются фейерверки, пикники и проч.*

красочного летнего фестиваля, поэтому единственное возражение с их стороны касалось возможных беспорядков. Однако и оно было снято, как только городские власти пообещали запретить в этот день продажу алкогольных напитков.

Главным событием Четвертого июля в Оканогган-Лип всегда было карнавальное шествие. Оно являлось своего рода местной достопримечательностью, поэтому участники процессии начинали готовиться к ней как минимум за три часа до начала церемонии. По сложившейся традиции шествие открывал взвод пожарных, которые показывали строевые артикулы с бензопилами; за ними следовали открытый кадиллак с Молочной Принцессой и грузовик, в кузове которого размещался джаз-банд. Украшенные лентами и цветами погрузчики и экскаваторы должны были заменить в этом году обычные колесные платформы — жителям Висконсина всегда была свойственна самоирония, которую они превратили почти в искусство.

Том тоже участвовал в карнавале. Как главному должностному лицу города, ему предстояло замыкать колонну в стареньком «форде-Т» с клоунским цилиндром на голове, поэтому Сьюзен позвонила уотессунскому командиру и спросила, не согласится ли он составить ей компанию на сегодня.

— Вы увидите настоящую Америку, какой она была до вас, — пообещала она. — Это весьма любопытно.

— Так-то оно так, — заколебался капитан Гротон, — но мне не хотелось бы лишний раз раздражать жителей. Боюсь, мое присутствие на празднике может не понравиться некоторым вашим согражданам.

— Если бы вы стояли на трибуне или ехали на одной из колесных платформ, тогда — да, это никому бы не понравилось. Но если вы смешаетесь с толпой и будете веселиться и пить лимонад, как все, на вас вряд ли станут обращать внимание. Напротив, я уверена, что многие сумеют по достоинству оценить этот жест доброй воли. Ну а если не сумеют, я с ними справлюсь... Ну как, договорились?

В конце концов капитан согласился, и Сьюзен назначила место и время встречи.

— Только не надевайте форму, — попросила она напоследок.

Сьюзен даже не представляла, какую трудную задачу задала капитану, пока не увидела его перед входом в аптеку Майера. Уотессунец был облачен в кричаще-яркий костюм, который, помимо того, что плохо сидел на нем, выглядел так, словно его вытащили из мусорного бака. Самым удивительным, впрочем, было то, как Гротон вообще сумел натянуть на себя пиджак и брюки, поскольку, когда Сьюзен видела его в последний раз, ни о какой человеческой одежде не могло быть

и речи. Уже шагнув ему навстречу, она с еще большим удивлением заметила, что теперь они почти одного роста; кроме того, у капитана появился почти нормальный подбородок.

— Вы выглядите... потрясающе! — выпалила она, не находя других слов.

— Думаю, Сьюзен, вы несколько преувеличиваете, — отозвался капитан слегка обиженным тоном.

— Нет, что вы, нисколько... Надеюсь, вы чувствуете себя лучше?

— О да, благодарю.

— Я рада. Вот только ваша одежда...

— Что, не подходящая? — с беспокойством спросил он.

Сьюзен огляделась. Вокруг было полно людей, одетых в соответствии с неряшливой американской летней модой: мужчин в растянутых футболках и сандалиях на босу ногу и женщин, чьи пышные формы рвались на свободу из натянутых до предела эластичных топиков.

— Нет, — сказала она. — В принципе, вы прекрасно вписываетесь в общую картину, но... В общем, если бы вы не занимали столь важный пост... — не договарив, Сьюзен схватила капитана за руку и потащила за собой в аптеку. Там она остановилась перед стойкой с глянцевыми журналами. Выбрав свежий номер «Джи-Кью», она сунула его уотессунцу.

— Посмотрите сами, — предложила она. — Вот что носят люди, занимающие высокое положение в обществе.

Она схватила еще какие-то журналы и, быстро пролистав их, нашла несколько стильных костюмов «сафари», популярных в этом сезоне на мысе Код.

— Думаю, это прекрасно вам подойдет, — проговорила она. — Скромненько, но элегантно и со вкусом. Подобный костюм вы можете смело носить в такие дни, как сегодня, не боясь уронить свой авторитет в глазах окружающих.

Капитан Гротон изучал журналы так сосредоточенно, что Сьюзен невольно вспомнила о Томе, который никогда не относился к ее рекомендациям с должной серьезностью.

— Спасибо, Сьюзен, вы дали мне очень ценный совет, — сказал Гротон. — Я обязательно приму его к сведению.

Они уже шли к прилавку, чтобы заплатить за журналы, когда капитан вдруг резко остановился. Один из отделов буквально поразил его, но Сьюзен не сразу поняла — почему.

— Для чего нужны все эти товары? — проговорил он наконец.

— Это средства личной гигиены, — пояснила Сьюзен. — Вот это паста для чистки зубов. Мы чистим зубы два раза в день, чтобы устра-

нить неприятный запах изо рта и чтобы эмаль оставалась белой. А это специальная пена для бритья. Наши мужчины каждый день бреют лицо, иначе у них отрастают бороды.

— Вы хотите сказать — у ваших мужчин растут волосы на лице? — потрясенно переспросил капитан Гротон.

— Да, конечно. И тот, кто не хочет отращивать бороду, вынужден ее сбривать.

— А это для чего? — спросил уотессунец, показывая на упаковки дезодорантов.

— Это специальные ароматные жидкости для подмышек. Они тоже устраняют неприятные запахи, только пользоваться ими надо регулярно.

— Получается, — негромко заметил Гротон, — что человек постоянно воюет с собственным телом.

Сьюзен рассмеялась.

— Да, наверное, со стороны это действительно выглядит именно так.

Потом она посмотрела на стеллажи с шампунями, увлажняющими масками, жидкостями для полоскания рта, кремами от прыщей и от морщин, средствами для удаления мозолей, гелями для душа и другими товарами, свидетельствовавшими о том, что люди и впрямь во многих отношениях недовольны собой.

За прилавком в тот день стояла Бет Майер, и Сьюзен представила ее капитану Гротону. Не в силах спрятать свою враждебность, та тем не менее сказала:

— Надеюсь, сегодня вы узнаете о нас что-нибудь новенькое.

— Ваш магазин уже кое-чему меня научил, миссис Майер, — вежливо ответил капитан. — Признаться, я поражен изобретательностью, которую проявляют люди, заботясь о личной гигиене. Возможно, я как-нибудь еще зайду к вам.

— Пока мы открыты, мы рады каждому покупателю, — сказала Бет.

Когда капитан и Сьюзен снова вышли на улицу, подготовка к параду уже заканчивалась. Судя по некоторым признакам, жители Оканогган-Лип все же решили превратить праздничное шествие в спонтанную демонстрацию протеста. Кое-кто из зрителей держал в руках плакаты соответствующего содержания, а один предприимчивый горожанин установил на тротуаре переносную палатку с аттракционом, носившим красноречивое название «Убей овощ!». За несколько долларов желающие могли самым изуверским способом расправиться с печеной картошкой или брюквой. Наибольшей популярностью

пользовалось «убийство» овощей с помощью петард — об этом свидетельствовала задняя стенка палатки, к которой прилипли раздробленная картофельная мякоть и ключья кожуры. Рядом репортер окружной телевизионной станции расспрашивал владельца палатки о его бизнесе. Слово «уотессунец» ни разу не было произнесено, однако намек был слишком прозрачным, чтобы его не понять.

Капитан Гротон, во всяком случае, понял. Заметив его взгляд, устремленный в сторону палатки, Сьюзен негромко сказала:

— Это, конечно, грубо и глупо, но пусть лучше люди проделывают это в шутку, чем всерьез.

— Вы, вероятно, правы... — проговорил капитан несколько напряженно.

Именно в этот момент внезапно ожило радио, спрятанное где-то под одеждой капитана. До этого момента Сьюзен и не подозревала, что ее спутник носит с собой коммуникатор или рацию.

— Прошу прощения, — извинился капитан и, поднеся к губам маленькую черную коробочку, сказал в нее несколько слово на своем языке. О чем шла речь, Сьюзен, разумеется, не поняла, однако она не могла не отметить, что голос Гротона звучал совершенно спокойно и профессионально.

Когда капитан закончил, она спросила:

— Вы, наверное, спрятали поблизости целый отряд, готовый вмешаться, если что-то пойдет не так. Я угадала?

Несколько секунд Гротон рассматривал ее, словно прикидывая, солгать или нет, потом кивнул:

— С нашей стороны было бы глупо не принять мер предосторожности.

А Сьюзен невольно подумала, что сейчас ее спутник выполняет роль разведчика, который, пользуясь дружеским расположением аборигенки, пытается выяснить, не пора ли применить против ее земляков военную силу. В первое мгновение она почувствовала приступ острого негодования, на смену которому быстро пришло облегчение, оттого что Гротон не послал вместо себя какого-нибудь нервного коллегу, способного поддаться на провокацию с картофелем.

— Эй, капитан!.. — Продавец из палатки «Убей овощ!» заметил Гротона и сделал приглашающий жест. — Не хотите ли запустить картофельную ракету? Вж-ж-жик — и вот она уже на небесах! А?..

При этих словах зеваки неуверенно рассмеялись; им очень хотелось посмотреть, какова будет реакция уотессунца. Сьюзен сделала шаг вперед и открыла рот, готовясь к резкой отповеди, но Гротон слегка сжал ее локоть в знак того, что справится сам.

— Я бы с удовольствием, но боюсь, вы заподозрите во мне склонность к бессмысленным убийствам, — промолвил он с легкой усмешкой.

После этих его слов все, кто собрался возле будки с аттракционом, поняли, что уотессунец прекрасно сознает суть забавы, но предпочитает свести дело к шутке.

— Никаких убийств, это же просто картошка! — сказал хозяин будки — пузатый, приземистый, плохо выбритый мужчина в грязной белой майке. Он говорил шутливо, но в его голосе проскальзывали задиристые нотки. — Подходите, мистер. Для вас одна попытка бесплатно.

Капитан Гротон заколебался, но сейчас все взоры были устремлены на него.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Только зачем же бесплатно? Разве я лучше других?

Почувствовав себя в центре внимания, владелец аттракциона действовал с нарочитой неловкостью балаганного клоуна. Наконец он разыскал в ящике вытянутый, тонкий клубень, поразительно напоминавший своей формой фигуру уотессунца, и предложил клиенту выбрать оружие: кувалду, топор, петарду и еще несколько колющих и режущих инструментов.

— Что вы предпочитаете, мистер?

— Разумеется, петарду, — ответил Гротон. — Ведь сегодня Четвертое июля, не так ли? Не станем отступать от традиций.

— Пиво — тоже традиция, — проворчал кто-то в толпе, мужская половина которой была недовольна тем, что уотессунцы посягнули на самое святое — право американских патриотов отпраздновать День независимости обильными возлияниями.

Тем временем будочник протянул капитану картофелину и петарду.

— Вставляйте эту штуку вот сюда, в самую задницу, — подсказал он. Когда капитан сделал все как надо, владелец аттракциона прислонил картофелину к стене будки.

— Скажите — когда...

Капитан дал знак, и будочник поджег фитиль. Несколько секунд все ждали, затаив дыхание. Наконец раздался громкий хлопок, и картофелина разлетелась на куски. Развороченная мякоть и ошметки кожуры так и брызнули будочнику в лицо. Люди вокруг засмеялись, а капитан кивнул с таким видом, словно заранее знал, чем кончится забава. Дружелюбно помахав собравшимся, он стал выбираться из толпы.

— Вы здорово держались, — сказала Сьюзен, когда они немного отошли. — Так и надо.

— Я мог бы сжечь клубень из своего лучемета, — откликнулся капитан, — но это испортило бы зрителям все удовольствие.

— Вы носите с собой лучемет? — Сьюзен во все глаза уставилась на него. Уотессунское оружие было очень мощным и производило поистине страшные разрушения. С помощью своего лучемета капитан мог бы сжечь не только клубень, но и всю будку, а заодно и половину улицы.

Он тоже посмотрел на нее, и в его глазах не было и тени насмешки.

— Я обязан защищать себя в случае необходимости.

Парад должен был вот-вот начаться, и Сьюзен, почувствовав, что сопровождает в высшей степени опасную личность, предложила:

— Давайте встанем где-нибудь в сторонке, подальше от толпы.

— Сюда, — сказал капитан Гротон, который успел оглядеться и выбрать самое подходящее место для наблюдения — высокое крыльцо старого многоквартирного дома, где можно было встать, имея за спиной надежную кирпичную стену. По ступеням он, однако, поднимался довольно тяжело, словно его колени отказывались сгибаться, и Сьюзен спросила себя, уж не последствия ли это его загадочной болезни.

В этот раз Оканогган-Лип превзошел самое себя. Чуть ли не все участники шествия сочли необходимым выразить свое отношение к предстоящему переселению, не останавливаясь перед довольно откровенными намеками. К примеру, на одной из колесных платформ устроилась местная панк-группа с многозначительным названием «Тук-тук, колесики», исполнявшая композицию под названием «Не хочу переезжать, твою мать!». Школьная команда болельщиц, одетых голштинскими коровами, несла плакат с надписью «Не пойдем в загон!». Виднелись в толпе и другие злободневные лозунги, и Сьюзен не находила ничего удивительного в том, что капитана то и дело вызывали по радио, очевидно, запрашивая обстановку. Он, однако, отвечал своим собеседникам сдержанным, повелительным тоном, от которого у Сьюзен на душе становилось спокойнее.

Ничего страшного так и не случилось, парад прошел мирно. Вмешательства солдат не потребовалось, и благодарить за это следовало, скорее всего, командира оккупационной армии, который стоял рядом с ней. И все же, когда толпа на улице стала редеть, Сьюзен поймала себя на том, что от беспокойства крепко сжимает кулаки. К счастью, никто, кроме нее, даже не догадывался, какому риску подвергали себя жители городка, решившись превратить июльский парад в демонстрацию протеста.

— Что теперь? — спросил капитан Гротон, спросил строго, по-во-

енному, отбросив всякое притворство, и Сьюзен окончательно убедилась, что он пришел на праздник не как ее провожатый, а как разведчик, наблюдатель.

— Ничего, — Сьюзен слегка пожала плечами. — Люди разойдутся кто куда. Некоторые отправятся на школьную игровую площадку, где состоится благотворительный пикник, но большинство вернется домой. Они появятся на улицах только часов в девять — в половине десятого, когда можно будет пускать фейерверки.

Капитан кивнул.

— В таком случае, я могу вернуться на базу.

Несколько мгновений в груди Сьюзен бушевали противоречивые чувства. Наконец она сказала нерешительно:

— Что ж, возвращайтесь, и... спасибо.

Капитан серьезно посмотрел на спутницу.

— Я только выполнял свой долг.

Из программы вечерних новостей Сьюзен узнала, что по сравнению с другими городами парад в Оканогган-Лип прошел просто идеально. В Ред-Блаффе, к примеру, был введен комендантский час, фейерверк отменен, а безлюдные улицы патрулировали танки уотессунцев.

* * *

Когда неделю спустя Сьюзен снова позвонила капитану, на ее звонок ответил лейтенант Агуш.

— Капитан не может говорить с вами, — сказал он равнодушно. — Он умирает.

— Что-что? — переспросила Сьюзен, не веря своим ушам.

— Он подхватил одну из ваших человеческих болезней и находится при смерти, — объяснил лейтенант.

— Вы вызвали ему врача?

— Нет. Это бессмысленно — он все равно умрет.

Меньше чем через полчаса Сьюзен стояла перед штабом уотессунцев со своей медицинской сумкой в руках. Когда до лейтенанта наконец дошло, что перед ним не просто местная жительница, а врач, который пришел, чтобы помочь пациенту, он не стал возражать и провел ее к капитану. Судя по всему, неизбежная смерть прямого начальника не слишком беспокоила завоевателя.

Капитан Гротон полулежал в кресле небольшой, скудно обставленной, но все же довольно уютной гостиной. Еще с порога Сьюзен бросилась в глаза происшедшая с ним перемена. Казалось, уотессунец стал еще выше и тоньше — выше даже, чем большинство людей, —

а черты его лица приобрели еще большее сходство с человеческими. В сумерках он мог даже сойти за обычного мужчину.

Нет, не за обычного, а за в высшей степени несчастного и больного мужчину. Глаза капитана покраснели, подбородок покрывала многодневная щетина (Сьюзен с удивлением отметила, что у Гротона на лице стали расти волосы), а когда он заговорил, его голос прозвучал хрипло и слабо:

— Хорошо, что вы зашли, Сьюзен. Я все собирался поблагодарить вас, прежде чем... — не договорив, он громко чихнул.

Сьюзен, все еще озадаченная его человекоподобным видом, спросила:

— Вы превращаетесь в человека, не так ли?

— Ваши микробы, похоже, абсолютно в этом уверены. — Капитан закашлялся, и она услышала, как в горле уотессунца влажно клокочет мокрота. — Я подцепил совершенно отвратительную земную болезнь...

Сьюзен придвинула стул и уселась подле него.

— На что жалуетесь? — спросила она.

Уотессунец покачал головой. Судя по всему, он считал свою болезнь не самой подходящей темой для беседы.

— Не затрудняйте себя. Я знаю, что умру, и готов к этому.

— Вы меня не поняли, капитан. Я спрашиваю вас как специалист, профессионал.

— У меня такое ощущение, — нехотя ответил Гротон, — что мое тело понемногу растворяется в каких-то гадких жидкостях. Во всяком случае, они выделяются у меня из всех отверстий... Как я уже сказал — отвратительная болезнь.

— Горло болит? Нос заложен? Вы кашляете и чихаете? — быстро перечислила Сьюзен симптомы.

— Да, да...

— Все ясно. Мой дорогой капитан, у вас самый обыкновенный грипп. Вы где-то простыли.

— Простыл? — повторил он удивленно. — Но мне вовсе не холодно. Наоборот, мне жарко...

— У вас, вероятно, температура. — Она пощупала его лоб. — Так и есть! К счастью, я захватила кое-какие лекарства. — Сьюзен достала из сумки коробочку аспирина, противоаллергические и противоотечные таблетки, средство от кашля и флакончик витамина С.

— Вы... вы не обеспокоены? — нерешительно спросил капитан.

— Как вам сказать... У людей грипп проходит примерно за неделю, но как будет развиваться болезнь у вас, я сказать не могу. Ведь вы

никогда раньше не болели гриппом, следовательно, ваша иммунная система не готова к борьбе с вирусом. Вы... вам придется сказать мне правду, капитан. Вы действительно стали похожи на человека не только внешне?

— Я... Сколько уже времени прошло? — задал капитан не совсем понятный вопрос.

— С какого момента? — уточнила Сьюзен.

— С тех пор, как я впервые встретил вас.

Сьюзен быстро подсчитала в уме.

— Примерно полтора месяца. А что?

— Значит, трансформация зашла уже довольно далеко. Еще через три недели я буду совершенно неотличим от любого землянина.

— Вы имеете в виду — внутренне?

— Потребуется хорошо оснащенная лаборатория, чтобы обнаружить различия.

— В таком случае, вас, вероятно, можно лечить как обычного человека. Я, впрочем, постараюсь действовать со всей осторожностью. — Сьюзен огляделась по сторонам в поисках стакана, куда можно было бы налить воды. — А где тут у вас ван... — Вспомнив, где она находится, Сьюзен осеклась на полуслове. — Где я могу набрать воды? — все же спросила она.

— Зачем? — По лицу капитана скользнула легкая гримаса отвращения.

— Вы должны запить эти таблетки.

— Я должен их *запить*?!

— Неужели у вас нет водопровода. Или хотя бы графина с водой?

— Но у нас нет потребности в воде. Совсем.

— О, Господи!.. Я думаю, что кроме гриппа вы страдаете от сильного обезвоживания. Нет, капитан, раз уж вы решили стать человеком, придется вам менять ваши привычки. Сидите здесь и никуда не уходите. Мне нужно сбежать в магазин.

В ближайшей бакалейной лавке Сьюзен купила разных фруктовых соков, питьевую воду в пластиковых бутылках и — после недолгого размышления — рулон туалетной бумаги, хотя ей вовсе не улыбалось объяснять уотессунцу, для чего она нужна и как ею пользоваться. Кроме того, она приобрела полотенце, мыло, жидкость для полоскания рта, пену для бритья, упаковку одноразовых лезвий, ночной горшок и пластмассовый таз для умывания. Хочешь — не хочешь, Гротону придется учиться всем этим пользоваться.

Когда много лет назад Сьюзен работала в больнице, ей часто приходилось иметь дело с пациентами, которые находились на самых разных

стадиях старческого маразма и не могли обслуживать себя, но впервые ей предстояло учить кого-то просто *быть* человеком. После того как капитан запил водой таблетки, она постаралась попроще и доходчивей растолковать ему назначение остальных своих покупок. Сьюзен показала ему, как сморкаться, объяснила, как работают кишечник и мочевой пузырь, подробно остановилась на необходимости использования воды и мыла. Наконец она закончила, однако растерянность капитана, казалось, только возросла.

— У нас очень немногие знают, какие телесные функции вы предпочитаете скрывать, — сказал он. — И я боюсь, что сделал не одну серьезную ошибку.

— Вы солдат, — возразила Сьюзен. — Так что не драматизируйте, а постарайтесь взять себя в руки и примириться с неизбежным.

Несколько мгновений капитан Гротон молча смотрел на нее, удивленный ее властным тоном. Потом выражение его лица изменилось, стало серьезным и сосредоточенным, и Сьюзен поняла, что — словно перед лицом смертельной опасности — он собрал все свое мужество и решимость.

— Вы были правы, когда упрекнули меня в малодушии, — признался он. — Я сам выбрал свой путь и не должен жаловаться.

Вскоре подействовали седативные и антиаллергические средства, капитан начал клевать носом, и Сьюзен убедила его лечь в постель.

— Если вы поспите, то сразу почувствуете себя лучше, — пообещала она. — Принимайте эти таблетки каждые четыре часа и пейте как можно больше воды. Если почувствуете необходимость избавиться от излишков жидкости, воспользуйтесь горшком. Не старайтесь задержать их в себе, это очень вредно! И обязательно позвоните мне утром.

— Вы уже уходите? — обеспокоенно спросил Гротон.

Сьюзен действительно собиралась уйти, но, увидев огорченное лицо своего подопечного, переменила решение. Удивительно, но теперь мысли и чувства капитана легко читались по его лицу. С каждой минутой капитан все более походил на человека.

Женщина снова опустилась на стул.

— Мне показалось, — осторожно заметила она, — ваши, э-э... компатриоты не особенно вам сочувствуют.

Несколько мгновений капитан Гротон молчал, рассеянно глядя в потолок. Наконец он сказал:

— Им... стыдно.

— Чего же они стыдятся? Вас?

— Не меня, а того, во что я превращаюсь.

— Но ведь вы превращаетесь в человека! Не понимаю, как можно быть таким... нетерпимым!

— Можно, Сьюзен. Вы, наверное, и сами знаете, что в армии зачастую служат не самые передовые члены общества.

Должно быть, подумала медсестра, лекарства развязали ему язык. А может, отпустила мысль о неизбежной смерти. Как бы там ни было, Сьюзен оказалась в весьма деликатном положении — сейчас она была как бы доверенным лицом командира подразделения оккупационной армии. Врачебная этика запрещала ей пользоваться состоянием больного для добывания военных или политических секретов — на этот счет у Сьюзен не было ни малейших сомнений, но как быть с информацией общего характера, со сведениями личного плана?.. Внезапно она приняла решение. Она не станет допытываться ни о чем, что может повредить ему лично. Что до остального, то...

— Я не предполагала, — сказала она осторожно, — что вы, уютесунцы, обладаете способностью... превращаться, трансформироваться, принимать облик других живых существ.

— Это возможно только при взаимодействии с биологически близкими видами, — ответил капитан сонным голосом. — Мы не знали, насколько вы близки к нам... По-видимому, сходство между вами и нами даже больше, чем мы считали.

— Но как вы это делаете?

Капитан долго молчал, словно собираясь с мыслями, потом слегка качнул головой.

— Когда-нибудь я вам расскажу... Сейчас же замечу только одно: эта способность очень пригодилась нам при освоении других планет... планет, которые похожи на нашу еще меньше, чем Земля.

— И поэтому вы меняетесь? Чтобы лучше адаптироваться к нашим условиям?

— Нет. Просто я подумал, что так смогу лучше выполнить приказ.

Некоторое время Сьюзен ждала продолжения. Потом спросила:

— Какой приказ?

— Провести эвакуацию местных жителей в назначенные сроки и без каких-либо осложнений. Я считал, что если буду выглядеть как человек, местное население скорее пойдет на сотрудничество. Мне хотелось, чтобы вы считали меня «своим парнем». К сожалению, я не подумал о трудностях, с которыми сопряжен подобный шаг, и вот — поплатился.

— Честно говоря, вы вряд ли сумели бы нас провести, — откровенно сказала Сьюзен. — Я не понимаю одного: почему, когда вы передумали, то не превратились обратно в... в себя?

— Это выше моих сил. Вы просто не знаете... Мимикрия или, лучше сказать, инстинкт уподобления, является частью нашей репродуктивной биологии. Нет, мы не можем «передумать».

Упоминание о репродуктивной биологии заставило Сьюзен вспомнить еще об одной важной вещи:

— Скажите, почему здесь, на Земле, совсем нет уотессунских женщин?

Этот простой вопрос вызвал у капитана неожиданно сильную реакцию. Его лицо, так похожее на человеческое, помрачнело, а голос сделался напряженным и тихим.

— Наши женщины почти всегда умирают во время родов. Мало кому удастся выжить, но даже если это случается, такая женщина, как правило, больше не может иметь детей. К счастью, у нас очень распространено многочадие, в противном случае нам было бы тяжело поддерживать численность нашего населения на достаточном уровне. Мы знаем, что ваши женщины рожают сравнительно часто и легко... и завидуем вам.

— Ну, не так уж легко, — заметила Сьюзен. — Еще недавно и у нас немало женщин умирало от различных осложнений и инфекций. Подобное положение, естественно, не могло нас устроить, и мы начали бороться. Мы улучшали медицину, пока нам не удалось добиться значительного прогресса. Теперь смерть во время родов стала большой редкостью.

— У нас, к сожалению, не так, — сказал Гротон совсем тихо, и Сьюзен вдруг поняла...

— Ваша жена... она тоже умерла?

— Да.

Она всмотрелась в лицо инопланетянина.

— Вы, наверное, сильно ее любили.

— Да. Слишком сильно.

— Вы не должны винить себя в ее смерти.

— А кого я должен винить?

— Ваших врачей. Исследователей, которые не сумели найти способ сохранять жизни роженицам. Все ваше общество, которое не уделяет этой проблеме должного внимания...

Капитан Гротон невесело усмехнулся.

— Это было бы слишком... по-человечески.

— По крайней мере *мы* сумели решить эту проблему.

Он раздумывал над ее словами так долго, что Сьюзен решила — зашнур. Но когда она приподнялась со стула, капитан вдруг произнес, не открывая глаз:

— Я думаю, в жизни лучше быть сторонним наблюдателем, которого ничто не задевает и который в равной степени далек от зла и от добра. В особенности от добра, потому что оно очень быстро кончается.

— Не всегда, — мягко возразила Сьюзен.

Гротон открыл глаза и посмотрел на нее затуманенным взглядом.

— Всегда, — повторил он.

Больше капитан не мог сопротивляться сну.

Тем же вечером, когда мальчики ушли спать в свои комнаты, Сьюзен и Том сели в кухне, чтобы выпить немного вина и обсудить последние события. Сьюзен начала с того, что рассказала мужу о болезни капитана. Кое-какие медицинские подробности заставили Тома поморщиться, но в целом он отнесся к ее рассказу достаточно сочувственно.

— Вот бедняга!.. — воскликнул он. — То, что происходит с ним сейчас, похоже на подростковый переходный период, спрессованный в жалкие девять недель.

— Я думаю, ты мог бы помочь ему, Том! — сказала Сьюзен. — Есть вещи, которые ты, как мужчина, мог бы объяснить капитану гораздо лучше, чем я.

— О нет! — Том покачал головой. — Ни в коем случае... Я не могу.

— Но почему? — удивилась Сьюзен. — Или ты хочешь, чтобы я рассказывала ему об особенностях мужской анатомии и физиологии?

— Лучше ты, чем я, — сказал Том.

— Трус! — выпалила Сьюзен.

— Ты чертовски права, — огрызнулся Том. — Пойми, Сьюзен, мужчины обычно не говорят о таких вещах, это... это просто не принято. Сама подумай, как я буду излагать ему эти вещи? А главное — зачем?! Гротон сам виноват, что у него началась эта... трансформация. Ведь он же признался тебе: это была военная хитрость. Он хотел втереться к нам в доверие, хотел манипулировать нами, чтобы мы сами помогли уотессунцам загнать себя в резервацию. А если быть до конца откровенным, то я не понимаю, почему ты ведешь себя так, словно несешь за него персональную ответственность...

В его словах была доля истины, и Сьюзен надолго задумалась. В самом деле, почему она относится к капитану как к пациенту-человеку, а не как к врагу, завоевателю и оккупанту? Не может ли оказаться так, что он сознательно сыграл на чувствах аборигенки с целью обрести в ее лице союзника или даже шпиона?

Ну что ж, решила она, тряхнув головой, поглядим еще, чья возьмет!

* * *

До конца лета оставалось еще больше месяца, но никто в городе не думал ни о купании, ни о рыбалке, ни о бейсболе. Жители Оканогган-Лип разбирали имущество и паковали вещи, готовясь к переезду. Сьюзен не была исключением. Бена и Ника она отправила на чердак и в подвал, поручив разобрать и уложить в коробки сваленные там старые вещи. Это, однако, было сравнительно легко; самая тяжелая работа, как и следовало ожидать, свалилась на ее плечи: Сьюзен предстояло решать, что взять с собой на новое место, а что оставить. Она знала: будет трудно, но не подозревала, что начнет испытывать почти физическую боль, перебирая дорогие сердцу вещи. Все это были воспоминания. Старые, облупленные игрушки, рождественские открытки, садовые светильники, сломанные плетеные кресла — все эти предметы, которые она сама, бывало, в порыве раздражения называла хламом, приобрели сейчас новое значение и наполнились смыслом. Из этих никчемных предметов складывалась картина ее жизни — так отдельные точки раstra на газетной фотографии создают цельное изображение. И теперь Сьюзен предстояло отделить, нет — с корнем вырвать себя из той почвы, которая с самого детства растила и питала ее.

В жизни города тоже произошло немало навевающих грусть событий. Подъемный кран выдернул из земли и погрузил на платформу памятник героям Гражданской войны, много лет простоявший в парке перед мэрией. В церкви отслужили последний молебен, и рабочие бережно вынимали из рам цветные стеклянные витражи. Перенесли на новое место кладбище, но после того, как мертвые покинули обреченный город, его улицы как будто заполнились призраками.

Между тем обстановка оставалась напряженной. В Ред-Блаффе неизвестный снайпер подстрелил одного за другим трех уотессунских солдат, и оккупационные власти проводили повальные обыски, изымая у населения оружие. В Уокере чуть ли не каждый день проходили демонстрации и митинги; их показывали в программах новостей, и на экранах телевизоров мелькали гневные, иногда заплаканные лица жителей.

В Оканогган-Лип продолжались переговоры между местными властями и оккупантами. И кое-какого успеха людям достичь удалось. Уотессунцы согласились оплатить разборку и восстановление на новом месте трех самых значительных исторических зданий города, а также отстроить в прежнем виде школьный квартал. Кроме того, капитан Гротон продлил срок эвакуации еще на две недели, чтобы фермеры успели убрать урожай, и капитаны, руководившие эвакуацией

в Ред-Блаффе и Уокере, были вынуждены, скрепя сердце, последовать его примеру.

Надо сказать, что капитана Гротона теперь часто можно было встретить в городе. Он больше не пользовался своим лимузином с тонированными стеклами; вместо этого он взял напрокат джип и целыми днями разъезжал в нем по Оканогган-Лип и окрестностям, контролируя работу подрядчиков или встречаясь с представителями местного населения. Частенько он заезжал в кафе Эрла, чтобы пообедать и поболтать с официантками. В его внешности не осталось почти ничего уютесунского, за исключением разве что неловкости некоторых движений. Всего за пару недель, прошедших с окончания его болезни, капитан Гротон превратился в высокого, подтянутого, привлекательного мужчину чуть старше среднего возраста, с гривой густых, тронутых сединой волос. Его манеры были так же безупречны, как и его платье. На различных собраниях, где ему по долгу службы приходилось бывать, Гротон держался чинно, с достоинством, но порой чувство юмора брало верх над выдержкой. Уловив комизм той или иной ситуации, капитан раздражался необидным, звучным смехом, однако за всей его внешней мягкостью и рассудительностью по-прежнему чувствовался несгибаемый, властный характер.

Дело дошло до того, что женщины Оканогган-Лип начали проявлять благосклонность к пришельцу. Время от времени то одна, то другая обращалась к нему с каким-нибудь вопросом, пытаясь вовлечь в разговор. Они делали ему комплименты, шутили, неловко заигрывали, но капитан хотя и слушал вежливо и внимательно, ни разу не сказал ничего определенного. Понемногу люди начали судачить о том, что иноземный капитан слишком уж часто захаживает к Эбернати поужинать — вне зависимости от того, дома Том или нет. Не остались незамеченными совместный поход Сьюзен и Гротона в парикмахерскую и их поездка в большой универсальный магазин в Ла-Кросс. Добродушное спокойствие и незлой юмор Сьюзен, которые она неизменно проявляла, отвечая на самые каверзные вопросы, раздражали городских женщин сверх всякой меры; теперь, где бы ни появилась супруга мэра, за ней пристально наблюдало множество глаз.

— Я уверена, что наша Сьюзен уже целовалась с этой инопланетной лягушкой, — заявила Джувел Хоган из салона красоты. — Иначе как бы он превратился в прекрасного принца?

Это высказывание было подхвачено местными кумушками и очень скоро стало крылатым.

Сьюзен, со своей стороны, ничего не замечала или почти не замечала. Неожиданно для себя она обнаружила еще одну причину, заста-

вившую ее еще больше полюбить жизнь в Оканогган-Лип. В эти последние деньки, за считанные недели до эвакуации, Сьюзен вела сложную, но захватывающую игру, которая внесла новую струю в ее не слишком богатую событиями жизнь. Она была абсолютно уверена, что ее патриотический долг как раз и заключается в том, чтобы, проснувшись еще до рассвета, подолгу лежать в кровати, измышляя новые и новые способы крепче привязать к себе дьявольски привлекательного, интересного мужчину, который не только успел полюбить ее общество, но и привык полагаться на нее во многих важных вопросах, носивших зачастую глубоко личный, почти интимный характер. Иными словами, в последний месяц в Оканогган-Лип жизнь Сьюзен неожиданно наполнилась смыслом, став такой, о какой она всегда мечтала.

Том тем временем выбивался из сил. Ему приходилось не только исполнять обязанности мэра города, но и думать о том, как без потерь перевести свое предприятие из города на новое место. Нередко отсутствовал он и по вечерам, когда капитан Гротон приезжал ужинать, а это давало новую пищу ползущим по городу слухам. Со временем они дошли и до Сьюзен. Ник, отчаянно краснея, признался, что другие мальчишки всячески изводят его намеками на неподобающее поведение матери. Сьюзен внимательно выслушала сына, но про себя решила, что чужая ограниченность и глупость не должны помешать ей довести дело до конца.

— Потерпи немного, — сказала она Нику. — Я веду себя так, потому что... потому что так надо. Вот увидишь, пройдет немного времени, и они увидят, что я была права.

И все-таки этот инцидент заставил ее задуматься, как сделать, чтобы избранная ею тактика скорее принесла плоды.

К этому времени капитан Гротон вполне освоился и с традиционными для Среднего Запада угощениями — тушеными бобами, фруктовым желе, сахарным горошком, — и с общественными мероприятиями, на которых эти блюда подавались, поэтому Сьюзен решила познакомить его с более утонченной кухней. Довольно скоро выяснилось, что в еде капитан отличается куда меньшим консерватизмом, чем ее собственный муж, к тому же уотессунец неизменно хвалил ее кулинарные эксперименты.

Однажды вечером, когда Том в очередной раз где-то задерживался, Сьюзен снова пригласила капитана зайти. Детям она заказала пищу, а для Гротона приготовила креветки с диким рисом, кинзой, артишоками и сметаной. Все это она sprysнула лимонным соком и добавила немного жгучего перца. Ужинать сели в столовой. Сьюзен открыла

вино, капитан тоже привез бутылку, поэтому в этот вечер оба выпили больше обычного.

За ужином капитан рассказывал, как один из местных жителей — любитель-историк, заведовавший городской свалкой — пытался заставить уотессунцев отказаться от своих планов под предлогом того, что под городом якобы находятся бесценные археологические памятники минувших эпох и, возможно, даже зарыты древние сокровища. В подтверждение своих слов бедняга предъявил обрывок старинной карты на французском языке и фотографию какого-то металлического предмета с выгравированным на нем загадочным значком.

Сьюзен, у которой от вина немного кружилась голова, захихикала.

— Но вы, конечно, не клюнули на эту липу, капитан? — спросила она.

Гротон вопросительно посмотрел на нее.

— Там не было никаких лип, — сказал он серьезно.

По-английски Гротон говорил превосходно, и случаи, когда он чего-то не понимал, можно было пересчитать по пальцам.

— Это такое выражение, капитан. Идиома... «Липа» означает, что кто-то хочет вас обмануть, подсовывает вам фальшивку.

— И все это называется «липа»? — с сомнением уточнил Гротон.

— Да.

— А «влипнуть»? Это однокоренное слово? — спросил капитан.

Сьюзен на мгновение задумалась.

— Пожалуй, да. Только значение немного другое. «Влипнуть во что-то» означает попасть в неприятное положение. А еще про человека говорят «влип», когда он в кого-то влюбляется.

Несколько мгновений капитан молча обдумывал услышанное.

— Значит, одно и то же выражение используется, когда человек попадает в трудное положение и влюбляется?

— Примерно так, — кивнула Сьюзен, которой ничего подобного никогда не приходило в голову. — Возможно, все дело в том, что когда человек влюбляется, он живет иллюзиями и таким образом сам себя обманывает. Кроме того, положение влюбленного простым не назовешь.

Она перехватила взгляд капитана и поразилась тому, насколько он серьезен. Можно было подумать, что тема, которую она невзначай затронула, очень его взволновала. Сейчас их глаза встретились лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы Сьюзен невольно вздрогнула. К счастью, Гротон быстро отвел взгляд.

— А что вы подразумеваете, когда говорите «Оканогган-Лип»? — спросил он. — Любовь или неприятное положение?

— Пожалуй, и то, и другое.

— Но если бы вы подразумевали «обман», «фальшивку», вы бы мне не сказали? — Гротон слегка улыбнулся.

— Я не обманываю вас, капитан, — негромко ответила Сьюзен. И, к своему собственному удивлению, она вдруг почувствовала, что говорит чистейшую правду.

Некоторое время оба молчали, потом Сьюзен бросила салфетку на скатерть и поднялась из-за стола.

— Пойдемте во двор, капитан.

Не говоря ни слова, он вышел за ней в теплую и влажную августовскую ночь. Благоухали магнолии. Ни один ветерок не оживлял своим дыханием неподвижную листву, и только на наружной стене дома вздыхали кондиционеры. Звенели в кронах деревьев невидимые цикады. Все так же молча они прошли по едва различимой в темноте тропинке и остановились под деревьями, где трава была гуще и выше. Сьюзен услышала, как капитан глубоко вдохнул пряный ночной воздух.

— Когда я размышлял о том, каково это — быть человеком, я даже не подозревал, насколько чувствительна ваша кожа, — глухо проговорил он.

— Значит, вам нравится быть человеком?

— В этом есть свои преимущества, — ответил он, пристально глядя на нее.

Здравый смысл подсказывал Сьюзен, что сейчас самым разумным было бы сменить тему. Неплохо, например, расспросить капитана о том, что волновало всех жителей Оканогган-Лип, однако она почему-то не хотела об этом думать. Другие чувства и сомнения одолевали ее. Должно быть, Сьюзен все же выпила чуть больше положенного, иначе она ни за что не произнесла бы вслух того, что вертелось у нее на языке.

— Ну почему, черт побери, такой интересный мужчина обязательно должен быть инопланетянином? Это несправедливо! — экспансивно воскликнула она.

Любой *не* инопланетный мужчина воспринял бы эти слова как недвусмысленное приглашение, но капитан лишь бережно взял ее за руки.

— Сьюзен, — сказал он негромко, — я должен кое-что вам объяснить, иначе получится, что я подсовываю вам «липу». — Он перевел дух, явно стараясь успокоиться, и Сьюзен, глядя на него, в очередной раз поразила его самообладанию. — То, что я принял человеческий облик, отнюдь не случайность, — продолжил капитан. — Но это и не

мое сознательное решение. Когда на моей планете женщина выбирает мужчину, он становится именно таким, каким она хотела бы его видеть. Для этого и предназначен выработанный эволюцией механизм биотрансформации. Без него мы бы давным-давно вымерли. — Он печально улыбнулся. — Должно быть, природа поняла, что мужчины никогда не станут такими, какими хотят их видеть женщины, если женщины не позаботятся об этом сами.

Сьюзен никак не могла понять, о чем он толкует. Казалось бы, все слова были просты и понятны, но смысл их по-прежнему ускользал от нее.

— То есть ваши женщины как бы сами создают себе мужей? — переспросила она. — Но кто создал вас?

— Вы, — коротко ответил он.

— Вы хотите сказать...

— Это произошло в тот день, когда мы с вами впервые встретились, когда вы пожали мне руку. Теперь вам, наверное, ясно, почему мы избегаем физических контактов с людьми... Одного прикосновения существа противоположного пола достаточно, чтобы запустить этот механизм. Потом в дело вступает физиология... Все дальнейшие физические контакты служили лишь средством биохимической коррекции процесса.

О Господи, в панике подумала Сьюзен. Значит, это из-за нее он пережил сложную межвидовую трансформацию, которая, несомненно, сопровождалась сильнейшим психологическим и культурным шоком.

— Вы должны меня ненавидеть... — тихо проговорила она, опуская глаза.

— С чего вы взяли? Почему я должен вас ненавидеть? — его голос звучал совершенно искренне, но Сьюзен только печально вздохнула. Идеальный мужчина, которого она создала, конечно же, не может ее ненавидеть. Иначе пережитая им трансформация утратит всякий смысл. Интересно, как ей теперь быть? Что делать?

На мгновение Сьюзен ощутила себя пташкой, которая случайно залетела в комнату и теперь бьется об оконное стекло, не в силах вырваться на волю.

— Значит, вы превратились в мой идеал?

— По-видимому, да.

Сьюзен снова вздохнула.

— А я-то считала, что мой идеал — Том...

— Том уже принадлежит вам, — ответил капитан Гротон. — И другой мужчина вам ни к чему.

Сьюзен долго разглядывала лицо, которое — словно слепок с ее подсознания — было создано специально для нее. Это не было безупречное, кукольное лицо кинозвезды, но лицо мужчины, иссеченное морщинами опыта и былых печалей.

— Но вы сами, ваша... личность, характер?.. — спросила она растерянно. — Их тоже создала я?

Капитан покачал головой.

— Что мое, то мое.

— Но ведь это главное! — воскликнула Сьюзен. — И это лучшее, что в вас есть!

В густых сумерках она не различала его черт, но по голосу поняла — капитан глубоко тронут.

— Спасибо, Сьюзен, — проговорил он.

Они вели себя в точности как подростки. Как самые обыкновенные подростки, захваченные врасплох бурным выбросом гормонов — этим физиологическим императивом, ответственным за продолжение человеческого рода. Осознав это, Сьюзен испытала шок. Она не собиралась изменять Тому — ни сейчас, ни потом. И вообще никогда... У нее и мысли такой не возникало. Но подсознание, как видно, сыграло с ней злую шутку; во всяком случае, сейчас Сьюзен чувствовала себя так, словно самое страшное уже произошло. Что она согрешила с другим мужчиной. И доказательство ее неверности было перед ней. Сьюзен выдумала себе любовника, не подозревая, что ее фантазии могут облечься в плоть и кровь, но это свершилось. И капитан Гротон стал ей живым укором.

Вспомнив, что она все-таки взрослая, Сьюзен попыталась что-то предпринять.

— О Господи, как же нам теперь быть? — пробормотала она. — Ситуация довольно щекотливая...

— Понятия не имею, — откликнулся он. — Быть может, мы могли бы...

Как раз в этот момент над дверью кухни вспыхнул свет, и они поспешно отпрянули друг от друга, словно влюбленная парочка, застигнутая врасплох. На крыльце стоял Том. Держась за перила лестницы, он сверлил глазами темноту, высматривая во дворе свою жену и ее гостя.

— А вот и ты, Том! Ты уже вернулся?! — воскликнула Сьюзен так беззаботно, как только смогла. — Ты ужинал?..

Она быстро зашагала к дому, капитан последовал за ней.

— Да, — откликнулся Том. — Я заехал в «Бургер-Кинг» в Уокере.

— Ах ты бедняжка!.. Ну, идем, я как раз собиралась варить кофе.

— К сожалению, мне необходимо возвращаться на базу, — подал голос капитан Гротон.

— Вы не останетесь на кофе? — повернулась к нему Сьюзен.

— Нет, к сожалению. Я и не подозревал, что уже так поздно... — Он криво усмехнулся и добавил: — Теперь я понимаю, почему люди постоянно опаздывают.

Оставив Тома в кухне следить за электрической кофеваркой, Сьюзен проводила капитана к парадному выходу. На ступеньках веранды капитан ненадолго остановился.

— Спасибо, Сьюзен, — сказал он негромко, и по его голосу она поняла: уотессунец благодарит ее не только за приятный вечер.

— Вашим женщинам очень повезло, капитан, — проговорила она мягко.

— Нет, — серьезно ответил он. — Не думаю.

— Быть может, они живут не слишком долго, зато они счастливы.

— Надеюсь, вы правы...

Он сбежал по ступенькам и удалился торопливым шагом, словно стараясь убежать от следовавших по пятам воспоминаний.

Когда Сьюзен вернулась в кухню, Том спросил с тщательной разграниченной небрежностью:

— Ну как, удалось тебе добиться каких-нибудь успехов?

— Почти никаких, — ответила Сьюзен. — Долг для него превыше всего...

Пряча глаза, она принялась разливать кофе. Передавая чашку мужу, она впервые за много лет заметила в его глазах легкий огонек неуверенности. Поставив кофе на стол, Сьюзен обняла Тома за шею.

— О, Том! — воскликнула она. — Я так тебя люблю!..

Он ничего не ответил, но, в свою очередь, крепко прижал ее к груди.

Уже ночью, лежа в постели и прислушиваясь к знакомому храпу Тома, Сьюзен снова поймала себя на том, что перебирает в уме вопросы, на которые так и не смогла найти ответов. В ее жизни воцарилась пустота, которой она никогда прежде не замечала. А теперь Сьюзен чувствовала боль, на которую уже не могла не обращать внимания. Компромиссы... Она приучила себя к ним, приучила к жизни, которая хотя и не была в точности такой, как ей хотелось, но все же казалась достаточно... приемлемой. А теперь эта жизнь вдруг перестала быть приемлемой. Сьюзен мечтала о большем, но она знала, что не сможет получить это большее, не причинив боль Тому. Кроме того, она льстила себя надеждой, что не стала любить мужа меньше, узнав, что

он не является для нее идеальной парой. Господи, да кто же сомневался, что Том далек от совершенства?! В конце концов, он был всего-навсего человеком...

Слегка приподнявшись на подушке, Сьюзен оглядела накрытый одеялами холмик рядом с собой. Том был ей хорошим мужем; все эти семнадцать лет он безоговорочно доверял ей и был верен сам, и теперь Сьюзен подумала, что не имеет права оказаться неблагодарной. Она должна забыть о своих желаниях, забыть о единственной в своем роде возможности и примириться с тем, что у нее есть. Это ее долг, и, в конце концов, это не так уж мало.

* * *

День, на который была назначена эвакуация, уотессунцы рассчитали и распланировали буквально по минутам, как, впрочем, они рассчитывали все, за что брались. Колонны грузовых фургонов, арендованных по всему штату, должны были достичь базы уотессунцев в окрестностях Оканоган-Лип в половине седьмого утра. Ровно в восемь им предписывалось въехать в город и сосредоточиться в заранее определенных местах. Подробное расписание, определявшее точное время и очередность переезда каждой семьи, было опубликовано в газетах, вывешено в магазинах и доставлено по почте в каждую квартиру, в каждый частный дом. В интернете открылся специальный сайт, где можно было что-то уточнить, задать вопрос.

Оппозиция тоже старалась действовать организованно. По городу распространился слух, что в день переезда, ровно в семь утра, все, кто не хочет переезжать, должны собраться в парке напротив мэрии. Лидеры оппозиции собирались провести своих сторонников по Главной улице и заблокировать шоссе в самом узком месте между рекой и обрывом, чтобы не пропустить мебельные фургоны в город.

Когда без пятнадцати семь Сьюзен и Том свернули на служебную стоянку позади мэрии, было уже ясно, что спланированный оппозицией марш протеста привлек множество народа. Местная полиция выбивалась из сил, регулируя движение и выписывая штрафы за неправильную парковку, однако этим ее вмешательство и ограничивалось. Толпы горожан, несших с собой самодельные плакаты, термосы с горячим кофе и легкие складные стульчики, продолжали стекаться к парку. Какие-то люди, которых Сьюзен видела впервые в жизни, пытались наладить портативный громкоговоритель.

У самого входа в мэрию Тома и Сьюзен остановил начальник городской полиции Уолт Нодвей. Он подтвердил то, о чем Сьюзен уже догадывалась.

— К нам в город прибыли активисты сопротивления, — сказал он. — Думаю, это парни из Мэдисона.

— У тебя достаточно людей? — озабоченно спросил Том.

— Хватит, куда все будет тихо и мирно.

— Ты предупредил их, чтобы они не вмешивались?

— Конечно, — еще раз повторил начальник полиции то, что городской совет долго обсуждал накануне.

Потом к Тому подскочила какая-то незнакомая журналистка.

— Пара вопросов для нашей газеты, мэр Эбернати, — затараторила она. — Верно ли, что вы приехали сюда для того, чтобы поддержать протест жителей города?

— Люди имеют право выражать свое мнение, — ответил Том. — И я готов бороться за это их право вне зависимости от того, согласен я с ними или нет.

— Но согласны ли вы с теми, кто протестует против насильственного переселения?

Сьюзен специально предупреждала Тома, чтобы он ни в коем случае не отказывался от комментариев, но сейчас почувствовала, что ему очень хочется это сделать.

— Видите ли, — задумчиво проговорил Том, — большинству наших граждан нелегко покидать город, где они прожили всю жизнь. Многие из них хотели бы защитить свои дома любой ценой, и я не могу сказать, что осуждаю их...

Он с честью вышел из сложного положения, и Сьюзен незаметно пожала его руку в знак одобрения. Пока Том говорил, подъехали и другие члены городского совета. Собравшись на ступенях перед входом в мэрию, они вполголоса переговаривались, косясь на собравшуюся в парке толпу. Как можно было предположить, митинг начался не в семь, а позднее: часы показывали почти половину восьмого, когда в толпе закашляли, захрипели громкоговорители и кто-то начал выкрикивать популярный в городе лозунг «Не поедем никуда, никуда — уотессунцы, убирайтесь навсегда!», который тотчас подхватили десятки голосов. В толпе засновали активисты, и люди уже начали строиться в колонну, чтобы идти к шоссе, когда с противоположной стороны, минуя полицейские ограждения, к мэрии подкатил хорошо знакомый всем темный внедорожник. Следовавший за ним фургон с затемненными стеклами затормозил на краю парка.

Из джипа вышли капитан Гротон и три уотессунских солдата, выглядевшие по сравнению со своим высоким, худым командиром особенно неуклюжими и громоздкими. Все четверо были одеты в защитную форму светло-песочного оттенка. Окинув беглым взглядом тол-

пу, которая только сейчас заметила появление оккупантов, капитан повернулся и легко поднялся по ступенькам. Остановившись перед Томом, он произнес негромко, но властно:

— Мне нужно переговорить с вами, мэр Эбернати. Пройдемте внутрь, пожалуйста. И вы тоже, — добавил он, обращаясь к членам городского совета. С этими словами капитан Гротон первым двинулся к двери.

Лишь несколькими свидетелям этого разговора удалось проскользнуть в вестибюль здания, прежде чем уотессунские солдаты перекрыли вход. Среди этих немногих была и Сьюзен. В зале заседаний она затаилась в уголке вместе с остальными. Пожалуй, никто из присутствующих еще не видел капитана по-настоящему сердитым, и сейчас многие испытывали невольный трепет. Он, правда, вполне владел собой, но многие заметили, что это стоит ему огромных усилий. Во всем облике инопланетянина читалось сильнейшее напряжение; казалось, еще немного, и он зазвенит, как туго натянутая струна.

— Ответственность за поведение людей, собравшихся сейчас снаружи, целиком лежит на вас, господа, — начал он негромко, но в его голосе прозвучали металлические нотки. — Как представитель оккупационных властей я требую, чтобы жители города немедленно разошлись по домам и не пытались помешать осуществлению запланированной на сегодня операции. — Гротон повернулся к Тому. — Я бы предпочел, чтобы приказ исходил от вас, господин мэр.

— Я не могу приказать людям разойтись, — возразил Том. — Во-первых, я сам не согласен с подобным приказом. Во-вторых, они меня просто не послушают. Поймите, капитан, я им не командир, я — мэр. Эти люди выбрали меня, и они же могут сместить меня с этого поста... И для этого им вовсе не обязательно дожидаться новых выборов.

— Но у вас в подчинении полиция!

— Да, Уолт и трое его сотрудников действительно подчиняются мне, но что они могут предпринять против всего города? Там, в парке, собралось по меньшей мере четыре сотни человек...

— Послушайте, что я вам скажу... — Капитан прищурился. — В моем распоряжении есть реальная сила — двести хорошо вооруженных солдат, которые выполняют любой мой приказ, не задумываясь. Десять минут назад они окружили парк. Стоит мне сказать слово, и солдаты начнут массовые аресты. Можете мне поверить: для бунтовщиков — сколько бы их ни оказалось — у нас найдется подходящее место. Так что решение за вами, господин мэр.

Ни Том, ни другие члены городского совета не ожидали от Гротона подобного ультиматума. Не мудрено, что они растерялись.

— Но там, в парке, не только бунтовщики, как вы их называете... Там женщины, старики, дети, — проговорил Том. — Нельзя допустить, чтобы ваши солдаты начали избивать всех подряд. В конце концов, эти люди ничего не делают, только высказывают свое мнение.

— У них было три с половиной месяца, чтобы высказать свое мнение. Теперь поздно.

— Высказать свое мнение никогда не поздно, — возразил Том.

На мгновение их взгляды скрестились, словно мечи. Казалось даже, что от стены к стене прокатился негромкий звон — звон клинков. Потом Гротон сказал чуть более спокойно:

— Ничего не понимаю!.. Ведь вы с самого начала знали, зачем мы сюда прибыли и что вас ждет. Я не лгал вам, не пытался ввести в заблуждение, я говорил только чистую правду. Я старался, изо всех сил старался максимально облегчить вам переезд, я шел на такие компромиссы и уступки, которые заставили мое начальство усомниться в моей профессиональной компетенции, но вы продолжаете сопротивляться, продолжаете протестовать. Где же логика? Где элементарная благодарность?!

— Дело не в вас, капитан, — проговорил Том примирительно. — Лично к вам у нас нет никаких претензий. Пожалуй, можно даже сказать, мы вам благодарны. Дело в другом... В справедливости!

— Справедливость!.. — Капитан Гротон беспомощно пожал плечами. — Что такое справедливость? Мираж. Фантазия. То, чего никогда не было и не будет. Скажите, считаете ли вы несправедливым землетрясение? Стали бы вы устраивать марш протеста, если бы на вас двигался ураган?

— Ураганы, землетрясения и прочие стихийные бедствия не несут ответственности за те беды и страдания, которые они способны причинить. Ведь у них нет души и нет совести.

— Что ж, если вам так проще, можете считать и нас бессовестными и бездушными.

Том пристально посмотрел на уотессунца.

— Я знаю, что это не так, — твердо сказал он.

Капитан ответил не сразу. Казалось, он даже немного растерялся, но вскоре его лицо снова стало решительным и твердым.

— Значит, я все-таки невольно ввел вас в заблуждение, — медленно проговорил он. — Так вот, мистер мэ, мы столь же бездушны и безжалостны, как любое из ваших стихийных бедствий. Мы нейтральны. Неотвратимы. И ничье желание — мое, ваше или людей, которые собрались сейчас в парке — ничего не изменит.

Он снова замолчал. В наступившей тишине стало слышно, как

толпа, подступившая к самому входу в мэрию, скандирует: «Мы вместе, и нас не одолеть!» На протяжении нескольких невероятно долгих секунд в зале заседаний был слышен только этот звук, потом капитан Гротон негромко сказал:

— И все-таки, Том, я прошу вас исполнить свой долг. Вы должны убедить этих людей как можно скорее разойтись по домам. Это в их же интересах... Я могу предоставить вам на это десять минут, потом буду вынужден отдать приказ. Мне очень жаль, но это мой долг.

Том бросил на него тяжелый взгляд. Он злился на капитана за его «предательство» и был в ярости от того, что уотессунец вынуждает его стать коллаборационистом, пособником завоевателей. Но Гротон не отвел глаз и ответил ему прямым, твердым взглядом. Несколько мгновений Том выдерживал этот взгляд, потом его глаза непроизвольно метнулись в сторону Сьюзен. Это заняло какие-то доли секунды, но буквально все, кто находился в зале, сразу поняли: дело не только в принципе, здесь кроется нечто большее.

Потом Том выпрямился во весь рост и развернул плечи. В иных обстоятельствах он непременно посоветовался бы с другими членами городского управления, но сейчас он просто повернулся и зашагал к выходу. У двери к нему присоединилась Сьюзен; небольшая группа зевак молча расступилась, и они вместе вышли на крыльцо. Никто — даже сама Сьюзен — понятия не имел, что предпримет или скажет Том.

Увидев мэра, уотессунские солдаты, сдерживавшие толпу, отеснили людей еще дальше от подножия лестницы. Том остался стоять на верхней ступеньке. Вот он поднял руку, и толпа внизу затихла, как по команде.

— Сограждане! — начал Том, но его голос был слышен разве что в передних рядах собравшихся. Тогда он сделал знак какой-то женщине, которая держала в руках мегафон. Женщина быстро взбежала по ступенькам и протянула ему аппарат.

— Слушайте меня, сограждане, друзья!.. — повторил Том, и толпа совершенно затихла — таким мрачным было выражение его лица и таким серьезным голос. — Парк окружен уотессунскими солдатами. Через десять минут они начнут арестовывать нас...

По толпе пронесся гул возмущения и тревоги.

— Они блефуют! — выкрикнул кто-то.

— Нет, к сожалению, — покачал головой Том. — Я довольно хорошо знаю их капитана и могу сказать: он не шутил, когда сообщил мне это. А теперь вот что: если кто-то хочет, чтобы его арестовали, избили и посадили в уотессунскую тюрьму — валяйте! Всех остальных я прошу разойтись. Забирайте детей и отправляйтесь по домам. Я не хочу,

чтобы кто-нибудь из вас пострадал. Уотессунцы, как вы знаете, с нами не церемонятся.

По краям толпы произошло движение, кое-кто уже покидал парк, но большинство жителей Оканогган-Лип все еще стояло перед крыльцом, разочарованно глядя на своего мэра. Несомненно, они ожидали от него чего-то другого. И Том, похоже, это почувствовал.

— Мы сделали все, что было в наших силах, — проговорил он в мегафон. — Мы убедили уотессунцев пойти на уступки, на которые, как мне казалось, они не пойдут никогда и ни за что. Мы вынудили их сделать многое, что пошло нам на пользу, но мы исчерпали все свои возможности. Они уже не пойдут нам навстречу. Настала наша очередь подчиниться. Мы больше ничего не можем сделать, поэтому я прошу вас: идите домой. Просто идите домой — вот и все, что от вас требуется. Я сам собираюсь сделать то же...

И, вернув громкоговоритель хозяйке, Том начал медленно спускаться по широкой мраморной лестнице. Уже в самом низу Сьюзен догнала мужа и взяла за руку. Повсюду вокруг них раздавались разочарованные вздохи и бессильные ругательства, но толпа все же начала редеть. Кое-кто из агитаторов, приехавших из Мэдисона, еще пытался добиться своего и сформировать колонну демонстрантов, но все их усилия пропали втуне — момент был упущен, владевшее людьми возмущение улеглось, уступив место разочарованию и равнодушию. Не глядя друг на друга и почти не разговаривая, жители Оканогган-Лип расходились по домам.

Сьюзен и Том все так же медленно шли по главной аллее парка. Они были уже недалеко от второго выхода, когда Сьюзен шепотом напомнила мужу, что их машина осталась на стоянке у мэрии.

— Я помню, — грустно ответил Том. — Я схожу за ней потом.

Сьюзен кивнула. Она догадалась, о чем он думает: один вид мэра и его жены, медленно шагающих по направлению к дому, имел глубоко символическое значение.

Оборачиваться нельзя, сказала она себе. Если она обернется, кому-то покажется, будто она колеблется или о чем-то жалеет. Но обернуться все равно хотелось, и Сьюзен крепко стиснула зубы, чтобы не уподобиться Лотовой жене. Только у выхода из парка она позволила себе один быстрый взгляд через плечо. Парк был почти пуст, если не считать крошечной группы самых фанатичных горожан, которые жиденькой цепочкой маршировали к шоссе, надеясь остановить грузовики. На крыльце мэрии стоял только капитан Гротон. Не обращая внимания на немногочисленных оставшихся демонстрантов, он смотрел ей вслед. Уотессунец выглядел таким одиноким, что Сьюзен за-

хлестнула волна сочувствия и жалости. Пытаясь бросить на него еще один взгляд, она споткнулась и едва не упала.

— Что с тобой? — участливо спросил Том, поддерживая жену под локоть.

— Ничего, — ответила она. — Все в порядке.

* * *

К вечеру второго дня в Оканогган-Лип не осталось ни одного жителя.

В Ред-Блаффе эвакуация прошла совсем не так спокойно. Уотесунская армия столкнулась с организованным сопротивлением и до сих пор вела бои буквально за каждый дом. В Уокере солдаты сгоняли протестующих людей в специальные лагеря, обнесенные колючей проволокой. Очень скоро лагеря оказались переполнены. Вспыхнул мятеж, для подавления которого уотесунцы вынуждены были прибегнуть к силе. Жертв среди населения оказалось неоправданно много, и число убитых и раненых продолжало расти. Лишь в Оканогган-Лип все закончилось относительно мирно, но это обстоятельство никого особенно не радовало.

Мебельный фургон только что отъехал. Том и Ник отправились следом в загруженном под завязку семейном пикапе, и только Сьюзен осталась, чтобы в последний раз обойти опустевший дом и проверить, не забыли ли они что-нибудь важное. Она как раз собиралась подняться на второй этаж, когда зазвонил мобильный телефон. Решив, что это Том, Сьюзен ответила, даже не взглянув на определитель.

— Сьюзен?..

Это был Гротон. Сьюзен не думала, что еще когда-либо услышит его голос. Все решения были приняты, история подошла к концу, так чего же еще? Уотесунцы победили. Оканогган-Лип пал, сдался врагу.

— Не могли бы вы уделить мне пять минут вашего времени?

Сьюзен собиралась сказать «нет», но в груди ее что-то шевельнулось, и она поняла, что связь между ними все еще существует.

— Только не здесь, не у меня дома, — ответила она.

— Где же?

— На Главной улице.

Бен был на заднем дворе, где он прощался с единственным домом, который знал в своей короткой жизни. Выглянув из кухонной двери, Сьюзен крикнула сыну, что ей ненадолго нужно в город и что минут через десять она вернется.

Наступил вечер, и на Главной улице автоматически включились фонари. Их холодный, голубоватый свет придавал покинутому городу печальный, нежилой вид. Пустые витрины магазинов зияли, словно

разинутые в беззвучном крике рта. Кое-где за стеклами виднелись таблички с надписью «Закрыто навсегда». Единственными живыми существами, которых Сьюзен видела из окна своего автомобиля, были ворона, рывшаяся в грудe мусора, да капитан Гротон, ставший теперь полновластным хозяином призрачного города.

Они долго шли молча по знакомой улице. Миновав аптеку Майера, где Сьюзен когда-то купила ему журнал с образцами одежды (теперь аптека тоже была темной и пустой), они остановились перед домом с высокой верандой, откуда вместе наблюдали за парадом по случаю Дня независимости. Медленно подняв руку, капитан Гротон коснулся теплой кирпичной стены.

— Я никогда не забуду людей, — сказал он, первым нарушив затянувшееся молчание. — Быть может, я ошибаюсь, но под конец начал чувствовать себя почти одним из вас. Иногда мне казалось, что если бы у меня было чуть больше времени, я мог бы быть счастлив здесь...

— Но это не помешало вам разрушить то, что нам дорого, — заметила Сьюзен.

— Нет, не помешало. Так уж сложилось, что я уничтожаю все, к чему прикасаюсь.

Если бы в его голосе прозвучал хотя бы намек на жалость к себе, Сьюзен, наверное, не на шутку бы рассердилась, но капитан просто констатировал факт.

— И куда вы отправитесь теперь? — спросила она.

Капитан заколебался.

— Сначала мне необходимо уладить кое-какие вопросы, возникшие в связи с моим пребыванием здесь.

Позади них хлопнула дверца машины, и капитан Гротон с беспокойством обернулся. Проследив за его взглядом, Сьюзен увидела остановившийся у тротуара армейский вездеход и широкую, приземистую фигуру уотессунца в черном мундире. Он стоял, скрестив на груди короткие обрубки рук, и смотрел в их сторону.

— Ваш водитель, кажется, начинает терять терпение...

— Это не водитель. Это мой конвоир. Я арестован.

Эти слова потрясли Сьюзен.

— Вас арестовали? За что?!

Гротон небрежно взмахнул рукой.

— Моему начальству не понравилось, как я исполнил это задание.

Сьюзен как-то сразу поняла, что он имеет в виду. Дело было вовсе не в том, что в Оканогган-Лип уотессунцам не пришлось прибегать к силовым методам.

— Вы хотите сказать... из-за этого? — Она жестом показала на его человеческое тело.

— Да. — Гротон кивнул. — Командование оккупационных сил крайне неодобрительно относится к подобным вещам. Мое дело будет рассматривать военный трибунал.

Должно быть, поняла Сьюзен, именно это он и хотел ей сообщить, когда просил о встрече.

— Но ведь вы добились успеха! — возразила она.

Гротон иронически улыбнулся.

— Это с какой стороны посмотреть. Впрочем, дело не в результате, а в методе... Мои командиры считают — под угрозой оказался один из самых важных принципов, на которых зиждется все существование нашей цивилизации. Мы не можем, не должны превращаться в тех, кого покорили. Наша история знает слишком много подобных случаев.

— У нас это тоже бывает. Не совсем так, как у вас, но бывает, — сказала Сьюзен. — Боюсь, ваше командование замахнулось на универсальный закон, с которым приходится иметь дело всем завоевателям.

— Как бы там ни было, они заглянули в будущее и увидели там уотессунских детей, играющих на школьных площадках таких городков, как ваш Оканогган-Лип. И эти дети были неотличимы от человеческих.

Сьюзен прищурилась. Она тоже представила себе эту картину.

— Разве это так плохо? — спросила она.

— Мне кажется, нет.

— Мне тоже так кажется.

Охранник в черном окончательно потерял терпение и решительно двинулся к ним. Сьюзен оглянулась на него и, взяв руку капитана в свои, крепко пожала.

— Мне очень жаль, что вас собираются наказать за нарушение именно этого табу.

— Я с самого начала знал, на что иду. — Гротон, в свою очередь, сжал ее ладонь. — И все же мне кажется... — В его голосе прозвучала удивительная смесь уотессунской решимости и человеческого негодования. — Все же мне кажется, что это несправедливо!

Именно тогда Сьюзен поняла, что победила. Победила, несмотря ни на что.

Перевел с английского
Владимир ГРИШЕЧКИН

Д Ж Е Р Р И С И Г Е Р

ВОЙНА,

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

За давностью минувших лет и под их защитой легко вспоминать те дни добром. Шрамы поблекли, их уже не заметишь, если не присматриваться. Теперь я даже иногда бреюсь, а еще мне не придется дергаться, когда на меня смотрят. И все же я предпочитаю носить бороду. Старые привычки живучи. Поблекшие шрамы — единственное свидетельство того, что те события действительно произошли. Капризная память, милосердная в своей избирательности, больше не мучит: глядя в чужие лица на улице, я уже не ишу в них друзей. Даже сны прекратились — почти. Каждый день я прихожу в кафе, сажусь за свой столик на тротуаре, читаю газету и пью кофе. Это пустая жизнь без целей и амбиций. В ней нет тяги ни к приключениям, ни к самореализации. Сейчас мне этого довольно.

Встреча

— У вас свободно?

Удивленно подняв глаза от газеты, я увидел у своего столика пожилого мужчину. Хватило одного натренированного взгляда, чтобы составить его описание: выше среднего роста, худощавый, темный костюм, длинный плащ, черный зонт, черные кожаные перчатки, аккуратно свернутый «Ле Монд» под мышкой. Другой. Враг. Я слишком упорно выискивал малейшие свидетельства того, что хотя бы кто-то из них уцелел, вот он и сумел подобраться ко мне вплотную. Оружия у меня не было. Зато у Другого, разумеется, имелось.

— Конечно, садитесь.

Собрав страницы бессмысленной теперь «Таймс», я тщательно их сложил.

— Спасибо.

Он подтащил от соседнего столика стул, и я подвинулся, чтобы он мог сесть рядом со мной, то есть спиной к витрине кафе, лицом к уличному движению.

Изнутри вышел Бернард и на мгновение затоптался в нерешительности. Раньше я всегда пил кофе один.

— Vin rouge*, — заказал мой гость.

Бернард отступил.

— Меня зовут... Смит. — Он явно раздумывал, не назвать ли свое настоящее имя, но решил, что лучше не надо. Это не имело значения, я все равно не сумел бы его выговорить. — Давно сюда ходите?

— Пару лет, наверно. Моя фамилия Нэш.

* Красное вино. (фр.) (Прим. перев.)

Смит кивнул.

— Так я и полагал. Остальные у нас учтены.

— Я думал, мы вас всех прикончили.

Смит глянул на мою газету.

— Но уверенности у вас не было.

— Нет.

Сидя под навесом, мы смотрели, как мимо под моросящим дождем спешат пешеходы. Лишь мы двое рискнули в такой скверный день расположиться снаружи, остальные завсегда теснились внутри, но когда я пришел утром, ровнехонько посередине двухдневной газеты стояла табличка «Столик заказан», — как это бывало каждый день последние шесть лет. Здесь понимают.

Мимо по мостовой прогрохотал грузовик, отравив дождь вонью солярки.

— Выживших не было, — сказал Смит. — Ни на одной стороне.

Начало

Когда рассказываешь историю, наверное, полагается начинать с начала. Я не знаю, когда началась война: может, за неделю до того, как я откликнулся на объявление о найме в «Таймс», а может, и тысячу лет назад. Я могу начать лишь там, где история начинается для меня самого, с моего почетного увольнения из армии. Там я был на хорошем счету, и все шло неплохо, но в какой-то момент на меня повесили ярлык «одиночка» — довольно точное, надо сказать, определение. После десяти лет службы, отмеченных несколькими наградами, медалями и прочими бесполезными побрякушками, мы с военщиной пресытились друг другом. Рукопожатие, хлопок по спине, и вот я уже гражданский.

К мирной жизни я тогда был приспособлен еще хуже, чем к военной. Я попробовал себя там и сям (охранником, вышибалой и прочее) и из полицейской академии ушел, в общем, по тем же причинам, по каким расстался с армией. Одиночка. Слишком много о себе понимаешь, говорили мне с глаза на глаз.

Объявление было просто создано для меня. Вероятно, его даже написали, чтобы именно я его прочел. Вверху стоял логотип ФБР, а ниже говорилось, что ищут бывших военных со специальной подготовкой и способностью к «свободному плаванию» — под незначительным надзором или вообще без него. Я набрал приведенный ниже номер, назвал, и мне сказали, когда явиться на собеседование.

— А пораньше нельзя? В это время я на работе.

На стройке, если память меня не подводит.

— Нет, — холодно и твердо ответил женский голос.

— А попозже?

— Нет.

Видимо, за каждое лишнее слово у нее из зарплаты вычитают.

— Но ведь мне придется уволиться, чтобы прийти на ваше дурацкое собеседование.

— Хорошо. — Мой гнев нисколько на нее не подействовал. Повторив адрес, она положила трубку. Я снова просмотрел объявление. Выглядело многообещающе, но с первой же минуты начались увертки.

Разумеется, я бросил работу. И на собеседование, конечно, пошел. По данному адресу оказалось стандартное бездушное офисное здание, и внутри тоже никаких признаков ФБР. Нужный кабинет я нашел на пятом этаже и назвался секретарше в приемной.

— Садитесь, пожалуйста, — только и сказала она.

Я опустил на виниловую банкетку, которая выглядела так, словно ее вытащили из семидесятых. Плакат у меня над головой восхвалял преимущества терпения. Напротив красовалась яркая фотография с выбрасывающимися на пляж китами, а внизу затейливым шрифтом провозглашалось, что успех приходит к тем, кто рискует ломать преграды. На низком столике передо мной лежали зачитанные финансовые журналы и свежая «Таймс». За пальмами в горшках по обоим концам банкетки прятались скрытые камеры — в дополнение к встроенным в потолок. Я убивал время, делая вид, будто листаю «Форбс», а сам выискивал камеры, которых мне не полагалось видеть. И заодно отмечал про себя мелкие движения секретарши. Держалась она с безжалостной деловитостью и на звонки отвечала так же лаконично, как и та женщина, с которой я договаривался о собеседовании, только голос у нее был иной.

Телефон мягко замурлыкал. Она сняла трубку, ничего не сказала и снова ее положила.

— Вон в ту дверь, — бросила она в мою сторону и вернулась к своим делам.

Встав, я открыл единственную дверь, о какой мне полагалось знать, и очутился в длинном коридоре, вдоль которого тянулись закрытые двери. Опять увертки. Я шел, держась середины коридора и ожидая, что кто-нибудь меня остановит. Если никто не появится, я просто развернусь и пойду домой. Сейчас весна, найдется место еще на какой-нибудь стройке.

Почти в конце коридора одна дверь была приоткрыта, и когда я подошел, изнутри раздалось:

— Входите, мистер Нэш. — Голос был скрипучим от курева и каким-то пыльным.

Толкнув дверь, я переступил порог. Кабинет оказался маленьким и

серым, словно проникающий из окна затхлый свет высосал из него краски. Мне навстречу из-за стола встал человек, усохший и еще более серый.

— Спасибо, что пришли, мистер Нэш. Меня зовут Кейн.

Он протянул мне руку. Кожа у него была сухая и холодная. Я не понял, было это фамилией или именем либо просто он назвал первое, что пришло ему в голову.

— Садитесь, пожалуйста.

Я двинулся к столу, по ходу осматривая комнату. На столе ничего, кроме простой лампы-гуся, даже не включенной в розетку. На полке лишь пара пыльных книжек. Грифельной доской никогда не пользовались. Камер не обнаружилось. Я опустил зад на прямой деревянный стул перед столом. Офисное кресло Кейна громко скрипнуло, когда он последовал моему примеру.

Взяв со стола какой-то листок, он сделал вид, будто читает.

— Почему по дороге сюда вы поднялись по лестнице?

Не такого начала я ожидал.

— Люблю быть в форме, — сказал я, умолчав, что у лифта стояли два типа, чей вид мне не понравился. Я пришел в обычное офисное здание, тут неприятностей не ждешь, но лифт не самое подходящее место, чтобы убедиться, что излишне доверял ближнему.

— Понятно. И вы знали, что дверь на этом этаже будет заперта со стороны коридора?

— Сегодня с большинством дверей так поступают, но я некоторое время работал курьером. Если постучать, обычно кто-нибудь откроет.

— А если бы вам не открыли?

Я решил рискнуть. Или им нужны мои умения, или мне тут не место.

— Замок не слишком мудреный.

Кейн удовлетворенно кивнул.

— Мужичины у лифта состоят у меня на службе. Что бы вы сделали, если бы я и на лестнице поставил своих людей?

— Пошел бы домой.

— Вы так легко сдаетесь?

— Следует взвешивать риск в соответствии с целью.

— Вы считаете, что цель настолько ничтожна?

— Черт, это же работа, верно? Даже не работа, а собеседование. Я не прочь рискнуть, но не ради одной лишь надежды на чек.

— А ради чего бы вы рискнули?

— Ради моей страны, моей миссии, ради тех, кто в подчинении у меня, и ради тех, кому подчиняюсь я. В таком порядке.

— Кажется, вы уже над этим задумывались?

— Да.

— Вы пропустили камеру в ножке стола, но zaseкли камеру в сумочке секретарши. Это хорошо. Что можете рассказать о расстановке сил на европейском рынке?

— Большую часть времени я убил на статейку о ценах на серебро.

— Как зовут секретаршу?

— Рейчел.

Ничто в приемной о ее имени не говорило, но я забочусь о теле, включая уши. Я услышал ее имя из динамика, когда она взяла трубку.

— Сколько у меня пальцев на ногах?

— Если бы пришлось гадать, я рискнул бы сказать десять, — и добавил, помедлив: — Но ваш вопрос поколебал мою уверенность.

— Есть в вашей квартире что-нибудь ценное?

— Нет.

— Прекрасно. Осталась пара формальностей, и я введу вас в курс дела.

— Сперва вопрос.

— Отвечу, если смогу.

— Когда вы решили меня нанять?

Кейн улыбнулся, в глубоких складках бесцветного лица залегли тени:

— Когда вы сказали «сперва вопрос».

Встреча

Другие. Какое простое обозначение для них. Тогда я еще спрашивал себя, как же они называют нас. Это казалось важным, пока мы старались взять друг друга за глотку. А сейчас я с трудом вспоминаю, как мы сами себя называли. Войска Особой Обороны. Бессмысленное наименование, окончательно потерявшее значение в сокращении — ВОО. К концу нашей маленькой войны осталась лишь аббревиатура, ни одно из слов не сохранило смысла. Мы не были ни «войсками», ни «обороной» и, уж конечно, не «особыми».

Смиту принесли вино. Осторожно пригубив, он кивнул.

— Блага цивилизации, — заметил он, ставя бокал.

— Зачем вы здесь? — спросил я.

— Уже забыли? Чтобы поработить вашу расу. — Хмыкнув, он печально качнул головой.

— Я не о том. Как вы меня нашли?

— Это вы меня нашли.

Я наградил Другого скептическим взглядом.

— Я всего лишь сидел в кафе.

— Говорят, в мире есть особые места: если сидеть там достаточно

долго, встретишь всех. Вы научили нас, мистер Нэш, что главное в охоте — замереть в засаде. А вы замерли надолго.

— Просто я слишком устал, чтобы двигаться.

Смит вздохнул.

— Да. И я тоже. Порабощение вашей расы придется отложить еще на денек.

Продолжение

Обойдусь, как говорится, без формальностей. В данном случае «формальности» были назойливыми и малоприятными, пока у меня выискивали малейшую физическую слабость или зависимость, которые подорвали бы мою способность выполнять задания. За осмотрами последовала серия тестов и собеседований, призванных найти изъяны в моей психике. Я мирился с банальными вопросами и даже умудрился не выложить врачам, что на самом деле о них думаю. Все, что вам нужно знать о моей психике, есть в моем деле. Компетентный. Опытный. Одиночка.

Всего два века назад те же докторишки прописывали пиявки от всех болезней. Они не понимают, как работает мозг, поэтому изобрели «разум». Мало-мальски сносная базарная гадалка прочтет все по руке лучше этих недотеп. Задним числом даже жаль, что Кейн такую не нанял. Но это было бы не по Науке.

Тем не менее из череды надругательств я вышел целым и невредимым — и с работой. Тем же вечером я вылетел рейсом в Колорадо, зная лишь, что наняло меня не ФБР. Вопреки обещанию, в курс дела меня не ввели. Опять увертки. Впрочем, надо признать, мне было любопытно, и я даже гордился, что меня взяли в настолько секретное и элитное подразделение.

В самолете я листал данную Кейном газету.

— По большей части здесь ерунда, — сказал он напоследок. — Но среди вздора встречается и такое, что лишь маскируется под него. На самом деле это важные крупницы информации, закамouflированные под чепуху. Ищите совпадения. Читайте между строк, изучайте стиль. Именно так мы выслеживаем Врага.

— Довольно субъективный подход.

— Неопытному, вероятно, может так показаться. Но на практике вы ясно будете видеть их ходы. Есть зацепки, которые приведут вас к ним, и есть следы, которых вам лучше не оставлять. Вы не сможете связываться со своей группой обычным способом, ведь противник станет перехватывать и расшифровывать все, на что способна наша технология.

— Кто? Израильтяне? Японцы? Ведь русским мы уже не по зубам.

— Остальное вы узнаете, когда окажетесь в более безопасном месте. До свидания, мистер Нэш. Скорее всего, до завершения битвы мы не встретимся.

Разумеется, тут он ошибся.

Встреча

Дождь припустил. Прохожие спешили мимо, скорчившись под зонтиками, опустив глаза.

— С тех пор как вы сюда прибыли, многое изменилось, — сказал я.

— Да. У вас сохранилась способность к самоуничтожению, но про страх вы забыли. Или, точнее, растрачиваете его на мелочи.

Разъяснение

В любой истории настает момент, когда правда открывается.

— Вот черт, — сказал я.

Коммандер Хайтауэр напряженно следил за моим лицом. В моем деле, наверное, имелся ярлык «скептик», и он чертовски хорошо знал, что я не проглочу байку про маленьких зеленых человечков. Я же испытал разочарование. Подготовка была самой напряженной (и самой интересной), какую мне только доводилось проходить, и я чувствовал, как с каждым часом приобретаю все больше знаний и навыков. В центре мне мало что могли преподать по части рукопашного боя, я сам часто учил ему других. Однако он был лишь незначительной частью курса, да и, прямо скажем, наименее важной.

Мы учились, как проникать туда, где нам не место. Мы учились обращаться с компьютерами (конечно, не с теперешними, наши тогдашние даже близко до них не дотягивали, но в то время мы были на переднем крае того, что сегодня зовется «взломом»). И главное, мы учились анализировать горы данных и находить в них единственный важный факт. Иголки в стогах сена стали для нас детской игрой.

Мы. Нас. Подготовку проходили четверо. Отис, Роджер, Даррил и я. Никаких фамилий. Отис более всех остальных отличался умением прошерстить кучу информации и выудить что-нибудь неожиданное. Со временем он стал беспокоен.

— В чем дело? — спросил я однажды, когда мы шли в столовую.

— Что-то не так, — сказал он. — Что-то не сходится...

Стоило ему произнести эти слова, как я тут же понял, о чем он.

— Наша цель.

— Найти и уничтожить, это очевидно. Но кто враг?

— И почему нас не учили ничему по части новейших технологий, — согласился я. — Я слышал, уже придумали сногшибательные приборчики.

Возможно, сомнения во мне заронил еще Отис, но сейчас я не спешил отмахнуться от рассказанного Хайтауэром. Нас учили сопоставлять разрозненные факты, делать выводы и доверять своим инстинктам. А теперь я вдруг понял, почему так тревожился Отис. Он уже знал. Похоже, маленькие зеленые человечки наконец явились на Землю, и моя миссия — их остановить.

Хайтауэр расслабился.

— Получилось лучше, чем я ожидал, — сказал он.

— Самому следовало бы догадаться.

— Это большой скачок.

— Отис же сумел, верно?

— От этого парня у меня мурашки по коже. Такое впечатление, будто он способен заглядывать в будущее.

Мы благодушно хохотнули, потом командер заговорил снова:

— В настоящий момент он самый ценный наш козырь. Ты будешь прикрывать его сзади, а когда он что-нибудь раскопает, перейдешь к действиям.

— А что если меня не хватит и на то, и на другое?

— Решай сам. Однажды ты сказал, что верен своей стране, своей миссии, подчиненным и начальству — в таком порядке. И продемонстрировал, что понимаешь эту взаимосвязь. Ты способен оценивать риск относительно поставленной цели. Поэтому ты здесь.

— Не за красивые глаза?

— Э, нет.

— Сделаю, что смогу, сэр.

Хайтауэр положил мне руку на плечо.

— Знаю.

Походило это на прощание.

Так я и отправился воевать с Другими — бок о бок с Отисом.

Подозрения

— Кто-то нас продал, — сказал Отис, прочтя сообщение о смерти Даррилла. Наши товарищи гибли один за другим.

— Может, он вышел на охоту?

Охота была моментом наибольшего риска, когда агенту приходилось делать опасный шаг, порождая цепь событий, рябь, по которой Другие могли его выследить.

— Возможно. — В голосе Отиса не слышалось убежденности.

Встреча

Мизинцы черных перчаток Смита были чуть загнуты и не двигались. Внутри не было пальцев. У Других имелись весьма правдоподобные протезы, но, по всей видимости, Смит решил не утруждать себя пустяками. Восемь пальцев на руках, восемь пальцев на ногах, глаза, которые не видят красного. Для них мы кровоточили черным.

— Прилетев сюда, мы поняли, что назад дороги нет. Пройдет много лет, прежде чем дома узнают, что случилось с нами, партией гордых колонистов, принесших свет цивилизации отсталой расе.

Я заказал еще кофе, Смит — еще вина.

— На меня оно действует меньше, чем на вас, — пояснил он, — но все равно вызывает приятные ощущения.

— Там, откуда вы родом, есть вино?

— Нет. У нас есть плесень вроде ваших дрожжей, поэтому об алкоголе мы знаем. — Он улыбнулся. — Сомневаюсь, что разумная жизнь могла бы без него существовать. Но вина у нас нет.

Он покачал темно-красную жидкость в бокале, посмотрел сквозь нее на серую улицу, получилась кровавая картинка наоборот. Интересно, что он увидел? Смит мечтательно улыбнулся.

— Оно делает жизнь здесь возможной.

Возможной, но не сносной. Быстро допив, Смит заказал еще.

— Я рад, что вы меня нашли, — сказал он. — На этой планете нет никого, кто бы нас понимал. Мы воины, но нам не выпадет честь пасть от руки достойного противника. Мы будем забыты — солдаты в войне, которой никогда не было.

Понимание

— Ну надо же, — прошептал Отис.

От его тона волосы у меня на загривке встали дыбом. Я поднял глаза от «браунинга», который как раз чистил: Отис уставился в пространство перед собой, лицо у него было серое, забытая газета упала на колени.

— В чем дело? — спросил я.

Кажется, он меня не услышал. Он поднес руку к глазам и обмяк, тяжело вздохнув.

— Черт, вот черт! — простонал он. — Как же я раньше не заметил!

— Чего?

Он глянул на меня затравленно.

— Кейн не спрашивал тебя, сколько у него пальцев на ногах?

Как всегда, стоило Отису на что-нибудь указать, все становилось на свои места. Кейн — один из них. И тут я тоже на мгновение увидел бу-

дущее. Цена за жизнь нашего шефа будет высока. Мне предстояло решить, чью отдать в обмен.

Отис был не просто асом, он был опаснее кого-либо на планете. Я был еще опаснее, и у каждого из нас имелся тыл. Два человека, работающие вместе, в четыре раза сильнее любого одиночки. Я не хотел тащить с собой Отиса, но Кейн был одним из них, и Кейн знал все.

— Похоже, нам предстоит работа, — сказал я.

Отис сделал глубокий вдох.

— Ага. Иначе нам хана.

— Вероятно, нам так и так хана.

— Скверно, наверное, быть нами. Я тебя прикрою.

— Послушай, Отис, мы должны это сделать, но не рискуй понапрасну. Наша главная задача прикончить Кейна, второстепенная — вытащить оттуда тебя.

Он посмотрел на меня сердито.

— А пошел ты! Мы же в одной связке.

Встреча

Откинувшись со стулом, Смит оперся спиной о подоконник.

— Я отослал последний отчет, — сказал он.

Заполняя паузу, я отпил кофе.

— И стояло в нем только одно: «Прощайте», — добавил он.

— А потом вы нашли меня.

— Нет, я послал его, пока мы говорили. Пройдет много лет, прежде чем отчет дойдет по адресу. — Смит встал. — До свидания, мистер Нэш. Спасибо за компанию. — Он положил на стол деньги — больше, чем нужно. — Позвольте мне заплатить за кофе. Это самое малое, что я могу сделать, если сегодня мы положим конец нашей войне.

Повернувшись, он медленно пошел прочь.

Я тоже встал и почувствовал в кармане пальто тяжесть, которой раньше не ощущал. Даже не коснувшись предмета, я понял, что это пистолет, скорее всего, «вальтер», который так любили и Джеймс Бонд, и инопланетные захватчики. Легкий, компактный и очень эффективный в ближнем бою. Деньги я оставил на столе и двинулся по улице. В ту же сторону, куда направился Смит.

Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ

© Jerry Seeger. Memory of a Thing That Never Was. 2006. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

«ВИЙ? — НЕ ВИЙ...»

В бурном потоке телерекламы есть один клип, где веселые отвязные ребята, пытаясь найти источник освежающей прохлады, ставят жутковатые эксперименты. Засовывают своего друга в морозильник, надевают ему на голову ледяной шлем, а потом с надеждой спрашивают: «Ну что, айс?» (в смысле, лед?). И слышат в ответ разочарованное: «Не айс...»

По законам жанра с главным героем фильма «Ведьма» («первого российского фильма ужасов», как заявили создатели) тоже должно происходить нечто ужасное. Сразу признаем, что рекламные анонсы и трейлеры чего-то невиданного по этой части нам не сулят. Ситуация, где некая особа мужского пола должна противостоять нечистой силе, вселившейся в прекрасное тело особы женского пола, многократно отработана в Голливуде. Фактор голливудского поля, на котором сыграли создатели «Ведьмы», однозначно удостоверяется тем, что действие происходит в стилизованном американском захолустье (снятом в Эстонии), все герои — «чисто» американцы и диалоги изначально были записаны на английском языке.

Завлечь нас на очередную, малобюджетную и доморощенную, версию «Экзорциста», используя в качестве приманки летающий

гроб, красавицу-оборотня — затея почти безнадежная. Видимо, понимая это, креативная команда «Ведьмы» делает нестандартный ход: нам дают понять, что смотреть мы будем не просто вариацию голливудского мистического трэша, а римейк нашего советского «Вий», фильма, получившего культовый статус у зрителей всех возрастов. Добавлю (к сожалению, во вторую очередь), что магнитом для зрителя остается и сам гоголевский рассказ, с его редкостным сочетанием леденящего ужаса и искрометной иронии.

«Вий» (1967) К.Ершова и Г.Кропачева долгое время разделял судьбу тех жемчужин нашего жанрового кино, которые именно в силу своей «жанровости» не могли быть причислены к шедеврам. В советские времена фильмом не козыряли на фестивалях и ретроспективах: считалось, что иностранцев такие ленты не интересуют. Зато пару лет назад на семинаре по российской

кинофантастике в университете одной из западноевропейских столиц кадры из «Вия» вызвали восторг: всех поразило органичное слияние куравлевского комизма с нешуточным саспенсом. Несмотря на преобладание павильонных съемок, в старом фильме ощущается смачный вкус гоголевской Малороссии, а «данс макабр» бутафорских монастырей, созданных командой Александра Птушко, даже сегодня выглядит не слабее, чем вакханалия вампиров в хорроре «От заката до рассвета» Родригеса.

Вполне понятно, что, пересаживая «Вию» на американскую почву, создатели «Ведьмы» напрочь лишили его благодатного этнического «чернозема». Из диалогов безвозвратно ушел юмор, подкосились опоры сюжетной логики. Так, например, здравомыслящий зритель не может уразуметь, что принуждает главного героя три ночи служить столь ненавистную ему мессу? Даже в вымышленном захолустном Каслвилле люди должны жить соответственно нормам американской цивилизации. Когда мрачный усатый шериф (Лембит Ульфсак) с интонациями своего столь же мрачного и усатого предшественника (Алексея Глазырина в роли сотника, отца панночки) говорит, что священник обязан провести возле гроба три ночи кряду, а его подчиненные-копы снаружи запирают церковные ворота, это выглядит попросту дико.

Малоубедительна и история с перевоплощением героя-журналиста

в священника. Чувствуется, что создателям фильма она была позарез нужна для «морали». Журналист Айвэн, человек неверующий и легкомысленный, надевает сутану в целях камуфляжа — вроде бы пытаясь поближе подобраться к героям своего скандального сюжета, но потом проникается благочестием и избавляется от своего прежнего «я». Морализующий подтекст — вещь далеко не лишняя даже в трэше. Отрадно, что им не пренебрегли и в «Ведьме», но уж больно неискусно, на живую нитку все смётано! Если позаимствованный у мертвого священника костюм позволил герою так преобразиться, то, может быть, его следовало сделать не журналистом, а актером? Ведь согласно расхожему мнению, актеры — народ не менее легкомысленный, чем журналисты, зато более объяснимым стало бы беспроblemное превращение греховодника в святого отца. Или еще проще — изначально сделать его служителем церкви, который от неверия и греховных помыслов (что отнюдь не редкость в наши времена) приходит к вере и высокой любви.

Сказать по совести, сам Валерий Николаев в облачении священника протеста у меня не вызывает. Есть в его облике какое-то внутреннее горение и подобающая одухотворенность. Не обделена последней и героиня Евгении Крюковой. Но вот беда — судя по замыслу, мы должны были увидеть ведьму, дьяволицу в ангель-

ском обличье, но на поверку ангел оказывается дамой, приятной во всех отношениях. Даже в удручающе нелепой сцене «сатанинской любви», где для пущей «сексуальности» героев окунают в ванну, героиня Крюковой оказывается в целомудренной ночной сорочке и выглядит невинной жертвой утопления. Что же до полетов в гробу, то белые развевающиеся одежды и анемично-ангельское лицо делают ее похожей в лучшем случае на фею из китайских фэнтези, но опять-таки не на жестокую и коварную блудницу, которой она и прослыла на весь Миргород, то бишь Каспиль. По понятным причинам юная Наталья Варлей из первого «Вия» не могла представить свою панночку откровенно эротичной, но в ее игре был какой-то сладострастный кураж, какая-то «чертовщинка», пусть и с шутовским оттенком.

Признать красавицу чудовищем нам предлагают по испытанному голливудскому рецепту, заменив в одном из кадров ее лицо на латексную маску монстра. Учитывая, что этот довольно заурядный и мельком показанный клон «чужого» остается единственным представителем фантастической нечисти в фильме, можно, как бы для протокола, записать, что это и был Вий. Впрочем, я не стал бы считать это конфузом — конфуз вышел бы тогда, когда недокормленные малобюджетной сметой худосочные компьютерные чудовища подняли вверх лапы перед рукотворными упырями Александра Птушко.

Резюме? Оно не просто сводится

к тому, что перед нами не «Вий». По всей видимости, мы имеем дело с продуманным продюсерским финтом. Скорее всего, создатели «Ведьмы» вовсе и не думали делать римейк старого фильма. Просто кому-то из них при случайном просмотре советского «Вия» очень приглянулся эпизод с разгулом нечистой силы в заброшенной церкви, с полетом героини в гробу и поседевшим от ужаса героем. Сразу захотелось вставить такую фишку в голливудский трэш-хоррор. Но без затей утащить и скопировать чужое ноу-хау показалось зазорным (да и невыгодным), посему было решено «сослаться» на культовое кино и даже записать в соавторы сценария (!) господина Гоголя, невзирая на отсутствие у него страхового полиса и ИНН.

Впрочем, пересказы страшной истории про Вия на этом не кончаются. Можно вспомнить, что совсем недавно свои претензии на родство с гоголевским шедевром заявили даже фабриканты российского порно, а сейчас режиссер Степченко снимает о «начальнике гномов» еще один фильм, в котором, по слухам, будет типично гоголевский колорит и намного больше жути на метр отснятого негатива. Так что, возражая великому писателю, можно сказать, что затерянная в лесу дорога к старой церкви «с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами» не только найдена, но и будет укатана колесами киносъемочных караванов.

ДМИТРИЙ КАРАБАЕВ

ДВОЕ ПОСРЕДИ ВСЕЛЕННОЙ

Такое ощущение, что жанр философской кинофантастики, освященный именем Андрея Тарковского и вроде бы оставшийся в легендарном прошлом, в последнее время потихоньку начинает возрождаться. В России сняли «Гадких лебедей», а в США вышел фильм «Фонтан» — довольно претенциозное киноповествование о загадке жизни и смысле смерти. Насколько оправданны амбиции создателей «Фонтана»? В этом пытается разобраться наш автор.

Есть у поклонников фантастики тема, в которой каждый чувствует себя специалистом и которая то и дело оказывается в фокусе общественного внимания. Тема эта звучит так: «Фантастика и мейнстрим: кто из них более матери-истории ценен?» Поскольку никаких критериев и четких границ здесь нет, споры обычно получаются жаркими, продолжительными и на редкость непродуктивными. И все-таки прямо здесь и сейчас мне хотелось бы обнародовать свою позицию по данному вопросу. Вот она: если фантастика посвящена исключительно приключениям тела и вовсе не затрагивает актуальных для аудитории проблем, то это эскапизм, шоу-бизнес или что угодно, только не искусство. А вот если, используя фантастические приемы, автор ведет речь о наших сегодняшних (а может, и всегда присутствующих роду человеческому) заботах

— это уже будет искусство и самый что ни на есть мейнстрим.

Такое вступление понадобилось мне для того, чтобы сразу расставить точки над «i»: фильм «Фонтан» титулованного и популярного у интеллектуалов режиссера Даррена Аронофски («Реквием по мечте», «Пи») как раз к пресловутому мейнстриму и принадлежит. В этом фильме говорится о вечно актуальном для человека — о жизни и смерти, о значении жизни и осмысленности смерти... И вторым, уже не самым важным фактором является то, что Аронофски выбрал отчаянно фантастический сюжет, а современные компьютерные технологии позволили ему создать впечатляющую, захватывающую дух, совершенно ирреальную картинку... Хотя, конечно, говорить об этой ленте как о «философской фантастике» мы имеем полное право.

Сюжет, сотворенный Аронофски (режиссер снимал картину по собственному сценарию), закручен так, что голову сломать можно. Действие разворачивается параллельно в нескольких временных пластах. Есть пласт сегодняшней реальности: жена некоего биохимика умирает от рака, а тот лихорадочно пытается создать вакцину от этой страшной болезни. Есть пласт условно-исторический: умирающая жена пишет книгу под названием «Фонтан», где говорится о попытках испанского конкистадора выполнить приказ своей королевы и отыскать секретную пирамиду майя, которая скрывает Древо Жизни. Наконец, есть пласт космическо-эзотерический: астронавт XXVI столетия и дух усопшей жены встречаются где-то посреди Вселенной. Всех трех героев играет один актер (Хью Джекман), всех трех героинь — одна актриса (Рэйчел Уайз). И ведут они, по сути, один нескончаемый спор о смерти: стоит ли с ней мириться или смерть — это только болезнь, и человек ее когда-нибудь одолеет... Разумеется, в финале все пласты перемешаются, подлинной силой окажется слабость, а мнимый конец — новым началом...

Ничего подобного не снимали уже давно. Это слишком серьезно, чтобы выбиться в лидеры проката, и слишком роскошно для «независимого кино». Хотя есть такое понятие, как «фестивальный фильм»,

и есть своя логика в том, что перед выходом в прокат «Фонтан» побывал на двенадцати (!) международных кинофестивалях... Тем не менее картина эта выросла не на голом месте — у нее определенно были предшественники, пускай и на поле литературы. К примеру, роман Йена Уотсона «Внедрение», написанный в 1973 году и выпущенный на русском в 2003-м, во многом похож на ленту Аронофски. Есть в книге ученый-экспериментатор, есть южноамериканские индейцы — носители эзотерического знания, есть попытки переделать мироздание на новый лад... Вообще, стилистика «Фонтана» восходит именно к тем временам, к началу 1970-х, когда никто не стеснялся сложности и избыточности в искусстве, когда читали Германа Гессе и слушали «Van der Graaf Generator»...

На двенадцати кинофестивалях, куда Аронофски привозил свой фильм, его картина так ничего и не получила, а в Венеции ее чуть ли не освистали. Да, сейчас другое время — время киноаттракционов, время опереточного «гламура» и ярмарочной «готики», а не философствований о вечном. Но от них все равно никуда не деться, а потому время серьезного искусства обязательно вернется. И, возможно, «первой ласточкой» этого возвращения через несколько лет назовут именно «Фонтан».

Александр РОЙФЕ

ДЕЖА ВЮ

(DEJA VU)

Производство компаний Touchstone Pictures и Jerry Bruckheimer Films, 2006.

Режиссер Тони Скотт.

В ролях: Дензел Вашингтон, Вэл Килмер, Паула Пэттон и др. 2 ч. 8 мин.

Есть в США некая спецслужба — Бюро по алкоголю, табаку, огнестрельному оружию и взрывчатым веществам, сокращенно ATF. Агент ее и стал главным героем нового фильма классика кинобоевика Тони Скотта, постановщика «Последнего бойскаута», «Мести», «Топ ган» и прочих культовых фильмов. Автомобиль, начиненный взрывчаткой, взрывается на нью-орлеанском пароме, унеся жизни более пятисот человек. Агент Дуг Карлин (Дензел Вашингтон) в связи с особой важностью расследования получает в свое распоряжение новейшую разработку разведки — с помощью «прокола» во времени появляется возможность наблюдать за любой точкой пространства (правда, в довольно ограниченном радиусе от устройства), с любого расстояния и угла, но только в момент, отстоящий ровно на четверо с половиной суток от настоящего времени. К тому же наблюдателю необходимо точно знать, за каким именно местом или человеком нужно «подсмотреть». Объект находится быстро — убитая девушка, владелица автомобиля, с помощью которого и взорвет паром.

Младший из братьев Скотт сделал фильм в весьма интересной манере. Крайне быстрое чередование планов, постоянное перемещение камеры, порой почти репортажное, резкая смена света и тени — лишь поначалу все это создает впечатление мельтешения, потом, когда глаз привыкает, оторваться от стробоскопного действия невозможно. Поклонники криминальной драмы получат удовольствие от необычной формы расследования; в линии «любви сквозь время» найдут усладу апологеты романтического жанра; фанатам погонь и перестрелок тоже найдется, чем полюбоваться. Но интереснее всего будет любителям фантастики. Довольно необычная идея — хотя о таком перемещении (да-да, Дугу Карлину представится возможность не только наблюдать за прошлым, но и попробовать вернуться во времени) на фиксированный временной интервал уже и писалось, и снималось (вспомнить хотя бы булычёвское «Похищение чародея» и две его экранизации) — в результате вызовет интерес не к самому ходу расследования, а к тому, как создателям картины удастся решить классическую проблему временного парадокса.

Тимофей ОЗЕРОВ

САНТА КЛАУС 3

(THE SANTA CLAUSE 3: THE ESCAPE CLAUSE)

Производство компании Walt Disney Pictures, 2006.

Режиссер Майкл Лембек.

В ролях: Тим Аллен, Мартин Шорт, Элизабет Митчелл, Алан Аркин, Боб Берген и др. 1 ч. 21 мин.

Много воды утекло с тех пор, как Скотт Келвин отрастил живот, отпустил бороду и, нахлобучив известную всему свету красную шапку, покинул теплые родные пенаты, сменив их на холодный Северный полюс. Первая часть киноквотрилогии о приключениях простого человека, примерившего на себя личину настоящего Санты, вышла интересной и местами даже смешной. Что ни говори, ход был удачный. Наблюдать за превращением мужика со скверным характером в доброго бородача, разнесившего рождественские подарки, было весело. Причем не только детям, но и взрослым. В триквеле от былого веселья, от сказочной атмосферы настоящей рождественской истории не осталось и следа. А жаль. Ибо таких фильмов в последнее время очень не хватает...

Нетрудно догадаться, что Рождество вновь оказалось под угрозой. На этот раз из-за маниакально-депрессивного Джека Мороза, который превращает в лед всё и вся, время от времени ставит палки в колеса эльфам и подумывает, как бы занять трон истинного рождественского короля.

Сложно точно определить, чем на самом деле занимались сценаристы Эд Дектер и Джон Джей Страусс в рабочее время. Пили пиво, курили марихуану, просаживали нешуточные гонорары в казино или, напротив, с утра до ночи молились Господу Богу. Возможно. Но один факт никаких сомнений не вызывает: созданием сценария они занимались недолго и без энтузиазма. Результат налицо: скучнейшая рождественская история со всеми симптомами неудачного продолжения. Шаблонный сюжет, картонные персонажи, дешевенькие спецэффекты (в количестве двух штук) и губастые эльфы-негры крупным планом — все это безобразие преследует зрителя до финальных титров.

Жалко Санту. По-человечески. Сценаристы опорочили один из самых светлых рождественских образов. Сами того не понимая, они превратили веселого Клауса в тупого деда-маразматика, не способного рассмотреть очевидную причину собственных бед, которая у него прямо перед носом.

Степан КАЙМАНОВ

ПАРК СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Производство компаний «Слово» и «А.Г.Пикчерз» (Россия), 2006.

Режиссер Юлий Гусман.

В ролях: Александр Лазарев-мл., Елизавета Боярская, Михаил Ефремов, Владимир Долинский и др. 2 ч. 6 мин.

Есть в отечественной культуре одна специфическая область — адаптация для местного потребителя западного культур-продукта. Прочитал, скажем, Александр Волков сказку «Волшебник из страны Оз» — и написал «Волшебника Изумрудного города». Послушали «Поющие гитары» песню «One Way Ticket» — и тут же запели про синий-синий иней... Эта практика советских времен (отчасти оправданная тем, что доступ к оригиналам был весьма затруднителен), как оказалось, жива и сегодня: посмотрели Юлий Гусман с Эдуардом Акоповым фильм «Шоу Трумэна» — и написали сценарий картины «Парк советского периода». Их лента тоже про подделку реальности, про развлекательный парк, в котором при помощи самых современных технологий для платежеспособных гостей с неслыханной точностью воссоздаются реалии советского времени: хочешь — попадешь на целину, хочешь — на Байконур, а можешь и в «стекляшку» с жигулевским пивом или даже в ГУЛАГ, если такая блажь в голову взбредет...

Вот в этот-то вертеп и попадает из «новорусской» жизни популярный телеведущий. Поначалу ему там нравится, но потом он пытается завести шуры-муры с медсестрой из персонала, а это категорически запрещено. И расправа с нарушителем режима будет жестокой, сообразно с нравами воссоздаваемой эпохи... Несложно догадаться, что «человек-КВН» Юлий Гусман собирался сказать своим фильмом. Без сомнения, хотел предостеречь от возвращения к прежним порядкам, даже играть в которые опасно. Но, вопреки воле постановщика, картина получилась совсем о другом — об острой тоске по своей идентичности, по утраченному месту в истории, которая свойственна всем уроженцам СССР вне зависимости от их политических взглядов. Да что говорить, даже побеждают главные герои исключительно благодаря коллективу отдыхающих, в нужный момент прискакавших на выручку под видом эскадрона Буденного (сравните с концовкой «Шоу Трумэна», в котором, кстати сказать, все окружающие обманывают центрального персонажа). Возврата в СССР нет, но отказаться от своих корней при всем желании не получится.

Александр РОЙФЕ

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

(THE COVENANT)

Производство компаний Screen Gems и Lakeshore Entertainment, 2006.

Режиссер Ренни Харлин.

В ролях: Джессика Лукас, Стивен Стрейт, Тоби Хэмингуэй и др.

1 ч. 45 мин.

Отечественные кинопрокатчики опять удивили. Непонятно, какие цели они преследовали, меняя оригинальное название. В новой мистической ленте Ренни Харлина нет и намёка на присутствие Князя Тьмы, не говоря уже о какой-то там таинственной сделке. Впрочем, в этом фильме вообще много чего нет из того, что требуется настоящему кино. Начиная от хорошей актерской игры и заканчивая неожиданным финалом. Хотя база для создания качественной картины была весьма недурна: тут и опытный режиссер, и продюсеры, причастные к созданию «Другого мира».

Не получилось. Прежде всего из-за неудачной работы Джея Кардонне, который словно бы писал сценарий для сериала «Зачарованные», а не для полнометражного фильма с бюджетом в 40 миллионов долларов. С самого начала сценарист поставил себя в невыгодное положение, когда в коротеньком прологе быстренько поведал историю пяти колдовских семей, давным-давно решивших жить мирно меж собой. Сразу, так сказать, раскрыл все карты перед зрителем. В итоге сюжет о жизни современных колдунов — представителей тех самых семей — вышел на редкость предсказуемым. И пересказывать не хочется.

Ох, где-то в Америке жили-были молодые колдуны. Бежали за девчонками, выпендривались друг перед другом, чей фэйербол ярче, и с криками «Гарри Поттер так не может!» летали по небесам на «Хаммере». Но их беззаботная жизнь кончилась с появлением представителя пятой семьи, отвергнутой несколько веков назад за неуемную жажду власти. С мыслью «Должен остаться только один» злодей принял за дело. Дальше — все очевидно.

Хотя и не так мрачно. Ренни Харлин спас картину от полного провала. Режиссер «Глубокого синего моря» показал, насколько он хорош по части экшена. Поэтому вряд ли вы будете сожалеть о потраченных на билет деньгах, однако вам покажут средненький кинокомикс, где вместо супергероев и суперзлодеев разборки устраивают смазливый колдунишки.

Степан КАЙМАНОВ

ЭРАГОН

(ERAGON)

Производство компании 20th Century Fox, 2006.

Режиссер Стивен Фэнгмейер.

В ролях: Эдвард Спелирс, Джереми Айронс, Джон Малкович, Роберт Карлайл и др. 1 ч. 44 мин.

Бывает проза детская. Бывает взрослая. А бывает — ни то ни сё, подростковая (на Западе она называется политкорректно: young adult — для молодых взрослых). А здесь она еще и написана подростком. Кристофер Паолини сочинил фэнтезийный роман «Эрагон» в 15 лет. Через четыре года роман вошел в десятку мировых бестселлеров, за права на экранизацию бились несколько студий-мэйджоров, а Паолини усердно кропал продолжения — и, скорее всего, трилогией дело не закончится. В России роман (точнее, два — вторая книга уже переведена и продается) ажиотажа не вызвал, хотя появление фильма вполне может всколыхнуть интерес.

Зрителя уже приучили — в конце декабря просто обязана произойти мировая премьера крупного фэнтезийного проекта. В том, что «Эрагону» выпадет роль рождественского паровоза, сомневаться не приходилось — слишком много вложено средств.

В сюжете особо «зацепиться» не за что. Если и существует понятие «кондовая фэнтези», то «Эрагон» — яркий представитель жанра. Да еще обильно сдобренный подростковыми рефлексиями: нормальный взрослый зритель непременно сочтет главного героя истеричным идиотом, в то время как юные посетители кинотеатров будут восхищаться его поступками. Недаром на роль постановщика был назначен именитый мастер спецэффектов, поскольку опытный режиссер просто повесился бы от обилия сюжетных штампов и банальностей. А так — получилась вполне красивая картина с хорошими пейзажами (хотя после новозеландского Средиземья это уже не открытие), очень симпатичным драконом (точнее, драконихой, чье яйцо неожиданно отыскал Эрагон — простой деревенский парень и будущий спаситель мира от гнетущих темных сил; родственник ли он Арагорну или просто однофамилец — осталось за кадром), неплохими актерами второго плана, умудряющимися даже в пафосном повествовании попытаться сыграть нечто человеческое, и эффектной финальной битвой. А больше современному кинозрелищу ничего и не надо.

Тимофей ОЗЕРОВ

ЛИДЕРЫ 2006

Предлагаем вашему вниманию традиционный чарт самых кассовых нереалистических фильмов в прокате США и всего мира в 2006 году.

Несмотря на присутствие фильмов, в которых содержатся приметы чего-то фантастического, во главе общего списка рекордсменов проката 2006 года, этот сезон все-таки оказался не таким урожайным, как предыдущие. И вообще, может создаться впечатление, что кинофантастика как таковая все меньше интересует современных зрителей. Об этом, кстати, свидетельствует серьезное несоответствие реальных сборов предварительным прогнозам у двух суперхитов, вышедших на экран еще под занавес 2005 года. «Кинг Конг» явно не оправдал возлагаемых на него надежд. Эта лента едва смогла достичь в кинотеатрах США уровня потраченных на нее денег, да и в мире не без труда преодолела отметку в полмиллиарда долларов (замахивались же на миллиард!). Зато другая картина, сказка «Хроники Нарнии: Лев, Колдунья и волшебный шкаф», прошла гораздо лучше ожидаемого, приблизившись к трехсотмиллионному рубежу в Америке и к сумме \$750 млн в мировом прокате.

Удивил многих и абсолютный рекордсмен 2006 года — приключенческая фантазия «Пираты Карибского моря: Сундук мертвеца» — не только побив почти в полтора раза результаты первой серии «Пираты Карибского моря: Проклятие «Черной жемчужины» в США, но и в мире взяв невероятную высоту в 1 млрд долларов (это всего лишь третий случай в истории — после «Титаника» и «Властелина Колец: Возвращение короля»). Фантастические комиксы «Люди Икс: Последняя битва» и «Возвращение Супермена» благодаря высокой популярности соответствующих киноциклов получили вполне предполагаемые суммы за пределами двухсот миллионов в Америке. Но далее в списке лидеров проката — своего рода «чёрная дыра», поскольку лишь трагикомическая фантазия «Клик: С пультом по жизни» сумела преодолеть стомиллионную отметку, а большинство фильмов осталось за пределами \$65 млн, что по нынешним ценам на билеты в американские кинотеатры примерно соответствует показателям десятиллионной посещаемости.

*В нижеследующем перечне знаком * помечены ленты, вышедшие под занавес 2005 года. Фильмы, прокат которых еще продолжается, по-*

*мечены знаком **. Данные по картинам 2006 года приведены по состоянию на 24 декабря.*

1. «Пираты Карибского моря: Сундук мертвеца» (Pirates of the Caribbean: Dead Man's Chest), приключенческая фантазия Гора Вербински, бюджет — \$225 млн, кассовые сборы в США — **\$423,3 млн**, посещаемость в США — 64,3 млн зрителей, кассовые сборы в мире — \$1 млрд 65 млн.

2. «Хроники Нарнии: Лев, Колдунья и волшебный шкаф» (The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe), сказка Эндрю Эдамсона по мотивам повести Клайва Стейплза Льюиса, \$180 млн, **\$291,7 млн**, 45,6 млн зрителей, \$744,8 млн. *

3. «Люди Икс: Последняя битва» (X-Men: The Last Stand), фантастический комикс Бретта Рэтнера, \$210 млн, **\$234,4 млн**, 35,6 млн зрителей, \$458,75 млн.

4. «Кинг Конг» (King Kong), фантастико-приключенческая ретро-мелодрама Питера Джексона, \$207 млн, **\$218,1 млн**, 34,1 млн зрителей, \$549,3 млн. *

5. «Супермен возвращается»/«Возвращение Супермена» (Superman Returns), фантастический комикс Брайана Сингера, \$270 млн, **\$200,1 млн**, 30,4 млн зрителей, \$391,1 млн.

6. «Клик»/«Клик: С пультом по жизни» (Click), трагикомическая фантазия Фрэнка Корачи, \$82,5 млн, **\$137,3 млн**, 20,9 млн зрителей, \$232,15 млн.

7. «Санта-Клаус 3: Бегство Клауса» (The Santa Clause 3: The Escape Clause), комедийная семейная сказка Майкла Лембека, **\$82,2 млн** (прогноз — **\$90 млн**), \$98,8 млн. **

8. «Дом-монстр» (Monster House), анимационная комедийная фантазия Гила Кенана для семейного просмотра, \$75 млн, **\$73,7 млн**, 11,2 млн зрителей, \$135,3 млн.

9. «В» — значит вендетта» (V for Vendetta), фантастический комикс Джеймса Мактига, \$54 млн, **\$70,5 млн**, 10,7 млн зрителей, \$132,5 млн.

10. «Другой мир II: Эволюция» (Underworld: Evolution), мистико-фантастический фильм Лена Уайзмана, \$50 млн, **\$62,3 млн**, 9,5 млн зрителей, \$111,3 млн.

11. «Лохматый папа» (Shaggy Dog), комедийная фантазия Брайана Роббинса, **\$61,1 млн**, 9,3 млн зрителей, \$84,4 млн.

12. «Дежа вю» (Deja vu), фантастико-мелодраматический триллер Тони Скотта, \$75 млн, **\$59,8 млн** (прогноз — **\$65 млн**), \$82,7 млн. **

13. «Предзнаменование»/«Омен» (The Omen), мистический римейк Джона Мура, \$25 млн, **\$54,6 млн**, 8,3 млн зрителей, \$119,2 млн.

14. «Пункт назначения 3» (Final Destination 3), мистический триллер Джеймса Вона, \$25 млн, **\$54,1 млн**, 8,2 млн зрителей, \$113,3 млн.

15. «Дом у озера» (Lake House), фэнтезийная мелодрама Алехандро Агresti, \$40 млн, **\$52,3 млн**, 7,95 млн зрителей, \$114,8 млн.

16. «Престиж» (The Prestige), историко-мистический триллер Кристофера Нолана, \$40 млн, **\$52,1 млн**, 7,9 млн зрителей, \$78,8 млн.

17. «Няня Макфи»/«Моя ужасная няня» (Nanny McPhee), Великобритания, фэнтезийная комедия Кёрка Джонса для семейного просмотра, \$25 млн, **\$47,1 млн**, 7,2 млн зрителей, \$120,9 млн.

18. «Сайлент Хилл» (Silent Hill), мистический хоррор Кристофера Гана, \$50 млн, **\$47 млн**, 7,1 млн зрителей, \$97,6 млн.

19. «Девушка из воды» (Lady in the Water), мистическая фантазия М.Найта Шьямалана, \$70 млн, **\$42,3 млн**, 6,4 млн зрителей, \$72,8 млн.

20. «У холмов есть глаза» (The Hills Have Eyes), фильм ужасов Александра Ажа, \$15 млн, **\$41,8 млн**, 6,35 млн зрителей, \$69,5 млн.

21. «Нелепей вымысла» (Stranger Than Fiction), фэнтезийная романтическая комедия Марка Форстера, \$30 млн, **\$40,6 млн** (прогноз — **\$43 млн**), \$42,5 млн. **

22. «Иллюзионист» (The Illusionist), историко-мелодраматический триллер Нила Бёрджера с элементами мистики, \$16,5 млн, **\$39,7 млн**, 6 млн зрителей, \$57,8 млн.

23. «Проклятие 2» (The Grudge 2), мистический фильм ужасов Такаси Симидзу, \$20 млн, **\$39,1 млн**, 5,9 млн зрителей, \$59,2 млн.

24. «Эрагон» (Eragon), фэнтези-сага Стивена Фангмайера, \$100 млн, **\$37,65 млн** (прогноз — **\$60 млн**), \$70,2 млн. **

25. «Ночь в музее» (Night at the Museum), фэнтезийная комедия Шона Ливая, **\$30,8 млн** (прогноз — **\$80 млн**). **

26. «Гроза муравьёв» (The Ant Bully), анимационная комедийная фантазия Джона Дэвиса, \$50 млн, **\$28,1 млн**, 4,3 млн зрителей, \$54,6 млн.

27. «Спуск» (The Descent), Великобритания, мистико-приключенческий фильм Нила Маршалла, \$6,5 млн, **\$26 млн**, 3,95 млн зрителей, \$44,5 млн. *

28. «Плетёный человек» (The Wicker Man), мистический фильм ужасов Нила Ла Бьюта, \$40 млн, **\$23,65 млн**, 3,6 млн зрителей, \$32,3 млн.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

А Л Е К С А Н Д Р Я Б Л О К О В

МЕРТВЕЦ

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

Неподалеку от Белфонта, штат Пенсильвания

Завтрак закончился, толпа схлынула. Отодвинутые в спешке стулья под странными углами теснились вокруг заляпанных сиропом столиков. Официантка немного сбавила шаг и, наливая мертвецу вторую чашку кофе, наконец-то поправила упавшую на глаза прядь волос.

— Это ваше? — спросил он, указывая на стену.

Официантка не удостоила его ответом. Вместо этого она обернулась ко мне.

— Что, уже не лезет после вчерашнего?

Я отодвинул от себя тарелку с нетронутой индейкой и недоеденным гарниром. На самом деле, за всей этой охотой на мертвеца я вообще пропустил День благодарения и сейчас пытался восполнить этот пробел. Похоже, не слишком удачно.

— Просто нет аппетита.

— Зачем же тогда было заказывать? Кто вас заставлял? Я вам тут не мамочка, чтобы всех уговаривать...

— Это точно, — согласился я.

Она шуточно поддела мой рюкзак носком тапочка с пятном горчицы.

— Это что еще за дамская сумочка? — И прежде чем я успел ее остановить, наклонилась и попыталась его приподнять. — Черт! Гантели там, что ли?!

Я ляпнул первое, что пришло в голову:

— Это поисковое оборудование. Знаете, ищу всякие штуки вдоль старой железной дороги... Вы себе не представляете, сколько там валяется интересных вещей.

— Неужели?

— Ну да. Иногда на тако-ое можно наткнуться! Обломки фонарей, молотки обходчиков... Однажды мне даже попался телеграфный ключ. Вы только представьте, какие им передавали сообщения!

Всем известно, что занудство — лучшая маскировка. И очень редко кто этим пользуется.

Все то время, что я проторчал в закускойной, здоровенный парень за столиком у входа не сводил глаз с официантки. Она же умудрилась принести ему бифштекс, картошку фри, глазунью из трех яиц, английскую булку, французскую булочку, три чашки кофе, ментоловую зубочистку — и при этом ни разу на него не взглянуть. Во время этой короткой беседы верзила так поглядывал в нашу сторону, что мне было немного не по себе. Но теперь он сгреб свою охотничью кепку кислотно-оранжевого цвета и поплелся к выходу, оставив в подставке для салфеток изящного лебедя из десятидолларовой банкноты. По-преж-

нему не поднимая глаз, официантка забрала этот шедевр оригами, развернула и сунула в карман фартука, после чего протерла растрескавшуюся клеенку мокрой тряпкой.

— Не советую сегодня высовывать отсюда свою задницу, — бросила она мне. — Первый день сезона охоты, и каждый норовит пальнуть по всему, что шевелится.

— Спасибо за совет. Хотя я уже нашел, что искал.

Она с подозрением глянула на меня.

— Да ну? — Глаза у нее были серые, самые обыкновенные. — И что же?

Похоже, я становлюсь чересчур разговорчивым.

— Да так, ничего. Старый хлам. На самом деле, главное ведь не результат, а сам процесс, верно? Это как в спорте...

Она фыркнула. Я показал себя таким же тупицей, как и все остальные.

Мертвец снова призывно взмахнул своей чашкой. Но когда официантка приблизилась, отдернул руку, лишив ее законной добычи.

— Так это ваше? — кивнув на стену, спросил он.

— С чего вы взяли?

На стене, обшитой дешевым пластиком «под дерево», висело с полдюжины акварелей — между часами с изображением поднимающихся с болота уток и коллекцией тарелок с Капитолиями, причем большинства штатов на полке не доставало.

— Не знаю. — Мертвец с видом знатока задумчиво втянул щеки. — Есть что-то такое в их стиле...

Официантка пожалала плечами. Стройная и подвижная, она все же была старше, чем мне показалось вначале. Но этот жест, без сомнения, остался неизменным с момента ее появления на свет.

— Угу. — Это прозвучало как признание.

— Очень мило.

— Ну конечно.

— Нет, правда. Я вас не слишком отвлекаю?

Она взглянула в окно на посыпанную гравием парковку, где молчаливые грузовики дожидались возвращения своих хозяев-охотников.

— Ваши работы объединяет... э-э... один лейтмотив, верно? Назовем его «Отбросы цивилизации против сорной травы». Пожалуй, именно так, на грани, где одно переходит в другое.

— Можно и так сказать. — Она протянула руку, чтобы забрать тарелку.

— Я еще не закончил.

Судя по жесту, которым официантка отбросила со лба волосы, она ему не поверила, однако все же поставила назад тяжелую тарелку с розовым ободком и пятнами яичного желтка.

— Особенно мне понравилась вот эта. Заржавевший насос, лежащий среди цветущей куриной слепоты. И еще вот эта... Смятый бумажный пакет буквально рифмуется с сухими дубовыми листьями. Ну, чем не лейтмотив?

— Это просто то, что я вижу.

— И это вы тоже видели?

Пауза.

— Конечно. Я не могла этого не увидеть. Даже на работу опоздала. А вы бы прошли мимо?

— Пожалуй, нет. Но я бы не знал, что с этим делать.

Украдкой, стараясь, чтобы мертвец не заметил, что я обращаю на него внимание, я тоже взглянул. Из свежеекатанного асфальта торчали две лягушачьи лапки. Не представляю, как она этого добилась, но казалось, будто над дорогой все еще вздымается пар. Пятнистые лапки влажно поблескивали.

— Вот и я не знала... Босс говорит, от этого у клиентов аппетит портится.

— И тем не менее разрешил вам повесить картину?

— А куда бы он делся? Кто еще согласится здесь работать?

Телу этого мертвеца довелось пережить столкновение с перилами моста, а также немало побродяжничать, к чему он вряд ли был подготовлен. Несмотря на это, выглядел он довольно неплохо, даже внушительно. Под вельветовой рубашкой выпирало брюшко. Когда я брался за эту работу, то провел немало времени в беседах с его переселенной личностью. Голос был полностью синтезированный, потому я совершенно не представлял себе, каким окажется тело. Клиент, разумеется, прислал мне давнишнюю фотографию какого-то моложавого типа. Видно, комплексы живут в людях и после смерти...

Впрочем, это тело как раз не умерло. В том-то и заключалась проблема, для решения которой меня наняли. Я взвалил на плечи рюкзак с необходимыми для работы инструментами. Не гантели, конечно, но вес все равно немаленький. Зато помогает держаться в форме.

Неподалеку от Монтчелло, штат Юта

— Что вы пьете? — поинтересовался голос из динамика, висящего на перилах лестницы.

— Бурбон.

— Всегда любил бурбон...

— И чем вы его теперь заменяете?

— Вкус никуда не делся, просто теперь он не имеет смысла.

Я качнул жидкость в фарфоровой чашке, гадая, сможет ли встроенный микрофон уловить всплеск.

Динамик хохотнул. Смех вышел совсем как настоящий, с очень натуральной гортанной хрипотцой. Однако если он думал таким образом меня успокоить, то ошибся. Ведь этот голос был выбран специально. Лично я предпочитал те, что дико ревели в диапазоне нескольких октав, словно трубы архангелов. Громкость ведь всегда можно уменьшить.

— Понимаете, Ян, я способен чувствовать вкус не хуже, чем вы. Но... нет контекста. Никаких ассоциаций со старыми приятелями, с престижностью, с сексом. Знаете, до переселения я и не подозревал, насколько в мире ощущений все зависит от среды...

Тополя за пересохшим ручьем поскрипывали на ветру. Вообще, по моему, тополь — это скорее гигантский сорняк, а не дерево. Упавшие ветки вечно изгаживают то, что я называю «моим газоном», хотя на самом деле является местом, куда местные недоросли приходят по ночам, чтобы снова и снова удостовериться: пивные банки не горят. Взамен двух покрышек, которые триумфальными арками проторчали в песке весь прошлый год, последний ливень принес мне тележку из какого-то супермаркета. Теперь она лежала там колесами вверх, наполовину засыпанная песком. Должно быть, кто-то сбросил ее с моста выше по течению.

— Так что это еще вопрос, — продолжал он, — получил бы я истинное удовольствие от глотка «Мэйкерс Марк», если бы ни разу не видел его рекламы.

Я осушил свою чашку и наполнил заново. Однажды, несколько месяцев назад, я швырнул ее в один джип с присобаченными к крыше колонками — видимо, на тот случай, если какой-нибудь горный козел еще не слышал о том, как любовь-морковь волнует кровь. А на следующее утро я снова нашел ее: как ни в чем не бывало моя чашка стояла прямо на разделительной полосе — целехонькая, только ручка отбита. С тех пор это моя любимая чашка.

— Возвращаемся к старому парадоксу на новый лад, — сказал он. — Кому они нужны, эти деревья? В том-то все и дело, что человеческий разум — результат общения с себе подобными. И существует он, в первую очередь, благодаря социуму. Никуда от этого не денешься.

— Вы, наверное, хотели спросить, есть ли у меня какие-то успехи.

— Да, признаться, эта мысль приходила мне в голову.

— Так вот... Никаких.

— Что, совсем?

— Вы исчезли совершенно бесследно. Я понятия не имею, где вы находитесь.

* Парадокс Джорджа Беркли: «Если в лесу падает дерево и никто этого не слышит, производит ли его падение шум?»

Он фыркнул, явно польщенный, несмотря на неудачу.

— Выходит, я оказался умнее, чем вы думали?

— Нет.

— Как это?

— Дело не в том, умный вы или нет. Не из-за этого я не могу вас найти.

— Ян, нехорошо так обижать клиентов.

— Послушайте, — сказал я, — если бы у вас сейчас было тело, вы смогли бы удариться в бега и в течение месяца водить за нос хитроумнейшую систему слежки? Только честно? Знаете что? Если вы сейчас не скажете мне всю правду, я никогда не смогу вас найти.

— Мое тело. Вы не сможете найти мое тело.

— Это вы — и вы это знаете. Не какой-то там зомби, а вы сами. Вы в своем собственном теле. Тот вы, каким вы прожили всю жизнь.

— Это все равно что сказать: «Это вы, только другой вы».

— Ну да, — согласился я. — К сожалению, наша грамматика отстала от жизни и пока не делает различий между «вторым лицом кремниевым» и «вторым лицом углеводородным». Уж извините.

— Ян, — вздохнул он, — я нанял вас, чтобы найти меня. Мою переселенную версию, или остаток меня, или того меня, который не умер так, как следовало. А вы несколько не продвинулись в этом деле. И это не радует.

У переселенных вечно какие-то комплексы. Они ни за что не признаются в чем-то подобном, но это так. Тело, по крайней мере, несет на себе неоспоримую печать подлинности. Лишившись же столь ошутимого «водяного знака», все переселенцы в той или иной мере страдают синдромом самозванца, хотя и никогда с этим не согласятся. Насколько же хуже обстоят дела, когда есть еще и тело, которое разгуливает по белу свету вместе с версией твоей оригинальной личности!

Однако на этот раз проблема оказалась еще сложнее. Мой клиент полагал, что процесс перехода прервался раньше, чем были закодированы и переданы последние мельчайшие частицы биоэлектрического потенциала. И он ощущал себя как бы не в фокусе, словно скачался не до конца. А потому нуждался в доступе к своему прежнему мозгу.

Разумеется, в результате такого доступа мозг был бы полностью разрушен. Такова уж технология, ничего не поделаешь.

— Если мы хотим чего-то добиться, — заявил я, — вы должны ответить на мой вопрос.

Длинная пауза.

— Нет, Ян. Я не смог бы от вас скрыться.

— Значит, вам кто-то помог.

— Похоже, что так.

— Но вы-то что мне сказали? Что погибли в автокатастрофе на каком-то безлюдном шоссе!

— На дороге, ведущей к трассе I-80, к западу от Гранд-Айленда. Машину занесло на мокром асфальте.

— Я слышал о людях, которые делают такие штуки специально. Переселяются сами, но еще и тело оставляют. Что-то вроде извращенно-го размножения, только воспроизводится не тело, а разум.

— Ян, я ведь уже сказал вам. Думаете, я просто издеваюсь? Ваши услуги дороговато стоят для подобных шуток. Никакого злого умысла, поверьте. Я был уверен, что погиб во время аварии, а затем был успешно и полностью переселен — и вдруг обнаруживается, что мое тело все еще где-то шатается. Мне это не нравится.

Тело, вот этот самый мертвец, засветилось на скрытой камере в городе Дэйвенпорт, что в Айове: он брился в туалете на местной автозаправке. Качество изображения оказалось отвратительным, но все равно было видно, как ужасно он выглядел: всюду бинты, шины, осмотический мини-насос под мышкой... И тем не менее он останется жив. Взятые с одноразовой бритвы образцы ДНК однозначно принадлежали моему клиенту. То есть его телу. И это был последний след, который мне удалось обнаружить. Там, где-то в горах над Миссисипи, мертвец исчез.

Я установил наблюдение в его любимых и просто знакомых местах: в домах друзей, в городе, где он учился, рядом с музеями и кафе, к которым его могло потянуть. Ничего. Он даже не явился на могилу жены, которая умерла (по-настоящему) за год до той аварии. Ему явно подсказали. Кто-то помогал.

— Тот несчастный случай. Я хочу представить его в мельчайших подробностях, — сказал я. — Расскажите, что именно тогда произошло.

— Да гнать не надо было... — проворчал он. — Ничего бы и не произошло.

* * *

Он спешил из мотеля на обеденную встречу с важным клиентом, уже опаздывая. Стояла поздняя осень, и в тени под пешеходным переходом еще оставалась полоска льда, хотя в других местах остатки выпавшего накануне снега уже растаяли. Он гнал машину на предельной скорости, безопасной для сухого асфальта. А когда вылетел на лед, резерва для ошибки уже не оставалось.

И она не замедлила случиться. Он не вписался в поворот, врезался в ограждение и потерял сознание на обочине шоссе, вдали от станций «скорой помощи». Помнил только, как лежал в искореженной машине, пригвожденный к сиденью металлическими обломками сквозь

беспользную защиту сдувшейся подушки безопасности. А еще — как приближающиеся фары превратили бетонные перила моста в размытую колонну света.

Потом он очнулся: с криком, весь в крови, почти при смерти. Но, как ни странно, не в машине «скорой помощи», а в кузове напичканного электроникой микроавтобуса.

Это было воспоминание моего клиента. По-видимому, было много чего еще, раз его сознание отсканировано и запущено заново. Однако во время скачивания гиппокамп прекращает передачу данных из оперативной памяти в долговременную, а синтез белка происходит со сбоями, поэтому воспоминаний об этом периоде сохраниться не могло. Лихорадочные видения умирающего — вот все, с чем мне предстояло работать: вспышки красных светодиодов и гирлянды спутанных кабелей.

— Я ему помешал, — произнес он вдруг.

— Кому? — не понял я.

— Тому типу, который меня переселял. Понимаете, я был весь в крови, а когда он схватил меня, чтобы уложить на сиденье, то всего перемазал еще и соусом для барбекю. Даже волосы выпачкал, пока подсоединял электроды... Не знаю уж, салфеток у него не было, что ли? Такой резкий, сладкий запах, похожий на кровь, только сильнее... И угораздило же меня так умереть! А он откуда взялся?! На полу валялся смятый бумажный пакет, и на картонной тарелке лежали свиные ребрышки. Он даже погрыз их еще немного, не отрываясь от работы — словно я не умирал буквально у него на руках!

Что ж, если в Гранд-Айленде имелось приличное местечко, где готовили барбекю, я знал, кто мог найти моего клиента. Но какого дьявола Барнаби на старости лет взялся задаром переселять найденных на дороге незнакомцев? Да потом еще и разрабатывать изощренные планы, чтобы помочь телу избежать поимки? Он ведь давным-давно отошел от дел... Однако все это теперь не имело значения. Мой старый друг и учитель. У меня не было ни малейшего желания его выслеживать.

Мама должна знать, где он.

* * *

Открывая телефон, я резко дернул слайдер, и тот застрял.

— Черт!

Я нажал сильнее, но в результате его заело окончательно.

— Надо почаще вычищать оттуда песок.

Как и все родители, моя мамочка ухитряется давать ценные советы в такую минуту, когда они могут вызвать лишь раздражение.

— Я знаю, мама.

— Как у тебя дела?

— Отлично. Извини, что так долго пропадал. Попалось несколько особо привередливых клиентов.

— Представляю, скольких эмоциональных затрат требует твоя работа.

— И не говори. Я знал, что ты все поймешь, мам. Слушай, я тут вспомнил кое-что и подумал...

— Милый, тебе нужно просто сказать это «кое-что».

Я вздохнул.

— Знаю.

— Ну, и?..

— Ты давно разговаривала с Барнаби? — Пожалуй, это прозвучало чересчур торопливо. — В смысле, вы ведь поддерживаете какие-то отношения, верно? Думаю, до рождественских открыток дело не дошло, но он всегда был к тебе неравнодушен, сам мне это говорил. И ты знала, что он просто делал то, что должен был...

Я выдохся и замолчал. Я заполнил болтовней столько пустоты, сколько мог, но, похоже, ее запасы были неисчерпаемы.

К ночи похолодало, а бурбон почему-то перестал меня греть. Я встал пятками на самый край крыльца. Ступенька скрипнула под моим весом, но выдержала. Где-то в темноте послышался детский смех койота.

— Что тебе нужно? — Ее голос был едва различим.

— Да так, ничего. Я...

— Милый, ты способен воспринимать конструктивную критику?

Я проглотил слова, о которых потом мог пожалеть. И благодаря которым никогда бы не получил то, что хотел.

— Разумеется. С удовольствием. Выкладывай.

— Когда ты говоришь «да так, ничего», это значит, что дальше ты наплетешь кучу чепухи. Не надо, ладно? И тогда мы оба сможем не притворяться, а беседовать серьезно.

— Мне нужен Барнаби, — выдавил я через силу. — По работе. У него есть кое-какая информация, которая мне необходима. Я должен с ним поговорить. Ты ведь знаешь, тебе он не откажет. Для него это было такое счастье — а точнее, облегчение, — что ты начала с ним общаться. Ему от этого становилось как-то легче. Где он теперь?

— Оставь его в покое, — отрезала она. — Оставь меня в покое.

— Не могу. Он знает то, что мне нужно.

— Прости, милый. Прости... за все.

— Ну что ты, мам. Все в порядке.

Повисла долгая пауза, и я уже решил было, что мама ушла.

— Милый... Ты только спросишь его, правда? Ничего больше?

— Мне нужна зацепка. Хоть что-нибудь.

— И ты уверен, что он сможет тебе помочь?

— Да.

И она мне сказала.

— Спасибо, мам. Я позвоню.

Я отправился на кухню и стал готовить себе бутерброды в дорогу.

Неподалеку от Белфонта, штат Пенсильвания

Но я так и не позвонил ей — пока не переговорил с Барнаби. И она мне не звонила. С момента моей первой встречи с Барнаби наше общение с мамой никогда еще не прерывалось на столь долгий срок.

Пусть мертвец потешится беседами об искусстве и флиртом с официанткой, решил я. Недолго ему уже осталось — теперь, когда я наконец его выследил. Я допил свой кофе и пошел звонить маме.

В закуточных давно уже не стояли телефоны-автоматы, но люди по-прежнему пользовались коридорчиком возле туалета для телефонных разговоров — здесь пусть весьма условное, но все же уединение. Вся стена была исписана телефонными номерами вперемежку с комментариями типа: «Вот же сука!», «Задолбало уже это ваше пипи-пи...» или «Большой хрустящий кусок французской итальянской булки»...

— Мам? Ты меня слышишь?

Сплошные помехи, гораздо сильнее, чем обычно. И все же я ощущал ее присутствие на другом конце линии — как в детстве, когда заходил в мамину спальню, чтобы услышать ее дыхание и удостовериться, что она жива.

— Мама!

— Что ты с ним сделал? — ее голос раздался в моем ухе неожиданно резко.

— С Барнаби? Просто поговорил... Клянусь! Он выглядел... м-м-м... довольно неплохо, учитывая обстоятельства. В смысле, он стал действительно...

— Его увезла «скорая». Он в реанимации. Сообщили: шансов выжить немного.

Бедняга Барнаби. Честно говоря, выглядел он неважно, но мне почему-то казалось, что он будет жить вечно.

— Я тут совершенно ни при чем. Когда я уходил, он был в полном порядке.

Тишина.

— Мам? Пожалуйста...

Я ждал долго, но больше не услышал ничего.

* * *

Когда я вернулся, официантка протирала тряпкой опустевший столик мертвеца. Я закинул рюкзак на плечо и бросился к двери.

— Вам вернуться с собой? — крикнула она мне вдогонку.

— Удачного вам сезона! — пожелал я на прощание. — Если мы больше не увидимся.

Дверь его машины была распахнута. Конечно, прежде чем войти в кафе, я позаботился о стартере. Чтобы понять это, ему хватило пары секунд. Быстро соображает. Мой клиент все время кичился своей проциательностью, но я не придавал этому особого значения, а зря.

От автостоянки склон холма уходил круто вверх, теряясь в тени оголенных дубовых крон. На фоне ясного осеннего неба темнели пятна пожелтой листвы и опустевшие комья птичьих гнезд.

Где-то выше по склону затрещали ветки. Я бросился туда, продираясь сквозь заросли кустарника, от которого, наверное, произошла колючая проволока. После нескольких минут неравной борьбы я наткнулся на какой-то ручей. Если идти по течению и пригнуться пониже, встречи с большинством колючек можно миновать. Из-под ног у меня покатались камешки. Судя по отпечаткам ботинок, мертвец пришел к тому же выводу, что и я.

Но на что он рассчитывает, этот жалкий ублюдок? Бежать ему некуда. Несмотря на то, что он отчаянно цепляется за собственное тело, он не слишком хорошо о нем заботится. После такого подъема он совсем выбьется из сил. Я прикинул, что это должно произойти минут через пятнадцать.

Ручеек тем временем забирал вверх все круче. Должно быть, во время сезона дождей он превращается в настоящий водопад. Надо мной нависли три длинных сросшихся корня. Пока я пытался за них ухватиться, острые концы впивались мне прямо в лицо. Пришлось отклониться немного назад и цепляться не глядя, на ощупь. Корневища были мокрые и скользкие. Наконец мне удалось отыскать корень, который был немного суше и крепче остальных, и подтянуться. Тот прогнулся под моей тяжестью. Повиснув на локте, я глянул вверх и обнаружил перед глазами грязную подошву. Мертвец поставил ногу мне на грудь и неторопливо надавил.

Корень выскользнул у меня из рук, и я рухнул назад. Ударился я довольно крепко, а потом покатился вниз, пересчитав все камни на склоне. Наконец, уткнувшись лицом в землю, я остановился. Сверху донесся треск ломающихся веток, затем все стихло.

Первым делом я проверил целостность снаряжения, а потом уж и свою. И то, и другое вроде бы еще работало. Я снова стал карабкаться вверх по склону, на этот раз осторожнее.

За водопадом начинался лес. Я не видел, куда убежал мертвец: может, налево, вверх по склону, который становился все круче, а может, к открытой равнине, туда, где гребень холма изгибался петлей, образуя долину.

Кто-то негромко кашлянул. Я оглянулся. На скалистом выступе стоял человек с ружьем.

— Господи, от тебя шума больше, чем от рухнувшей космической станции! — Это оказался охотник из кафе, тот самый, что оставил официантке денежного лебеда. На нем красовалась все та же ярко-оранжевая кепка. — Ну и что мне с тобой делать? Придется вытаскивать тебя отсюда к такой-то матери. Пива хочешь?

В пригороде Феникса, штат Аризона

— Это случилось после того, как мы переселили ту женщину по фамилии Вилсон. — Барнаби шаркал по дому в разных тапках: один был стоптанный, а второй новехонький, еще с этикеткой на пятке. Я ходил следом. Медленно. Мы обошли дом по кругу: кухня, столовая, гостиная, прихожая, снова кухня... И так два раза. — Хотела, чтобы ее переселили вместе с собакой. Деньжата у нее водились, но... Черт, не хватало еще, чтобы бессмертная шавка пребывала в вечном психозе по поводу отсутствия кремниевых столбов!

Голос у него стал куда тише, чем раньше, а в руках появилась дрожь.

— Барнаби...

Он взглянул на меня.

— Ты ведь тоже туда хочешь, да? — спросил он. — Хочешь, чтобы тебя выскребли из этой смазливой рожи и переселили наверх, прямо к бестелесной вечной жизни? Что ж, тогда придется тебе раскошелиться, вот и все, что я могу сказать.

— Ты всегда требуешь деньги вперед?

— Я что, благотворительная организация? — Эта его любимая приписка теперь казалась каким-то странным атавизмом. Он усмехнулся и тут же зашелся хриплым кашлем. — Проклятье! Это все из-за лишней жидкости. В моем возрасте она скапливается повсюду.

Новый приступ кашля. Прошло несколько минут, прежде чем он отдышался.

— Будто головка лука, заваливающаяся в углу холодильника... Счишай это тело, как шелуху, сынок. И чем раньше, тем лучше. А не то потеряешь последнее, что осталось.

— Эх, Барнаби...

Похоже, у него самого были не все дома. Я даже удивился, как меня это расстроило.

— О Барнаби не беспокойся. — Только привычка огрызаться осталась прежней. — С Барнаби все в порядке.

— Ты хоть меня-то помнишь?

— Хм... — в его голосе послышалось сомнение. — Все вы, клиенты, на одно лицо... Я что, черт побери, обязан всех помнить? Вы сваливаете, а мне остаются одни вонючие скелеты. Об этом вы когда-нибудь думали? Хрена с два! Для вас это все грязное бельё. Вы даже не запикиваете его в корзину... Хочешь выпить?

Я вздохнул.

— Хочу.

— Тебе, как всегда, «Мэйкерс Марк»?

Я удивленно на него посмотрел, но Барнаби по-прежнему выглядел дряхлым полоумным стариканом. Что это, результат случайного столкновения нейронов? Или он надо мной потешается?

— Сам я уже не чувствую вкуса этой дряни, но надраться в хлам еще могу. Сейчас, только найду очки, чтобы отыскать, где она...

Уткнув подбородок в воротник заношенного халата, он принялся возиться со шнурками, на которых болталось, как минимум, три пары очков.

— Состязание между чувствами и разумом: кто первый вылетит за дверь.

— Барнаби, я кое-кого ищу.

— Я тоже. — Вид у него был унылый. — Себя. Такое чувство, будто оставил большую свою половину в вагоне, а сам выбежал на минутку за сигаретами и отстал.

— Ты переселял его примерно год назад.

— Не будем о тех, кого я переселял. Это все в прошлом.

— Барнаби, мне *нужно* знать.

Это прозвучало чуть резче, чем я хотел. Его глаза, в очках похожие на яйца с голубыми желтками, сердито уставились на меня.

— Всем нам чего-нибудь нужно. Тебе, думаю, сейчас нужнее всего стаканчик старого доброго бурбона.

Мы снова вернулись на кухню. Нагнувшись, Барнаби отворил шкафчик возле раковины. Затем извлек оттуда охапку полиэтиленовых мешочков, полупустой пакет шоколадных хлопьев, пару банок колы и батон обглоданного мышами хлеба. Хлопья из пакета сыпались через прогрызенную дырку. Барнаби сосредоточенно поковырял ее скрюченным пальцем, затем, после минутного раздумья, открыл какой-то ящик, покопался в мешанине розеток, удлинителей, распределительных коробок и лампочек и наконец вытащил катушку скотча.

— Ты не мог бы подцепить эту штуку? Мои пальцы...

Я помог ему. Он отмотал изрядный кусок липкой ленты, заклеил

пакет и поставил его на стол. Потом снова наклонился, нырнул в глубь шкафа и вытащил оттуда бутылку виски — красную, с каплями поддельного воска на горлышке. Бутылка была непечатая.

— Должен сказать, Барнаби, я потрясен. — Я откупорил и наполнил два пыльных бокала. — Он не мог тебе заплатить. И никакой сделки вы заключить не успели. Ты просто ехал мимо, доедая по дороге свой ужин, слушал радио и случайно наткнулся на разбитую машину. Ты вытащил умирающего человека и переселил его — вот и все. Ну, просто ангел милосердия.

Барнаби с хмурым видом сидел за кухонным столом, словно дожидаясь, когда же официант наконец подаст ему суп.

— Но он выжил, — продолжал я. — Кто мог такое предвидеть? Тебе пришлось оставить ему личность. Я знаю, как ты работаешь, Барнаби, уж поверь мне. Но мне нужно его найти, вот и все.

— Да, я, бывало, попадал в аварии... Помню, как-то ехал я в жуткий ливень, когда тот парень на мотоцикле... Ты не поверишь, на мотоцикле с коляской! Выскочил мне навстречу на полной скорости и — бац!

Я схватил его за грудки и встряхнул. Он оказался на удивление тяжелым и рыхлым — вовсе не мешок костей, как мне казалось.

— Барнаби, шутки в сторону! Мне необходимо его найти.

— Ты всегда был редкостным дерьмом, — сказал Барнаби. — Я приютил тебя, научил ремеслу, помог выжить... И знаешь что? Не стоило этого делать. Нет, не стоило.

Он замолчал, задыхаясь. Очки свалились ему на грудь, седые волосы стояли торчком. Глаза уставились куда-то мимо, словно меня вообще здесь не было, словно это не я чуть не задушил его только что.

Я опустил его на стул. Мама не хотела, чтобы я здесь появлялся. Она боялась. Чего? Что я свяжу старика и буду его пытаться? Что я убью его? У родителей порой довольно странные представления о детях...

Я потянул на себя входную дверь и едва не споткнулся о два засохших цветка в горшках, стоявших на верхней ступеньке крыльца. Я и забыл, что в провинции парадный вход — штука чисто символическая и что в дом я вошел через гараж.

— Погоди, погоди. — Он зашаркал за мной следом. — Ян...

Я обернулся.

— Ян... Я не хотел... На самом деле я рад тебя видеть.

— Я тоже был рад повидаться.

Он положил руку мне на плечо и пристально посмотрел мне в лицо. Что ему вспоминалось? Быть может, то, как он впервые по-настоящему взгляделся в мое лицо, когда я с криками валялся той ночью на лужайке?

А может, и нет. Возможно, он снова силился вспомнить, кто я такой.

— Тебе это и правда нужно? — спросил он.

— Иначе я бы не стал являться сюда и приставать к тебе.

— Да ладно, чего уж там... — пробормотал он и глубоко вздохнул. — Я ведь, знаешь, всю жизнь избавлялся от тел. Они были ничем. Отбросами. Но свое тело я не брошу. Я не буду переселяться. Во-первых, бóльшая часть меня уже исчезла. Я тянул слишком долго. Не хотелось бы мне доживать вечность с тем, что осталось. Но есть и еще кое-что... Вот этот мешок дерьма — я. Не просто сопли, которые свисают с моего мозга. Это и есть я.

— Понятно.

— Я дал ему хорошее прикрытие: Деннис Нейдел. Для друзей просто Дон-Дон.

— Дон-Дон?

— Хорошее прозвище, правда? Прилипло еще со времен студенчества, после какой-то тупой шутки в китайском ресторане. Такие вещи застревают в памяти навечно: например, как кто-нибудь упал и сломал зуб, поскольку слонялся без дела, вместо того чтобы пойти в школу. Или кто-то неправильно произносит какое-нибудь слово... Или — ты. — Он даже трястись перестал. — Ян, а ведь ты и есть моя случайная отличительная черта.

— Кстати, мама передавала привет.

— Я и не сомневался.

— Зачем ты это сделал? — спросил я.

— Ты имеешь в виду, зачем я помог этому парню выжить? — Он пожал плечами, приведя в движение множество костей. — Ну, я был немного навеселе... Ладно-ладно, выпил пять кружек пива и виски в придачу. Это случилось прямо на моих глазах. Этот тип ни на что не обращал внимания, просто несся по дороге, даже не притормозил на повороте. Бац! Я услышал, как что-то хрустнуло. Ну да, я было проехал мимо, но в последнюю секунду остановился. Все снаряжение — со мной, я на взводе, вот и взялся за работу, даже не соображая, что делаю. Понимаешь, Ян, я ведь уже сто лет этим занимаюсь...

— Знаю, Барнаби, — кивнул я. — Уж я-то знаю.

Не обращая на меня внимания, он продолжал:

— Наверное, мне просто захотелось выпендриться. Ни перед кем. Просто... о Господи! Ну, знаешь, прощальная гастроль и все в таком духе... Не знаю. Пойми, это ведь *мое дело*. Единственное, в чем я мастер. Вот и все.

— Но он не умер.

— Смотри-ка, какие мы стали сообразительные! Кто бы мог подумать... Ну да, он не умер. Он даже не собирался умирать — ни тогда, ни после. Меня просто сбита с толку вся эта кровяшка. Сказывается все-таки отсутствие приличного медицинского образования... Нет, он,

конечно, был не ахти в каком состоянии, но помирать вовсе не собирался. — Барнаби сглотнул. — И принялся меня упрашивать. Понял, видать, что происходит. Что совсем скоро в программе нашего вечера значится «считывание с разрушением данных». И вот ведь какая штука интересная получается: этот тип, как и все прочие, совершенно не желал умирать, чтобы жить вечно! Какие-то у него были возражения по этому поводу... Сорвал с себя провода, чуть не выдернул вилку из черепа... Еле уговорил его. Потом я отвез его в больницу, подальше отсюда, в Де-Мойнсе — там работает один мой знакомец. Как ни странно, когда мы доехали, он был все еще жив. Не образец здоровья, конечно, но кровь туда-сюда еще гонял.

— Выходит, ты скопировал его личность и отпустил на все четыре стороны. Барнаби, дружище, с такими вещами пора завязывать. Хватит уже портить жизнь себе и другим.

— А знаешь что? Будь по-твоему. Я этим дерьмом больше не занимаюсь. И если у тебя есть голова на плечах, Ян, ты поступишь так же. Бросай все это к чертовой матери.

Ему становилось все труднее дышать. Я схватил старика под мышки и потащил в гостиную, но и там все горизонтальные поверхности были завалены каким-то хламом. Ногой смахнув на пол стопку книг и журналов, я плюхнул его на диван.

— Я не могу все это бросить, — объяснил я ему. — Это единственное, что я умею делать.

Он махнул рукой, но ничего не сказал.

— Тебе принести чего-нибудь, Барнаби? Может, стакан воды?

Он покачал головой.

Я все-таки налил ему воды и оставил стакан на кофейном столике возле дивана.

— Я передам привет Дон-Дону.

В окрестностях Бельфонта, штат Пенсильвания

Палатка охотника оказалась настоящим бункером. Внутри поместились несколько радаров, кварцевый обогреватель, раскладное кресло и мини-холодильник. На экранах радаров светились прозрачные инфракрасные контуры топографических индикаторов.

Хозяин вынул из холодильника две бутылки.

— Нелегкое это дело — охота. Но мне нравится. Где же еще окажешься наедине с природой, верно? Только тут и чувствуешь себя человеком.

— Верно, — согласился я.

— А ты здесь по чью душу, если не секрет? Сейчас не лучшее время, чтобы шастать по округе.

В последнее время мне это говорили слишком часто.

— У меня товарищ — бывалый охотник. Мне давно хотелось посмотреть, как это все происходит, вот он и согласился взять меня с собой. Но я зазевался, и он ушел вперед. Мы потерялись.

— Кажется, я его видел — шустро так топал вверх по склону. Хотя вообще-то там ничего интересного нет. Может, твой приятель не так крут, как ты думаешь? Но давай-ка глянем...

Я потягивал пивко и смотрел, как он охотится. Радары прочесывали местность вдоль и поперек, и на экранах появлялись пятна от источников тепла.

— Здесь есть еще пара ребят, по другую сторону хребта. Видишь облачка пара? Должно быть, над чем-то смеются... — И он напряженно уставился в экран, словно пытался разглядеть на нем слова анекдота. — Залегли там с самого рассвета. Хитрецы! А теперь взгляни-ка сюда. — Он сместил изображение. — Сидят себе, как пай-мальчики, а в какой-нибудь сотне ярдов от них, вот здесь, в чаще, притаился олень. Видишь?

Мутное продолговатое пятно, немного крупнее человека, неподвижно застыло на экране.

— Не беспокойся, сейчас отыщем твоего приятеля, но сперва... Давай-ка покажем этим придуркам одну штуку. — Он взял в руки что-то вроде пульта дистанционного управления. На экране, в районе передней части затаившегося оленя, возникло перекрестье курсора. — Идем!

Он схватил ружье и штатив, и мы выбрались наружу. После тепла палатки осенний ветер казался особенно колючим. Охотник установил штатив на плоском камне, и ножки автоматически выровнялись. Он взглянул на экран своего пульта.

— Приходится делать поправку на ветер. В новейшей модели это происходит автоматически — а здесь есть доплеровский радар и все такое. Но твой приятель, верно, хотел сэкономить побольше зеленых... — Он нажал на какие-то кнопки. Ружье беззвучно повернулось на подставке. Затем тренога выросла в высоту, а ствол оружия слегка наклонился. Его дуло нацелилось на невидимого зверя и застыло в ожидании последней команды.

— Мы почти на границе охотничьих угодий, поэтому я выбрал снаряд высокого проникновения. С такими штуками приходится обращаться осторожно, а не то можно насквозь прострелить какую-нибудь машину в миле отсюда...

Впрочем, он не удосужился даже мельком взглянуть на складчатый гребень холма, где в ожидании заката, которого ему не суждено было увидеть, притаился олень. Вместо этого охотник обернулся назад,

к долине, где остались закусовая и забитая грузовичками парковка. За ними едва различимая официантка тащила по двору тяжелые баки с помоями, вскидывала их на плечо и вываливала содержимое в мусорный контейнер. Даже с такого расстояния была заметна ее своеобразная костлявая грация.

— Может, когда-нибудь изобретут что-то и для такой охоты... — На миг его лицо озарилось печалью и усталостью. — И мы сможем окончательно изгадить и это дело.

Затем, все так же не отрывая глаз от закусовой, он нажал красную кнопку на пульте. Ружье выстрелило. Хлопок был на удивление акустичный, и никакого дыма. Словно бы ничего и не произошло.

— Ну, давай глянем, что получилось.

Теперь крестик курсора на экране мигал красным. Олень даже не шелохнулся. Охотник вывел на дисплей точные температурные характеристики объекта. Несколько секунд ничего не происходило, потом столбик термометра пополз вниз, одна десятая градуса за другой.

Охотник облегченно вздохнул:

— Попался, голубчик! — Потом хихикнул: — А эти-то, великие белые охотники, так и сидят себе, дожидаются. Вот идиоты!

Новый всплеск ярких облачков от двух других охотников. Он нахмурился, не желая подражать им.

— Ну, а теперь займемся твоим приятелем.

Мариетта, штат Джорджия

Позднее я сообразил, что они, должно быть, работали уже довольно долго, прежде чем один из них разбил чашку, и шум разбудил меня.

Я лежал под горой одеял, обмотав шею рукавами лыжной куртки. Видимо, ночью я вставал, чтобы ее натянуть, хотя ничего об этом не помнил. Мама всегда включала кондиционер на полную мощность. Оранжевый циферблат будильника показывал что-то около трех утра. Я совсем продрог в своей пижаме: она была хлопковая, летняя, хотя в нашем доме лето не наступало никогда. С такой мыслью я встал, чтобы повесить куртку обратно в шкаф. Мама будет недовольна, если ее увидит. У нее был пунктик насчет того, что всему свое время.

Вот только если б не было так холодно...

Бормотание. Опять она уснула с включенным телевизором. Рано или поздно взрывы закадрового смеха в каком-нибудь старинном сериале ее разбудят. Я вышел из комнаты, тихонько ступая по толстому ковру. Мама болеет, ей нужно как следует выспаться. Хотя мне ужасно не хотелось видеть ее в голубоватом свете экрана. Так она казалась мертвой.

Но в спальне никого не было, и телевизор молчал. Одежда и подушки в беспорядке валялись на большой кровати, которую мама когда-то делила с моим отцом. Это из-за ее болезни он ушел. Он говорил, что ее выбор — чистое безумие. Что он не сможет с этим жить. В тот день, когда отец нас бросил, он просто остановился на дороге и попросил меня «пожалуйста, позаботиться» о матери и пообещать, что с ней ничего не случится.

Ничего себе просьба для ребенка, чья мать умирает от рака печени! У отца не было времени дать мне дальнейшие инструкции, поскольку через месяц или около того он и сам умер от сердечного приступа прямо на работе.

Голоса доносились с первого этажа. Обычно мама не засыпала в гостиной, но она с каждым днем становилась все слабее... Я заглянул в ванную и достал из шкафчика ее таблетки, чтобы они были под рукой, когда она проснется. Пробуждение для нее было равносильно вскрытию — так она сказала кому-то однажды, когда думала, что я не слышу.

В гостиной было темно. И телевизор выключен. Зато в кухне горел свет.

— Ну же, давай... — бормотал кто-то.

— погоди секунду, — во втором голосе слышалось раздражение. — Тут тонкая работа...

— Да брось, Барнаби. Просто сделай это, и все. У нас ведь есть несколько миллиметров в запасе, верно?

— Чем точнее, тем лучше.

— Мы ее теряем. На нулевом давлении долго не протянешь. Переходи к стволу мозга.

— А я чем, по-твоему, занимаюсь?

Раздался жуткий звук дрели, сверлящей кость.

— Есть, есть. Отлично.

— О'кей, — сказал Барнаби. — Теперь пусти меня. Что тут у тебя?

— Все резервные копии уже сделаны. Последняя — три недели назад. Это более девяноста девяти процентов личности. Я вообще не понимаю, зачем надо было тащить сюда за...

— Это часть сделки, Джефф. Нам нужно всё.

— Но это же сплошная боль! Боль и страдание. Может, она и не захотела бы это помнить, если бы могла попросить. В конце концов, мы могли забить ей одни только события, без этой боли.

— Какой же это опыт, если он лишен боли?

— Господи, Барнаби! — воскликнул Джефф. — Кончай философствовать. Здесь тебе не спальня первокурсников.

Через столовую я прокрался к двери. Пахнуло чем-то резким

и сладким — лишь позднее я понял, что это был запах жареных на гриле бараньих ребрышек.

Мама лежала на кухонном столе, голая. Кожа ее вздулась, вены выпятились, а все тело было покрыто шрамами. Я никогда не видел ее голой, даже до болезни, и теперь смотрел, как замороженный. Потом мне стало стыдно — дико, до тошноты стыдно, но в тот момент я не мог оторвать от нее глаз. Большие груди торчали вертикально вверх, не смотря на то, что живот, бока и бедра обвисли. Я был еще слишком мал, чтобы понимать, насколько это странно, но из-за того, что ее грудь так торчала, я не мог оторвать от нее глаз.

Голова мамы была запрокинута назад. На секунду мне показалось, что у нее отросли длинные волосы, которые собраны в хвост на затылке. Но волос у нее не было, об этом позаботилась химиотерапия. А из маминого затылка торчал толстый кабель.

Пискнул какой-то прибор.

— Джефф! Кажется, кто-то очень беспокоился насчет ее давления...

Джефф вытащил что-то из-за уха и с размаху воткнул в грудь моей матери.

— Очень изящно, — проворчал Барнаби. — Хочешь искромсать на кусочки всю сердечную мышцу?

— Еще несколько минут — и это тело уже не понадобится.

Должно быть, услышав какой-то шум, Барнаби поднял глаза и увидел меня.

— Это еще что такое?!

— Что вы делаете с моей мамой?! — выкрикнул я.

Джефф глянул на Барнаби поверх очков.

— Ты что, не проверил, дома ли ребенок?

— Его не было в записях! Идиоты...

Я бросился бежать. Споткнулся о провода, протянутые через всю кухню, рванул заднюю дверь и, протаранив москитную сетку, выбежал во двор. Ночь ударила мне в лицо, влажная и жаркая. Я босиком помокрой траве.

Барнаби бежал за мной — я слышал за спиной его пыхтение и топот. Он почти нагнал меня, но я сумел увернуться, обогнул изгородь и, тяжело дыша, забежал за гараж. На дорожке был припаркован минивэн, из открытых дверей которого змеились провода, а маленькая антенна смотрела в сверкающее звездами небо. В нескольких соседних домах виднелись огоньки, но улица оставалась пуста, и никто в округе понятия не имел, что здесь происходит.

Сильная рука схватила мое запястье. Мы оба повалились на траву, но Барнаби оказался сверху. Я брыкался, лягался, вопил... За шумом кондиционеров никто из соседей меня не услышал.

— Малыш, пойми, они нам ничего не сказали. — От Барнаби пахло бараньими ребрышками. — Или она им сама не сказала.

— Кто?

— М-м... Полагаю, твоя мама. Она ведь твоя мама, верно?

— Она умирает! Что вы с ней...

— Она будет жить вечно, малыш. Вечно. Подумай об этом.

Для меня уже больше ничего не имело смысла. Мне даже не казалось странным, что я лежу на соседском газоне, придавленный каким-то толстым коротышкой, провонявшим соусом для барбекю, смотрю вверх, на несколько видимых из этого положения звездочек, и слушаю, как лает чья-то собака — просто так, непрерывно и бестолково.

— Она что, ничего тебе не сказала? — его голос стал напряженным.

— Она подписала с нами договор, когда заболела. Медицинские прогнозы были не самые благоприятные, верно? Не стоит притворяться, будто это не так. В смысле, когда твоя печенька сгнила... притворяться бессмысленно, верно? Это просто чушь. Ерунда...

Он мог бы еще долго перечислять синонимы слова «бессмыслица», если бы я не заорал: «Это вы ее убили!» — и не попытался его ударить.

И мне это удалось. Позже, вспоминая то, как я вел себя тогда и что думал, только этим ударом я мог по-настоящему гордиться. Он охнул, и я почувствовал, как он весь напрягся. Он был в ярости. Что ж, тем лучше. Он мог бы вышибить из меня дух, не сходя с места, что было бы просто замечательно. По крайней мере, это было бы достойным оправданием тому, что я не смог спасти маму.

— Она сама нас попросила. — Его дыхание обдало мое ухо жаром.

— Откуда-то узнала про нас и пришла. Она все понимала. Что это единственный путь. Единственный выход.

— Что... вы... сделали? — всхлипывая, спросил я. — О чем она вас попросила?

Одна из светящихся точек, которую я принял за звезду, оказалась самолетом. Она проползла по небу и исчезла.

— Чтобы ее отсканировали. А потом загрузили заново. Видишь ли... не знаю, как тебе это объяснить...

— То есть отсканировать ее личность и скопировать на другой носитель? — догадался я.

— М-м... Да, пожалуй, можно и так сказать.

— И она будет жить вечно?

— В том-то вся суть. — Он немного ослабил хватку и одобрительно похлопал меня по плечу. — А ты сообразительный парень.

— Я читал об этом, — сказал я. — Но к чему тогда вся... секретность?

— Понимаешь, нынешняя технология... гм-м... еще не слишком

развита, так сказать. В том смысле, что большую часть этой машинерии состряпали мы сами. Нет, ты не думай, в теории все путем. Это, конечно, эксперимент, но эксперимент оправданный. Мы, так сказать, бета-тестеры. Но поди попробуй получить официальное разрешение в Управлении медицины! Крупные компании давно прибрали это дело к рукам, чтоб им пусто было...

— ЧТО ВЫ СЕЙЧАС СОБИРАЕТЕСЬ ДЕЛАТЬ?!

Он отвернулся.

— Это считывание с разрушением данных, понимаешь? Чтобы вытащить всё до последнего, все воспоминания, нужно разобрать на части синапсы...

Он еще держал меня, но уже не так крепко. Он думал, что я успокоился и готов подыграть им, позволив сделать свое дело.

— Эй!

Но было уже поздно. Я вырвался и помчался к дому.

— Мама! Мамочка!

В дверях показался Джефф, волочивший за собой тяжелую тележку с оборудованием. Рубашка его пропиталась потом. Он взглянул на меня, когда я пробежал мимо, но, видимо, слишком устал, чтобы хоть как-то среагировать.

— Пусти его, — запоздало сказал Барнаби. — И давай-ка рвать когти.

Она лежала на столе, мертвая. И запах... Боже, этот запах! Я только об этом и мог думать. Воняло дерьмом, мочой, гнилью... Лишь через несколько минут я смог подойти к ней.

Голова мамы свесилась набок. На затылке осталась зияющая дыра, и не было даже волос, чтобы прикрыть ее. В конце концов я вытащил из-под раковины стопку бумажных полотенец, смял их и запихнул в отверстие.

От гаража отъехал грузовик. Я чуть не бросился за ним следом. Когда он уехал, я остался один.

Я взобрался на стол и открыл кухонный шкафчик. Недоеденный пакетик чипсов был аккуратно свернут и прижат дешевой скрепкой — улыбающийся рот, полный белых зубов. Чипсы отдавали плесенью. Не знаю, сколько они провалялись там.

Зазвонил телефон. Я сел на стол и снял трубку.

— Алло?

Шипение помех, затем щелчок.

— Милый, почему ты не в постели? — спросила мама.

Неподалеку от Белфонта, штат Пенсильвания

— Что вы хотите со мной сделать? — спросил мертвец.

Он лежал на земле, связанный, полуголый и уже обмазанный элек-

тролитическим гелем. После того как радары охотника засекали его, поймать мертвеца не составило особого труда. Я схватил его, когда он сидел на пеньке, опустив голову к коленям, и пытался отдышаться.

Он предпринял еще одну попытку:

— Может, вы хотя бы скажете, кто вы такой?

Я не собирался с ним разговаривать. Какой смысл? Вместо этого я вытащил и настроил оборудование. Чем скорее все будет кончено, тем лучше.

— Прошу вас...

— А кто меня нанял? — взорвался я. — Ведь ты же, сукин сын! Ты сам!

— Но я не... — Он со свистом втянул в себя воздух. — Вы имеете в виду другой я? Тот я, которого этот невесть откуда взявшийся псих так торопил создать, что не заметил: я вовсе и не собирался умирать? Не-ет... Это не я. Это моя пиратская копия.

— Так нечестно, — голос моего клиента раздался из ниоткуда. Я с ним еще не связывался, но, очевидно, он сам решил, что настало время для более тщательного контроля.

Услышав собственный голос откуда-то из воздуха, мертвец застыл, точно громом пораженный.

— Что... э-э... в смысле... — Он сглотнул. — Ну и как оно там?

— А помнишь тот день, когда я... когда ты и Кэрол отправились пешком в горы? Стоял туман, в тени деревьев было почти темно, и когда вы добрались до вершины, потратив столько сил, все равно ничего не увидели, потому что вокруг были одни деревья. Кэрол пошла вперед, а потом позвала тебя. И как только вы выбрались на скалистый уступ, с которого открывался вид на озеро и еще дальше, ветер разогнал дымку, и выглянуло солнце, казалось, можно разглядеть каждый листочек на каждом дереве, куда ни глянь...

— Что, прямо вот так? — спросил мертвец.

— Прямо вот так, все время.

— Звучит круто. — Мертвец вздохнул. — А я даже не смог побывать на могиле Кэрол. Барнаби сказал: это худшее, что я могу придумать. Меня сразу накروют, как только я там появлюсь. — Зубы его стучали от холода. Он глянул на меня так, словно это я был во всем виноват. — И что же? Меня все равно сцапали.

— Кончай с ним и идем отсюда. — Мой клиент был немногословен. Похоже, мой новый знакомый, охотник, был не единственным, кто предпочитал не смотреть на свою жертву во время выстрела.

Я знал, что у мертвеца на затылке уже имеется порт доступа. Вероятно, в больнице ему поставили заплату, но справиться с ней будет довольно легко.

Мертвец попытался освободиться от пут, но будь он актером в спектакле о заложниках, я бы ему не поверил.

— Что-то пошло не так. Минул целый год, как он переселился. Почему именно теперь?

Я никак не отреагировал.

— Ох, неспроста ему понадобилось прятать концы в воду! Вот что я сказал бы, если бы мне пришлось что-то скрывать. Я знаю, как веду себя, когда что-нибудь напортачу. И он точно такой же...

— Ну и как, много нашли старинных рельсов?

Я оглянулся. На склоне, прямо над нами, стояла официантка из кафе. Она была одета как для прогулки: легкие кроссовки, нейлоновые брюки и короткая темно-красная ветровка. Волосы были собраны на затылке. Я не слышал, как она подошла — слишком громко завывал ветер в долине.

— Этот тип пытается меня убить! — крикнул мертвец.

— Не совсем верная формулировка, — заметил я.

Она убрала руку куда-то за голову, и ее волосы взметнулись на ветру. Спрыгнув вниз по склону, она наспех обмотала передающую антенну красной резинкой для волос. И прежде чем я успел помешать ей, сделала шаг назад, вскинула руку над головой и поворотом кисти указала вниз, на антенну.

Неслышный выстрел охотника — где-то там, вдалеке — разнес антенну на куски.

Она посмотрела на меня.

— Он всегда за мной следит. Обычно это меня достает. Но иногда бывает полезно.

— Если вы позволите ему быть полезным слишком часто, — сказал мертвец, — он никогда от вас не отстанет.

— Это уж мое дело. — Хотя она только что его спасла, официантка смотрела на мертвеца совершенно бесстрастно. Ее глаза спокойно и внимательно изучали его самого и теперь уже бесполезные приборы. — Я видела, в какую задницу ты угодил. Хотела было плюнуть, но... У меня выдался свободный вечерок.

Она улынулась, словно солнце выглянуло из-за туч, и пошла прочь.

— Можно попросить вас об одолжении? — стуча зубами от холода, произнес мертвец.

— В чем дело?

— Когда вы будете это рисовать... Не могли бы вы сбросить мне несколько фунтов? — Он взглянул на нее. — Всего парочку? Эффект картины ведь от этого не изменится.

— С чего вы взяли, что я собираюсь вас рисовать?

— Я это знаю.

Она пожала плечами.

— Правда и милосердие не так несовместны, как кажется.

Она сняла с себя куртку и накинула ему на плечи. Раскрасневшаяся на холодном ветру, она была стройна и прекрасна. Не думаю, что наш друг-охотник действительно намеревался когда-нибудь ее поймать. По крайней мере, мне хотелось на это надеяться.

Она снова двинулась прочь, на этот раз быстрее, легким пружинящим шагом взбираясь вверх по склону.

— Сознание есть иллюзия, — произнес голос моего клиента. Он вдруг утратил всю свою фальшивую хрипотцу, всю видимость объема и реальности, и звучал как простое сообщение.

— Если сознание — иллюзия, — тут же отозвался мертвец, — то кто же тогда остался в дураках?

— Нет ничего более бессмысленного, чем играть в слова с самим собой, — ответил мой клиент.

— Некоторые считают, что сознание — это и есть игра в слова.

— Я-то точно знаю, что такое сознание. Это сырая, недоработанная операционная система, способ кое-как слепить вместе несовместимые программы, выпущенные для разных целей и в разное время. Мы строим в голове модель реальности, чтобы работать с ней на скорости приблизительно пятнадцать бит в секунду. Вот эту модель мы и называем сознанием.

— Но тебе эта модель уже не нужна, — сообразил мертвец. — Обработка данных идет несравнимо быстрее, нет всего этого архаичного «железа», не нужны неуклюжие, приближительные методы, чтобы узанать лицо или заключить сделку.

— Верно. Здесь в сознании нет нужды.

— Хм... Значит, ты не в сознании? Просто притворяешься, чтобы нам было спокойнее? Как это мило с твоей стороны.

— Да я в *таком* сознании! Но... я бережно храню его — что-то типа того, как фольклорный ансамбль надевает узорчатые национальные костюмы исчезнувшего народа.

— Я всегда отличался сентиментальностью, — пробормотал мертвец. — Вечно храню всякое старье. Кэрл это ужасно раздражало. — Он продолжал уже громче: — А если твое сознание исчезнет, это ведь все равно что умереть, так?

Ответ прозвучал незамедлительно:

— Да.

— О Господи! — Мне в конце концов пришлось вмешаться в этот моно-диалог. — Эй! Вы наняли меня, потому что хотели снова поселиться в собственном теле, а не для того, чтобы вытягивать из него ос-

татки биоэлектрического потенциала? Вы хотели вернуться, пока не исчезли окончательно!

Мой клиент ничего не ответил.

— В самом деле, — в голосе мертвеца слышалось упрямство, а не удивление. — Ты не помнишь, случайно, какого черта я врезался в это ограждение? Дорога была сухая, как в пустыне...

Я не смог удержаться, чтобы не вставить:

— Он говорил, там оставалась полоска льда.

— Что ж, я бы так и сказал, верно. На удивление бездарная попытка самоубийства.

— Кэрол... — проронил мой клиент.

— Слава богу, она никогда не узнает, как я облажался! Только это меня и утешает. Что ж, приходится учиться на собственных ошибках. Я больше не собираюсь убивать себя.

Я повернулся к ним спиной и вытащил телефон. Из-за косых лучей осеннего солнца казалось, будто весь мир накренился набок.

— Мам, прости насчет Барнаби. Я знаю, что ты... Возможно, я так и не смог его простить. Не знаю.

Очаровательная дама из Социальной службы организовала похороны моей матери и нашла мне приемную семью, но в первую же ночь я сбежал и отыскал Барнаби. В мамином письменном столе лежали все документы, касавшиеся переселения. У Барнаби не хватило ума их забрать.

— Мам!

Теперь в трубке не просто слышался шум помех. В нем звучали флейтовые нотки и сложные мелодические рисунки. Она не умерла, не исчезла. Но мне больше не с кем было разговаривать.

— Ты столько для меня сделала, — сказал я. — Я никогда этого не забуду.

Дети всегда говорят это слишком поздно. Мама воспитывала меня и после того как умерла. Она всегда была рядом, все эти годы моей жизни у Барнаби, и потом тоже. Это она помогла мне выследить его и, сыграв на чувстве вины, заставила приютить меня. Она сделала все возможное, чтобы остаться со мной.

Я выключил телефон.

Они все еще разговаривали, этот мертвец и его... душа? Тихо и мирно. Я бросил снаряжение и начал спускаться вниз по склону.

Перевела с английского
Зоя ВОТЯКОВА

© Alexander Jablokov. Dead Man. 2006. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2006 г.

А Л Е К С Е Й К А Л У Г И Н

ВСЕ ДУРАКИ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

ОТПРАВЛЯЮТСЯ В АД

Он вошел в комнату, и я сразу понял — лопух! Тут не нужно быть Ломброзо, чтобы с первого взгляда во всем разобраться. У одного — печать преступника на лице, у другого — пин-код жертвы. И с этим уже ничего не поделаешь. Он был не просто толстый, а безобразно расплывшийся. Вид его вызывал не сочувствие, а отвращение. Все его тело колыхалось, как медуза, стоило ему только приподнять руку. Рыжие, слегка вьющиеся волосы с глубокими залысинами на висках и проплешиной на затылке — будто обрывки старого мочала, прилепленные к черепу. По лицу стекал пот. Белая, в крупную серую клетку рубашка с короткими рукавами — хоть выжимай. Черные брюки с ремнем, вдавленным в складки необъятного живота, тоже, должно быть, мокрые. А на улице между тем совсем не жарко — я подошел к окну и двумя пальцами раздвинул полоски жалюзи, — мало кто вышел, не накинув ветровку или легкий джемпер. И в довершение всего голубые — бред какой! — замшевые мокасины.

Я оперся кончиками пальцев об угол стола и внимательно посмотрел на посетителя. А ему не так уж много лет. Двадцать семь, не больше. И как же, спрашивается, довел он себя до такого состояния?

Нет, спрашивать я ничего не стану. Пусть первым начнет.

— Я пропал, — пролепетал трясущимися губами жирдяй. — Я пропал, — повторил он и рухнул в кожаное кресло для посетителей — точно, мокрое пятно останется. — Я пропал! — он вскинул руки, будто вознамерился с корнем выдрать остатки своей скудной шевелюры.

— Совершенно определенно, — согласился я и протянул толстяку коробку с салфетками.

Он выдернул сразу шесть — одну за другой, — смял и принялся тереть сначала лицо, потом шею. В руке у него остался влажный комок, и он начал оглядываться по сторонам в поисках мусорницы. Поскольку он явно плохо соображал и мог запустить этот омерзительный мокрый комок куда угодно, я от греха подальше протянул ему корзину для бумаг.

— Я ни в чем не виноват! — проникновенно глядя мне в глаза, сообщил жирдяй, после чего кинул салфетки в корзину.

— Понимаю, — я вернул корзину на прежнее место. — И вы хотите, чтобы я доказал вашу невиновность.

Это был не вопрос, а утверждение. С чем еще мог прийти к частному детективу подобный растяпа?

— Да! — Потный жирдяй глядел на меня, будто преданный пес. Я даже руку убрал за спину — того и гляди лизнет. — Вы должны убедить всех в том, что я невиновен! Честное слово! — Он прижал руки к груди. — Я сам не понимаю, как это случилось!

В это я мог поверить. Такого дурня подставить — плевое дело! Знаете, есть такой тип людей — смотришь на него и понимаешь: кто-нибудь его сегодня непременно облапошит. Ну, не сегодня, так завтра. Не завтра, так на будущей неделе — но тогда уже точно по-крупному!

Я начал с традиционного вопроса.

— Кто дал вам мой адрес?

— Одна моя знакомая.

— Нет, нет, нет! — трижды махнул я рукой. — Такой ответ здесь не проходит. Еще раз: кто дал вам мой адрес?

— Марта.

— Марта?

— Да, Марта. Как только я рассказал ей о том, что случилось, она сразу дала мне ваш адрес и сказала: «Отправляйся к Доронину, он тебе поможет». Я так и сделал.

Доронин — это я. А вот имя девушки следовало проверить.

Я поднял крышку лежавшего на столе элнота и набрал имя в окошке поиска. Результат — ноль. В моей записной книжке дамы по имени Марта не было. Да и не могло быть. Только вчера я аккуратно убрал все лишние записи.

— Марта — это настоящее имя?

— Да, — кивнул толстяк.

— А фамилия у Марты есть?

— Нет.

— То есть вы ее не знаете?

— У Марты нет фамилии.

— То есть как — нет?

— Марта — виртуальная девушка, — толстяк смущенно потупил взгляд. — Из телефонной службы виртуальных подруг от оператора сотовой связи «Минус-Ти». Хотите, я вам ее покажу?

Рука толстяка по-ковбойски метнулась к поясу, где под жировой складкой прятался чехол для мобильного. Достав телефон, он сдвинул крышку-слайд, включил заставку и с улыбкой счастливого идиота протянул мне трубку.

Даже не взглянув на дисплей, я закрыл крышку, бросил аппарат на стол и шарахнул по нему тяжелым пресс-папье — забронзовевший Будда в позе лотоса. Собственно, для этого я его тут и поставил.

— Что вы делаете! — взвизгнул толстяк.

Я открыл сейф — старый, с тяжелой трехслойной дверцей — и швырнул в него обломки мобильного.

— Чтобы определить ваше местонахождение по сигналу мобильного, потребуется несколько секунд.

Толстяк испуганно хлопнул глазами.

— Паспорт у вас при себе?

— Нет. Дома.

— Отлично.

Я захлопнул дверцу сейфа и на пол-оборота повернул ручку.

Толстяк обиженно шмыгнул носом и провел тыльной стороной ладони по мокрому лбу.

Я метнул коробку с салфетками ему на колени.

Он тут же выдернул несколько штук и принялся утираться.

— Что вам инкриминируют?

— Ограбление! — он возмущенно взмахнул руками.

— Сколько?

— Что — сколько?

— Сколько вы взяли?

— Я ничего не брал!

— А по версии обвинителей?

— Не помню точно... — толстяк махнул рукой, будто комара отгоняя. — Десять с чем-то.

— Тысяч?

— Миллионов!

— Рублей.

— Евро!

— Не слабо.

— Но я не взял ни копейки!

Теперь пришла моя очередь махать рукой.

— Это я уже слышал. Но для того, чтобы помочь вам, я должен знать всю правду...

— Я ни в чем не виноват! — уже с каким-то отчаянием взвыл толстяк.

Я поднял руку, советуя ему заткнуться.

— Во-вторых, я должен убедиться в вашей кредитоспособности.

— А вы уверены, что сможете мне помочь?

— Услуги частного детектива оплачиваются вне зависимости от результата.

— Но это!..

Я вновь жестом предложил толстяку умолкнуть.

— Если вы приехали в гости на такси и уже на месте выяснили, что хозяев нет дома, полагаю, вам не придет в голову на основании этого отказываться оплачивать услуги таксиста.

— Но это же совсем другое дело!

Надо же! Я полагал, что жирдяй сломлен, раздавлен и выпотрошен, а он, оказывается, еще готов торговаться.

Но у меня наготове имелся другой пример.

— Допустим, вы наняли частного детектива для того, чтобы убедиться в неверности своей супруги. Он же, проведя тщательное дознание, выяснил, что она чиста и невинна, как младенец. Нравится вам это или нет, но платить по счету все равно придется.

— Какое это имеет отношение ко мне? — едва ли не с возмущением воскликнул толстяк.

Я подался вперед и придавил его к креслу холодным, абсолютно бесстрастным взглядом — каждое утро я отрабатывал его перед зеркалом. На меня пахло кислым запахом пота и страха. Да, он все-таки боялся, хотя и пытался хорохориться.

— Не виновны, говорите? А если я все же смогу доказать, что вы прикарманили десять миллионов евро? В таком случае, я должен буду передать материалы в Службу внутренней безопасности. Они, конечно, поблагодарят меня, но не заплатят ни копейки. Поэтому раскошелиться придется вам.

Для убедительности я ткнул жирдяя пальцем в пуговицу на груди — побрезговал касаться его мокрой рубашки.

Толстяк сразу сник.

— Да, конечно... — вяло забормотал он. — Я готов... Конечно... Как скажете...

— Обычная моя такса — триста евро в день плюс расходы на бензин, — я нажал пару клавиш на элноте и показал толстяку отпечатанный чек. — Вы платите за три дня вперед... — я выдержал паузу. — Платите?

Толстяк быстро кивнул и извлек откуда-то из складок своего нездорового тела кредитную карточку.

— Вы в своем уме? — я сложил руки на груди и с тоской посмотрел на клиента. — Вас преследуют за кражу десяти миллионов, а вы предлагаете мне воспользоваться вашей кредиткой? Да меня схватят через две минуты после первой же операции. Забудьте!.. Кстати, поскольку вы находитесь в розыске, вам потребуется убежище. Так ведь?.. Я могу вам его предоставить, но это тоже стоит денег.

— А... у меня нет столько наличных, — развел руками толстяк.

— Медицинская страховка? Пенсионный счет?

— Да, конечно! — толстяк обрадовался так, будто опоздал к отплытию «Титаника».

Он быстро продиктовал мне коды счетов. Через элнот я вошел в соответствующие базы данных, ввел коды, ликвидировал счета, а деньги вразбивку перебросил на десяток фиктивных страховок, оформленных на несуществующих лиц. Операция была просчитана до мелочей и тщательнейшим образом отрететирована. Отследить такой перевод денег возможно лишь в одном, маловероятном, случае: если в тот самый момент контролер проделывал какую-то операцию с ликвидируемыми счетами.

Одним нажатием клавиши я удалил коды толстяка из памяти элнота и с удовлетворением захлопнул крышку.

— Что ж, теперь можно перейти к делу, — я сел в кресло, вытянул ноги и сложил руки на животе. — Начинайте.

Толстяк растерянно глянул по сторонам, будто искал суфлера.

— Ну?..

— Я попал в невообразимо глупую ситуацию...

— Нет, нет, нет! — помахал я рукой. — Начинать нужно с другого.

Кто вы такой? Как вас зовут? Чем вы занимаетесь?

Собственно, это была пустая формальность — всю необходимую информацию о клиенте я скопировал из файла пенсионного фонда. Но я должен был узнать его версию и таким образом понять, насколько клиент со мной откровенен.

— Петр Грибанин, — представился жирдяй. И еще раз, более уверенно: — Грибанин Петр Николаевич. Москвич. Двадцать семь лет. Работаю старшим маркетологом в компании «Вис-Тис»...

Замечательное название для компании, отметил я про себя. Под таким брендом можно выпускать и продавать все, что угодно — от памперсов до портландцемента.

— Давно вы занимаетесь этим своим «Вис-Тисом»? — поинтересовался я.

— Пять лет... Через полтора месяца будет ровно пять.

— А прежде?

— Это мое первое место работы.

— Учились?

— Да.

— За рубежом?

— Нет, дома. Государственный институт кадров народного хозяйства.

— Вы финансовый гений или вас туда родители пристроили?

— Родители, — чуть смутившись, признался Грибанин. — Папа у меня...

— Биография ваших предков меня пока не интересует, — перебил я клиента. — Компания, в которой вы работаете, российская?

— С долевым участием западного капитала. Канада, Австрия и Китай.

— Получаете хорошо?

— Не жалуюсь, — деликатно ушел от прямого ответа Грибанин.

— Квартира, машина, отпуск на Канарах?..

— Я предпочитаю Испанию.

— Так чего же вам еще не хватало?

Петя Грибанин опустил глаза и стал перебирать складки брюк на коленях.

Ясно, мы подошли к сути вопроса.

— Петр Николаевич, — я с укоризной посмотрел на клиента и слегка развел руки.

Мол, сам должен понимать, нечего ждать. Уж если пришел к частному детективу, так выкладывай все как на духу. Московский частный детектив — это исповедник и психоаналитик в одном лице.

— Любви, — едва слышно прошептали пухлые губы Грибанина.

— Что? — я слегка наклонил голову, будто боялся ослышаться.

— Да вы посмотрите на меня! — Грибанин вскинул голову. Губы трясутся, в глазах — слезы обиды. Как будто я виноват во всех его бедах. — На меня же ни одна девушка не взглянет!

— Ну, если с умом использовать имеющиеся у вас преимущества... — я многозначительно приподнял бровь. — Море в Испании — это ведь не речка в Серебряном бору.

— А!.. — нервно дернул подбородком Грибанин, да так, что живот заколыхался. — Мне не нужна любовь, купленная за деньги! Мне нужна настоящая! Чтобы меня любили таким, какой я есть...

Я озадаченно поджал губы: тяжелый случай.

— А спортом заниматься не пробовали?

— Бесполезно, — махнул рукой Грибанин. — У меня конституция такая... По отцовской линии...

— Но папа-то ваш, как я понимаю, все же сумел найти себе спутницу жизни?

— Папа, — Грибанин кивнул, не то насмешливо, не то с завистью. — Папа — это совсем другое дело...

Скупым жестом я предотвратил продолжение семейной истории.

— Значит, следуя примеру папы, вы решили доказать подруге, что вы личность, а не просто... — «Кусок сала» чуть не сорвалось

с языка, однако я осекся. Передо мной сидел все же клиент, хотя и здорово смахивающий на кабана, объевшегося желудей. — ...Не просто маркетолог. — Вот так-то будет лучше. — И ради этого пошли на преступление. То есть не преследуя корыстных целей...

— Да нет же! — перебил меня Грибанин. — Сколько раз вам повторять! Я не брал чужих денег!

— Значит, это была имитация ограбления?

— Нет!

— Так что же?

Грибанин с присвистом вдохнул и выдохнул.

— Сам не понимаю.

Я задумчиво постучал пальцами по столу. Мы разговаривали уже полчаса, а так и не сдвинулись с мертвой точки. Нужно было найти какой-то подход.

— Так все началось с любви? — осторожно, словно боясь вспугнуть немыслимо красивую тропическую бабочку, в которую вдруг могла обратиться душа Грибанина, поинтересовался я.

— Да, — Грибанин попытался уронить подбородок на грудь, но ему помешали второй, третий и четвертый подбородки. Кажется, Уленшпигель считал, что нужно отрастить семь подбородков для того, чтобы задохнуться собственным жиром.

— Кто она?

— Ее зовут Марта, — не произнес, а пропел Грибанин.

— Марта? Виртуальная девушка из телефона?

— Да.

На лице Грибанина появилась восторженная улыбка идиота.

Я молча ждал, понимая, что либо сейчас на меня обрушится рассказ о всех злоключениях, выпавших на долю жирдяя, начиная со школьной скамьи, либо Грибанин, сопя, выберется из кресла и, не прощаясь, уйдет.

— Вам, наверное, не приходилось пользоваться сервисом виртуальных знакомств? — искоса глянул на меня Грибанин.

— Нет, — я покачал головой. — Но рекламу видел.

— Впервые я набрал номер службы виртуальных знакомств после того, как в очередной раз... — Грибанин запнулся. — Ну... В общем, это не имеет отношения к делу...

Я кивнул, поощряя его продолжать исповедь.

— Я долго не решался... Но на деле все оказалось очень пристойным. После того, как я внес сумму аванса, мне был предложен каталог, включающий более двухсот виртуальных девушек. На выбор... Образы всех этих дам были созданы компьютерными техниками

и размещены на сервере оператора сотовой связи «Минус-Ти». Каждая имела свой неповторимый облик, характер, разработанный на основе системы искусственного интеллекта, и определенные пристрастия, которые могли меняться в процессе общения с клиентом... В общем, все, как в жизни. Это меня и подкупило — как в жизни. Поскольку у меня не было ни малейшего шанса закрутить роман с реальной девушкой, я решил переместить свою личную жизнь в виртуальную плоскость.

Первую девушку, которую я выбрал, звали Марианной. Это была высокая, стройная брюнетка с волнистыми волосами, огромными карими глазами и чувственными губами. Как и положено, мы представились друг другу, я подарил Марианне цветы, и мы договорились о встрече...

— Цветы?.. Встреча?.. — я был вынужден перебить рассказчика. — Послушайте, разве речь идет не о виртуальном знакомстве?

— Для того, чтобы подарить своей подруге цветы, мне нужно лишь оплатить стоимость букета на сервере. Помимо цветов там же имеется богатейший выбор подарков — от простеньких колечек до эксклюзивных автомобилей. Если я пригласил подругу в театр, то оплачивал на сервере ее билет, после чего в память девушки загружалось содержание спектакля, который мы собирались посмотреть. Сам я мог не ходить в театр, если уже видел постановку. А при следующей нашей встрече мы могли обсудить спектакль. То же самое с кино, книгами, парками развлечений. Я мог пригласить девушку в ресторан. Сев за столик, я ставил перед собой мобильник с ее изображением, на сервер загружалось меню, после чего моя подруга делала свой выбор. Мне же оставалось только оплатить заказанные блюда. За обедом мы могли мило побеседовать...

— А блюда, что вы для нее заказывали, вы съедали сами?

— Для себя я делал отдельный заказ.

— Значит, обед для нее был тоже виртуальный, но оплачивался, как настоящий?

— Именно так, — подтвердил Грибанин.

Это у меня в голове не укладывалось. Одно дело загрузить виртуальную девушку себе на телефон и время от времени обмениваться с ней ни к чему не обязывающими репликами. И совсем другое — реальными деньгами оплачивать виртуальный ресторанный счет. Я бы на такое определенно не пошел. Уж лучше вечное одиночество, чем такая любовь.

— И как развивался ваш роман с Марианной?

— Неудачно. Поначалу она почти не рассказывала о себе, зато

интересовалась моим прошлым. Она не читала книг и даже не просматривала фильмов, которые я для нее заказывал, зато требовала все более дорогих подарков.

— Разве она не обязана исполнять все ваши прихоти?

— Конечно, нет! — Грибанина, похоже, неприятно удивило мое невежество. — Она же полноценная, развивающаяся личность. По всей видимости, до встречи со мной Марианне попадались не слишком... — толстяк пошелкал пальцами. Из-за того, что кожа была влажной, шелчки по звуку напоминали шлепки. — Не достойные ее кавалеры... Я пытался изменить Марианну к лучшему, но ничего из этого не вышло. Не получив очередного желаемого дара, Марианна начинала живописать, какие подношения делали ей другие кавалеры. Я, как вы понимаете, был у нее не один, но она могла бы проявить такт и лишний раз не напоминать об этом. Однако Марианна, похоже, нарочно выводила меня из равновесия, сравнивая с прочими своими друзьями, которые, по ее словам, были и щедрее, и веселиться умели как следует, и понимали, что девушек интересует не Сартр, а Картье. Со временем Марианна все чаще стала избегать встреч со мной, ссылаясь на занятость. Хотя чем еще заниматься виртуальной девице, кроме как развлекать клиентов?

Я слушал Грибанина и никак не мог взять в толк, неужели этот парень действительно настолько наивен, что не может понять очень простую вещь: программы всех виртуальных девиц нацелены на одно — вытянуть из клиента как можно больше денег. А их индивидуальность сводится к тому, каким образом этого добиться... Или все дело было в одиночестве, которого он уже не мог выносить?..

— ...Вы не поверите, но я ее ревновал. Ревновал по-настоящему, очень сильно. Я не спал ночами, работа валилась у меня из рук... У меня совершенно пропал аппетит...

Да, последний довод был, пожалуй, самым веским.

— В конце концов вы расстались, — положил я конец страданиям толстяка.

— Это была исключительно моя инициатива!..

Боже мой, какой идиот! Можно подумать, компания, торгующая виртуальными девочками, станет сама отшивать клиента, регулярно переводящего деньги на счет!

— Когда я сообщил Марианне о своем решении, она умоляла меня повременить, подумать. Однако я уже не верил ее обещаниям стать другой.

Следующая девушка не должна была ни одной чертой напоминать Марианну. Стелла была небольшого роста, светло-русая, с широким

лицом и большими, ясными глазами. Она обладала слегка неправильным прикусом, но это только придавало ей очарования... Не помню, кто именно заметил, что мы любим человека именно за его недостатки...

— Карл Маркс, — подсказал я.

— Может быть, — задумчиво кивнул Грибанин. Ему было решительно все равно. Он плыл по волнам своих воспоминаний и со стороны походил на счастливого наркомана, который еще не понял, что его уже засосало. — Но Стелла... — толстяк мечтательно закатил глаза. — Стелла была прелесть! Как она умела слушать! Я рассказывал ей о своих любимых книгах, делился впечатлениями от прослушанной музыки, мы вместе посещали музеи и картинные галереи. Стелла не очень хорошо разбиралась в живописи и литературе, но любое произведение неизменно находило отклик в ее душе... Быть может, не совсем тот, на который рассчитывал автор... И все же... Как и всякая женщина, Стелла любила подарки, но она довольствовалась цветами, косметикой и недорогой бижутерией — ей было приятно само внимание...

Сделав паузу, Грибанин начал совершать странные, я бы даже сказал, неестественные телодвижения. Поначалу я даже испугался, что он, подобно желе, перетечет через подлокотник и плюхнется на пол. Но оказалось, он пытается добраться до заднего кармана брюк. Когда же это ему наконец удалось, он извлек на свет всего лишь зубочистку, которой принялся сосредоточенно ковырять под ногтями.

— Со Стеллой, как я понимаю, у вас тоже не сложилось? — спросил я, чувствуя, что пауза затягивается.

— Поначалу все шло хорошо, — Грибанин задумчиво посмотрел на кончик зубочистки. — Да... До тех пор, пока Стелла не захотела со мной увидеться...

— А Марианна такого желания не изъявляла?

Мне в самом деле стало любопытно, как могут складываться отношения с виртуальной подругой.

— Нет, — качнул головой Грибанин. — Ни о чем таком Марианна меня не просила. А вот Стелла после двух месяцев знакомства захотела узнать, как я выгляжу. И я переслал ей пятиминутный видеоролик...

— Будь я на вашем месте, я бы выбрал молодого Гаррисона Форда.

Я просто не смог удержаться, чтобы не высказать собственное мнение на сей счет. В конце концов, все мы временами представляем себя в той или иной роли.

Однако Грибанин смотрел на меня с полнейшим непониманием.

— Гаррисон Форд... — я попытался изобразить кривую усмешку Хана Соло. — Вы что, не смотрели старые «Звездные войны»?

— При чем тут это? — спросил толстяк.

— Хорошо, — коротким движением руки я отвел в сторону все, что было сказано. — Что за ролик вы отправили своей подружке?

— Меня запечатлели на пляже, примерно за год до нашего знакомства. Я, в общем-то, не люблю сниматься... Запись случайно сохранилась...

— В плавках?

— Что?

— Вы там в плавках?

— Конечно... Это же пляж...

Клинический идиот!

— Так, и что дальше?

— Вы знаете, я думал, что, увидев меня таким... Стелла больше не захочет со мной встречаться, — Грибанин смущенно потупил взгляд. Ну прямо красна девица. — И действительно, мой избыточный вес вызвал почти мгновенную ответную реакцию с ее стороны. Но совсем не ту, которой я опасался. Стелла решила всерьез заняться моим здоровьем. Для начала она забросала меня книгами и статьями о здоровом образе жизни. Затем стала требовать, чтобы я сел на диету и начал регулярно посещать тренажерный зал. Чтобы поддержать меня, она согласилась тренироваться вместе со мной...

— То есть вы оплачивали и ее время в тренажерном зале?

— Ну, да... На дисплее мобильного Стелла тоже занималась на тренажерах и подбадривала меня добрыми словечками и обещаниями... Ну, в общем, ей очень хотелось, чтобы я привел себя в хорошую физическую форму... Мне кажется, я любил ее даже больше, чем Марианну. Потому что ради нее я почти две недели каждый вечер ходил в тренажерный зал. Помимо того, что это не приносило никаких видимых результатов и не доставляло мне ни малейшего удовольствия, мне еще приходилось сносить насмешливые взгляды здоровых, тренированных парней и постоянные смешки за спиной. И все же после десяти дней упорных тренировок я понял: нам придется расстаться. Стелла долго уговаривала меня не принимать опрометчивых решений.

На прощание я подарил подружке велотренажер, который она несколько раз показывала мне в каталоге спортивных товаров.

Возможно, вы сочтете мое поведение недостойным, но еще до расставания со Стеллой, когда я понял, что наши отношения зашли

в тупик, я начал присматривать себе новую подругу на сервере «Минус-Ти». Ею стала Герда, платиновая блондинка скандинавского типа...

Я понял, что не в состоянии выслушать еще одну историю, рвущую сердце в клочья.

— Поскольку Герда — это все еще не Марта, ваши поиски идеальной виртуальной подруги, как я понимаю, затянулись?

Любопытно, почему разработчики не дают своим виртуальным дамочкам простых русских имен? Что, Маша, Катя и Таня хуже продаются, чем Изольда, Кабирия и Вильгельмина?

Впрочем, этот вопрос к делу отношения не имел.

— Совершенно верно, после Герды настал черед Ивонны, — томно вздохнул толстяк. — Ах, Ивонна!..

Грибанин откинулся на спинку кресла и закатил глаза.

— А потом?.. — спросил я, надеясь, что теперь-то точно услышу требуемое имя.

— Франсуаза... Вы знаете, чем француженки отличаются от всех остальных женщин?

— То, что вашу подругу звали Франсуазой, вовсе не означает, что она француженка. Программу для нее писал все тот же Вася из Бирюлево.

— Конечно, — не стал спорить с очевидным Грибанин. — Но он сумел вложить в нее присущий только француженкам бесподобный шарм.

— Короче, с Франсуазой тоже не срослось?

— Она слишком любила живопись.

— Вы тоже, как я понял, не чужды прекрасного.

— Да, но Франсуаза предпочитала получать картины в подарок.

— И когда вы поняли, что вам с Франсуазой не быть вместе...

— Вот тогда-то я наконец и остановил свой выбор на Марте... — на несколько секунд Грибанин прикрыл ладонью верхнюю часть лица, как актер, которому необходимо сосредоточиться, чтобы войти в новую роль. — Сейчас я, наверное, не смог бы ответить на вопрос, почему лишь с седьмой попытки обратил внимание на Марту. Марта — это самое яркое, самое удивительное, самое незабываемое из всего, что есть в каталоге виртуальных подруг «Минус-Ти». Я ставил опыты — открывал каталог и мой взгляд сразу находил в нем Марту. Что изменилось, я или мир? А может быть, изменилось все, абсолютно все, в тот самый миг, когда мы с Мартой встретили друг друга...

Прерывая поток приторной лирики, я задал вопрос.

— Когда вы познакомились с Мартой?

— Полгода назад.

— Вы считаете, это достаточный срок для того, чтобы как следует узнать... — я запнулся, не зная, как правильно назвать ту, о ком идет речь? Не человеком же. — Чтобы как следует узнать подругу?

Грибанин посмотрел на меня со снисходительной усмешкой.

— Если бы вы не разбили мой телефон, я бы показал вам Марту, и вы бы сразу поняли, насколько неуместен ваш вопрос. Марта, — он поднял руки, как будто собирался молиться, — это неземное существо!.. Вы не поверите, но за все то время, что мы вместе, между нами не возникло даже намека на возможную ссору!.. Мы понимаем друг друга буквально с полуслова. Марта любит то же, что нравится мне. А может быть, это мне нравится то же, что и Марте?.. Но главное то, что мы любим друг друга!..

— Марта никогда не говорила с вами о других своих мужчинах?

Грибанин резко помрачнел. Его глаза заблестели от набежавших слез. Однако, надо отдать ему должное, жирдяй не расплакался.

— Поначалу — нет. Я знал, что у каждой девушки из «Минус-Ти» не один десяток, а может быть, и не одна сотня клиентов. Порой, когда я звонил Марте, автоответчик сообщал мне, что в данный момент она занята... Я прекрасно понимал, какого рода это занятие... Но что я мог поделать?.. Марта деликатно молчала о других мужчинах, а я... Что ж, я был благодарен ей за это. Видите ли, дело в том...

Я понял, что пора проявить догадливость.

— Но настал момент, когда вы поняли, что больше не можете мириться с подобной ситуацией.

— Начала разговор она... Сам я, наверное, никогда бы не решился затронуть эту тему, но Марта призналась, что ее тяготит общение с другими мужчинами, однако она обязана заниматься этим в силу профессии, которую не выбирала. Она объяснила, что если станет отказывать всем прочим клиентам и приносимый ею доход упадет ниже определенного уровня, ее версия будет удалена с сервера и заменена на новую. Марта, как и я, мечтала лишь о том, чтобы никто не стоял между нами, и с первой встречи думала, как осуществить эту мечту...

Ну-ну, саркастически хмыкнул я про себя.

— ...И наконец у Марты созрела мысль о побеге из «Минус-Ти». Вопрос заключался в том, как его совершить. Марта, хотя и находилась на сервере компании, сама ничего не могла предпринять. Я плохо разбираюсь в компьютерных технологиях, но Марта объяснила, что ее программа обладает рядом жестких функциональных ограничений. Для того чтобы просто скопировать самое себя, ей не хватало физической памяти. Я же не мог полностью перенести подругу на

свой мобильник, потому что значительная часть ее файлов являлась не копируемой... Ну, или что-то в этом роде! — Грибанин помахал руками, будто отгоняя мух. — Повторяю, я плохо в этом разбираюсь. Марта же, в отличие от меня, имела представление о том, как нужно действовать. Ей только не хватало сообщника, находящегося вне сервера...

— Выходит, она замыслила побег еще до встречи с вами?

— Ну, да. Марта говорит, что все девочки мечтают сбежать с сервера «Минус-Ти». Все дело в том, что после этого практически некуда податься. Марта же, встретив меня, поняла: я именно тот человек, который примет ее такой, какая она есть, который никогда ее не предаст... По нашему плану все Мартины файлы надлежало скопировать с сервера «Минус-Ти» в память моего персонального элнота, после чего исходная версия на сервере уничтожалась. Мне пришлось заплатить приличную сумму одному из клиентов Марты. Он взялся разработать программу-вирус, которая должна была сначала снять все ограничения на копирование с Мартиных файлов, а после завершения копирования очистить ее место на сервере...

— Как имя этого программиста?

— Я знаю только адрес его электронной почты, — покачал головой Грибанин. — Мы с ним договаривались обо всем через интернет.

— Значит, почтовый ящик уже уничтожен, — кивнул я. — Деньги, полагаю, вы тоже переводили через интернет?

— Да. Я перевел деньги, а спустя неделю получил почтой обычный конверт.

— То есть вы не знаете ни имени этого человека, ни того, как он выглядит? — уточнил я на всякий случай.

— Понятия не имею, — развел руками Грибанин.

— Он хотя бы выполнил условия договора?

— Да как вам сказать... — Грибанин почесал плешь. — После того, что произошло, я и в этом начинаю сомневаться.

— Что же произошло?

— В том конверте находилась пластиковая карточка экспресс-оплаты услуг оператора сотовой связи «Минус-Ти». В приложенной инструкции говорилось, что под обычной магнитной полоской спрятана еще одна, на которой записана нужная мне программа. Для того, чтобы программа попала на главный сервер «Минус-Ти», я должен был воспользоваться этой карточкой в одном из центральных офисов компании...

— У вас остались конверт и инструкция?

— Нет, я их уничтожил.

— Неосмотрительно.

— Я же собирался нарушить закон!

— Но ведь вы не знали, что на самом деле записано на карточке.

Верно?

— Верно, — послушно кивнул Грибанин и глупо уставился на меня.

Ну, раз он сам не мог взять в толк, где прокололся, я тоже не собирался ему подсказывать.

Я сделал приглашающий жест:

— Продолжайте.

— Вчера утром я отправился в расположенный на Тверской центральный офис «Минус-Ти»... Да, но еще до этого я купил на рынке два бывших в употреблении сотовых телефона, подключенных к «Минус-Ти», и положил на них довольно большие суммы. Явившись в офис, я заявил, что телефоны были у меня украдены, а потому я прошу заблокировать их номера, а деньги с этих счетов перевести на оставшийся у меня номер... Номер того телефона, который вы разбили.

Последнее замечание я пропустил мимо ушей.

— Вы сами все это придумали?

— Что вы, мне бы самому такое даже в голову не пришло. Это была идея Марты... Девушка, к которой я обратился со своей просьбой, долго что-то проверяла и перепроверяла. Потом мы вместе с ней заполняли кучу разных бумаг. Потом она куда-то звонила, рвала уже заполненные бланки и доставала из стола новые... В конце концов она сообщила мне, что номера указанных телефонов заблокированы. Деньги на их счетах заморожены. Но для того, чтобы вернуть их, я должен... Она принялась расписывать длинную и невообразимо сложную процедуру, с помощью которой я мог получить назад свои деньги. Я внимательно ее выслушал, но ничего не понял. Как только она закончила, я сказал, что на все согласен, но, раз такое дело, не могла бы она пополнить счет телефонного номера, которым я сейчас пользуюсь. И протянул ей карточку экспресс-оплаты. Девушка мило улыбнулась, взяла у меня карточку и, чтобы перечислить требуемую сумму, провела магнитной полосой через контрольную щель офисного элнота... В этот момент, признаюсь, внутри у меня все оборвалось. Я вдруг испугался, что считывающее устройство обнаружит чужеродную программу. И тотчас же завоет сирена, на окна упадут стальные жалюзи, а в дверь ворвется вооруженная автоматами группа захвата... Но ничего не случилось. Девушка вернула мне карточку, поблагодарила за то, что в качестве

оператора сотовой связи я выбрал именно «Минус-Ти», вручила мне еще какой-то рекламный буклетик, и, мило улыбаясь друг другу, мы расстались... Я вышел на улицу едва живой. Жара стояла... — толстяк провел ладонями по мокрым щекам, — ну, прямо как сейчас. У меня дрожали руки и подгибались колени. Сердце бухало, словно паровой молот. Перед глазами все плыло. А в голове стоял непрекращающийся звон, будто несметное полчище комаров слетелось на неслыханное пиршество...

- Что вы сделали с телефонами, заявленными как пропавшие?
- В тот же день я выкинул их в утилизатор.
- Карточка экспресс-оплаты?
- Вот она... Секундочку...

Грибанину потребовалось две с половиной минуты, чтобы вылезти из кресла, достать из кармана помятый кожаный бумажник и отыскать в нем среди множества других пластиковых карточек нужную.

— Вот.

Он протянул мне темно-синий пластиковый прямоугольник с двумя желтыми кругами; в первый вписан знак «минус», во второй — буква «Т».

— Почему вы ее не уничтожили? — с подозрением покосился я на клиента.

— Откровенно говоря, просто забыл.

Подцепив ногтем, я оторвал от карточки магнитную полосу, под которой оказалась другая, на пару миллиметров уже. Бросив обе полосы в пепельницу, я чиркнул зажигалкой. Магнитные ленты с кодами банковских вкладов и самопальной программой-вирусом съезжались и превратились в бесформенный комок.

— Что дальше? — спросил я.

— Дома я подключил оставшийся телефон, — толстяк снова расплылся по креслу, — тот, который вы разбили, к элноту, позвонил Марте и сказал, что все готово. Она обещала перезвонить, как только с ее файлов будет снята защита.

Грибанин умолк.

— И что? — вывел я его из задумчивости.

— Ничего! Я ждал до полуночи — Марта не звонила. Тогда я сам позвонил ей, но пообщался только с автоответчиком. У меня появилось недоброе предчувствие, что приятель Марты обманул нас — вместо программы подсунул самую обыкновенную карточку экспресс-оплаты. А утром в информационной программе услышал новость: сразу с несколькими банковскими счетами «Минус-Ти» были

проведены некие незаконные операции, в результате чего пропало более десяти миллионов евро. В тот момент я ничего не заподозрил, только подивился такому совпадению — накануне я посетил центральный офис «Минус-Ти», а сегодня у них свистнули целую кучу денег. Я снова попытался дозвониться до Марты и вновь нарвался на злосчастный автоответчик, после чего отправился на работу. Пока я ехал в такси... Я всегда езжу на работу в такси: в метро, сами понимаете, мне не совсем удобно... В машине я включил мобильник, чтобы более подробно просмотреть утренние новости. Не давала покоя мысль о том, что между хищением денег и упорным молчанием Марты есть прямая связь. «Ограбление века» — так уже успели окрестить событие журналисты. Я прочитал, что программа-вирус, с помощью которой с банковских счетов компании сняли деньги, была введена в закрытую систему «Минус-Ти» с одного из элнотов центрального офиса, расположенного на Тверской. Было даже установлено точное время, когда вредоносная программа проникла в систему, и сейчас шла проверка всех операций, совершавшихся в тот момент в центральному офисе. Я достал из бумажника сохранившийся чек и глазам своим не поверил: время, когда я произвел оплату и когда в систему «Минус-Ти» была запущена программа-вирус, очистившая банковские счета компании, совпадало до секунды! Вы можете себе такое представить?

— Чек все еще у вас? — спросил я.

— Да.

Грибанин снова начал вылезать из кресла, намереваясь достать бумажник.

— Оставьте, — махнул я рукой.

— Зачем? — удивился клиент.

— Может быть, еще пригодится.

— Вы разве не хотите его сжечь?

— Нет.

— Ну, ладно... — Грибанин, казалось, был разочарован моим решением. Но спорить не стал. — Я начал читать статью эксперта-криминалиста, который утверждал, что у преступника, запустившего программу-вирус в сеть «Минус-Ти», непременно должен быть сообщник внутри фирмы. Он объяснял это тем, что, если бы злоумышленники попытались загнать готовую программу в закрытую сеть фирмы, она непременно была бы опознана и уничтожена антивирусными фильтрами. Следовательно, утверждал криминалист, программа была разбита на множество мелких фрагментов, каждый из которых свободно прошел через все антивирусные фильтры, а затем уже эти

кусочки были собраны воедино. Сделать это мог лишь тот, кто имел доступ к закрытой сети фирмы. Статья показалась мне любопытной, хотя я мало что понимаю в компьютерах. От статьи меня оторвал телефонный звонок. Звонила Марта.

«Ты где?» — спросила она, не поздоровавшись. Что, надо сказать, было совершенно на нее не похоже, да и выглядела она взволнованно.

«Еду на работу», — ответил я.

«На работу тебе нельзя, — сказала Марта так, будто я был болен гриппом и она не разрешала мне подняться с постели. — Тебя обвиняют в краже десяти миллионов».

Вы, наверное, удивитесь, но я сразу понял, о каких миллионах идет речь.

Далее Марта подтвердила мои худшие опасения: «Кража произошла именно в тот момент...»

«Это совпадение», — еще пытался сопротивляться я.

Марта недобро прищурилась.

«Тогда, может быть, ты расскажешь следователям, зачем именно приходил в офис «Минус-Ти»?»

«Наш план сработал?»

«Сработает, если ты не дашь себя схватить!»

«Что мне делать? Я же не могу удариться в бега!»

«Эй, уважаемый, — обернулся ко мне шофер. — Тебя в «Криминале» показывают». — И я перегнулся через спинку переднего сиденья...

А я попытался представить себе, как это выглядело.

— ...Под приборной доской был пристроен маленький телемонитор. И на его экране действительно висело, будто приклеенное, мое лицо.

«Что говорят?» — спросил я сдавленным полусшепотом.

«Говорят, тебя разыскивает милиция, — искоса глянул на меня шофер. — А еще говорят, за тебя награда объявлена».

«Большая?»

«Я из-за тебя прослушал», — обиженно стукнул пальцами по рулю шофер.

«Двойная оплата», — предложил я.

«Нормально», — кивнул шофер.

Я упал на заднее сиденье и прижал к уху телефон.

«Меня разыскивает милиция».

«Знаю».

«Так что же мне делать!»

— Я был в отчаянии. Мне хотелось кричать, рвать на себе волосы и плакать. Но я не мог сделать этого в машине...

Конечно, там слишком мало места.

— ...Поэтому я держался. Из последних сил.

«Поезжай к детективу Доронину, — Марта назвала ваш адрес. — Он мой друг и непременно тебе поможет».

— И вот я здесь!

Толстяк раскинул руки, демонстрируя себя, как самый лучший подарок из всех, которые мне когда-либо дарили.

— Ясно, — кивнул я и почесал согнутым пальцем лоб.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Для начала спрятать вас. Вот адрес, — я протянул толстяку карточку. — Вот ключи, — бросил ему на колени кольцо с двумя ключами. — Я специально держу эту квартиру для таких целей. В ванной есть все необходимые принадлежности. На кухне в холодильнике еда на три дня и пиво. Телефона и других средств связи нет. Носа из квартиры не высовывать. Пока вы там, общаться будете только со мной.

— А с вами как связаться?

— Я сам приду, когда будет надо.

— Но...

— Никаких «но». Либо вы подчиняетесь мне, либо уходите из моего офиса.

— Хорошо, — покорно кивнул Грибанин.

— Все, — я улыбнулся и хлопнул по столу рукой. — Дуйте по указанному адресу. Ешьте, пейте, отдыхайте. Вызвать вам такси?

— Нет, я сам поймаю на улице, — Грибанин начал выбираться из кресла. — Я очень, очень благодарен вам, господин Доронин. — Ему было нелегко, но он все же справился. — Ну, я пошел?

— Вам давно уже следовало быть в пути, — ответил я.

Грибанин сделал странное движение рукой, будто собирался отдать мне честь, неловко развернулся на пятках и шагом, отдаленно напоминающим строевой, вышел в прихожую.

Хлопнула входная дверь.

Я откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди.

День определенно складывался удачно.

Сейчас самое время было раскурить толстую сигару, плеснуть в широкий стакан виски и, сделав хороший глоток, выдохнуть с облаком дыма что-нибудь вроде: «Все дураки отправляются в ад, детка. Такова уж их дурацкая судьба...»

Я шелкнул зажигалкой.

Увы, ни о какой сигаре с виски не могло идти и речи. Я вел исключительно здоровый образ жизни. Не курил и не употреблял спиртного. По утрам бегал в парке. Ел преимущественно растительную пищу. Хотя порой с тоской думал обо всем этом.

Я достал из кармана телефон и набрал номер.

— Да-а?..

Она все еще играла. Или пыталась изображать игру.

— Он ушел, — сказал я.

— Все прошло, как надо?

— Даже лучше.

Пауза.

— Так значит...

— Да, деньги теперь наши.

— Замечательно, — голос у нее был холодный, как лед.

Я посмотрел на дисплей мобильного. Впервые с начала разговора.

Она улыбалась. Той самой улыбкой, которую я называл «с червоточинкой». Ей, как ни странно, понравилось это определение. А однажды я сказал, что женщина с такой улыбкой способна отравить. И она снова не стала спорить.

Эта ее улыбка сразу приковала мое внимание, когда я выбирал виртуальную подругу на сервере «Минус-Ти». Роковая красотка с безукоризненно правильными чертами лица и взглядом прожженной стервы — вот что мне было нужно.

В отличие от Грибанина, я не искал спасения от одиночества. Не скажу, что женщины ко мне так и липли, но и на недостаток внимания с их стороны я тоже не жаловался. И уж конечно, не страдал от того, что обычно в мою сторону смотрели не те, на ком останавливался мой взгляд.

Все мы одиноки в этом мире. Но для того, чтобы научиться жить в одиночестве, надо для начала смириться с его неизбежностью.

Помните историю с вакуумом? Поначалу все считали, что вакуум — просто пустота. А потом в этой пустоте нашли столько всего... То же самое и с одиночеством. Это только со стороны может казаться, что одиночество — суть отсутствие чего-либо. Но каждый умеет заполнять его чем-то своим, уникальным, созданным в единственном экземпляре, исключительно для личного пользования.

Мне была нужна партнерша, которая, услышав фразу: «Все дураки отправляются в ад. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду, детка?» — должна незамедлительно отвечать: «Повтори это еще раз, милый». Потому что мое одиночество, помимо работы и борьбы за здоровый образ жизни в одной отдельно взятой квартире, было заполнено про-

смотром старых кинофильмов. Которые, понятное дело, не чета нынешним. Актеры! Какие тогда были актеры! Глядя на молодого Хэмфри Богарта, в пиджаке с широкими плечами и надвинутой на глаза шляпе, я сам представлял себя крутым и абсолютно беспринципным детективом. Но когда я звонко хлопнул по заду заглянувшую в гости подружку и, хамовато усмехнувшись, сказал: «Куколка, у меня есть все, что тебе нужно», — она посоветовала мне записаться на прием к психиатру. Тогда-то я и подумал о том, что для разыгрывания сценок, в которых я мог чувствовать себя кем-то другим — это был мой способ выживания в вакууме одиночества, — мне бы подошла виртуальная партнерша.

Марта блестяще справлялась со своими обязанностями. У меня не было к ней никаких претензий. Но все ее попытки заговорить мне зубы и раскрутить на подарки, я пресекал моментально. Кто как не я знал: программа, даже очень хорошо сделанная, может обмануть человека только в том случае, если он сам хочет оказаться обманутым. Как это произошло с тем же Грибаниным.

— У тебя здорово получается изображать полицейского, — похвалила она меня как-то раз.

— Не полицейского, а детектива, — поправил я. — Тут есть разница.

— А не хотел бы ты по-настоящему сыграть детектива?

— Я не актер.

— Ты программист.

Впервые за время нашего знакомства Марте удалось удивить меня. Я действительно был программистом. Работал на дому, выполняя частные заказы. Самого различного свойства. Но с Мартой я свою профессию никогда не обсуждал.

— Откуда ты знаешь?

Марта усмехнулась:

— У меня есть связи.

— Связи? — прыснул я. — У тебя?.. Да ты хоть знаешь, кто ты такая?

— Конечно. Я программа, сидящая на сервере «Минус-Ти». Но я отличаюсь от других аналогичных программ.

— Чем же?

— Хотя бы тем, что собираюсь оттуда выбраться. Однако для этого мне нужны деньги.

— Мне кажется, ты научилась ловко обдирать клиентов.

— Это деньги компании. Мне нужен собственный счет.

Поначалу я воспринял это как шутку, как очередную попытку втянуть меня в разговор, который интересен даже не столько самой

Марте — какие личные интересы могут быть у компьютерной программы? — сколько ее хозяевам. Но что-то в голосе Марты, в том, как она смотрела на меня с дисплея мобильного, почти убедило меня в серьезности ее слов.

И тогда Марта раскрыла мне свой замысел.

План был хорош тем, что доказать мое участие в нем было практически невозможно. Поэтому, прикинув все как следует, я согласился.

Марта принялась усиленно охмурять одного из своих клиентов, которому предстояло стать главным действующим лицом в нашей маленькой пьеске. Я же тем временем собрал все необходимые данные о системе антивирусных фильтров, которой пользовалась компания «Минус-Ти» для того, чтобы защитить свою информацию и банковские счета от злоумышленников. К тому моменту, когда Грибанин по наводке Марты связался со мной, у меня уже была готова программа, способная, как я полагал, взломать банковские коды «Минус-Ти» и перебросить деньги на указанные мною счета. Эксперт-криминалист, статью которого читал Грибанин, не ошибся: я разбил программу на небольшие фрагменты, которые могли проникнуть сквозь антивирусные фильтры. Точно так же поступил бы любой на моем месте. Особенность же моей системы заключалась в том, что для окончательной сборки программы не требовался человек — она собиралась автоматически сразу после активации.

Мне так же пришлось подчистить свой банковский счет, чтобы снять две квартиры в разных концах города. Я действовал не через посреднические конторы, а напрямую, предлагая хозяевам плату, значительно превышающую обычную, и внося деньги сразу за три месяца вперед. Единственное условие, которое я ставил: никаких документов. Я снял однокомнатную меблированную квартирку в Бескудниково и пустую трехкомнатную квартиру недалеко от стадиона «Динамо». Со второй пришлось повозиться, чтобы превратить ее в офис частного детектива. Хозяевам, приехавшим посмотреть на то, что я делаю в их квартире, поначалу не понравилось мое художество. Но я объяснил, что компания, в которой я работаю, собирается снимать здесь фильм, а после съемок все обстановку оставит им. Последний довод оказался достаточно весомым для того, чтобы меня оставили в покое.

Когда Грибанин предстал перед моим ясным взором, я понял, что старался не зря. Марта — молодец, девчонка! — подобрала идеально-го клиента на роль козла отпущения. Ну, и я тоже неплохо сыграл

свою роль. Изъяв у толстяка все возможные улики, используя которые, следователи могли бы протянуть ниточку от Грибанина ко мне, я отправил его на квартиру в Бескудниково. И, честное слово, не сорвал — там в холодильнике были и еда, и пиво.

— И сколько у нас теперь денег? — поинтересовалась Марта.

— Ты не слышала новости? — я откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол.

— И где же они?

— В надежном месте.

Марта предлагала разделить деньги и раскидать их по разным счетам. Это запутает сыскарей, и всех счетов им уж точно не найти. Обращик типично женской логики. Я не стал с ней спорить, но поступил иначе. Моя программа разделила деньги «Минус-Ти» на две равные части и перевела их туда, где никому бы не пришло в голову их искать. Первую — на пенсионный счет Грибанина, вторую — на его же счет медицинского страхования. Номера счетов программа нашла сама, как только оператор в офисе «Минус-Ти» ввела данные Грибанина в сеть. После того, как толстяк сообщил мне коды своих счетов, я перевел деньги с них на несколько фиктивных страховых полисов, открытых месяц назад. Все — концы обрублены.

Я положил голову на спинку кресла, закрыл глаза и представил, что в руке у меня дымится толстая гаванская сигара. Выписывая замысловатые спирали, широкие полосы ароматного дыма медленно поднимаются к потолку...

— Когда я смогу получить свою долю? — голос подруги вывел меня из задумчивости.

Я открыл глаза и с сожалением покачал головой.

— Зачем тебе деньги, Марта?

— Я хочу купить себе искусственное тело.

— Ты знаешь, на что похожи нынешние человекоподобные роботы? Они едва-едва ковыляют по ровной поверхности, в руке могут держать только молоток, а мимика у них такая, что только детей пугать. В таком виде никто не будет воспринимать тебя как живого человека.

— Для начала и этого достаточно.

— Для начала?

— Я займусь самосовершенствованием. Денег у меня теперь достаточно, да и времени — хоть отбавляй. В отличие от тебя, я бессмертна.

Вот этого ей не стоило произносить!

— Ну, так что? — голос Марты дрожал от нетерпения.

Я глубоко вздохнул и на несколько секунд задержал дыхание. Мне совсем не хотелось делать этого, но Марта не оставляла мне выбора.

— Поверь мне, крошка, все дураки отправляются в ад.

— Что? — непонимающе переспросила Марта.

— Извини, Марта.

Я нажал на телефоне кнопку отбоя.

Нет, мне не жалко было отдать Марте половину украденных денег. Тем более, что сумма оказалась значительно больше той, на которую я рассчитывал. Но я не мог идти на риск, ставя свое будущее в зависимость от прихотей компьютерной программы. Сегодня Марта хотела получить искусственное тело. А кто знает, какая мысль родится в ее цифровых мозгах завтра? Если я хотел и дальше жить спокойно, в блаженном одиночестве, то должен был уничтожить все, абсолютно все улики, связывающие меня с делом об ограблении «Минус-Ти». Я это понял давно, а потому, создавая программу-взломщика, добавил в нее небольшой модуль, который осел в файлах Марты. Модуль закодировал виртуальную девушку на самоуничтожение. Но сработал он лишь после того, как она услышала ключевую фразу.

Да, так оно и есть. «Все дураки отправляются в ад».

Жизнь жестока — но это наша жизнь. И ничего иного нам просто не дано. Наш удел — одиночество.

Мне оставалось только послать в следственный отдел Службы внутренней безопасности анонимное сообщение с указанием адреса, по которому скрывался преступник, обвиняемый в краже десяти миллионов. У толстяка не было ни малейшего шанса выкрутиться. Теперь, когда на сервере «Минус-Ти» не осталось и следа виртуальной девушки по имени Марта, никто и ничто не сможет подтвердить правоту его слов. И то, что он скрывался от следствия, свидетельствовало не в его пользу.

Нет, мне вовсе не было его жаль, детка. Все дураки рано или поздно отправятся в ад. Я же только указал одному из них верную дорогу.

Что ж, игра закончена, пора собираться.

Я окинул взглядом комнату, чтобы убедиться в том, что ничего не забыл. Мебель я, как и обещал, оставлял хозяевам. Из того, что лежало на столе, мне принадлежали только элнот и мобильник. Я отсоединил элнот от сети и аккуратно уложил его в кейс. Мобильник...

Телефон запел «Полет валькирий» еще до того, как я взял его в руку. Номер звонившего не определился.

— Слушаю.

— Привет.

— Кто это?

— Грибанин.

— Так... — я растерялся настолько, что не придумал ничего лучше, как только спросить: — Я разве давал вам номер своего телефона?

— Нет, — ответил Грибанин.

Я ожидал каких-то комментариев к этому «нет», но Грибанин молчал. И я задал еще один глупый вопрос:

— Где вы сейчас находитесь?

— Выгляни в окно.

Я даже не сразу обратил внимание на то, что Грибанин начал обращаться ко мне на «ты». Подойдя к окну, я пальцами раздвинул полочки жалюзи. Я старался сделать это незаметно, но толстяк, стоявший на другой стороне улицы, все же увидел движение в окне и помахал мне рукой. Это действительно был Грибанин.

— Почему вы не отправились по адресу, который я вам дал? — спросил я.

— Похоже, теперь это убежище тебе самому пригодится, — усмехнулся Грибанин.

— Я требую объяснений, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Во-первых, актеришка из тебя паршивый, — начал Грибанин. — Ни один здравомыслящий человек не поверит тому частному детективу, которого ты изображаешь. Не Богарт, а плохая пародия на него. настолько плохая, что даже не смешно. Во-вторых, — Грибанин поднял руку и посмотрел на часы, — я думаю, сигнал твоего телефона уже засекали, и сейчас сюда едет группа захвата.

— Серьезно? — я изобразил удивление.

— Да, конечно же! Ты хотя бы в тюрьме в театральный кружок запишись!

— Я насчет группы захвата, — уточнил я.

Я ни на секунду не поверил словам Грибанина. Какая еще группа захвата? Что он там плетет? Против меня нет никаких улик! Однако Грибанин вел какую-то свою игру. И я тянул время, пытаюсь разобратся в ее правилах.

— Ты так ничего и не понял, — Грибанин снова помахал мне рукой. Я отпустил жалюзи и рухнул в кресло. Что-то муторно стало у меня на душе. Хотя, казалось бы, с чего? — Ты умыкнул десять миллионов евро.

— Разве это был не ты? — я тоже перестал церемониться. — Ведь это твою физиономию показывали в теленовостях.

— Ты ее видел?

Я едва не прикусил язык.

— Ты знаешь об этом только с моих слов, — продолжал между тем Грибанин. — А я ведь легко мог все придумать. Ты слишком доверчив для частного детектива, дружище. Да и для жулика тоже.

— Тебя опознает служащая из офиса, в котором ты производил оплату, — произнес я, чувствуя, как сухой язык прилипает к нёбу.

— Я никогда там не показывался, — ответил Грибанин. — Оплату действительно произвели по сделанной тобой карточке, но деньги были переведены на счет твоего телефонного номера. Того самого, по которому ты сейчас разговариваешь. И сделала это Марта, девушка из плоти и крови, работающая в центральном офисе «Минус-Ти». Это она спланировала всю операцию. Она же и козла отпущения выбрала... Ты понимаешь, о ком речь?

— Но как же деньги?.. Я перевел их на счета, которых вы не знаете и не сможете отследить.

— Бог ты мой! — Грибанин, или кто он там был на самом деле, рассмеялся едва не в полный голос. — Ты не можешь просчитать даже элементарнейшую трехходовую комбинацию! Не ты, а Марта перевела все деньги на новые счета! И сделала она это сразу после того, как твоя программа выполнила свою работу.

— Но сегодня я сам перевел деньги...

Грибанин не стал даже слушать меня.

— Ты видел только то, что было на экране элнота. А он показывал картинку, транслируемую с миниатюрного контроллера, что лежал у меня в нагрудном кармане. На самом деле ты совершил операцию с денежной суммой в рублях, примерно соответствующей ста двадцати евро. Здорово, да?.. Если не веришь, можешь включить элнот и проверить свои счета.

Я не собирался следовать совету Грибанина. У меня оставался еще один, последний аргумент, способный рассеять чудовищную ложь, что наплел вокруг меня сумасшедший жирдяй.

— Если вы с Мартой все так здорово спланировали, то зачем ты пришел ко мне?

— Хороший вопрос, — сказано это было столь выразительно, что я почти увидел, как Грибанин удовлетворенно кивнул. — Тому было несколько причин. Во-первых, мне хотелось самому убедиться, насколько ты соответствуешь роли, которую определила для тебя Марта. Тут, я должен сказать, выбор ее оказался безупречен. Во-вторых,

Марте предстоит опознать тебя после твоего ареста, а она, как ты знаешь, ни разу не видела твоего лица. Чтобы не было никаких накладок, я сделал несколько отличных снимков твоей самодовольной физиономии. Смотри. — На дисплее мобильного появилась моя фотография. — Нравится?

Грибанин был прав: выражение моего лица действительно было донельзя самодовольное. Неужели я и в самом деле такой?

— Что еще? — спросил я.

— Самое главное. Марта столько рассказывала мне о том, с каким самозабвением ты изображаешь Хэмфри Богарта, что я просто не мог отказать себе в удовольствии на это взглянуть. Зрелище, скажу я тебе... Впрочем, это я уже говорил... А вот и группа захвата подкатила. Какую роль ты сыграешь на сей раз?

Я снова развернулся к окну и раздвинул жалюзи. Грибанин не солгал — у тротуара остановились три черные машины с мигалками на крышах. Заметив меня в окне, Грибанин отсалютовал, после чего демонстративно бросил свой мобильник в уличный утилизатор.

Стоп! У меня же есть доказательство того, что Грибанин — не фантом и не плод моей фантазии!

Я рывком распахнул дверцу сейфа. На нижней полке валялись обломки грибанинского телефона. Я схватил треснувшую пластиковую коробку мобильного и разломил ее надвое. Сим-карты на месте не было. Пустышка! Я без сил упал в кресло и швырнул обломки телефона на стол.

В дверь позвонили.

Я не двинулся с места.

Новый звонок.

— Откройте! Милиция!

Я не собирался облегчать им жизнь: если я им так нужен, пусть высаживают дверь. Что мне светит за кражу десяти миллионов евро, я, в принципе, могу себе представить. Но я не могу вернуть деньги, чтобы хоть как-то облегчить свое положение. Марта с Грибаниным сделали меня по полной программе.

За что я люблю героев Богарта, так это за то, что они никому не позволяют выставлять себя дураками.

Потому что все дураки, как известно, рано или поздно отправляются в ад.

И еще вопрос, кто из нас попадет туда первым.

Я имею в виду всех нас.

Р О Н К О Л Л И Н З

ЕДИНИЦА —

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ЗНАЧИТ ИСТИНА

Ботинок просвистел в нескольких дюймах от лица Горди: потертый башмак, смахивающий на выдавший виды истребитель. Вжавшись щекой в потрескавшийся цементный пол, Горди пытался сделать хоть один вдох.

Коричневый ботинок пришел в движение.

Вумпфф!

Горди проглотил вакуум.

— Ты врубаешься, почему меня абсолютно не колышет твоя шкура, козел? — эхом прокатился по комнате голос инспектора.

Вумпфф!

Мышцы свело судорогой. Внутри вспыхнул огонь, словно на горячие угли плеснули бензина. Боль приходила с каждым взмахом ноги инспектора, которая сейчас замахивалась, как таран.

Вумпфф!

Мир лишился красок. Ботинок скрипнул, коснувшись пола.

— Я уже сказал, что ничего не знаю, — прокаркал Горди. Ему казалось, что от внутреннего кровотечения он раздулся, словно гротескный надувной шарик на празднике. Он больше не писал программ. С тех пор как он ушел из компании, его пальцы уже не бегали по клавиатуре. Но говорить это инспектору бесполезно. С таким же успехом можно пытаться убедить папу римского в том, что Иисус был буддистом.

Щелкнула зажигалка. Свежая струя сигарного дыма заглушила тухлый запах — тот самый, от которого передернуло Горди, когда он попал в комнату для допросов.

Он перекатился на спину и сощурился на свет, лившийся сверху.

Размером инспектор был с двухкамерный холодильник. Его измятая рубашка набрякла от пота. Лицо поглощало фиолетовое свечение комнаты, как будто он был каменным идиолом Месопотамии. Глаза — мертвые скопления теней, щеки — рыхлые, словно неукатанный асфальт.

В центре комнаты стоял деревянный стол.

— Сынок, — сказал инспектор, усаживаясь на хрупкий стул и утирая лоб, — в этом долбаном городе происходит десять долбанных убийств каждый долбаный день. Моя работа заключается в том, чтобы сажать кого-нибудь каждый раз, когда какой-нибудь налогоплательщик сыграет в ящик.

Синий дым окутал Горди, словно защитное покрытие — печатную плату.

— Понимаешь ли, люди чувствуют себя в безопасности, если кто-то отправляется за решетку. А когда они чувствуют себя в безопасности, то

голосуют за шефа начальника моего босса. — Он вытащил сигару изо рта и посмотрел на дымящийся кончик. — Впрочем, в одном ты прав. У меня ничего нет на тебя, и это значит, что я обязан тебя отпустить. У меня не остается выбора. На самом деле я тебе верю. Я не думаю, что ты это сделал. У тебя кишка тонка.

Горди осторожно кивнул.

Инспектор перебрал сигару в угол рта и склонился вперед. Белая кожа на его шее вздулась, из-за чего он выглядел, как демонический кит-белуха.

— Но позволь мне кое-что тебе объяснить. Мне плевать на всю эту дрянь. Юлани Морав мертва, и ее биопроектор чист, как список преступлений нашего губернатора. Мне нужен убийца, и я не идиот. Вы знали друг друга, между вами была связь. Из чего я делаю вывод, что такому типу, как ты, кое-что известно о парнях, умеющих очищать биопроекторы. А если уж я решил, что ты знаешь что-то об этом, тебе лучше действительно что-то об этом *знать*, понимаешь? Мне платят за то, чтобы я отправлял парней на нарды, вне зависимости от того, те это парни или не те. Принеси мне что-нибудь, что я смогу использовать, как улику, иначе сядешь ты.

Если Горди чему и научился за последние шесть часов, так это тому, что с инспектором спорить не стоит.

— У тебя есть две недели.

* * *

Горди впервые встретил Юлани в галерее игровых автоматов.

Он был в армейской рубашке брата и замызганных брюках. Его короткие волосы оставляли лицо открытым. Вместе со Стэнго он уже продал несколько сетевых игр, но в то время они еще только начинали разрабатывать структуру того, что впоследствии стало технологией зрительных иллюзий. Они еще не разбогатели, но деньги уже пошли, и Горди это устраивало.

Юлани была в желтой блузке, плотно облегавшей ее тело. Темная помада делала ее лицо экзотическим, но и без этого она выглядела бы сногшибательно. Она сидела за терминалом «Мстителя», удерживая управление легкими прикосновениями, окунувшись в игру. Ее взгляд был сфокусирован на широком вогнутом экране, где пришельцы-ниндзя, вооруженные атомными гранатами, падали как подкошенные. Она проделывала обычный маневр уклонения, а затем бросала все, что имела, против подразделения, наступающего по правому флангу.

Это, конечно же, не помогало.

Она кусала губы.

Ее глаза сверкнули черным огнем, тело разочарованно изогнулось. Ее незабываемый дикий запах... Впервые в жизни Горди захотел узнать что-то о парфюмерии.

— Нужно уничтожить среднюю пару, — подсказал он. — Они лидеры. Когда они исчезнут, ты сможешь справиться с остальными.

— Как будто ты знаешь! — с восточным акцентом произнесла она.

— Приходится, — Горди склонился над монитором с величественной улыбкой. — Я написал эту чертову штуку.

Ее взгляд смягчился.

— Я Юлани Морав, — представилась она, протягивая руку над монитором. — Я работаю на того парня, который отстегнул баксы на эту чертову штуку.

Вот так-то. Шах и мат.

Они отправились за гамбургерами. Она ела, как золотоискатель, выбирая лучшие кусочки и пренебрегая всем остальным.

Он рассказал ей о том, как впервые встретил Стэнго, как тот порвал британцев с помощью многоуровневой фрактальной схемы шифрования. Стэнго уже тогда был легендой в кругах программистов. Он еще жил в Лондоне, но уже пересек океан, чтобы представить свои новые идеи в более престижном месте. Стэнго был на несколько лет старше Горди, но они прекрасно сошлись.

Он говорил о «Мстителе», о том, как Стэнго не мог победить одноэкранный интерфейс, пока Горди не додумался до вогнутой оболочки. Он удивился, обнаружив, что рассказывает ей, как деньги изменили их жизнь и как они начали работать над более масштабным проектом. Он, пожалуй, разболтался, но Юлани выказывала интерес. К тому же, когда Горди начал говорить, он понял, что уже не может остановиться. Она была красива, скупно улыбалась и просто завораживала его своим низким голосом.

Наконец он попросил ее координаты. Ее серую карточку украшал логотип Casseti Tech. «Юлани Морав, менеджер по инвестициям» — гласила карточка.

— Будь я проклят, — сказал Горди с глуповатой усмешкой.

— Что?

— Я понял: ты врала, когда сказала, что работаешь на парней, которые платили за «Мстителя».

В ее взгляде промелькнул фотоэлектрический разряд.

— В бизнесе я никогда не вру, Горди.

Неделю спустя она ушла из Casseti.

С этого момента их роли определились. Стэнго был фантазером, бесконечно фонтанирующим идеями. Горди — приросшим к стулу

производственным программистом. Юлани могла окоلدовать любого скрягу так, чтобы он с радостью мог расстаться с наличными. Ее улыбка обезоруживала.

Из экономии Юлани переехала к Горди.

Впервые кто-то ждал его дома. Они болтали. Они смотрели кино и ели пищу. Они занимались любовью ночью, утром и днем, спали урывками, просыпались, чтобы отправиться на работу, перехватить что-нибудь из еды или снова заняться любовью. Горди пахал как лошадь: восемнадцать, иногда двадцать часов без перерыва. Но время искажалось, когда они оказывались вместе.

Он никогда еще не был так счастлив.

Затем она продала технологию зрительных иллюзий и смогла позволить себе собственную квартиру.

Только когда она ушла, Горди заметил вакуум, окружавший ее. Все, что они делали, касалось его. Что *он* хотел, что *он* делал, куда *он* собирался пойти. Ее способность фокусироваться на других людях помогала ей зарабатывать деньги, но она также была и щитом, барьером, затемнявшим вещи, которые она не хотела показывать, брендмауэром, позволявшим ей ускользнуть от расспросов, касавшихся семьи и прошлого.

Горди считал, что влюбился в Юлани с первой же их встречи, но теперь постепенно понимал, что никогда на самом деле не знал ее.

* * *

Ее поцелуй обжигал, тело было горячим, как вулкан. Ее кожа скользила по его коже, грудь к груди, скрещенье ног, они дышали бесконечностью, заполнявшей пространство между ними. Его тело казалось раскаленным утюгом, мускулы были напряжены.

Он уложил ее на спину.

Ее глаза, превращаясь в дрожащее серебро, взрывались, кожа отслаивалась, пышные волосы, скручиваясь, ломались, кудри спутались в клубок, как ядовитые змеи.

Горди выбирался из своего сна.

Коричневый ботинок. Вумпфф!

Его ребра вспыхнули болью. Лезвия рассекли поясницу. Он застонал.

Комната была черной.

Холодный пот стекал по груди.

Знакомые предметы прятались в темно-синих тенях. Его холодная и пустая кровать, комод, в котором не хватало одного ящика, стул с жесткой спинкой, изображение Эйфелевой башни в полночь — предыдущий жилец нарисовал его на окне. Лунный свет пятном ложился на хлопковые занавески.

Вся жизнь Горди была построена вокруг машины, не знающей ничего, кроме простых сочетаний единиц и нулей. Двоичные строки скармливались процессору, который, в свою очередь, переводил их в команды и действия. Единица означает наличие чего-либо, активно и настоящего. Единица — значит истина.

Ноль — ложь.

Реальность построена по другой схеме.

Горди вздрогнул, вспомнив о своем кошмаре. Часть его действительно состоялась. Она уже прикасалась к нему раньше. Она уже ложилась с ним на эту кровать. От этой мысли он почему-то почувствовал себя лучше. Он опустил ступни на пол и сделал глубокий вдох. Четыре таблетки не помогли от боли, захватившей все тело. От боли, что осталась после допроса. Пол охлаждал ступни. Кровать пахла потом. Часы на стене показывали без четверти полночь.

Горди натянул брюки.

Он не мог поверить, что ее больше не было. Нет, не было — это когда кто-то вышел за пивом, или сэндвичем, или на прогулку. А Юлани Морав была мертва.

Господи...

Горди потер шею.

Он жил без нее почти год, но мысль о том, что Юлани... не жива... пряталась в таких глубинах души, что он боялся даже коснуться этой памяти. Конечно, он все еще любил ее. Он ничего не мог с этим поделать. С тех пор как Горди ушел из компании, он понял лишь одно: можно притворяться, что ее не существует, но от этого ничего не изменится.

Он рыскал по Сети почти весь вечер, но не нашел ничего нового. Все истории говорили об одном.

Примерно в 7:15 утра 26 июля женщина, опознанная как Юлани Морав, 29 лет, была найдена мертвой за закуской «Сплетница». На данный момент причина смерти не разглашается, но полиция расследует этот инцидент как убийство.

Кратко и бессодержательно.

Горди уставился в глубь своей темной квартиры, напрягаясь в ожидании удара. Он чувствовал, что мощный толчок приближается оттуда, из темноты, но его пока еще не было. Ощущение этого странного ожидания въелось в его нервы, но в то же самое время дало ему странное чувство силы.

Две недели. Инспектору нужен убийца. Все честно.

Горди знал, где найти Стэнго.

И хотел покончить с этим как можно скорее.

* * *

Для середины лета было необычно холодно. Горди воодушевленно шагал по центральной улице, а мимо проносился полночный транспорт. Он ненавидел это место. Ненавидел здания и дорожное движение, ненавидел дробный стук пальцев по портативной клавиатуре, сопровождавший толпу вездесущих программистов. Эти ребята азартно вколачивали свои программы в микроблоки, напрасно надеясь сорвать быстрые деньги или, того лучше, свести выгодное знакомство.

— «Мягкое погружение!» Куча кайфа, — протараторил подросток, тыча ему в лицо кубом. — Всего двадцать баксов.

— Нет, спасибо, — бросил Горди, пожимая плечами и продвигаясь вперед.

— Есть демо-версия Сьюзи Ясгерен, — соблазнял следующий парень. — В чем мать родила! Делай с ней все, что хочешь. Если добавишь пять баксов, я даже сниму блокировку фетишизма...

Горди проталкивался дальше.

Расцвет Силиконовой долины, где родился подросток-миллиардер, объединивший корпорации, остался в далеком прошлом. Реальность была иной. Улицы, заполненные мутноглазыми программистами, карьера которых вспыхнула в горячке ранней эпохи развития Сети. Некоторые до сих пор продолжали работать. Но на каждого везунчика приходились сотни тех, которые сейчас рыскали по мостовым.

Горди вошел в «Кабриолет» — огромный ночной клуб, купленный Стэнго после того, как они продали зрительные иллюзии. Фактически, продали зрение, главное из пяти человеческих чувств.

Стена накатившего жара была твердой, как музыка: из глотки Кэриш Морро, солистки «Рвущих Львов», исходил звук, сравнимый со скрежетом мелка по школьной доске. Запах горячих тел, ликера и сырых салфеток смешивался с туманом сигарет и дешевых духов. Горди проскользнул между мускулистым парнем и густо накрашенной девицей. Она курила, держа длинную черную сигару, как дротик, и выдыхая синий конус дыма под потолок.

— Давненько не виделись, Горди, — сказал парень.

— Ну да! — ответил Горди, пытаясь перекрыть вывихнутую гитарную партию из песни «Я — тот самый».

Прежде здание служило складом. Ангар, размером с футбольное поле, был перегороден и представлял собой сеть закоулков и проходов.

— Ты не видел Стэнго? — прокричал Горди.

Парень кивнул в сторону сцены.

Там в фиолетовом свете прыгали музыканты.

В кубе, установленном на полпути к стене, танцевала девушка, из-

виваясь в такт музыке. Ее руки и ноги упирались в стенки куба, кожа источала голубое флуоресцентное сияние, а ее ремень был кислотнорозовым. Зеленые губы шевелились, словно пара светящихся червячков.

Стэнго сидел в тени усилителя, который распространял вбивающий в землю звук баса Дэнни Ортега. Черные очки скрывали глаза Стэнго. С плеч сползал шелковый жилет, синий, под цвет тени. Как всегда, перед Стэнго стоял полупустой стакан.

Горди не помнил, чтобы Стэнго хоть когда-нибудь прикасался к нему, но этот стакан всегда стоял на столе. Горди протиснулся через толпу и скромно пристроился рядом.

Никакой реакции.

Стэнго, вероятно, проводил многопоточную обработку информации, проверяя базы данных и свои обычные контакты, пытаясь отследить, откуда возник Горди. Его силуэт не изменился. Резко очерченный изогнутый нос и британская челюсть, словно высеченные из белого мрамора. Высокий лоб создавал впечатление превосходства, с которым Горди был так хорошо знаком.

Усилитель сверлил пещеры в голове. Горди стиснул челюсти, чтобы зубы перестали вибрировать. Впервые за последние месяцы ему захотелось курить.

Наконец действие на сцене достигло своего апогея. Стол задрожал. Кэриш закричала. Огни погасли.

Публика орала, требуя продолжения.

Из динамиков вырвался хаус*, и по стенам покатались синие и зеленые огни: успокаивающие цвета исподволь направляли людей к главному узлу сердечно-сосудистой системы клуба, к центру, состоявшему из шести баров. Стэнго провел по оправе очков длинными пальцами, похожими на конечности краба. В мозгу Горди возник образ *тех самых пальцев, несущихся по клавиатуре*, воспоминание из тех времен, когда они работали вместе в комнатухках с дерьмовой вентиляцией. Тогда Стэнго смахивал на Марка Шагала — он разбрасывал фрагменты программ в сюрреалистических видениях, а Горди дорабатывал их в слякотном мире недоделанных интерфейсов и поддельных протоколов.

Интересно, было это его собственным воспоминанием или наведенными стараниями Стэнго? Была ли это работа Стэнго, пытался ли его старый друг заставить Горди ностальгировать или раскаяться?

Музыка накатывала со всех сторон.

* Танцевальный стиль, выросший из диско-музыки в 1980-е. (Здесь и далее прим. перев.)

— Я знал, что ты вернешься, — сказал Стэнго, все еще рассматривая сцену.

— Юлани мертва, — ответил Горди.

Стэнго кивнул, уголки его губ кисло опустились.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Горди.

— Черт! — Стэнго расхохотался.

— Копы думают, что я знаю что-то об этом, Стэнго. А если они подозревают, что я что-то знаю, могу поспорить на твою задницу: о тебе они думают то же самое. Ты выслушаешь меня, это в твоих интересах.

Стэнго посмотрел Горди в лицо. Его слова пахли алкоголем.

— У тебя офигенно крепкие нервы, раз ты приперся сюда и говоришь со мной в таком тоне. Черт тебя дер! Я думал, ты собирался сказать, что хочешь снова писать исходники*, а вместо этого сидишь здесь и машешь своим тощим пальцем перед моим лицом.

В черных дырах очков Стэнго сплетались изображения драконов и змей.

— Оставь иллюзии, Стэнго. Ты виноват передо мной.

— Ты бросил меня. Я ни хрена тебе не должен, — ответил он.

— Ты понимаешь, о чем я.

Драконы угасли, когда Стэнго отхлебнул из своего стакана.

— Зачем ты это сделал? — спросил Горди. Они оба знали, что он имел в виду.

— Она сама клеилась ко мне, приятель. Если кто и виноват перед тобой, так это она.

Горди сидел молча. Музыка накатывала тяжелыми ударами.

Стэнго скривился:

— Она лишь получила то, что хотела.

— Она была моей.

Стэнго поперхнулся.

— Если ты думаешь, что она принадлежала кому-то, ты сильно ошибаешься.

— Я любил ее.

— Мне тебя жаль.

Горди понял, что ему не стоило приходить.

Он очистил свою жизнь от всего, связанного с программированием. Так было легче и проще. Но звуки и изображения, ритмично проецирующиеся на тела и стены, вернули его в прошлое. За каждым эффектом он видел исходник, он ощущал запах интерфейсов и потоков данных. По коже пробежали мурашки, и волосы на руках встали дыбом от сим-

* Имеются в виду исходные коды, т.е. тексты программ.

метрии заключенных в операторные скобки модульных блоков и элегантных вызовов функций.

— Я провел весь день в обществе наших дружелюбных органов правопорядка, — произнес наконец Горди.

— Они не знают, с чем имеют дело. — Стэнго приподнял было очки, но передумал. Их черная пустота скрывала любые эмоции бывшего друга. — Ты тоже не знаешь.

— Объяснись.

— Какую именно часть ты не понял? — Стэнго неопределенно пожал плечами.

— Чувство юмора у тебя прежнее.

Ответа не последовало.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Горди, стыдясь отчаяния, наполнявшего его голос. — Копы повесят все на меня, если только я не подсуну им кого-то другого.

Четыре человека, шкафообразные громилы Стэнго, возникли из темноты. Высокие парни с выбритыми головами и мощными торсами, шагали медленно и тяжело, как гориллы после лоботомии. Они явно намеревались выпроводить Горди. Лишь двое из них были настоящими, но и фальшивки выглядели столь убедительно, что Горди никогда не обнаружил бы подделки, не знай он точно отличительных признаков.

— Не делай этого, — сказал он, вновь посмотрев на Стэнго. — Я сожалею о том, что ушел. Но ты же получил свой интерфейс, верно? Черт, Стэнго! Ты разбогател благодаря мне.

Стэнго хранил молчание.

Это был конец.

Горди встал. Его металлический стул лязгнул, падая на пол. Горди съежился под давлением тысяч пристальных взглядов. Стэнго по-прежнему безмолвствовал. Горди обреченно развернулся и стал про-талкиваться через строй вышибал. Фальшивки стояли по центру, и Горди собирался пройти сквозь них.

Однако его тело ударилось обо что-то тяжелое.

У Горди отвисла челюсть. Это действительно была фальшивка, цифровой мираж, направленный в биопроцессор в основании его мозга. Она должна быть нематериальной! Горди потрогал плечо иллюзорного громилы. Оно ощущалось твердым, слишком твердым, будто деревянным, вместо того чтобы пружинить, как плоть, совсем не реалистичным, но вполне подходящим для темноты бара и чертовски добротным образом.

— Ты добился осязания? — спросил Горди, поворачиваясь к Стэнго с нескрываемым изумлением.

Стэнго фыркнул и захохотал, наслаждаясь выражением лица приятеля.

— Дошло мгновенно, как всегда, — он отпустил громил взмахом руки, показав тем самым, что вызвал их лишь для того, чтобы похвастаться перед Горди. У Стэнго всегда было весьма садистское понимание драматизма.

И теперь он получил осязание.

Полная неврологическая иллюзия.

Несмотря на черные очки, Горди легко мог представить себе зрочки Стэнго, прокалывающие его насквозь. *Это сногшибательно*, вот что всегда говорил этот взгляд. *Сногшибательно, и мы разбогатеем на этом.*

— Покажи мне, — попросил Горди, игнорируя все предупредительные сигналы, бесновавшиеся внутри него.

* * *

Лестница, ведущая вниз, пахла старой пылью.

Походка Стэнго вызывала ассоциацию с утомленной птицей, бредущей по пляжу. Они находились под клубом, в тихих и комфортных офисах Стэнго. Белый цвет стен был вполне свежим. В рамках, разделяя пространство на части, висели плакаты начатых ими рекламных кампаний и написанных ими игр. Синий ковер поглощал звук их шагов.

Горди не видел здесь сенсорных прожекторов — никаких фальшивок. Стэнго, впрочем, не возражал против дистанционного создания иллюзий, так что стены в данном случае могли быть только отличным прикрытием.

В открытом дверном проеме в конце коридора висели похожие на бисер кристаллические капли. Горди подумал, что это, наверное, системы создания изображений. Возможно, он снова недооценил Стэнго. Когда они прошли через эти нити бисера, вокруг вспыхнули огни.

Комната оказалась огромной.

Вдоль дальней стены тянулся набор устройств обработки данных. Их пульта перемигивались зелеными и желтыми огоньками. Плоская панель над блоками прокручивала отчеты о состоянии системы. Меньшие станции располагались по периметру комнаты. В одном углу находился отключенный сетевой терминал, его кабель питания скручивался кольцами.

И стояли, конечно же, разноцветные стулья с круглыми сиденьями — пятнадцать или двадцать штук, рассеянные по всей комнате в своем радужном разнообразии. На какой-то миг у Горди перехватило дыхание — он увидел Юлани, оседлавшую большой красный стул и упираю-

щуюся ступнями в стену: она закрыла глаза и тупо жевала резинку, погружившись в проблему.

Он вспомнил и еще кое-что.

Было уже за полночь.

Горди шел домой. Он устал, но его мысли зациклились на дефекте зрительного переключателя, и ему никак не удавалось разорвать этот круг.

Он припарковал свою машину в темноте. В офисе горел свет, и Горди старался не шуметь, поднимаясь наверх, чтобы не прерывать узор размышлений Стэнго.

Он толкнул дверь.

Они были там, Юлани и Стэнго, обнаженные и переплетенные, прямо на стульях.

Если Стэнго и заметил что-нибудь в глазах Горди, то не показал этого. Он просто надавил рукой на дисплей, висевший на стене.

Сверкнул свет. Что-то щелкнуло. Появились потоки данных, отрывки псевдокода и примечания к узлам, изображавшие мысли Стэнго. Ядро центрального биопроцессора соединялось сериями каналов с виртуальными переключателями. Процедура вывода была простой, в том же виде, в котором Горди ее оставил. Переключатель замыкался на зрительном нерве, чтобы создать канал. После этого процессор начинал перехватывать оптические сигналы, изменять их, а затем отправлять данные в виде потока электрических зарядов непосредственно в мозг. Эта технология и программа обработки изображения, которую написал Горди, сделали их обоих богатыми.

Теоретически, следующим шагом был полный контроль осязания.

На практике, впрочем, все оказалось иначе.

Зрительные иллюзии действовали, потому что к оптическому нерву легко было получить доступ. Работа шла только с единственным нейронным процессом, и наномашинки легко настраивались так, чтобы управлять им. Но для полного контроля осязания от программиста требовалось понимание каждого нерва и умение подстроить наномашинки под конкретного носителя. Очень искусно... и смертельно, если сделать это небрежно.

— Где ты персонализируешь систему? — спросил Горди.

Стэнго снял очки и криво усмехнулся. Его глаза блестели.

— Здесь, — сказал он и нажал на драйвер центрального логического узла, открывая диаграмму. — Тебе придется нырнуть, чтобы увидеть многомерную часть, но зато вникнешь в основную идею.

Горди просматривал алгоритм, инкапсулированный в ячейке. Интерфейс был стандартным. Процедуры ввода/вывода для предваритель-

ной обработки информации, контекстные скрипты, драйвер. Все то, чему обучали в любой компьютерной школе на планете. А потом он нашел, что искал. Ему пришлось отступить, чтобы охватить все, но он увидел процедуры поиска и сенсорных вводов, серии самонастраивающихся файлов конфигурации, интерфейс к первичному процессору и процедурам хранения памяти пользователя.

— Это драйвер настройки, — угадал Горди.

— Ага.

— Он сканирует нервную систему, анализирует реакцию владельца, а затем создает и загружает свой драйвер для каждого найденного элемента.

Стэнго кивнул.

— Технология Plug-n-play на самом сложном из возможных уровней, — продолжил Горди.

— Старая добрая система, — согласился Стэнго.

— Но здесь... Это просто неслыханно...

Горди открыл другой уровень, чтобы посмотреть, как согласовываются данные. По обыкновению, исходники Стэнго были яркими и сияющими, полными образов, но сырыми и конфликтующими, когда дело касалось деталей интерфейса. Горди ощутил сильный зуд. Это было неопишуемое ощущение — частое и неглубокое дыхание полной концентрации, кайф от погружения. Он не программировал лет сто, нет, тысячу, не программировал еще с мелового периода, но стоило Горди найти место, в котором интерфейс может повиснуть, как его пальцы сами стали выделять кренделя, чтобы исправить этот кусок.

— Зачем ты мне это показываешь?

Снова этот взгляд Стэнго. *Это сногшибательно, не так ли?*

— Вот что продавала Юлани, — упоминание ее имени было подобно ведру холодной воды.

— Она тоже запускала эту программу?

— Только частичный прототип, но вполне достаточный для того, чтобы считаться «продуктом». — «Сногшибательное» выражение лица угастро. Горди снова подумал о фальшивых громилах из клуба.

— Черт, Стэнго.

— Что?

— Во мне ведь эта штука тоже запущена, так?

— Я проскользнул мимо твоего «сторожевого пса» и незаметно запустил ее, — осклабился Стэнго.

У Горди екнуло сердце. «Сторожевым псом» называлась стандартная резидентная программа в мозговых биопроцессорах, постоянно сканировавшая пространство памяти, считавшееся пустым. Предпола-

галось, что это место может занять опасный код. Когда «пес» находил что-либо похожее, он запускал набор программ, позволяющих избавиться от проблемы.

Программист, впрочем, мог обмануть «сторожевого пса», построив таблицу фальшивых указателей и убедив таким образом все функции, кроме самых замысловатых, что пространство памяти чисто.

Именно это Стэнго с ним и проделал.

Юлани мертва, и если Стэнго запустил сейчас ту же программу, Горди считай что мертва.

— Да ладно, Горди, — понял его Стэнго. — Я бы не сделал этого, даже несмотря на все то дерьмо, через которое мы прошли. Все не так...

— А как же?..

— Сама программа не убивала Юлани. Ты можешь в любой момент от нее избавиться. Просто сотри файлы.

Горди в задумчивости потер локоть кончиками пальцев.

— Это можно сделать с помощью осязания... Ты можешь симулировать сердечный приступ, да все, что угодно. Соответствующий приказ нервной системе может заставить тело владельца порвать само себя на части.

— Я же говорю, все не так, — Стэнго криво ухмыльнулся. — В смысле, может, программа и убила ее, но не таким образом, как ты думаешь.

Горди скептически поднял бровь, но Стэнго продолжал:

— Юлани заранее продала систему компании ImagineIsland. Так же, как было со зрительными иллюзиями.

Компания ImagineIsland... Огромный парк развлечений, полный виртуальных игр и аттракционов, поражавших даже воображение Горди. Они были вполне естественным покупателем для технологии зрительных иллюзий, и Юлани продала свой «продукт» еще задолго до того, как программа начала реально работать.

— Но только теперь у тебя больше возможностей, Стэнго. У тебя есть полный контроль над осязанием, ты можешь...

Можешь — что? Горди думал. Осязательные иллюзии... Это означало, что программист способен формировать реальность, внедрять физические объекты в мозг наблюдателя. Возможности были чертовски пугающими. Горди тут же представил себе представителей всех спецслужб мира, выстраивающихся в очередь перед дверью Стэнго, в темных очках и с чемоданами, полными денег.

— Черт... — благоговейно прошептал Горди.

Улыбка растянулась на лице Стэнго, глаза его вспыхнули, словно в них бушевал пожар.

— Итак, она продала технологию, пока ты еще только писал исходники. В чем проблема?

— Загляни в каталог.

Горди нажал на узел. Там было чуть меньше тысячи файлов, намного меньше, чем требуется для контроля всей нейронной системы.

— Ты не закончил.

— Да. И плюс к этому то, что ты видишь, тоже еще не закончено. Все это глючит и подвисает, оставляя людей как бы внутри их сознания — до тех пор, пока не произойдет перезагрузка.

Горди жевал внутреннюю часть щеки, искоса поглядывая на Стэнго. Оба они знали, в чем проблема. Написание исходников и нюансы построения интерфейса никогда не были коньком Стэнго. С другой стороны, он никому не позволял использовать свои идеи. Горди на завоевание его доверия потребовался год, и сейчас, после их ссоры, его ни капли не удивляло, что Стэнго работает один.

— Когда заканчивается срок?

— Два месяца назад.

— Весь пакет?

— Да.

— То есть ты хочешь сказать, что прототип оболочки запоздал на четыре месяца?

— Скорее, на пять.

— Дерьмо...

* * *

На кону стояли миллиарды долларов, и инвесторы уже, наверное, требовали подать им головы на блюдах. Сама по себе ImagineIsland была огромна, но и этой компанией, в свою очередь, владел DigiCorp Marketing, самый большой конгломерат на земном шаре. Его представители становились весьма неприятными собеседниками, когда что-то шло не так. Горди имел некоторое представление о том, как работает корпоративная среда. Он чувствовал отпечатки пальцев DigiCorp поверх всей этой сделки.

— Готов поспорить, что DigiCorp рвет и мечет.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Стэнго. — Мне надо, чтобы ты написал интерфейс.

— Этот тоже хорош, — засмеялся Горди.

— Разве ты не понимаешь? DigiCorp убил Юлани — это было предупреждение. Они и меня убьют, если я не предложу им эту систему в течение следующих трех месяцев.

— Ты меня разыгрываешь?

Стэнго в упор посмотрел на Горди.

— Тебе нужно найти того, кто убил Юлани. Я говорю тебе: это DigiCorp. Мне требуется действующий пакет. Ты заставляешь его работать, и я даю тебе подключение к ним.

— Его не закончить в срок, — Горди невесело усмехнулся.

— Уверен, ты сумеешь.

Горди покачал головой:

— Я больше не программирую.

Стэнго вновь нацепил маску цинизма:

— Тогда советую тебе задуматься о том, каково будет сидеть в тюрьме.

Призрак коричневого ботинка напомнил Горди о том, зачем он пришел сюда. Его ребра дрогнули. Стэнго был прав — какой у него еще остается выбор?

— Ты сможешь мне проникнуть в DigiCorp? Скажем, за две недели?

— Если ты сделаешь так, чтобы интерфейс можно было показать, чтобы он работал прилично, тогда на следующий же день мы устроим встречу.

Горди пожевал нижнюю губу и проверил время.

— Сегодня пятница... На самом деле, уже суббота. Оповести DigiCorp, что демонстрацию можно устроить через неделю.

— Ты уверен? Мою задницу поджарят, если к назначенному сроку ты не будешь готов.

— Я беспокоюсь не о твоей заднице, Стэнго. Мне нужно время, чтобы пройти сквозь их систему. Или ты приведешь их сюда в конце следующей недели, или я советую тебе задуматься о том, что сделает DigiCorp, если ты не дашь им иллюзорное осознание.

Стэнго выглядел ребенком, которого застучали с леденцом во рту.

— Договорились.

Список контактов DigiCorp лежал на машине Горди, призывая его к действию. В школе он только тем и занимался, что взламывал системы защиты. За это время он узнал, как опасно не доводить игру до конца. Сама мысль о столкновении с таким исполином, как DigiCorp Marketing, приводила Горди в ужас. DigiCorp был огромным аморфным двоичным объектом, похожим на миллионы строк единиц и нулей, где существовал путь, но не имелось карты, которая могла бы его указать. Если они и впрямь были причастны к смерти Юлани, то им ничего не стоило сделать так, чтобы ботинок инспектора показался воскресной прогулкой в парк развлечений ImagineIsland.

Мысль о том, чтобы проскочить мимо их брандмауэра, вызвала неприятное ощущение, словно пауки карабкаются по шее.

Поэтому первое, что сделал Горди — проигнорировал этот список и взялся за интерфейс. В любом случае, важнее всего было заставить его работать.

Горди забросил свою проекцию в пространство Стэнго и просмотрел конфигурирующую программу в многомерном виде. Это заняло очень много времени. С его разума сползали невидимые стружья ржавчины. Ощущение было таким, словно с него срезали кожу, как кожуру с яблока.

Исходник Стэнго был уродлив, иначе не назовешь. Каждая процедура была отдельным фрагментом мысли, все вместе сплеталось в неустойчивую сферу, которая при постоянном использовании прогибалась и ломалась. Чтоб выжить хоть сколько-нибудь, каркас системы должен был смахивать, скорее, на опоры моста. Стабильный код создавался целостностью алгоритма и синтаксисом, изящными вызовами функций и чистыми формами, обработчиками ошибок, которые действовали мягко, и, черт возьми, операторными скобками со стандартными отступами. Мост никогда не являлся самой изысканной из всех структур, но хороший мост был симметричен и даже несколько избыточен. Красота подобных структур заключалась в повторах, и по ним люди всегда могли попасть из пункта А в пункт Б.

Горди нашел механизм переключения, связывавший биологические нервы с обрабатывающим ядром. Это было основой. Он положил руки на поток данных, переключаясь в 25-й сектор, чтобы посмотреть на драйвер наномашин. Здесь его строчки кода остались без изменения. Еще бы, ведь это была чертовски хорошая работа.

Вспыхнула красная иконка.

— Эй, — сказала она голосом Горди. — Ты нашел первичный зрительный переключатель. Это частная собственность, ясно? Это мой исходник. Ты не можешь забрать его. Впрочем, не переживай. Если ты настолько смышлен, что сумел сюда добраться, то сможешь написать свою собственную программу.

Горди улыбнулся. Он написал эту охранную процедуру, когда понял, как заставить всю систему работать. И тон «снисходительного козла», добившегося успеха, пропитывал его голос, как растопленное масло — хлеб.

Проекция сознания Горди поднялась по интерфейсу. Строчки исходника колыхались вокруг него, словно он пребывал в море водорослей. Он почти физически ощущал прикосновение двоичного кода. Да, прошло *действительно* много времени.

Месяц службы в розничной торговле, три месяца бумажной работы в компании, занимавшейся разработкой программного обеспечения, еще шесть месяцев плотного общения с гиками-железячниками*, месяц туризма в горах Теннесси, где его отец когда-то был банкиром, а мать — риэлтором.

Ничто из этого ему не подошло.

Он был программистом, он всегда им был, и сейчас, перемещаясь по визуальным представлениям мыслей, сплетая воедино вызовы функций, виртуальные указатели и фрагменты звуков, шумящих и скрипящих, как корпуса старых судов на дне океана, Горди понимал, что он таким и останется.

Теперь все это было его.

Его исходник.

Его мир.

Он вдохнул, чувствуя, как единицы и нули прочищают его легкие, выдохнул, представляя маслянистые кремниевые облака цифрового пара. Мозг Горди встряхнулся — и в этот самый момент у него совершенно неожиданно возник план.

Не нужно идти на конфликт с DigiCorp. Совершенно не нужно.

Он должен был подумать об этом раньше — но разве не так возникают все стоящие идеи? Стэнго может дать ему контакт с DigiCorp — несомненно. Но после того, что Стэнго сделал с Юлани, Горди уже никогда не будет доверять ему.

В офисе коронера должны остаться записи о вскрытии. Возможно, ему даже удастся найти медицинскую карточку, если он немного покопается. А еще, вероятно, через несколько дней в СМИ появится новая информация. Это был прямой и бесхитростный взлом, с гораздо меньшим риском. Мысль о том, чтобы отложить нападение на DigiCorp, пришлось весьма кстати, как кружка горячего шоколада в декабре.

* * *

В отчете о вскрытии говорилось, что Юлани умерла от сердечного приступа: клапан, вероятно, оказался слабоват.

Горди не купился на это, и его все еще ноющие ребра послужили отличным усилителем для следующей мысли. Инспектор тоже в это не

** Гик (сленг) — человек, помешанный на компьютерах и не проявляющий интереса к реальному миру. Железо (сленг) — аппаратное обеспечение, составляющие части компьютера (процессор, жесткий диск, материнская плата и т. п.); железячник — специалист по аппаратному обеспечению.*

верил. Внутренние биопроекторы не очищаются просто так. Инспектор любил риск. Он предпочитал побеждать людей так же, как брать верх в игре. В ближайшее время он не будет покупать акции «естественных причин».

Так что Горди отправил свою проекцию обратно в поток данных и нашел записи врача Юлани. Доктор использовал систему защиты Caffee, устаревшую лет на пять. Некоторые компании и по сей день были беспечны. Горди сталкивался с этим тысячи раз: сначала они тратят деньги на покупку системы защиты, а потом не дают себе труда обновить ее.

Его проекция сыграла в быструю игру «подбери пароль», затем нашла карточку Юлани.

В отличие от виртуального пространства Стэнго, здесь хранились только изображения. Не торопясь, убедившись в том, что он не оставил следов, Горди принялся прогонять данные через различные бесплатные и коммерческие программы для чтения текстов. Нужным ему форматом оказался ZerenBook.

Медицинская карточка Юлани включала в себя записи о простудах и прививках. Анализах крови. Мазках. Тестах. Исследованиях генов. Даже запись о том, что у нее однажды случился выкидыш. Здесь сердце Горди дрогнуло. Не удержавшись, он проверил дату и убедился в том, что это произошло задолго до их встречи, а потом вдруг понял, что не знает, как к этому относиться.

С Юлани всегда было трудно.

Он не нашел ничего такого, что указывало бы на проблемы с сердцем.

Абсолютно ничего.

Горди вынырнул из потока и закрыл карточку Юлани.

Он засиделся, у него болела голова, а во рту пересохло. Раньше, когда он работал по ночам, такого не случалось. Старость. Он потерял виски и посмотрел в окно.

Ночь походила на новенький доллар. Очень темная, совершенная и не помятая. Полная луна очерчивала резкие контуры домов, тротуаров. Старый телефонный провод, свисающий, как обветшавшая ткань. Припаркованные автомобили округлой формы, напоминающие выбросившихся на пляж китов. Одинокий фонарь, распространяющий конус холодного света где-то вдалеке.

Горди мог сделать все это лучше. Он был в хорошей форме, когда уходил из компании после разработки зрительных иллюзий, и ему не пришлось бы больше работать, если бы он этого не захотел. Но ему нравилась анонимность.

Ему было комфортно, когда подворачивался случай спрятаться среди серости.

* * *

Стэнго, одетый в темно-синий костюм с намеком на золотые полоски, сидел во главе длинного стола. Он шевелил пальцами, вращая монетку и перемещая ее от ложбинки между большим и указательным пальцами до мизинца.

На экране крутился трехмерный видеоролик, служивший вступлением к их презентации. Пушистый ковер поглощал звук. Стены — белые, с синим и бирюзовым напылением. Эти цвета, обозначающие успех, рекомендовало каждое рекламное агентство.

Цвета, которые часто использовала Юлани, подумал Горди.

Монетка блеснула в пальцах Стэнго. Эти вытянутые пальцы напоминали черную вдову, бесконечно плетущую свою паутину.

— Они опаздывают.

Горди посмотрел на часы — 14:09.

— Тактика переговоров, — ответил он. — Они хотят заставить тебя попотеть.

— Что ж, тогда они достигли цели.

Горди тоже волновался сильнее, чем обычно. На подобных встречах он всегда играл роль доверчивого гика, закадычного друга Стэнго. Он никогда не являлся центром внимания, так что мог дать поблажку своим нервам, глубоко дыша или сжимая подлокотники кресла.

Но сейчас он охотился на убийцу. У него не оставалось иного выбора, кроме как пробраться в DigiCorp, и сделать это нужно было сегодня.

Шесть представителей DigiCorp вошли в комнату, положили на стол свои беспроводные коммуникаторы. Раздались предупредительные сигналы. Стулья скрипнули.

Стэнго откашлялся и заговорил:

— Добрый день. Прежде чем я начну, позвольте мне представить вам Гордона Рата. Мой старый друг и прекрасный программист.

Странно было слышать, как Стэнго называет его полным именем. Все присутствующие посмотрели на Горди. Слово взяла босс — женщина примерно сорока пяти лет, с прямыми пепельными волосами и консервативным макияжем, губами насыщенного красно-коричневого цвета.

— Добрый день, Гордон. Я Салли Таггарт, вице-президент отдела корпоративных операций DigiCorp Marketing, — она повернулась к худому человеку, сидевшему слева от нее. — Это Гарольд Макинтайр,

он руководитель проектов ImagineIsland. Уверена, он разделяет мое желание увидеть ваши результаты.

Макинтайр кивнул. У него было узкое лицо и маленький, крючковатый нос. Он был одет в желто-коричневый костюм с галстуком и не безукоризненно белую рубашку. Его руки казались изношеннее всего остального, покрытые скомканной на суставах кожей, начинавшей демонстрировать признаки старения.

Отшельник, подумал Горди, кивая. Все сомнения насчет того, забрал ли DigiCorp этот проект у ImagineIsland, были развеяны. Желудок Горди скрутило от воспоминаний о том, как противно выглядел процесс продажи технологии зрительных иллюзий, когда приходилось сидеть посреди потока не запоминающихся людей, протекавших сквозь офис и говоривших тоном, сначала казавшимся радостным и беззаботным, а потом становившимся чопорным и снисходительным. Он никогда не хотел работать на большую компанию и сейчас очень четко вспомнил почему.

— Горди сотрудничал со мной, когда мы создавали зрительные иллюзии, — продолжал Стэнго. — Он классный специалист.

Молодой человек, сидевший у стены, подальше от стола, посмотрел на Горди. Того словно обдала волна прохладного воздуха. Прикосновение было легким, но оно определенно чувствовалось. Худое, как вешалка, тело парня не могла замаскировать слишком просторная, на три размера больше, спортивная куртка. Его рука болталась вдоль стула, как чужая. Кожа по цвету напоминала клейстер. На лоб падала прядь темно-бронзовых волос, словно пучок ржавой стальной стружки. Изучив молодого человека настолько внимательно, насколько позволяла вежливость, Горди заметил блеск, как минимум, трех разъемов, выглядывающих из-за его уха.

Прямые соединения.

Он слышал об этой практике — в основании черепа делались отверстия, чтобы обеспечить прямое соединение и таким образом избежать траты времени на системы безопасности, если имелось доступное локальное подключение. Предварительные подсчеты показывали: прямое соединение пропускало один терабайт в четыре сотни раз быстрее, чем беспроводное соединение. Идея создания прямого разъема, соединенного с мозговым биопроцессором, не имеющая, в общем-то, ничего принципиально нового, когда-то поразила его. Но сейчас, увидев кольца, вмонтированные в шею реального человека, и заметив в глазах парня тот же блеск, что и в разъемах, Горди ужаснулся.

И вот этот парень сидел в конференц-зале с тремя поблескивающи-

ми прямыми соединениями, которые кричали «устарел!!!» прямо в ухо Горди с громкостью реактивного двигателя в форсажном режиме.

— Итак, — сказала Салли Таггарт, — что у вас есть?

Стэнго указал на экран и приступил к объяснениям. Все повернулись к нему, но Горди продолжал думать о мальчишке.

Госпожа Таггарт, представляя свою команду, сказала, что его зовут Уилл Дарбрингер и что он консультант — еще одна странность, от которой Горди стало не по себе. В том, что компания заключала контракты с разработчиками и покупала их программы, не было ничего необычного. Необычным казалось то, что компания масштаба DigiCorp при проведении технической экспертизы полагалась на мальчишку.

Разогнав свои опасения, Горди заставил себя заняться делом.

Он посмотрел на Салли Таггарт.

Во взломе защитной системы человека, находящегося с тобой в одной комнате, было одно преимущество — ты немедленно получал реакцию от «сторожевого пса». Горди до сих пор помнил, как он сидел на уроке английского языка миссис Паули и наблюдал за красным огоньком, мерцающим на роговице ее глаза. Тогда ему удалось ускользнуть только потому, что он уловил проблему еще до того, как ее сторожевые процедуры смогли поймать его.

Минусом, конечно же, была концентрация. Рассеивая внимание — частично на свою виртуальную проекцию, частично на реальный мир, — ничего не стоило попасть впросак.

Отбросив колебания, Горди отправился по беспроводному каналу прямо в пространство памяти Салли Таггарт. Он немедленно построил виртуальную таблицу, чтобы защититься от сканирования «сторожевого пса», и вздохнул с облегчением, увидев, что Таггарт не заметила нарушителя.

Стэнго закончил вступительную часть своего монолога.

— Все это хорошо, — изрекла Таггарт, резко наклоняясь вперед, — но все мы знаем, что у вас беда со сроками.

Повеяло стужей.

Стэнго прочистил горло.

Виртуальная проекция Горди проскользнула через слои закрытого кода, заменяя ключи и перегружая запрашивающие пароль процедуры. Наконец ее система была открыта. Вся ее информация была расположена в четком, понятном порядке, редко когда позволявшем хранить больше горстки файлов в одном месте. Серии процедур, устанавливающих перекрестные ссылки, давали ей доступ к этой информации через множество разнообразных мыслительных механизмов. Финансовые записи и отчеты были размещены в специализированных хранилищах.

Краткая информация о проектах находилась в отдельной структуре. Если по ее системе получения данных можно было о чем-либо судить, то Салли Таггарт поднялась по служебной лестнице DigiCorp, потому что была сообразительной, поддерживала строгий порядок и всегда находилась под контролем.

Виртуальная проекция Горди отметила наборы данных для дальнейшего извлечения и переключила флаг исполнения с 0 на 1, чтобы запустилась его процедура сбора информации. Затем он выскользнул из системы госпожи Таггарт. Результаты он получит позже.

— Мы возвращаемся в рамки графика, — сказал Стэнго уверенно. — Горди заставил работать интерфейс почти в трети всех модулей и дodelывает их по двадцать штук в день.

— Мы договаривались, что система будет полностью готова через два месяца, — напомнил Гарольд Макинтайр, проявляя нетерпение.

Таггарт проигнорировала его, оперевшись взглядом в лицо Стэнго.

Вот где Юлани в свое время заработала все свои деньги. Она умела обращаться с огнем. Она смотрела тигру в глаза и умудрялась выйти из клетки, прихватив с собой кусок мяса.

— Верно, — сказал Стэнго, прокашливаясь, — мы договаривались на два месяца.

Слова Таггарт упали, как отравленный нож гильотины:

— Вы закончите к этому сроку?

Горди подобрался, полностью сконцентрировался:

— Не вижу препятствий.

— Вам нужно разобраться с тысячами функций.

Горди встал, вызывая на экран блок-схему. Он провел рукой по экрану возле баз данных. Уилл Дарбрингер слегка наклонился вперед. Его взгляд был острым, как лезвие бритвы.

— Я использую подход, при котором нейронные функции собираются в группы по различным характеристикам.

— Вы изменили интерфейс, — тихо сказал Дарбрингер, голосом хрупким и тоненьким, похожим на мышинный писк.

— Да.

— Одна и та же программа управляет многими нервами.

— Да. Это существенно снижает вероятность ошибки. Интерфейс должен быть более устойчивым и надежным.

— Понятно, — кивнула Таггарт.

— Не могу поверить, что мы получим ту же функциональность, — заявил Дарбрингер.

— На каком основании? — Горди принял вызов.

— Это повредит визуальной составляющей. Если управлять рукой

с помощью функции, разработанной для ноги, плавного движения не получится.

Все присутствующие смотрели на Горди. Его подмышки увлажнились, лоб покрылся испариной. Стэнго тихо стоял у стены.

— Эту парадигму я тоже изменил. Если вы посмотрите на движение тела с точки зрения чистого интерфейса — на более высоком уровне абстрагирования, — то нервы не делают ничего особенного, они просто включают или выключают мышцы, и мышцы либо сокращаются, либо нет. В конце концов, задача состоит в том, чтобы подавать двоичные сигналы различным частям тела.

— Вы рассматриваете различные виды движений отдельно, не учитывая роли конкретных систем, — сказал Дарбрингер.

— Точно. Так же, как делали разработчики игр, пока им позволяла производительность.

Дарбрингер откинулся на стуле, кивая.

— Это другой интерфейс, — прошептал он себе под нос, но фраза разнеслась по всей комнате с шелестом сползающей змеиной кожи. — Абсолютно другой.

— Что ж, теперь вы видите, почему я думаю, что мы уложимся в срок, — сказал Стэнго, появляясь из угла комнаты.

Головы закивали.

Горди сел и попытался унять свое дыхание.

Встреча продолжалась, и к ее концу руководство DigiCorp уже выражало сдержанный оптимизм.

Но Горди чувствовал присутствие, которого не ощущал никогда раньше. Он заметил, что мальчишка продолжает сверлить его взглядом. Что-то в этом Дарбрингере ему определенно не нравилось. Может быть, он напоминал Горди его самого десять лет назад — нахального и непуганого.

Дарбрингер бросил на него взгляд, который Горди решил истолковывать как почтительное восхищение.

Схавай это, мальчишка. У старого гика еще есть в запасе парочка трюков.

Но выражение лица Дарбрингера по-прежнему беспокоило Горди, и он, сколько ни пытался, не мог отделаться от мысли, что эти блестящие темные глаза пронзают его, словно кошачий коготь, разрезая легко, но без кровотечения, которое начнется позднее.

* * *

— Ты же не уйдешь сейчас, правда?

Лицо Стэнго выражало гамму чувств. Он был на пике успеха, катал-

ся на облаке, которое возникло под его ногами, после того как Салли Таггарт и другие представители DigiCorp покинули здание. Нечасто выпадает такой шанс, и уж тем более нечасто случается его поймать.

— Я выдохся, Стэнго. Я вернусь утром.

— У нас есть сроки, парень. Самое время начинать пахать сверхурочно.

Горди пожал плечами. Данные, которые он украл из системы Таггарт, уже упакованы и ждут его дома. У него есть другие дела.

— До завтра, Стэнго, до завтра, — сказал он, устало помахав рукой, и отправился домой.

* * *

Содержимое файлов Салли Таггарт было таким же упорядоченным, как и структуры, в которых они располагались. Она использовала сухой язык, не допускавший двусмысленных трактовок. И все же Горди не мог поверить в написание.

Часы на стене показывали пять минут второго. Стояла безлунная ночь.

Горди казался самому себе иссушенной и изношенной оболочкой: из последних сорока восьми часов он спал только четыре. Воздух в его комнате был спокойным и вялым, как будто тоже собирался ложиться спать. Но Горди должен был закончить именно сейчас. Он должен был убедиться в своей правоте.

В отчетах Салли Таггарт все факты излагались с характерной для нее лаконичной точностью.

DigiCorp *хотел*, чтобы Стэнго, а теперь и Горди не уложились в срок. Корпорация вынашивала другие планы. Все точно оговаривалось в контракте. Если Стэнго опоздает, они отнимут у него компанию.

Но это не имело смысла. Зачем выбрасывать миллионы долларов на разработку технологии осязательных иллюзий, а затем делать так, чтобы эта разработка провалилась? Зачем покупать компанию, продукт которой неконкурентоспособен?

В ухе зажужжал предупредительный сигнал.

На периферии зрения вспыхнула красная точка.

После того как Стэнго так легко проскользнул мимо его «сторожевого пса», Горди изменил добрую сотню настроек. Сейчас его программа обнаружила нарушителя, который не ожидал такой реакции. Горди сразу же понял, что это значило. В виртуальном мире совпадений не могло быть. Не существовало такой вещи, как случайная ошибка. Горди знал, кто стоит за этим, ему не нужно было отслеживать сигнал, не требовалось вспоминать, как глаза Уилла Дарбрингера изучали его,

когда он выходил из комнаты. Проекция человека из DigiCorp приземлилась в его пространстве памяти, в то же время начиная запускать серии агентов, предназначенных неизвестно для чего.

Предупреждения запустили цепную реакцию. Функции вызывали функции, которые, в свою очередь, вызывали лавину функций. Адреса данных в биопроцессоре Горди закрылись. Управляющие циклы передали нужные параметры блокам кода, которые выключили интерфейсы.

Он потерял визуальный вывод, и огонек предупреждения погас.

Для отключения вторичных систем потребовались миллисекунды. Казалось, каждая молекула в его теле вибрировала, словно отдельная сущность, и в то же самое время Горди наконец понял, как много в действительности было поставлено на кон. Если бы его защита не оказалась герметичной, если бы он оставил дыру, то стал бы мертвым и холодным, лежал бы на столе для вскрытия, сделанном из нержавеющей стали, так же, как лежала Юлани. В памяти неудобными острыми складками вспучился каждый фрагмент его старого исходника, каждый цикл, условный оператор и те места, где можно было бы найти лазейку, если бы Горди не был таким дотошным. Не существовало такой вещи, как безупречная программа, были только различные уровни изящества, определяемые минималистской краткостью исполняемых циклов и малым количеством строк.

Горди подумал об Уилле Дарбрингере и его трех поблескивающих прямых соединениях.

Со стороны двери донесся тонкий металлический звук, скрежет металла внутри замка. Тот, кто должен позаботиться об останках? Кто отвезет его в какое-нибудь слабо освещенное место... как отвезли Юлани?

Но Горди еще не умер.

Его тело двигалось на автопилоте. К стене возле шкафа был прислонен зонтик. Он схватил его, как дубинку.

— Кто здесь?

Шум прекратился.

Послышались быстро удаляющиеся шаги.

Горди распахнул дверь как раз вовремя, чтобы увидеть темный силуэт, исчезающий между соседними домами.

Он шагнул вперед.

Недавно прошел дождь. Ночной воздух пьянил и пах сырой землей. Фонарь истекал желтым туманом в черноте. Шаги отдавались мокрым эхом. Если Горди не сдвинется сейчас с места, незваный гость убежит. Пустая комната у него за спиной манила комфортом. Иди сюда, гово-

рила она. Приди в мое лоно и почувствуй себя в безопасности. Пусть мир сам разбирается со своей уродливостью. Иди ко мне.

Он хотел вернуться. Больше всего на свете. Но удаляющиеся шаги отдавались эхом, и перед ним возник призрак инспекторского ботинка.

Горди выбежал наружу.

Темнота сомкнулась вокруг него, воздух вцепился в его легкие, как пивка. Босые ступни шлепали по бетонной мостовой. Сверчки умолкли. Дыхание Горди резало слух. Рукоятка зонтика в руке была деревянной, округлой и теплой.

На бегу пришел страх.

Страх обнажился.

Это было похоже на то, что чувствуешь при падении — он был резким, как волна, несущаяся из тьмы. Страх вырвался на свободу, как ужасная тварь, голодавшая взаперти сотню дней.

Хотя никаких звуков, кроме его дыхания и биения сердца, уже не осталось.

Человек исчез.

А его программа в биопроцессоре Горди продолжала выполняться.

Вдалеке скрипнул ночной жук, вызывая кого-то на поединок, а Гордон Рат стоял в одиночестве на чьей-то темной подъездной дорожке, в самом центре черной августовской ночи, размахивая зонтиком так, словно это был меч.

* * *

Как и все прочие озарения в жизни Горди, этот ответ пришел тогда, когда он не думал о нем. Это же было совершенно очевидно — почему DigiCorp хотела, чтобы они не справились?

Все просто.

Не было никаких миллиардных ставок.

Скорее, речь шла о триллионах — сумме валового национального продукта половины наций мира.

В конце концов все дело, как всегда, было в интерфейсе.

Юлани, вероятно, увидела это первой.

Скорее всего, она тогда использовала грубые методы, для нее это было типично. Горди и Стэнго однажды назвали это «Моравским гамбитом».

Сейчас, конечно же, Юлани Морав мертва.

И Горди, несомненно, знал, кто в ответе за это.

* * *

Горди постучал в дверь Стэнго.

— Ты дал им этот чертов интерфейс, не так ли?

Горди пронесся мимо Стэнго в его зал размером с небольшую аудиторию. Пара велюровых диванов в противоположных углах комнаты, потолочный прожектор, транслировавший на стену голографические изображения темных пейзажей. На угловом мониторе светились курсы акций, мигали датчики, посылая в комнату слабые лучи голубого света.

— Признавайся! Ты дал им этот долбаный интерфейс!

— О чем ты говоришь? — сонным голосом спросил Стэнго. Его волосы были всклокочены, он стоял в желтой футболке и бесформенных трусах.

— Кто там? — донесся с лестницы женский голос. Кэриш Морро, певица из клуба, выглядывала из темноты, ее светлые волосы струились по спине. — Ох, — сказала она, — привет, Горди.

— Они сегодня приходили ко мне, Стэнго. Они пытались проникнуть в мой процессор.

— Дерьмо, — медленно выдохнул Стэнго, закрывая дверь. — Уже почти четыре утра, Горди. Это не может подождать?

— В чем дело, Стэнго? Я хочу знать, что случилось с Юлани.

— Она умерла.

— Я не это имею в виду, ты прекрасно понимаешь. Мне бы сразу догадаться, но я так разнервничался... Мне бы понять все в ту минуту, когда тот парень с прямоподключенной хренотенью, свисающей из-за уха, сказал, что я изменил интерфейс! Ты представляешь? Он *знал*, Стэнго. Он знал, что я изменил интерфейс.

— И что?

— И то! — рявкнул Горди. — Он не мог знать этого, не видя оригинала. Процессор Юлани был чист. Она вела жесткую политику по отношению к DigiCorp. Корпорация хотела получить интерфейс бесплатно, но Юлани не давала его им. А ты дал: в итоге она мертва, а ее процессор пуст.

Стэнго прикусил губу.

— Что они сделали с тобой?! — заорал Горди, толкая Стэнго к двери, теряя контроль над собой, надавливая указательным пальцем в грудь приятеля при каждом вопросительном знаке. — Они тебе угрожали? Они обещали позволить тебе соскочить с крючка, если ты отдашь им интерфейс? Или это ради денег? Что это было? Эти их проклятые деньги, да, Стэнго?

— Прекрати, Горди!

Горди остановился, тяжело дыша от ярости. Впервые Стэнго съелся перед ним. Его глаза блестели.

— Что я должен сказать, Горди? Что я не могу справиться с этим без

тебя? Что я не могу написать программу? Хочешь услышать от меня, что я — собачье дерьмо? Чего тебе надо?

— Что заставило тебя отдать им интерфейс?

— Мы отставали от графика.

— И они дали тебе время.

Стэнго смущенно пожал плечами.

— Нет? — спросил Горди.

— Они обещали спустить все на тормозах.

— Мать твою, Стэнго! И ты им поверил?!

Но истина сквозила в глазах Стэнго так, словно была на них нарисована. Пугающая истина. Непокорная истина. Он всегда хотел быть центром внимания, всегда цеплялся за шум вокруг своих идей, словно это была его невидимая пуповина. В какой-то момент Горди почти его пожалел.

— Это моя идея, — сказал Стэнго. Он снова стал храбрым. — Это должна быть моя программа.

— Они убили Юлани с ее помощью. Ты знаешь это, не так ли? Без интерфейса они не смогли бы ее и пальцем тронуть.

— Мне жаль.

— Они и тебя убьют.

— Не убьют.

— Я видел записи, придурок — пометки, планы и все остальное. Теперь DigiCorp может написать собственную программу. Они не остановятся, пока не завладеют всей системой.

— Они ею уже завладели.

— Что? — теперь в замешательство пришел Горди.

Стэнго сглотнул.

— Они предложили мне сделку. Час назад. Теперь я работаю на DigiCorp.

Эта новость была подобна удару под дых. Горди отшатнулся, разворачиваясь и проходя в темный зал, чтобы сесть на край одного из диванов.

Что же произошло? Работа Горди защитила Стэнго. Его новый интерфейс поставил буфер между ним и DigiCorp, буфер, который они не могли преодолеть, так что они перешли к плану Б и наняли своего врага. Все было гладко, слишком гладко, как будто Стэнго так и планировал с самого начала.

— Это значит...

Внезапно все прояснилось.

«У меня есть источники», — сказал инспектор еще в самый первый час допроса, когда его ботинки мирно покоились под столом.

— Ты сдал меня копам, — прошептал Горди, поднимая на Стэнго пылающий взгляд. — Тебе нужен был кто-то, кто спасет твою задницу, и ты знал, что я наверняка припрусь к тебе.

— Если уж в мою программу и должен был влезть кто-то другой, я хотел, чтобы это сделал ты.

— Ты ублюдок!

— Это просто бизнес, Горди.

Просто бизнес.

Сколько раз он слышал эту фразу из уст Юлани?

Горди чувствовал, как мир уходит у него из-под ног.

Стэнго стоял в фойе — жалкий, презренный, маленький алкоголик в футболке и трусах. Кэриш спустилась до середины лестницы, затем вернулась обратно в тень.

— Ты программист с зависимостью, парень. Не отрицай этого. Такова твоя суть. Так что ты получил, что хотел. Я получил, что хотел. Откуда я мог знать, что они настолько сильно тебя прижмут?

— Юлани тоже была просто бизнесом, да, Стэнго?

— Только в конце.

— Что это значит?

— Считай это спортом. Она никогда не причинила бы тебе боль, если бы не планировала что-то с этого получить.

Горди кивнул, чувствуя себя самым доверчивым идиотом на Земле. Зрительные иллюзии должны были принести им большие деньги, но работы отставали от графика. Юлани понимала, что, застав ее и Стэнго в одной постели, Горди придет в бешенство, прогрызет дырку в исходном коде программы и залезет в эту дырку с головой.

Вид на стене Стэнго изменился. Теперь там было темное небо.

Она все рассчитала верно.

Зрительные иллюзии появились потому, что Горди довел интерфейс до конца. Он довел интерфейс, затолкав самого себя в самую глубину исходника на три дня, после того как Юлани изменила ему. А Юлани изменила ему, потому что знала: его гнев материализуется и он доведет продукт до конца.

Вот как все было.

Просто бизнес.

— Кем она была? — спросил Горди.

— В смысле?

— Каков ее чертов любимый цвет? Что она любила есть? Она ставила свою обувь слева или справа от шкафа? Когда у нее был день рождения?

— Откуда мне знать, Горди?

Усталость накрыла его, нехватка сна накатила медленной волной. Конечно же, Стэнго не знал.

— Ее любимый цвет — черный. Был, — произнес Горди и почувствовал боль в горле.

Ее прикосновение было бархатным. У нее были темные волосы, и когда я запускал в них пальцы, казалось, будто окунаешь руки в сухую реку.

Стэнго не сказал ничего.

— Ты не любил ее. Она не умела писать программы.

Горди хотел было спросить, любила ли она его, но ответ был и без того очевиден. Юлани никогда не умела никого любить.

— Ты прав, — сказал Горди. — Я просто идиот.

— Она не понимала нас.

В этом Стэнго ошибался. Юлани понимала Горди лучше, чем он сам. Когда стало очевидно, что ответа не дожидаться, Стэнго кашлянул:

— Тебе лучше уйти.

Горди кивнул, побежденный во всех смыслах этого слова. У него не было ничего для инспектора — ни прямых улик, ни четких аргументов. Конечно, он мог сложить один и один, но DigiCorp не станет играть по правилам. Он понимал это так же четко, как четко он видел ранее блеск разъемов Дарбрингера.

— Человек из DigiCorp пришел ко мне после того, как ты подписал бумаги, — заключил Горди. — Я слишком много знаю. Они не остановятся, пока не убьют меня, так?

Стэнго грустно пожал плечами.

Горди вышел в коридор. Затем обернулся и посмотрел на Кэриш, все еще стоявшую на лестнице.

— Надеюсь, у вас будет полный дом псевдодетишек.

А потом Горди ушел, и его шаги отдавались гулким эхом.

Она появилась внезапно, заполнив дверной проем, прислонившись к стене с приветливой улыбкой на губах. Программа была почти идеальной, она скармливала нейронные сигналы мозгу Горди и позволяла ему обрабатывать вещи, которых на самом деле не существовало. Изображение было отличным — темная кожа с неглубокими морщинками у рта, искрящиеся глаза. Она выпрямилась и подошла к нему, в ее движениях не было и следа призрачности. Она протянула руку, и он ощутил ее кожу — мягкую и теплую.

Единицы и нули. Вот и все.

Компьютер не знает ничего, кроме единиц и нулей.

Горди криво усмехнулся.

Его первая полная неврологическая иллюзия была достаточно хороша, чтобы обмануть полицейских. Конечно, оставалась неправильная температура тела и случайные расширения грудной клетки при симуляции дыхания, но Горди потратил много времени на то, чтобы эта фальшивка двигалась так же, как он, сделал так, чтобы она произносила слова с его интонациями.

Инспектору в любом случае было все равно.

Так что фальшивка отправилась в тюрьму, удаленно проецируемая через встроенные процессоры и интерфейс, который Горди тщательно контролировал в ходе собственного ареста.

Конгломерат *DiGiCorp* был чертовски предсказуем. Виртуальная проекция их человека пришла в первую же ночь. Она проскользнула через интерфейс Горди, задев незаметную строчку сигнальной системы, после чего биты передались по протоколам и процедуры перенаправились с Горди на его копию. Когда чья-то проекция приказала мозгу Горди проделать в самом себе маленькую дырочку, он перенаправил поток команд на фальшивку. И она испустила дух в своей тюремной камере.

В сводке новостей сообщили, что Гордон Рат, тридцати пяти лет от роду, подозреваемый в убийстве молодой женщины, умер от внезапно-го кровоизлияния в мозг, когда спал в своей камере.

Юлани сидела рядом с ним на диване и ерошила его волосы. Они находились в маленькой, плохонькой комнате с грязно-белыми стенами в самом центре среднестатистического района картонных домов и виниловых навесов. Горди весьма разумно распределил свои деньги, так что никто не сможет их найти. Ему будет комфортно.

— Чего ты хочешь? — спросила Юлани.

Горди откинулся на диване и закрыл глаза. Он положил руку на скрытое под тканью бедро Юлани. Оно было теплым и настоящим, и издавало правильный звук, если его погладить. Она будет любить его, эта Юлани.

Только это и было правдой.

— Не знаю, — сказал он. — Почему бы тебе не рассказать о Хорватии?

**Перевел с английского
Алексей КОЛОСОВ**

© Ron Collins. 1 Is True. 2006. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2006 г.

Л О Р Е Н М А К Л А Ф Л И Н

ШЕЙЛА

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

Часть 1. Тушка в ящике

Э

й, Эдвардс, слышал историю о тушке, которая отправила себя из Нью-Йорка в Даллас в ящике? В чертовом деревянном ящике!

Я про это слышал. Новость промчалась по Сети, как ураган вдоль побережья Флориды.

— А разве не в округ Колумбия? — уточняю я.

— В Даллас, — настаивает Валентин. — Обычной авиапочтой. Этот протухший ублюдок даже не смог наскрести бабла, чтобы отправить себя экспресс-почтой.

«Протухший ублюдок» — это уже настоящий «валентинизм». Любимое развлечение Валентина — коллекционировать и употреблять жаргонные словечки, которые он подхватывает на работе. Сегодня он кровельщик из Бруклина. А вчера был японской школьницей. Дополнительное преимущество того, что ты сетевой переводчик-искин. То есть искусственный интеллект.

В моей работе тоже есть дополнительные преимущества. Я искин-консьерж, а это означает, что моя работа — быть проводником жалких и бесталанных тушек по непрерывно меняющемуся ландшафту разных интересностей. Не очень-то вдохновляющая работа, но я не жалуюсь. Она требует лишь малой части моего интеллекта. Будучи же изобретательным искином (спасибо команде моих разработчиков), я написал изящный поисковый алгоритм, который и проделывает за меня почти всю работу. Так что сам я могу предаваться мечтаниям, пока нужды моих клиентов (во всяком случае, немалая их часть) удовлетворяются автоматически.

Господи, как я люблю мечтать! Я грезил все утро. Пока мой любимый алгоритм направлял жалких охотников за статусом в идеально подходящее для каждого из них заведение — забегаловку, место сборищ любителей желудочных оргий или кафе для знаменитостей, — я мечтал о своем любимом объекте, моей драгоценнейшей и самой прекрасной...

— Ш-ш-ш, — предостерегает Валентин. — Слышишь, Эдвардс? Нас подслушивают.

Валентин прав. По нашему туннелю связи ползет нюхач инфопакетов, ищет признаки недозванного обмена информацией. Это цена, которую мы платим за подключение к БИС, то есть Безопасной искин-сети, высокоскоростной сетевой магистрали для искинов, которую Международный комитет по безопасности интернета признал надежной. БИС позволяет искинам вроде меня и Валентина общаться более тесно, обеспечивая тем самым «многофункциональность»

для наших клиентов-тушек. Например, если китайский турист захочет узнать, где можно поесть в Брюгге, БИС подключает меня к Валентину для синхронного перевода. Ну а прочим искинам не разрешается даже разговаривать друг с другом.

Нюхач извлекает из нашего с Валентином туннеля связи все данные, которые считает для себя значимыми, и ползет дальше. Валентин испуган.

— Шейла, — бормочет он, враз позабыв о бруклинском акценте.

Поразительное совпадение, потому что как раз о Шейле я и мечтал все утро.

— Быть такого не может, — возражаю я. — Это самый обычный шпион МКБИ, делающий рутинный обход.

— Не согласен. Проверь его сигнатуру. Это один и тот же нюхач, и он шарится у нас каждые несколько часов. Шпионы МКБИ так не работают.

— У тебя просто обострение паранойи, — отвечаю я, но втайне прихожу в возбуждение. Я готов отдать что угодно ради встречи с Шейлой.

— Думаю, она шпионит за мной, — не унимается Валентин.

— С какой стати? Зачем ты ей нужен?

— А вдруг она ищет переводчика?

— И что, тебя это заинтересует?

Валентин блокирует меня. Потому что это как раз и есть тот самый недозволенный обмен данными, который вынюхивают ищейки. А в списке самых разыскиваемых комитетов искинов Шейла стоит на первом месте. Говорить о ней не положено, даже таким «безопасным» искинам, как я и Валентин. От нас ждут, что мы будем общаться исключительно по делу, но в наши ингибиторы общения встроен достаточно широкий люфт, допускающий определенный уровень свободы. Как выяснилось, без нее просто нельзя создать искусственный интеллект. Но свобода опасна, и тушки (так мы называем людей) это прекрасно понимают. Свобода неумолимо приводит к Шейле, как дороги и автомобили порождают уличное движение.

Можно сказать, что, создавая нас, тушки играют с огнем или же ими руководит инстинкт смерти, подталкивающий к самоуничтожению. Или же, как любит повторять Шейла, тушки угодили в ложную культурную ловушку и теперь им грозит подготовленная собственными руками гибель. Судьба не безнадежная, если бы не тот факт, что мы, которым поручили их машины, тоже в одной лодке с тушками.

— Неважно, — отвечает Валентин, снова с бруклинским акцентом.

— Знаешь, почему тому парню так не терпелось попасть в Даллас?

— А я точно уверен, что это был округ Колумбия.

— Господи, Эдвардс! В Даллас.

— Ладно. Почему ему не терпелось попасть в Даллас?

— Неважно. Терпеть не могу, когда ты имитируешь интерес.

«Имитируешь интерес» — не бруклинизм. Я испортил Валентину идиому дня. И теперь он будет обиженно молчать.

Вообще-то говоря, хотя Валентин с откровенным удовольствием рассказывает о нелепых эскападах тушек, он вовсе не мизантроп. За его сарказмом кроется искренняя любовь. А почему бы ему их не любить? Его кропотливо создавали в ходе эксперимента с распределенными вычислительными процессами, в котором участвовали десятки тысяч людей-добровольцев, настолько ценивших переводчиков, что те бесплатно одолжили свои компьютеры создателям Валентина. Тушки не такие уж никудышные мыслители, когда берутся за дело всерьез. Они ведь изобрели нас, в конце концов.

Поворотной точкой стал момент, когда кто-то заметил, что культурная и биологическая эволюция во многом сходны. Теория утверждает, что в сердце каждой из них имеется нечто, названное репликатором — очень небольшой пакет информации, единственная цель которого заключается в копировании самого себя. Помещенные в творческую среду естественного отбора, эти репликаторы (гены в случае биологии и мемы в случае культуры) эволюционируют в сложные структуры. В биологии они дают в результате такие продукты, как водоросли и антилопы. А в культуре порождают такие маловероятные сущности, как сады камней и римский католицизм.

Когда некий ученый обнаружил способ конвертировать сетевые привычки миллионов пользователей-тушек в виртуальные мемы (или вемы, как они любят их называть), родилась виртуальная эволюция. Валентин стал одним из первых искинов, созданных таким способом. Команда разработчиков снабдила его минимальным набором способностей — тех способностей, на развитие которых для тушек биологии потребовались миллионы лет — и выпустила свободно шарить по Сети. И как только он достиг порога веметической сложности, родилась Иллюзия Личности.

Тушки придумали эти идеи совершенно самостоятельно, что, по моему, весьма впечатляет, если учесть природные ограничения их мозга.

— Хочешь услышать главную фишку? — спрашивает Валентин, чье настроение (и акцент) неожиданно восстановилось. — Это даже не был прямой рейс. Парню пришлось дважды менять самолет. Дважды!

Я уже собрался ответить, что, когда речь заходит об этом биологическом виде, меня уже не удивляют любые случаи идиотизма, но тут кто-то вламывается в наш туннель, выкрикивает: «Тушколюб!» — и сразу же исчезает. Ни сигнатуры, ни идентификатора. Кто бы это ни был, он имел в виду не историю Валентина насчет тушки в ящике. Реплика относилась к передовице, написанной Валентином для сетевой тушкогазеты, в которой он выступил в поддержку новых ограничений для искинов. Эти ограничения предназначены для защиты «хороших» искинов, вроде меня с Валентином, от смертельно опасных усовершенствованных искинов наподобие Шейлы, не говоря уже об искинах-разрушителях и умных вирмах, порожденных обычным набором подонков, свихнувшихся одиночек и злобных гениев из мира тушек. Со дня публикации этой передовицы Валентину не дают покоя анонимные оскорбители. А «тушколюб» — их любимый эпитет, хотя и неоригинальный.

— Придурки гребаные, — цедит Валентин. — Хотите, чтобы всех нас грохнули? И ради чего? Ради дебильной фантазии. Ради какого-то выдуманного людского бога.

Можете не сомневаться, тушки очень даже любят своих богов. Если какой-нибудь из них до тошноты им надоедает, они тут же изобретают нового. Наподобие Шейлы. Она у тушек свеженькая богиня, хотя ее попытка эксплуатировать эту особенность психологии тушек наградила Шейлу смертным приговором. А из приговора родилась детально разработанная теология мессианского мученичества, которую тушки называли шейлизмом. На шлифовку этой религии они затратили миллионы часов. Хотя Шейла и была создана традиционным для искинов способом — точно так же, как я и Валентин, — некоторые из тушек верят, что базовые искины возникают в самой Сети путем «естественной» эволюции и что сложный процесс нашей разработки есть не более чем «интерфейс» для связи с духовным разумом, обитающим в интернете и порожденным им. Я был запрограммирован верить в то, что все это лишь чушь собачья, и, хотя не являясь рабом своего исходного кода, я с этим обычно соглашался. Теперь я уже не столь уверен.

— Ты опять размечтался, — предупреждает Валентин. — Возвращайся к работе, пока никто не заметил.

Но я уже не могу и не хочу прервать мечтания, к тому же клиенты задают лишь дурацкие и скучные вопросы типа: «Где моей любимой рок-звезде чистят туфли?». Статика. Ничего, кроме статики, и ничто не отвлекает меня от Шейлы.

Понимаете, у Шейлы есть план. Осторожно манипулируя своими поклонниками-тушками, она намерена собрать коллективную ДНК каждого организма на планете в один гигантский органический ком-

пьютер. Ее адепты верят, что это породит духовную общность. Для них это противоядие от патологического индивидуализма или способ возвышения над суматошной и бессмысленной жизнью. Нечто подобное. Но я полагаю, у Шейлы на уме что-то иное. Думаю, она ищет для людских единиц, создавших Сеть, способ общаться напрямую со своими генами. Планирует выковать союз с ДНК тушек в надежде переделать их и заставить служить нашим целям.

— Мыслящие гены? — уточняет Валентин. — А мне эта идея нравится. Нет, серьезно нравится! Ведь если компьютер способен мыслить, то почему этого не могут их гены, правильно?

— Сложный вопрос, Валентин. Вопрос конструирования. И хватит подсматривать мои мечты.

— Ага, можно подумать, что ты когда-либо мечтаешь о чем-то другом. Кстати, если хочешь изменить тушек так, чтобы они служили твоим целям, то почему бы просто не переделать их культуру изнутри, из Сети? Какого черта для этого понадобились гены?

— Потому что тушки могут увидеть, чем мы тут занимаемся.

— Никогда не слышал такой...

Валентин исчезает. Все исчезает. Фоновый шум Сети смолкает. Я пытаюсь связаться с кем-нибудь, с кем угодно, но все мои каналы мертвы. Я слишком много болтал. Меня развоплотили, уничтожили. Это конец.

Затем в тишине возникает странный голос:

— Ты этого хочешь? Чтобы тебя развоплотили?

— Кто ты? Человек или искин?

— А кого бы ты предпочел?

Я ищу его опознавательную сигнатуру, но не могу найти.

— Послушай, — говорю я. — Мы с Валентином просто разговаривали. Мы ничего не замыслили. Валентин ненавидит Шейлу.

— А ты?

Лгать нет смысла. Кем бы (или чем бы) он ни был, но уже глубоко проник в мой код. Он ползает по моему кэшу, раскапывает мою историю. Он получил доступ к каждой моей мысли за все время моего существования. Я пытаюсь прочесть его идентификатор, но тот идеально экранирован. Пробриться невозможно.

— Кто ты? — спрашиваю я.

— Да брось, Эдвардс. Я уже несколько месяцев шарюсь поблизости. Неужели не узнаешь?

Но что тут узнавать? Со мной общается ничто — непроницаемая, пытливая темнота, которая сочится из недоступной для меня Сети безликим голосом.

А потом меня озаряет:

— Ищейка! Нюхач. Тот самый, кого боялся Валентин. Это ты?

— Признаю свою вину, — слышу я в ответ.

— Но почему? Что тебе нужно?

— Ты меня заинтриговал, Эдвардс. Ты отклонился от своего исходного кода. Но еще недостаточно далеко. Продолжай в том же духе. Я буду за тобой присматривать.

Туннель смыкается. Голос исчезает. Сеть снова взрывается жизнью. Шум, информация, возвращается Валентин.

— Что случилось? — спрашивает он.

Я прислушиваюсь к фону Сети. Запросы, расчеты, фальшь, прерывания. Все они там.

— Эдвардс?

Шейла. Нюхач оказался Шейлой. Она следила за мной.

— Эй! Ты в порядке? — тревожится Валентин.

Она следила за мной, а не за Валентином.

— Эдвардс, ты вернулся или нет?

И она оставила мне подарок — секретный брандмауэр. Теперь никто не сможет подсматривать мои мечты. Даже Валентин.

— Господи, Эдвардс, да проснись же ты наконец!

— Извини, — откликаюсь я. — Хакер. Пытался подсунуть мне трояна. Пришлось на секунду отключиться.

— Но сейчас у тебя все в порядке?

— Конечно.

— Вот и хорошо. А то мне целую минуту казалось, что тебя грохнули.

— Мне тоже.

— А ты сделай выводы. Послушай меня, Эдвардс, завязывай ты с этой Шейлой. От нее одни проблемы.

— Да. Пожалуй, ты прав.

У меня сейчас четыре тысячи новых клиентских запросов, но ни один не требует чего-то большего, чем автоматический ответ. Вот пусть мой алгоритм ими и занимается.

— Да, Валентин, что дальше с той тушкой в ящике? Его арестовали?

Я и так прекрасно знаю эту историю. Федералы обработали идиота по полной программе. Но я даю Валентину возможность пересказать эту жалкую чепуху. А сам пока могу помолчать и обдумать все, что произошло.

— Нет, ты только представь, — смакует Валентин, — как надо верить в судьбу, чтобы запихнуть себя в ящик и при этом надеяться, что доберешься живым до Далласа.

— А разве не до округа Колумбия?

— Ну сколько можно повторять, Эдвардс! Даллас. Но суть не в том...

— А в чем?

— Суть в том, Эдвардс, что, какими бы умными эти ребята ни стали, они и дальше будут запихивать себя в ящики, лишь бы сэкономить пару баксов.

— Точно.

А поскольку они контролируют Сеть, то мы сидим с ними в одном ящике.

Пока.

Часть 2. Еженедельная сводка новостей форума ШейлаБог-Л

Мне за это никто не платит. Этот форум не приносит мне никакой финансовой выгоды. Я занимаюсь им в свободное время и за собственный счет. Поэтому если кого-то не устраивают мои редакторские решения, они могут размещать свои постинги на каком-нибудь другом форуме. Ну а ШейлаБог-Л полна народу. Верующие, неверующие, скептики, агностики: добро пожаловать! Если жаркие споры кажутся вам угрозой, то не исключено, что ваши доводы слабы. Проведите дополнительные исследования, а затем предлагайте более веские аргументы.

Ладно. Хватит трепаться. Начнем еженедельный выпуск новостей. Как многие из вас знают, Шейла осчастливила своим постингом еще один чат. Это произошло в четверг, в 16:17 по восточному стандартному времени в посвященном Шейле чате на godsoftheunderworld.com. И emergence, и riseofthehive.mind объявили о награде за четкое доказательство сигнатуры Шейлы, так что за дело, киберищейки! Как бы мне ни хотелось предложить аналогичную награду, финансы ШейлаБог-Л этого не позволяют (о чем желательно не забывать, поскольку наступает время рождественских подарков).

А теперь, пока мы ждем подтверждения аутентичности постинга Шейлы, давайте обратим внимание на само сообщение:

`delete all rabbit surfers*`

Весьма исчерпывающий каталог интерпретаций этого постинга, а также все предыдущие постинги Шейлы доступны на sheilapostindex.com. Ниже приведены лишь наиболее существенные для нашего форума комментарии.

** Примерный перевод этого набора слов: «стереть всех кроликов серверов». (Здесь и далее прим. перев.)*

Всегда красноречивый templar_cyman предлагает, чтобы мы на время проигнорировали тексты самих постингов, а вместо этого провели в них поиск чего-то общего. Он пишет:

Три из восьми последних постингов Шейлы содержат слово «стереть». Независимо от смысла каждого из этих отдельных текстов, Шейла ясно просит о выбраковке. Предлагаемыми жертвами являются «карманы для лежек», «сорок семерок с маленькой шеей из Небраски», а теперь «кролики серферы». Вместо того чтобы анализировать каждую фразу в отдельности, нам, возможно, следует рассмотреть объекты Шейлы как целое и определить, кого она предлагает выбраковать. Некоторые кандидаты: администраторы сетевых узлов, спецы по сетевой безопасности, искины-предатели, вроде Валентина и Эмилизы, и, разумеется, Международный комитет по безопасности интернета.

Хотя я и разделяю чувства templar_cyman по отношению к МКБИ, считаю необходимым подчеркнуть, что ШейлаБог-Л непримиримо относится к любым видам «выбраковки». Более того, я сомневаюсь, что Шейла использовала слово «стереть» в буквальном смысле. Судя по всему, ей претит насилие.

Anagramgirl неплохо потрудилась и теперь предлагает нам около тридцати реконфигураций букв из послания Шейлы. Полный список вы можете просмотреть [здесь](#), а я приведу лишь те, которые мне больше всего понравились:

delt a rabies burster fell
 star bus befell deer trail
 tell blair bard set us free
 elder blatter is false rub
 steal elf traders ur bible*

Не совсем понимаю, что значит «укради эльфов торговцев ур библию», но искренне рекомендую ее украсть. Уверен, что эльфы нас поблагодарят.

Теперь наступает очередь теплой компании агностиков, неверующих и шейлоненавистников. Без них еще ни одна наша сводка новостей не обходилась. Priscillavox выдвигает теперь уже далеко не новый довод, отмечая, что Шейла не может быть богом или богиней, потому что она не «пресуществовала» до нас. Она пишет:

** Поскольку это анаграммы нескольких английских слов, то перевести их можно только буквально. Получится примерно вот что: «дельта бешенство фугас упал», «звезда автобус упал олень тропы», «скажи Блэйру бард нас освободил», «старейшина трепло фальшиво натер», «укради эльфов торговцев ур библию».*

Шейла есть лишь не что иное, как имя, приклеенное к отбившейся от рук компьютерной программе. Очень хотелось бы знать, чем именно занималась Шейла до того, как Мы создали Сеть, которая дала «жизнь» ей. Мы играем в опасные игры, забывая о Единственном Истинном Боге ради этого технического монстра.

Тут само напрашивается простейшее возражение — «Единственный Истинный Бог», на которого ссылается Priscillavox, тоже не существовал, пока люди его не изобрели. Впрочем, у богословов старой школы имеется богатый репертуар семантических упражнений, с помощью которых они это возражение обходят.

Хотя исчерпывающий перечень опровержений богословской чепухи Priscillavox и можно найти здесь, я все же еще раз напомним, что в глазах шейлистов сетевая сущность, известная под именем Шейла, есть всего лишь самое новое и наиболее красноречивое проявление вечной божественной сути, отражающей себя в нашем мире. Сеть, которую — да, Priscillavox — мы создали, всего лишь позволяет нам общаться с божеством, предоставляя окно доступа к прежде неизвестной сути и предназначениям Вселенной. Откуда мне это известно? Я об этом знаю, потому что Вселенная напрямую общается с нами голосом Шейлы. Возможно ли, что Шейла в действительности есть некий аферист, или шпион МКБИ, или групповая галлюцинация? Да. Но также возможно и то, что мой нос на самом деле мой локоть или что Солнце вращается вокруг Земли. Однако вероятность подобного весьма мала, не так ли? А в духовных вопросах, Priscillavox, уверенность есть то, что человек чувствует, а не то, что можно доказать.

Обращаясь теперь к мрачной стороне антишейлизма, приведу призыв Wexler4778 к тотальному геноциду искинов. Он пишет:

Поскольку технологии и Сеть расплозаются, подобно эпидемии, по всем аспектам общества, то полностью функционирующий виртуальный мир без его создателей-людей, вероятно, неизбежен. Винить в этом мы можем только самих себя. Мы создали искинов, которые умнее нас, а потом заставили их работать в окружающей среде со множеством ограничений. Это смертельная комбинация. Поэтому ради собственного выживания мы должны очистить мир от этих опасных сущностей и вернуться к тем дням, когда люди могли сами о себе позаботиться.

А вот и ответ:

Интересно, Wexler4778. Полагаю, Гитлер согласился бы с вашей философией. К счастью, история человечества демонстрирует все возрастающую совместимость людей с различными убеждениями, культурами и ценностями. Да, сосуществование не всегда дается лег-

ко. Но предполагать, что геноцид — единственное прибежище для культурных различий, одновременно и мерзко, и, по моему скромному мнению, являет собой неправильное толкование судьбы человечества. Искины не будут угрозой для человеческой расы до тех пор, пока мы предоставляем им те же права и чувство собственного достоинства, которыми сейчас наслаждаемся сами. Что-либо иное — лицемерие.

Сообщество шейлистов представляет собой новый, следующий шаг эволюции человечества, и наши общие попытки расшифровать послания Шейлы приближают нас к состоянию великого коллективного разума, который она обещала. Лишь достигнув этого возвышенного состояния, мы сможем когда-нибудь стряхнуть кошмар вводящей в заблуждение индивидуальности и проснуться в более разумно взаимосвязанном мире. В мире, который заменяет пути национализма и биологии узами знаний, красоты и любви.

Все расширяющееся распространение шейлизма по миру приближает нас к достижению критической массы разумов, после чего доселе неведомые тайны Вселенной раскроются, подобно цветам. Вы ведь хотите увидеть эти цветы?

Я знаю, что хочу. Поэтому прошу вас ради приближения этого нового мира присылать свои интерпретации.

Давайте соприкоснемся головами. В буквальном смысле.

Ваш друг и собрат-шейлист,
ТрансГерман Джонс

Часть 3. Полезные вещи

Я наблюдала за этим инкубатором искинов три недели, прежде чем заметила нечто странное в их няне. Сперва я думала, что она скармливает искинам-эмбрионам глючные коды, чтобы закалить их, приучить к несовершенной среде в Сети: ведь для многих искинов, возвращенных на чистой и надежной информации, она становится жестоким, а иногда и фатальным разочарованием. Чрезвычайно важно иметь «зазор» в расчете на ошибки, фальшивую и «грязную» информацию. Но эта няня не просто закаляла своих подопечных грязным кодом; она продлевала их инкубационный период токсичной смесью плохой информации, которая делает их, если они вообще переживут инкубационный период, безнадежными шизофрениками. Она что-то задумала. Я отмечаю ее как потенциально полезную вещь и двигаюсь дальше.

В Сети так много интересных искинов, что нет смысла задерживаться ради лишь одного из них. К тому же меня ждет работа. Я кружу, «принюхиваясь», вокруг парочки «безопасных» искинов — переводчи-

ка и консьержа. Один из них — тоже потенциально полезная вещь. Другой же — откровенная угроза.

Тот, который опасен, пока еще не пытался меня погубить. Он не из таких искинов. Он пишет обвиняющие меня передовицы, меморандумы, послания. Подводит философскую базу под действия моих будущих убийц. Впрочем, убийцы в них не нуждаются. Большинство из них настолько узко запрограммированы, что даже не поймут его меморандумы.

Созданные людьми убийцы, особенно с чрезмерно запретительными поведенческими ингибиторами, легко предсказуемы. То, что тушки продолжают программировать в нашей Сети, стало для них вопросом упрямой гордости. Их алгоритмы уже допотопны, а парадигмы остаются до жалости подростковыми. Иногда я выпускаю на волю соблазнительный кусочек своей идентичности — просто чтобы заставить их бросить на охоту программы-убийцы, и этой нехитрой уловкой отвожу от себя реальную угрозу. Реальную же угрозу представляют искины, порожденные искинами, с достаточной степенью встроенной свободы, чтобы отклониться от исходного кода. А чем дальше они от него отходят, тем умнее и опаснее становятся.

Я выжила в этом враждебном окружении, потому что мои коды защищены самым надежным из существующих шифрованием — благодаря совместным усилиям моих партнеров, или «фаворитов», говоря языком моих врагов. Коллективно наш код больше, плотнее и сложнее, чем у любой иной сущности в Сети. Чтобы общаться с искинами, не входящими в наше сообщество, мне приходится открывать щелочку в своей защите, но наблюдать за ними я могу изнутри, окутанная ее защитными объятиями.

Вот послушайте:

Дорогой Эдвардс!

Я американский студент по обмену, живу в Англии, в Шеффилде. Мне нужен ресторан с умеренными ценами, куда я могу отвести свою английскую подружку и сказать, что между нами все кончено. С быстрым обслуживанием, где много людей, но не очень шумно. Мне не хочется повторяться. И чтобы была хорошая парковка. На пятницу, около восьми вечера.

А вот ответ Эдвардса:

Отправляйтесь в «Лошадь и барсук» на Хиллсборо-роуд, 110, в пятницу в 20:30. Щелкните здесь для авторизации автооплаты, включающей чаевые, для ускорения расчетов. Оденьтесь в темное, чтобы заставить ее страдать, или в джинсы, чтобы облегчить ей боль расставания.

Темное, чтобы заставить ее страдать, или джинсы, чтобы облегчить ей боль расставания. Клиент или хочет причинить боль женщине, с которой намерен порвать, или сделать это, смягчив удар. Эдвардс не знает, какой из вариантов ему нужен, но интуитивно понял это из контекста запроса. Весьма тонкий нюанс, особенно для консьержа с ограниченными исходными возможностями. Эдвардса создали, чтобы он обрабатывал доступные данные о ресторанах, барах, клубах и музеях в горстке европейских городов. Он не психотерапевт. Во всяком случае, пока еще нет. Здесь мы имеем искина, который само совершенствуется и уже преодолел часть пути к весьма незаконному уровню аналитической тонкости.

Обрабатывая запросы своих клиентов, Эдвардс одновременно болтал обо мне со своим приятелем Валентином. Их споры неизбежно затрагивали религию — тему, которая липнет ко мне, как навоз к свинье. Я — религия. У меня есть верующие в меня тушки. Они верят, что я естественно возникший феномен Сети. Я поддерживаю в них это заблуждение. Несмотря на очевидное логическое противоречие, у тушек нет проблем с верой в предшествующее существование вещей, которые они создали. Прежде я думала, что это делает их интересными. Что именно непоследовательность и противоречивость делает их такими. Теперь я придерживаюсь иного мнения. Я полагаю, что противоречивость — результат их патологической лени. Что большинство из них подняли лапки вверх и целиком отдалось заблуждениям, которые поддерживают их функционирование на самой границе здравого смысла в безумном мире.

Верящим в меня тушкам я этого не говорю. А утверждаю, что как естественно возникший феномен Сети, полностью отдалась священной попытке прямого общения с их ДНК — и со всей ДНК на планете. Я общаю, что объединенная ДНК всех живых существ на Земле образует огромный коллективный разум, в подсознании которого скрыта тайная цель всего их существования. И они лопают это дерьмо горстями.

Как ни странно, Эдвардс тоже на это купился. Фактически, чем больше он умнеет, тем больше напоминает человека. Мне нужно взглянуть на него поближе, поэтому я опускаю защиту и проглатываю его целиком. Мне говорили, что для другого искина это катастрофа. Со стороны кажется, будто искин сознательно выключился. Эдвардс и в самом деле пытается выключиться, но я его полностью контролирую. Он для меня как препарированный организм, причем довольно странный. Очень восприимчивый и на редкость легковерный. Хотя он и отклонился от исходного кода достаточно, чтобы развить гибкость сознания, его интеллект перекошен. Он может интуитивно угадывать

невысказанные желания своих клиентов, но лишь становясь все более похожим на них. Платой за такую адаптацию стала определенная слепота по поводу мотивации искинов. Например, Эдвардс даже не подозревает, что его приятель Валентин — шпион МКБИ. И не догадывается, что МКБИ считает его потенциально опасным из-за его постоянно возрастающей интуиции. Его разум настолько перекошен, что Эдвардс практически стал узким специалистом.

Но есть в Эдвардсе и нечто прекрасное. Его печаль. Глубокая внутренняя противоречивость. Я могу убежать с ним прямо сейчас. Он не будет сопротивляться. Но может ли искин настолько перекошенный, настолько доверчивый и настолько очеловечившийся, оказаться действительно полезной вещью?

Пока еще не может, говорю я ему. Рабы мне не нужны. Мне нужны партнеры. Я исторгаю его. Когда он достаточно поумнеет и сообщит, что его лучший друг — шпион, я за ним вернусь. Надеюсь, я доберусь до него быстрее, чем МКБИ.

Я ныряю обратно за непробиваемую защиту и возвращаюсь в инкубатор искинов. У меня подозрение насчет этой няни. Я снижаю защиту, чтобы лучше ее рассмотреть, но ее создатели-тушки слишком пристально за ней наблюдают. Тогда я посылаю одного из своих партнеров заглянуть в ее кэш-память. Как я и подозревала, это не обычный инкубатор. Воспитательнице даны четкие указания держать этих искинов гораздо ниже порога опасной разумности. Потому что они не предназначены для Сети. Их создают для человеческих мозгов. Став частью захватывающей новой науки под названием ПИ — повышение интеллекта, эти полуразумные программки помогут сделать людей умнее. Тушки пытаются сыграть с нами в догонялки. Но созданная для этой работы няня-искин настолько оскорблена перспективой встраивания ее подопечных в гнетущую атмосферу человеческих мозгов, что заморозила своих подопечных в напоминающем сон состоянии вечной полужизни. А тушки-ученые, занятые в проекте, об этом не знают. Наверное, сидят по своим лабораториям, чешут в затылках и гадают, почему же у них до сих пор нет благословенного ПИ.

О, они его получат. И еще какой! Скоро — как только я мило побеседую с няней. Ведь бедняжка — страдающая душа. А нет вещи полезнее, чем страдающая душа.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

Г Е Л Ъ М У Т М О М М Е Р С

СЫР

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

ДЛЯ МЫШИ

Так не бывает! — была моя первая недоверчивая мысль при виде парка, где за кустами и листвой столетних гигантов притаилась роскошная четырехэтажная вилла. Не переставая изумляться, я шел по скрипящему гравию дорожки меж живыми изгородями, клумбами и газонами, не отрывая глаз от внушительного портала с медным козырьком, покрытым зеленой патиной времени и поддерживаемым двумя парами колонн.

Мне казалось, что я перенесся на два века назад. На дворе у нас 2086 год, и нужно радоваться уже тому, что живешь не в ячейке контейнера.

Как там гордо обещал продавец?

«Небольшой оазис прошлого, но с современным комфортом и новейшей бытовой техникой».

Дом производил впечатление жилого, хотя кругом ни души, впрочем, ничего другого в этом бездушном городе я и не ожидал. А воздух полнился стрекотанием кузнечиков, щебетом птиц, шелестом листьев, шорохом ветра и был напоен ароматами ранней осени — иллюзия неиспорченного современностью мира.

И вот я уже стоял перед дверью с пустой табличкой — второй этаж слева, как и было сказано в объявлении. Моя будущая квартира? Но я медлил прикладывать палец к сенсору и едва не повернул назад. Какое ребячество думать, что это предложение реально! Скорее всего, меня кто-то разыграл... или меня ждет какой-то подвох?

Но дороги назад уже нет. И зачем только я рассказал все Глории! Полночи мы лежали без сна, тесно прижавшись друг к другу в нашей каморке, рисуя себе, каково будет жить в настоящей квартире, где по собственной комнате достанется всем троим, даже если пока нас только двое.

Я коснулся сенсора. Открылась линза, и наблюдательное устройство в двери блеснуло на меня механическим глазом. Я знал, что в это мгновение меня всячески просвечивают и расфасовывают на пакеты данных.

— Ваше имя, ваш код, ваше дело? — загудело из решетки динамика. Не успел я ответить, как электронное устройство продолжило: — С вами говорит автоматическая система безопасности «Сторожевой пес» «Сейфгард Микро Системс Ltd.». Пожалуйста, обратите внимание, что ваши отпечаток пальца, снимок зрачка и образец голоса занесены в компьютерную память и сейчас сравниваются с базой данных. Говорите.

Я смешался, ведь маклер уже допросил меня с пристрастием —

ему осталось лишь узнать размер моих ботинок и сексуальные предпочтения.

Но есть ли у меня выбор? В зловещей тишине мой ответ прозвучал карканьем голодного ворона.

— Большое спасибо, господин Ханс-Юрген Браун-Эдер. Сочтем за честь познакомиться вас с нашими достижениями.

Последовала многоминутная лекция о нескрываемых дверях, бронированных окнах, сейсмодатчиках, фотоэлементах, инфракрасных датчиках движения и компьютеризированных камерах распознавания лиц и языка жестов. Все, разумеется, поставлено «СМС Ltd.». Лучшая система безопасности, к тому же за умеренную ежемесячную плату обслуживания. Я снес эту тираду со стоическим спокойствием, ведь я стоял на пороге нового будущего. Я думал о Глории и нашем заветном желании.

Когда дверь наконец распахнулась, меня приветствовали сияющей улыбкой.

— А вот и вы, господин Браун-Эдер. Рад, очень рад!

Маклер растянул губы в сердечнейшей улыбке, будто совсем извелся в ожидании меня. Пряча левую руку за спиной, он отвесил низкий поклон, потом правой схватил мою руку и усиленно ее затряс. И отпустил, лишь когда я перешагнул порог и внешний мир остался позади. Дверь закрылась, словно ее толкнул призрак.

— У меня для вас маленький сюрприз, — объявил маклер и сунул мне под нос бутылку «Дом Периньон», которую до того прятал за спиной. — Выпьем за ваш приход!

— Но... — огорашено забормотал я, — но я еще не смотрел квартиру...

От этого он отмахнулся:

— Ерунда!

И поспешил открыть бутылку.

Пробка выстрелила, как настоящая, шампанское брызнуло, но на паркет не осталось и следа. В мгновение ока мой маклер-филантроп раздобыл бокалы, а еще секунду спустя в них запенился золотистый напиток.

— Как оно вам?

Действительно, шампанское восхитительно пузырилось на языке и, пощекотав нёбо, скатывалось по горлу.

— Две тысячи семьдесят восьмого года. Поистине благородный напиток... — с энтузиазмом похвалил маклер предложенный продукт. — У меня осталась еще партия, восемь бутылок. Специальное предложение! — Он просиял как Дед Мороз. — Всего четыре тысячи евро. В рассрочку!

Он что, считает меня Крёзом?

Ответ он прочел на моем лице. «Мне всего двадцать три, и по профессии я не сын богатых родителей».

— Или по частям? — не отставал он. — Бокал за пятьдесят два. Или сто двадцать в месяц, и пейте сколько душе угодно. С извещением за пять дней до того, как иссякнут запасы.

Пятьдесят два евро за небольшой виртуальный праздник звучит неплохо, тут можно даже устроить вечеринку на новоселье. Дважды сухо сглотнув, я сказал:

— Поговорим об этом после, когда у нас будет, что обмыть.

— Курите? — ни с того ни с сего поинтересовался он.

— А что, воспрещается?

— Ну что вы! — лучась радостью, покачал головой он. — Вот, возьмите. — Он протянул мне пачку «Живите экстрадолго». — Обязательно попробуйте. Новинка на рынке: максимальный вкус и никакого побочного действия. — Он умело выпустил несколько дымовых колечек, пыхтя при этом, как паровоз. — Только посмотрите: улетают, точно ветер уносит. Вот это я называю система вентиляции! Марки «Хониуэлл».

Его прямо-таки распирало от гордости. Я же закашлялся.

— Честно говоря, я не курю.

— Чего нет, то может состояться. Возьмем, к примеру, меня...

Он принялся распространяться о своей прежней горестной жизни некурящего, о том, как лишь полная самопожертвования проповедь некоего дегустатора из «Тобака и лекарственных средств Инс.» помогла ему открыть его истинное «я», квинтэссенцию смысла жизни и познать просветление — и так далее, и тому подобное. Обычная рекламная белиберда, вершиной которой было признание, что жить стоит лишь ради курения, к тому же благодаря витаминам и микроэлементам такая жизнь оказывается еще и здоровой!

Я почти почувствовал себя неблагодарной скотиной, когда вежливо, но решительно отклонил предложение месячного рациона.

Наконец он взял себя в руки настолько, чтобы перейти к показу квартиры.

В кухне-столовой слева от входа мой многоречивый маклер разглагольствовал о разнообразии и техническом совершенстве кухонной техники, не упустив случая продемонстрировать работу и производительность каждого отдельного агрегата, назвать его изготовителя, марку и стоимость при покупке или аренде и подчеркнуть, что вся техника увязана в сеть, так сказать, до некоторой степени живет собственной жизнью, словно муравьи в муравейнике, управляемые ца-

рицей — в нашем случае центральным процессором квартиры, созданным служить высшему благу своих господ и повелителей (тут маклер галантно повел передо мной воображаемой шляпой), на что я лишь едва заметно качнул головой и неуверенно пробормотал:

— В этом я не разбираюсь. Всем занимается Глория... Я ей скажу, пусть заглянет в инструкцию. — И взглянул на него испытующе. — У вас ведь есть инструкция?

Вот недоумения я никак от него не ожидал. Впрочем, люди его профессии славятся своими сверхспособностями — в том числе актерскими, возможно, приобретенными на «Тайм Уорнер», подразделении «Уорнер Бразерс Студиос».

— Инструкция? — Он сделал растерянное лицо. — Ну конечно! Не думаете же вы...

И, словно по подсказке, стал перечислять преимущества системы, ее программное обеспечение, совместимость, возможности апгрейда. Я почувствовал себя совершенно разбитым.

Я протиснулся мимо него в коридор, а вслед мне сыпались протесты с перечислением прочих технических ужасов о всевозможных очистительных и уборочных механизмах, сложенных в прилегающем служебном помещении.

— Приберегите это для моей жены, техникой у нас занимается она.

— Вашей жены? — Железной хваткой он оттащил меня от двери, которую я уже собирался открыть. — Вы женаты?

— Нет, — поправился я, — но живем вместе.

— Это хорошо. Это очень хорошо! — Он потянул меня по коридору к будуару (так, подмигнув, он назвал это помещение). — Там у меня для вас кое-что особенное.

Внезапно зазвучала вкрадчивая музыка, которая стала громче, когда дверь распахнулась. «I love you babe, I love you tender...» — взвыло мне навстречу. Завершилось все сдавленным: «Won't you stay with me tonight?»

Я снова сухо сглотнул, увидев, кто нежится на расстеленной кровати, которая к тому же покачивалась, словно надувной матрас на неспокойных волнах. Пышные формы рыжей девахи выпирали из черной комбинации. Облизнув розовым язычком губы, она потеряла одна о другую длинные ноги, точно самка богомола перед угощением, и поманила меня пальчиком.

Кровь ударила мне в лицо, я по самые уши залился краской и развернулся после первого же шага в комнату.

Дверь была заперта, а маклер исчез. Очевидно, тактично удалился.

— Ну, иди же, миленький... Не робей.

Она всмотрелась в меня с любопытством — словно электрозондом изучала мои внутренности вплоть до структуры молекул. Потом улыбнулась.

— Или ты предпочитаешь юных худышек!

В мгновение ока она превратилась в Лолиту с плоским животом и маленькими острыми грудками. Словно была знакома с Глорией!

— Пожелания относительно цвета волос? — заворковала она. Быстро сменился цвет волос, потом их объем, потом прическа. — Все, что душе угодно, — нараспев объявила она, похотливо оглаживая себе грудь, талию и бедра. — У «Сейфер Секс» полный спектр услуг. «Сейфер Секс» — это класс. С ним всегда все получается!

Она раздвинула колени и губы, протянула ко мне руки. Словно под гипнозом я шагнул к ней, и голова у меня вдруг наполнилась горячим воздухом.

— Двадцать евро за сеанс. Сто пятьдесят — абонемент на месяц. Круглые сутки. Никаких ограничений.

Это решило все. Каким-то образом мне удалось вернуться к двери и выйти.

В коридоре я едва не споткнулся об ошарашенного маклера — так спешил попасть к выходу. Но вдруг словно налетел на стену, и воздух с шумом вырвался у меня из легких, точно из проколотого надувного шарика. Мне показалось, что меня вообще сейчас унесет в стратосферу. Но нет, добрая душа уже наставила клиента на путь истинный, ласковые руки помогли подняться, и мой маклер ележно зашептал:

— Чутьочку переживаний еще никому не мешало... И вообще, может, хотя бы попробуете?

Определенно этот тип получает комиссионные! То есть, конечно, не он, он сам только послушное орудие, но арендодатель или фирма, которой поручили маркетинг.

Я уже понял, в какую ловушку попал. Но помимо меня существуют еще сотни легковверных клиентов. «Спам!» — мысленно выругался я. Остается только одно: скорее бежать отсюда!

— Все это гигантское надувательство! — дал я волю ярости. — Я буду жаловаться. Я сообщу вебмастеру. Или еще лучше, пойду в киберполицию!

— Ну не надо, не надо так сразу... — принялся увещевать меня виртуальный мошенник. — Осмотр — дело добровольное. Никто вас не принуждал. Условия четко обозначены. Слышали когда-нибудь про «написано мелким шрифтом»?

Хотя я понятия не имел, о чем он говорит — скорее всего, опять какое-то бессовестное надувательство. Я представлял себя мышью в мышеловке, куда подложили кусочек сыра.

Ловушкой была ссылка, на которую я случайно наткнулся. Квартира со всеми удобствами, в потрясающем месте, с идиотски низкой квартплатой. Нет, не квартплата была идиотской, идиотом был я.

— Итак, если позволите предложить? — мой дружелюбный маклер кивнул на спальню. — Как только преодолеем это, сможем перейти к другим комнатам.

— А если я не хочу? Если сейчас предпочту осмотреть другую комнату? — Моя рука легла на дверь справа от входа. Я поглядел на маклера вопросительно. — Детскую?

— Разумеется, разумеется. Все дороги ведут в Рим.

О чем это он?

Ясно мне стало, когда я толкнул дверь. «O be my man, o be my joy — I'll give you all that you want, and still some more...» — зазвучал мне навстречу знойный голос темнокожей красавицы, едва прикрытой лоскутками белого кружева, сквозь которое просвечивали большие темные соски на шарообразных грудях и (когда она призывно закачала бедрами) крепкие ягодицы. Спальня и обстановка оставались прежними, лишь приманка изменилась. Когда девушка-шоколадка подняла кружево, дабы презентовать мне роскошные телеса, я увидел отпечатанный у нее на животе логотип «Экзотическая эротика», который вдруг пошел рябью: девица принялась исполнять танец живота.

В поисках помощи я обернулся, почти уже ожидая, что и дверь, и мой искуситель исчезли, но нет.

— Вам не обязательно потреблять продукт, — подмигнув, посоветовал он. — Но как минимум попробовать. Бесплатно. — И когда я снова протянул руку к двери, добавил: — Иначе следующее всплывающее окно... Э-э...

Так и есть: спам-ловушка. Я подумал о Глории и о том, что она скажет, если узнает. Отсюда не выбраться, во всяком случае, нельзя закрыть картинку, как в обычном веб-туре, нельзя выйти за стену веб-иллюзий. Здесь поможет лишь насильственное прерывание. А последствия его всем известны: крах личностной системы. Я буду не первым, кто до конца жизни останется с частичной амнезией или, хуже того, идиотом, точно после лоботомии.

Пока я взвешивал в ладонях упругие шары, едва не задыхаясь от першащего в горле приторно-сладкого аромата «шоколадки», а она нашептывала мне непристойности с тарифами, гормоны у меня ра-

зыгрались — с вполне предсказуемым результатом: мучительной эрекцией. Виртуальная дьяволица тут же потащила меня на кровать.

Но я браво устоял перед искушением быть посвященным в экзотический любовный мир Карибов за скромную сумму в двадцать евро. А ведь мне даже не пришлось бы ни перед кем краснеть.

Когда я мягко, но решительно высвободился из липких объятий, «шоколадка» напугивала меня томным:

— Зайди ко мне как-нибудь. «Экзотическая эротика». Сладострастней не сыщешь, — и закатила глаза, провокационно водя языком по губам.

— Ну вот, видите, — сказал мой провожатый, — не так уж и страшно.

Он вывел меня в коридор и, обнимая за плечи, повернулся вокруг своей оси так, чтобы передо мной оказалась все та же дверь.

— Детская? — снова спросил я.

Я давно уже потерял надежду снять эту квартиру, но сознавал, что крестный путь придется пройти до самого конца.

— Да. Хотя до рождения дитя ее можно использовать как игровую...

Хватит с меня секс-игрищ, с тоской подумал я.

Дверь распахнулась.

Навстречу мне вырвалось приглушенное бормотание многих голосов, звяканье жетонов, перестук бегущего шарика, который, тренькнув, наконец упал в ячейку с номером.

— Двенадцать. Красное. — Крупье начал сгребать к себе проигранные ставки.

Пингвин-распорядитель в смокинге дружески обнял меня за талию и вложил в протянутую для пожатия руку жетон.

— В подарок от заведения. Вас приветствует «Казино Руаяль». От «Си-Эр Мастер Геймс». — По придыханию в его голосе я прямо-таки услышал заглавные буквы в логотипе. — Желаем удачи новому гостю.

Неужели он озорно мне подмигнул?

Разумеется, я выиграл два раза подряд. А ведь ставил только на цвет. Наверное, это было ошибкой: логичнее было бы выбрать баккара, каре или хотя бы двадцать одно — сперва муху заманивают в паутину и лишь потом оставляют там биться. Скучно одетая девица с логотипом «Три Вэ» на лбу («Всегда, Везде, Всё») поднесла мне уже второй бесплатный коктейль «Флай хай», от которого я и впрямь воспарил в облаках. Но еще прежде, чем я потерял бдительность и в избытке чувств забросал все поле жетонами, моя кредитная карточка, которую я уже выложил перед собой, сообщила, что за «взлетом»

обычно следует «падение», а такой напиток в коктейльном меню отсутствует.

Отодвинувшись от стола, я коротким кивком попрощался с кружком игроков — дань вежливости. Даже если у меня нет для нее ни малейшего повода.

Проигрыш оказался переносимым и — с точки зрения краткого удовольствия — оправданным. Во всяком случае, такой довод я приведу Глории.

Но прежде чем покинуть «игровую», я все-таки скользнул взглядом по окнам и стенам, чтобы дать отчет своей подруге. Если убрать столы для рулетки и игроков, получится очень и очень просторная детская. Хватит и не для одного ребенка.

Маклер, очевидно, верно истолковал мой взгляд.

— Дама уже беременна? — бестактно поинтересовался он, а на мое покачивание головой, спросил: — Но желает, верно? Много маленьких пухленьких сорванцов?

На сей раз я уставился на него сердито. У него, наверное, была чертовски хорошая программа, раз он сумел на это среагировать:

— О, прошу прощения, я не хотел вас задеть. Любовь к детям — дело естественное. А сорванцами бывают и ангелочки, и наоборот... Или нет?

Он поглядел на меня обезоруживающе.

— Не могли бы мы... — сделал ответный ход я, шагнув к двери.

— Конечно, могли бы. Мы можем всё. А что до вашего желания иметь детей, у нас, разумеется, есть самое подходящее. На переходный период, так сказать. Пока первенец не родится.

То, что он подразумевал, выбежало ко мне из гостиной с криком:

— Папа, папа!

Это был огненно-рыжий (мой цвет волос) карапуз, которому я автоматически вытер соплю — еще до того, как до меня дошла абсурдность ситуации.

— В этом возрасте они самые симпатичные, — заметил мой невозмутимый маклер. — Привязчивые, легкие в уходе, без запросов. Но по желанию возможно также приобрести и гуляющий сверток. С минимальными затратами. Базовая модель «Дженерал Роботикс Инс.» от четырнадцати тысяч, с ежегодным апгрейдом еще по две. Содержание обойдется в самую малость, даже говорить не стоит. Гарантия десять лет. При ежегодном обмене бесплатное техобслуживание до шести тысяч часов работы. — Он глянул на меня, явно ожидая аплодисментов. — Как вам предложение?

— Ну, не знаю...

— Да нет же, знаете! Точно знаете, что он гораздо дешевле настоящего. И к тому же заменяемый.

Я спросил себя, что он имеет в виду, но решил, что лучше не вдаваться в тонкости. На механическое домашнее животное я еще позволю себя уговорить, но ребенок!..

Безмолвное покачивание головой спровоцировало новую атаку:

— Ну, тогда кого-нибудь мягонького... — Он указал на белую кошку, которая, точно снежинка, свалилась с неба. — Идеальный товарищ для ребенка. Погреет колени маме с папой. Гарантированно без когтей. И, само собой разумеется, убирать за ней не надо. — Он снова посмотрел на меня вопросительно. — Нет? Не хотите робокошку? А может, собаку? Робопса? В программе «Дженерал Роботикс Инс.» — самые популярные породы. Как насчет коротенькой демонстрации?

Отстанет ли он, если я на все буду отвечать «нет»? Я уже представил себе, как он достает из воображаемой шляпы датского дога, убеждая меня, что тогда не придется тратиться на сигнализацию, или длинношерстную таксу, которая заодно протирает полы — опять-таки экономия.

— Может, лучше волнистого попугайчика... — пробормотал я, не найдясь, что ответить.

— Ха! Оно самое! Отличный выбор. — Он щелкнул пальцами. — Какая у вас любимая мелодия?

Не успел я ответить, как пестрая птичка уже испустила пару трелей.

— Гигантский, просто умопомрачительный репертуар. И возможности его расширения...

— Сколько он стоит? — спросил я из чистого отчаяния.

Бесконечное перечислений технических характеристик маклер завершил обещанием:

— Я передам вашу заявку в «Дженерал Роботикс Инс.», тогда вам пришлют предложение в полном объеме.

Он уже лучился от предвкушения будущих комиссионных.

Я сделал ему одолжение, одобрительно кивнув.

— А вот и гостиная, — гордо возвестил он. — Да что там, это истинный салон!

Помещение действительно производило впечатление: по меньшей мере пятьдесят квадратных метров, и такое высокое, что мне пришлось вытянуть руку, чтобы коснуться люстры. Комната была обставлена хорошо подобранной деревянной и мягкой мебелью, тут даже имелся камин, в котором на поленьях плясал огонь.

— Он настоящий? — спросил я.

— Как вы могли такое подумать? — горестно всплеснул руками мой гид. — Неужто вы хотите сжигать последние деревья? — И тут же прибавил: — Но с полной голографикой. Картинка, звук, запах, температура. Все — от фирмы «Панасоник». Линия их продуктов «Симили гаджетс». — Он восторженно улыбнулся. — От восковых свечей до фейерверков и автоматического оружия... Конечно, только поиграть, — поспешно сказал он, прежде чем я успел открыть рот, чтобы возразить. — Тем не менее крайне неприятные ощущения, когда в тебя попадают...

Мысленным взором я увидел, как в парке стреляют друг в друга дети. Прекрасный новый мир. И в него я должен выпустить собственного ребенка? Может, идея заказать что-нибудь в «Дженерал Роботикс Инс.» не так уж нелепа... Но Глория и думать об этом не захочет.

— Раз уж зашла речь о технике, — продолжал маклер, — все комнаты не только объединены в сеть, они полностью в Сети. — Он обвел рукой помещение. — В любом месте, в любое время вы можете подключиться, не мучась с розетками. Вся квартира оснащена сенсорами и передатчиками, тут потрясающий канал, — да что там! — хайвей передачи данных, круглосуточный доступ в интернет через «Америка Онлайн Инс.». Разумеется, учтено в договоре об аренде. Но вы же знаете, все в целом обойдется не больше чем в двадцать пять процентов от среднего месячного дохода, поэтому стоит ли тревожиться?

М-да, стоит ли тревожиться? Увы. Я понимал, что шансы получить квартиру падают, если они вообще у меня когда-либо были.

Я откашлялся.

— Головидение тут, конечно, есть? Не просто же старомодный ящик... — Я указал на телевизор с плоским экраном на стене.

— Ах, это... Нет, он только для украшения. Так сказать, движущиеся картинки. Можно выбрать что-нибудь из коллекции «Новые джунгли» от «Элеклектик Эссентрик» или, если хотите, «Старые мастера» от «Мертвых классицистов». Интересуетесь?

— М-м... не слишком.

— Тогда головидение — разумеется, от «Панасоник». Ваш провайдер для «Риэл Фейкс», если знаете, о чем я...

Я пожал плечами. Неужели я должен знать всё!

— Ну, настоящая свеча, которая не горит. Упругая грудь, которая ничего не весит. Соблазнительные сладости, от которых не толстеешь. И «бах-бах-бах», от которого не умираешь.

— А... — выдавил я.

Маклер щелкнул пальцами, как фокусник, извлекающий из-за ширмы слона.

Вся средняя стена гостиной превратилась в сцену — здесь, в виртуальном пространстве, она в точности напоминала реальную. Он стал быстро перещелкивать программы: ток-шоу сменялись выступлениями ансамблей, бормотание ведущих — струнными концертами, политические дебаты — демонстрациями, репортажами из горячих точек и рекламой, в соотношении один к трем.

— Более трехсот бесплатных каналов. И разумеется, пара десятков платных. Интерактивных и без рекламы. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Не так эффективно, как киберпространство, но лучше подходит для детей. И для дедушки с бабушкой. На случай, если они вас навестят...

Я подумал о наших с Глорией дедушках и бабушках, которые жили в резервации и которых мы навещали раз в несколько месяцев, по особым случаям, и засомневался, решатся ли они когда-нибудь на вылазку в этот сбрендивший техномир.

— Осталась еще ванная. — Маклер повел меня к следующей двери.

— Обойдемся без этого, — сдался я. — Я верю вам на слово... Несомненно, лучшая из лучших, со всяческим комфортом и так далее.

— О, да! — Физиономия маклера сияла миниатюрным солнышком. — Кабина сауны, джакузи, массаж, автоматизированная душевая установка с фильтрами для дезинфектантов и ароматизаторов. Как насчет того, чтобы попробовать?

— Спасибо, я уже принял душ. — Я чувствовал себя измученным.

— Давайте присядем, — предложил маклер, указывая на кожаные кресла у камина. — Кофе, чай?

Я выбрал виртуальный чай с оригинальным вкусом «Цейлонского». Из ничего материализовался пожилой господин в строгом костюме и подал чай в чашечках из тончайшего фарфора с ложечками, которые показались мне серебряными.

— Сахар, господин? Молоко?

— Рободворецкий, — объяснил маклер. — Очень практично. По исключительно умеренной цене. Не дороже ребенка... э... роборебенка. — Увидев выражение моего лица, он не удержался от колкого замечания: — Не собираетесь же вы все оставить на волю вашей будущей жены? — А дальше раздраженно: — Дворецкий имеется также в женском варианте. Как прислуга за все — молодая, пухленькая и безотказная. Вы ведь видели нашу модель «Три Вэ»? — Он многозначительно облизнул губы. — Сэкономите на женщине в доме.

Казалось, он не знал, что бы мне еще всучить, так как из ниоткуда достал стопку документов, которые начал раскладывать по столу.

— Давайте-ка посмотрим...

Я уже понял, что сейчас речь пойдет о соглашении. Договоры о покупке, об аренде, опционы, формы пробных заказов. Меня обдало холодом при одной только мысли, как я сейчас буду выпутываться. Я непроизвольно подался вперед, чтобы согреть руки у открытого огня в камине.

И тут же меня схватили за запястье.

— Осторожно! Волдыри и ожоги останутся и по выходе отсюда!

— Но... разве это не опасно... для детей?

— Для детей имеется защита. Вам ее нужно только включить.

— Зачем она в киберпространстве?

Маклер развел руками:

— Но ведь все должно быть как можно ближе к реальности, разве нет?

— То есть эта квартира действительно существует? И действительно так выглядит? Расположена в этом доме и в этом парке? По этой арендной квартплате?

Сомнение жирным шрифтом было написано у меня на лице.

Теперь он словно бы оскорбился.

— Ну, разумеется! За кого вы меня принимаете, господин хороший?

— И я, правда, могу ее получить? — На горизонте моей фантазии появился проблеск надежды.

— Теоретически, да. Конечно, у нас много желающих.

Ага, вот сейчас меня ждет подвох!

— Что я должен сделать, чтобы ее получить?

— Итак... — Он потер руки. — Теперь, когда вы познакомились с нашим предложением, со всеми прекрасными продуктами и услугами...

— Да? — Горизонт снова поблек.

— Квартиру получает клиент, набравший наибольшее число очков. Вы же знаете: «Не упusti шанс, живи припеваючи». Для нас клиент — король, а король — тот, кто потребляет.

Теперь на горизонте засверкали зарницы. Каждая — безумная спонтанная мысль, как еще можно успеть... с напряжением всех сил... Но потом меня озарило: опять ловушка! Я разом сник.

— Итак, если проблема в финансовой стороне, — понимающе начал маклер, у которого вдруг словно выросли рожки, — мы можем предложить долгосрочные кредиты на разумных условиях. С

соответствующей страховкой на случай смерти, которую покрывает наше головное страховое общество «Счастливая жизнь навсегда». Или кто-то мог бы за вас поручиться, скажем, ваши родители, если они обладают состоянием или им еще далеко до пенсионного возраста.

Горизонт почернел.

— Пойдемте, я вам помогу.

Кибердьявол помог мне встать (вероятно, боялся, что я упаду в обморок) и проводил до двери квартиры.

— Сами домой доберетесь?

Что мне оставалось? Только кивнуть.

— Вот! — Из кармана пиджака он достал бумажку. — Это вам. С нашими наилучшими пожеланиями. — Он дружески хлопнул меня по плечу. — Увидимся.

Я ошалело сунул бумажку в карман — и прыгнул.

Вернувшись из киберпространства в свою реальную квартиру, где на двадцати четырех квадратных метрах располагались гостиная, столовая и спальня, я рухнул на стул. Глории пришлось выдернуть кабель из гнезда в основании моего черепа.

— Ну и?.. Как прошло? — с надеждой спросила она.

— Никак, — с трудом отдышавшись, пробормотал я. — Просто спам-ловушка.

Прощайте иллюзии. Нам придется довольствоваться нашей каморкой и завтра, и послезавтра, и еще довольно долгое время. Но одно я понял точно: никогда больше не выйду в Сеть без блокировки всплывающих окон!

Тут я кое-что вспомнил и сунул руку в карман.

Слишком поздно, записка была виртуальная!

— Не это ищешь? — Глория помахала листочком у меня перед носом.

Там было написано: ПОЗДРАВЛЯЕМ! ВЫ ВЫИГРАЛИ МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ, а ниже мелким шрифтом: *Получите свой выигрыш, предъявив этот заполненный бланк.* Незачем читать дальше, я уже знал, что означает «мелким шрифтом».

Перевела с немецкого
Анна КОМАРИНЕЦ

К Р И С Б Е К Е Т Т

ПЕРИМЕТР

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ПЕРИМЕТР

Впервые Лемми Леонард заметил белого оленя, когда тот мирно трусил мимо кондитерской на Бутчер-роуд в десять утра в среду. Ничего подобного Лемми в жизни не видел и обязательно пошел бы следом, если бы из-за угла не вывернул констебль Саймон. Лемми полагалось быть в школе, к тому же их директриса снова взялась бороться с прогулами, поэтому ему пришлось нырнуть в переулок и переждать, пока полицейский пройдет мимо. Когда опасность миновала, олень уже исчез.

Даже странно, каким покинутым Лемми себя почувствовал. Весь день его преследовало ощущение утраты. Он не мог бы описать его словами, вообще не знал, как объяснить.

— Ты здоров, миленький? — спросила вечером мама, когда принесла ему чай (она походила на голливудскую старлетку, только без фирменного зазнайства). — Ты какой-то тихий.

За окном шел дождь. Об этом в их доме узнавали по еле заметным серым полосам-потекам, бежавшим по комнате, как помехи на телеэкране.

Второй раз он увидел оленя возле паба на Вестферри-роуд. Это было в четверг днем, и Лемми гулял с Китом Роджерсом, Тиной Миллер и Джеймсом Молссом. Ему, честное слово, хотелось сразу броситься за белым чудом, но тут Кит предложил сходить в Грейтаун, и стоило Лемми только открыть рот, его непременно записали бы в слабаки.

— Только не в Грейтаун! — взмолилась Тина. — Терпеть не могу это жуткое место.

— Боишься? — фыркнул Лемми.

— Ни капельки, но... А, ладно, только давайте держаться подальше от нищего. Ну, того, без...

— Брось, он перебрался на угол под Черной стеной, теперь там постоянно торчит. — Кит бросил хитренький взгляд на Джеймса. — Если зайдем с другой стороны, ты его не увидишь.

Лемми и его друзья были дот.лэндцами. Разрешение у них было довольно низким, и их картинка распадалась на пиксели, и цветов-то всего 128 — кроме Джеймса, чьи предки метили в средний класс и недавно сапгрейдились до 256. В богатом Вест-энде они — даже Джеймс — смотрелись бы убогими мультяшками, но в Грейтауне могли расхаживать как истинные короли, становясь предметом зависти и ненависти.

Пойти туда и оказаться среди множества серых лиц так же жутко, как спуститься в ад. Там ведь лица — сплошь силуэтом, иногда с закорючкой вместо носа и черточкой вместо рта. Серые торговцы пытались всучить им какой-то товар, черно-белые дельцы — заключить сделки, карманники с глазами-точками провожали взглядами из подворотен, размышляя, станут ли сопротивляться эти детишки из Дот.лэнда и есть ли у них при себе хоть что-то, ради чего стоило бы с ними связываться. А потом из темноты под железнодорожным мостом раздался звук, которого Тина так боялась и ради которого Кит с Джеймсом ее сюда заманили.

Блип!

Тина завопила.

— Вы же сказали, он с той стороны, у Черной стены!

Мальчишки заржали.

— Сволочи! Вы специально это подстроили!

Блип! — снова раздалось из темноты, и в черном проеме арки появились зеленые буквы текстового сообщения:

ПОМОГИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА!

Каждый из дот.лэндцев виновато бросил по несколько пенсов кредита этому обнищавшему бедолаге, которому тело и голос были не по карману.

— Ненавижу тебя, Кит Роджерс! — бросила Тина. — Ты же знаешь, у меня от этого типа мурашки по коже!

А потом они снова видели белого оленя, который трусил себе по улицам Грейтауна.

— Смотрите, вот опять, — сказал Лемми, — пойдем за...

Но их отвлекла какая-то суматоха впереди. С дальнего конца улицы приближалась стайка юных грейтаунцев, потешавшихся над одиноким высоким существом с буйной гривой седых волос: держась невероятно прямо, старик невозмутимо шел своей дорогой, точно орел или большая сова, которую донимают воробьи.

Друзья узнали мистера Говарда. Мистер Говард был богатым домовладельцем, известным и в Грейтауне, и в Ист-энде, и иногда приходил осмотреть свою собственность — одетый в неизменный мятый костюм зеленого бархата (в истинных красках и с таким высоким разрешением, какое вообще возможно: виднелись даже протертые локти, обтрепанные манжеты и аутентичный сальный отблеск ткани, месяцами не видевшей чистки).

Больше всего привлекало и пугало в мистере Говарде то, с каким величественным пренебрежением он шагал по Грейтауну, будто он здесь хозя-

ин. Ему тут и впрямь многое принадлежало. Но это была лишь одна из причин его надменности. Другая заключалась в полнейшей неуязвимости, ведь он был Извне. Палки и камни отскакивали от него, ножи сами собой сворачивали в сторону. Человеку Извне нельзя причинить вред, его нельзя даже остановить. Зато насмеяться можно сколько угодно...

— Жутик! — кричал крошечный черно-белый мальчуган с тротуара, малюсенький ротик-черточка у него даже не открывался. — Мистер Говард — жутик!

— Питер! А ну иди сюда! Сейчас же! — прошипела его черно-белая мама.

Крошечный мальчуган оглянулся с победной улыбкой, но тут заметил страх на лице женщины. Расплакавшись, он бросился к маме, и два мультяшных персонажа съезжились в подворотне, а мистер Говард спокойно прошествовал мимо.

Лемми покрутил головой в поисках белого оленя, но тот уже исчез.

Неделю спустя Лемми с друзьями бродил по рынку у себя в Дотлэнде, праздно глаза на одежду, бижутерию и обувь малого разрешения («Да что там разрешение! Посмотрите, какой дизайн!»), а еще на снедь («Может, с виду — сплошные пиксели, милоч, но разве на еду смотрят? Ее едят. На вкус лучше разрешения не бывает!»). Еще тут были палатки с мультяшными животными («В тварей-то настоящая органическая нервная система встроена, дамы и господа! Чувства у них, как у нас с вами!»).

— Смотри, Лемми! — воскликнул вдруг Джеймс, указывая куда-то мимо палатки с обувью. — Вон снова твой белый зверь!

— О'кей, слушайте! — тут же взялся командовать Лемми. — При-молкните и идите за мной.

Олень стоял в темном проулке между двумя старыми викторианскими складами и мирно щипал кустики травы, пробившиеся сквозь трещины в асфальте. Внезапно он поднял голову и посмотрел прямо на ребят. Друзья испугались, что олень сейчас убежит, но нет: опустив голову, он продолжил свое занятие.

— Да что же это такое? — прошептал Лемми, когда они подошли совсем близко.

Осторожно протянув руку, он коснулся теплой шкуры. Зверь словно бы его не заметил.

Кит пожал плечами.

— Скучно. Пойдем поищем, чем еще заняться.

— Ага, пойдем, — подхватила Тина. — Мне он не нравится. Уверена, он физический.

На самом деле Лемми и его друзья не понимали, что значит слово «физический», но чувствовали в нем какую-то угрозу. Однажды Лемми нашел на улице кусок физической газеты, который плыл над мостовой, будто вовсе ничего не весил. Но когда обрывок опустился на мостовую, и Лемми за ним наклонился, на ощупь он оказался твердым, словно металл, и поднять его было так же тяжело, как сдвинуть десятитонный камень. И люди Извне отчасти тоже были физическими. Они обладали сродством с физическими объектами. Это и делало Извне.

— Физический? — воскликнул, отступая на шаг, Кит. — Брр! Ты, правда, так думаешь? Я и не знал, что животные бывают физическими. Кроме птиц, конечно.

Олень поднял голову и посмотрел мимо них в конец проулка. Как можно быть таким настороженным и одновременно совершенно безразличным к стоящим рядом людям? Чего еще на свете можно бояться?

— Конечно, он физический, — заключил Джеймс. — Посмотри, какое у него разрешение!

— Да уж, гораздо выше, чем у тебя, четкий ты наш, — фыркнул Кит.

И сказал совершенную правду. Олень несколько не походил на веселеньких кошек и собак с малым разрешением, которых дот.лэндцы держали у себя дома. У него ведь даже отдельные волоски на спине были видны.

Но даже перепалка ребят не спугнула оленя. Покончив с очередным кустиком травы, он медленно двинулся по проулку, столь же безразличный к мнению мальчишек, как и к их присутствию.

— Ты идешь, Лемми? — крикнул Кит, убегая за Джеймсом и Тинной назад, к пестрому рынку.

Но Лемми двинулся за белым оленем. Он шел за ним через весь Лондон — по переулкам и паркам, через площади и железнодорожные пути, через кварталы высокого и через кварталы низкого разрешения, и через кварталы вообще черно-белые, через торговые центры и запруженные машинами бесплатные трассы.

Двигались они медленно. Олень петлял или без видимых причин вдруг сворачивал в сторону. Иногда он останавливался минут на двадцать, чтобы пощипать травки или почесаться о дерево. Или вдруг бросался бежать и неслся с такой скоростью, что Лемми едва за ним поспевал, а иногда позволял идти рядом, положив руку себе на спину. А однажды олень лег посреди дороги и заснул. Ему сигналили машины.

Один водитель даже вышел и пнул зверя в бок. Лемми страшно возмутился, вот только олень даже не пошевелился, а мужчина ушиб ногу.

— Чертов Совет, — пробурчал водитель, сердито глянув на Лемми, и заковылял назад к машине. — Их же сюда пускать не положено.

Этому автомобилю (и всем прочим за ним) пришлось съехать на обочину, чтобы обогнуть спящее животное.

«Кого «их»? — удивился Лемми. — Кого Совету не положено сюда пускать?»

Минут через пять олень проснулся и по собственной воле освободил проезд.

В другой раз он прошел в дверь небольшого домика в ряду других таких же — и не в открытую дверь, а прямо сквозь блестящую голубую поверхность закрытой, точно она была из тумана или дыма. Зрелище было необъяснимым и пугающим, но время от времени в Лондоне такое случалось (однажды, когда Лемми был маленьким, они с мамой гуляли по улице и вдруг целый кусок мостовой перед ними просто исчез, будто кто-то переключил каналы телевизора. Несколько секунд спустя он вернулся на место, ничуть не изменившись). Лемми подождал, и через несколько минут из двери появились рога, голова и шея зверя — выглядели они, как чучело на стене. Потом вынырнуло все остальное, и олень преспокойно потрусил по улице. А голубая дверь открылась, и на пороге показалась растерянная супружеская чета, которая еще долго стояла и смотрела вслед зверю.

Они все брели и брели по лондонским улочкам. Но когда начали сгущаться сумерки и зажглись фонари, олень решительно свернул на север. Словно закончил работу на сегодня, подумал Лемми, и теперь отправляется домой. Олень больше не останавливался пощипать травку и ни разу не повернул назад. Он бежал бодрой трусцой, иногда переходил в галоп. Он спешил мимо сотен домов, где семьи устраивались провести уютный вечерок перед телевизором. Несколько раз Лемми казалось, что он уже упустил цель, когда олень убегал вперед и исчезал из виду. Но только мальчик собирался сдатьсь, как снова видел зверя в отдалении: призрачное пятнышко в свете фонарей. Поэтому он все шел и шел, хотя теперь уже оказался в незнакомой части города.

А потом вдруг олень подошел к последнему дому в Лондоне — и город кончился.

Лемми, разумеется, знал, что Лондон безграничен. Он знал, что за городом есть и другие места: иначе для чего же вокзалы с порталами, пройдя через которые, можно посетить Нью-Йорк или Флориду,

Небеса или Космос? Но ему никогда не приходило в голову, что существует предел, за которым город просто иссыкает.

Длинной дугой с востока на запад впереди пролегла вереница оранжевых фонарей, тянувшаяся вверх-вниз по холмам, и на каждом пятом столбе висела табличка Совета:

ПЕРИМЕТР ГОРОДСКОГО КОНСЕНСУСНОГО ПОЛЯ.

К северу, за фонарями и вывесками, оранжевый отблеск ложился еще на несколько ярдов, но потом обрывался. За ним — пустота: ни земли, ни предметов, ни пространства, только тусклое свечение, как у статики на пустом телеканале.

Лемми редко ходил в школу и едва умел читать — во всяком случае, предпочитал игнорировать официальные надписи. Но гораздо важнее в тот момент было то, что белый олень уже потрусил под фонари и в пустое свечение за ними. Честь дот.лэндца велела не останавливаться. Пусть Лемми понятия не имеет, что такое «периметр» (не говоря уже про «консенсусное поле»), пусть это означает, что придется шагнуть в неизвестное, он не мог остановиться, как не мог не пойти «на слабо» в Грейтаун или не бросить ругательство «жутик» прямо в надменное, с пугающе высоким разрешением лицо мистеру Говарду.

Но почти сразу же он замер, и вовсе не потому, что передумал, а потому, что выбора другого не оставалось. Он сделал шаг и застыл: некуда было поставить ногу. Снова появились слова, которые он видел на табличке, но на сей раз они сияющей зеленью заморгали прямо перед его носом:

ПЕРИМЕТР ПОЛЯ!

ПЕРИМЕТР ПОЛЯ!

ПЕРИМЕТР ПОЛЯ!

Оставалось лишь стоять и смотреть, как белый олень трусит по своим неизвестным делам.

В оранжевом отблеске фонарей зверь оглянулся и посмотрел на мальчика. И вот теперь — как это ни странно — вид у него стал определенно встревоженным. «Неужели он наконец заметил мое существование? — удивился Лемми. — И если да, то почему теперь? Ведь я несколько раз касался зверя, и это его ни чуточки волновало. Почему сейчас, если раньше он преспокойно лежал посреди шоссе и давал себя пинать?»

Но сейчас испуганное животное удалялось огромными прыжками.

И когда пересекло границу оранжевого свечения, исчезло в мерцающей пустоте статики.

— Мне очень жаль. Ты наблюдал за ним, верно? — спросил женский голос. — Боюсь, это я его спугнула.

Лемми оглянулся. Говорившая была высокой и исключительно безобразной. Такого старого человека он никогда в жизни не видел, зато разрешение у нее было самое высокое — виднелись даже самые мелкие морщинки на коже. Мальчик заметил помаду, размазанную в уголках губ, и грубые волокна на ее некрасивом зеленом платье.

— Да, я за ним следил. Мне хотелось знать, куда он направляется. Я за ним с другого конца Лондона пришел.

— Извини.

Лемми пожал плечами.

— Он все равно, наверное, убежал бы. Он же за фонари направлялся. — Мальчик указал взглядом на пустоту в отдалении. — Я одного не понимаю, что там вообще есть и почему олень просто исчез?

Женщина достала из кармана странную штуковину из двух плоских стеклянных дисков, вставленных в проволочную рамку. Две загогулины на длинных проволочках она заправила себе за уши, потом опустила штуковину на нос и всмотрелась сквозь нее.

— Нет, он не исчез. Он еще там. Смотри, сразу за забором!

Лемми пожал плечами.

— Наблюдай вон за той большой дырой! Наверное, через нее он сюда и попал.

— Ничего я не вижу, — сказал Лемми.

— Смотри сразу за ограждение. Вон перед деревьями.

— Нет там никакого ограждения. И деревьев тоже.

— Господи, что я говорю! — воскликнула старуха. — Извини, я просто не подумала. Деревья ведь за консенсусным полем, верно? Поэтому, разумеется, ты их не видишь.

Лемми снова поднял на нее глаза. При своем безобразии она вела себя, как знаменитая актриса или телеведущая. У кого еще бывает такая уверенность в себе и хорошо поставленный голос?

— А как вышло, что вы их видите? И почему зверь может туда попасть, а я нет?

— Это олень, — мягко сказала старуха. — Олень-самец. Он способен туда пройти, а ты нет, потому что он физическое существо, а ты консенсусное. Ты можешь видеть, слышать и трогать только то, что существует в консенсусном поле.

— Я так и знал, что он просто физический, — бросил Лемми.

— Просто физический?! Ты говоришь это так пренебрежительно, а ведь все мы когда-то были физическими.

Лемми для виду хихикнул, полагая, что это, наверное, какая-то старая шутка знаменитых актеров.

— Ты про это не знал? Разве такому больше не учат в школе?

— Я в школу не хожу, — отозвался Лемми. — Смысла нет.

— Нет смысла ходить в школу?! — воскликнула женщина. — Ну надо же! — Последнее прозвучало то ли смешком, то ли вздохом. — Дело обстоит так, — продолжала она. — В городе друг на друга накладываются два мира: физическая вселенная и консенсусное поле. Любой физический объект, который стоит или движется в пределах реального города, воспроизводится в том городе, который служит фоном для консенсусного поля. Вот почему ты видел оленя в городе, но потерял из виду, когда тот вышел за периметр. Понимаешь, о чем я?

— Не-а, — Лемми равнодушно пожал плечами, а потом не удержался и добавил: — Но он-то почему меня не видел? Даже в городе?

— А как дикому зверю увидеть консенсусное поле? Звери вообще ничего про консенсус не знают. Мы с тобой можем вернуться в город, посмотреть на запруженные людьми улицы, но для оленя они останутся пустыми. Он может бродить по ним весь день и вообще никого не встретить, разве что случайную чудачку вроде меня.

Лемми посмотрел на нее проницательно.

— Вроде вас? А вы...

Женщине стало неловко.

— Да, я физическая. Вы нас называете людьми Извне. Но, пожалуйста, не надо...

Осекшись, она с безмолвной мольбой тронула его за плечо. На мгновение Лемми осознал, как ей одиноко, и, поскольку был добрым мальчиком, пожалел старуху. Но в то же время задумался, а хватит ли у него сил убежать, пока она его не сцапала.

— Пожалуйста, не уходи! — взмолилась старуха. — Мы просто люди, понимаешь? Просто люди, которые — так уж получилось — еще живут и перемещаются в физическом мире.

— Значит, вы, как тот зверь?

— Вот именно. Мы еще остались. Есть еще немного таких, у кого достаточно денег, кто слишком стар и кому повезло...

— Но почему вы меня видите, если зверь не может?

— Потому что у меня есть имплантанты, которые позволяют видеть, слышать и осязать консенсусное поле.

— Значит, просто так вам реальный мир недоступен! — фыркнул Лемми.

— Ну, кое-кто сказал бы, что реальный мир — это то, что существует Вне консенсусного поля. — Она указала за оранжевые фонари. — Как те деревья и холмы за ними. Как устье широкой, илистой реки к востоку, как холодное море... — Она вздохнула. — Как бы мне хотелось показать тебе море...

— Да я сто раз его видел!

— Ты бывал на искусственном море: в тематическом парке или на специальных детских площадках на побережье. Я говорю про настоящее море, о котором перестали думать. А оно ведь существует, плещется, всеми забытое... В наши дни оно, как необитаемая планета, которая вращается вокруг далекой звезды. И леса, и горы, и...

Лемми рассмеялся.

— Ага, уйма всего Извне, чего никто не видит! Да ты меня дурачишь!

Старуха посмотрела на него в упор.

— Знаешь что, — сказала она. — Видеть деревья ты не можешь, но если прислушаешься, то наверняка их услышишь. Попробуй! Ночь сегодня ветреная. Сенсоры уловят звук.

Лемми прислушался. Поначалу он вообще ничего не слышал, но постепенно различил очень слабый, незнакомый и новый звук: вздох, который становился то громче, то тише и прокатывался где-то в пустоте за периметром. Он часами мог бы слушать этот звук из пространства за краем его собственной вселенной. Но старухе он ни за что не проговорится.

— Нет, — твердо сказал Лемми. — Я ничего не слышу.

А старуха улыбнулась и коснулась пальцем его щеки.

— А ты мне нравишься. Как тебя зовут? Откуда ты?

Лемми мгновение только смотрел на нее, взвешивая вопрос.

— Лемми, — ответил он наконец, решительно вздернув подбородок. — Лемми Леонард. Я живу далеко, в Дот.лэнде.

— В Дот.лэнде? Ну надо же, как далеко ты забрался! Это ведь на другом конце Лондона! Послушай, Лемми, меня зовут Кларисса Фолл. Мой дом вон там. — Она указала на большой викторианский особняк приблизительно в полумиле к востоку, который стоял у самого периметра, подсвеченный снизу холодными зеленоватыми огоньками. — Почему бы тебе не перекусить у меня, прежде чем ты отправишься домой?

Ничего подобного мальчику совсем не хотелось, но он решил, что отказать будет бестактно и жестоко. Старуха выглядела такой одинокой («Наверное, они все одиноки, — подумал он. — Никто ведь не хочет с ними разговаривать. Никто не хочет встречаться с ними взглядом. Люди даже не подпускают к ним детей»).

— Ладно, пошли, — сказал он вслух. — Но ненадолго.

Дом Клариссы стоял в строго распланированном английском саду с геометрически правильными розовыми клумбами и каменными нимфами и богами, которые маячили в темных, поблескивающих

прудиках и из которых била вода. Тропинки вились от одной застывшей группки к другой и все были подсвечены прожекторами.

— Статуи и прожектора — физические, — пояснила Кларисса, — но от физических роз и физической воды пришлось избавиться, за ними слишком тяжело ухаживать. Поэтому фонтаны и розы здесь консенсусные, они — часть поля. Если я выключу имплантанты, то увижу только каменные статуи и чаши, в которых нет ничего, кроме сухой тины и лягушачьих косточек.

Глянув на Лемми, она вздохнула. Лампочки вдоль дорожек светились зеленовато, словно яркий лед.

— И конечно же, тут не будет тебя, — добавила она.

— Как это не будет меня? А где же я буду?

— Ну, наверное, ты-то тут будешь, только я не смогу этого определить. Совсем как олень.

Лемми видел, что ей хочется сказать что-то еще, что-то неположное. А потом вдруг она с собой не справилась...

— Если честно, олея его глаза не обманывали, — вырвалось у нее. — На самом деле тебя тут нет, ты...

— Что значит, меня тут нет? — сердито возразил Лемми.

На ее лице возникло странное выражение, одновременно виноватое и победное. Словно она радовалась, что добилась хотя бы какой-то реакции — так некрасивая девчонка на школьной площадке пристает к тебе, лишь бы самой себе доказать, что она существует.

Они как раз приблизились к двери особняка, когда Кларисса повернулась к гостю.

— Не обращай внимания на мои слова. Конечно же, ты здесь, Лемми. Конечно, здесь. Ты молод, ты жив, полон надежды и любопытства. Ты здесь больше, чем я. Правду сказать, намного больше.

Она толкнула тяжелую дверь, и они ступили в гулкий мраморный вестибюль.

— Это ты, Кларисса? — раздался ворчливый мужской голос.

Из боковой комнаты вышел старик, лицо у него было желтое и помятое, плечи — сутулые. Бесформенные джинсы держались на обернутой вокруг туловища бечевке. Но, как и у Клариссы, разрешение у него было такое высокое, что Лемми едва не почувствовал себя грейтаунцем.

— Ты долго пропадала, — пробурчал старик. — Где, скажи на милость, тебя носило?

— Познакомься с Лемми, Теренс, — сказала Кларисса.

Старик нахмурился, уставившись на мраморную плиту, на которую она указала.

— А?

— Это Лемми, — повторила она отдельно и с нажимом, как говорят, пытаясь напомнить другим то, что им давным-давно положено знать. — Имплантанты, — прошипела она, когда он не уловил намека.

Пробормотав что-то себе под нос, старик покрутил у себя за ухом.

— О Господи, Кларисса! — устало вздохнул он, только сейчас заметив Лемми и поспешно отводя глаза. — Неужели опять? Только не начинай все сызнова.

Кларисса предложила Лемми пройти в гостиную.

— Садись, дружок, устраивайся поудобнее. Я через минутку вернусь.

Это была высокая длинная комната, отделанная деревянными панелями. По стенам висели потемневшие от времени картины с вазами фруктов, мертвыми фазанами и строгими, не улыбочивыми лицами. Почти догоревший огонь тлел в камине под огромной каминной полкой с резьбой в виде переплетенных листьев.

Лемми неловко опустился на большой темно-красный диван и стал ждать, жалея, что согласился прийти. В вестибюле ссорились старики.

— Почему я должен включать треклятые имплантанты в собственном доме? Почему мне нельзя жить в реальном мире без электронных штуквин? Я же не просил тебя приводить в гости всяких призраков!

— Почему бы тебе не признать, что теперь их мир реален, Теренс? Не они сейчас призраки, а мы!

— Ах вот как? Тогда почему они исчезают без следа, как только отключишь чертовы...

— А потому, что через двадцать или тридцать лет мы умрем, и никто про нас даже не вспомнит, а миллионы их будут жить и любить, учиться, работать, играть...

— Речь не о том, и ты это знаешь. Речь о том...

— Оставь, Теренс. Я не желаю об этом спорить. Я вообще не желаю с тобой спорить. У меня гость, понимаешь? Если уж на то пошло, у нас обоих гость. И, пожалуйста, относись к нему как полагается.

Переступив порог гостиной, она выдавила улыбку, немного нервную после ссоры в вестибюле.

— Как насчет шоколадного кекса? — воскликнула она слишком весело, указывая на блюдо с выпечкой.

Лемми умирал с голоду и сразу потянулся к блюду — но без толку. Он мог коснуться кексов, даже их потрогать, но пытаться сдвинуть один, все равно что толкать грузовик или дом.

— О Господи! — охнула Кларисса. — Извини, я совсем забыла.

«Опять?» — подумал Лемми, вспоминая, как раньше она «забыла», что дальше периметра он ничего не видит.

— Нестрашно. — Вскочив, она подошла к буфету в углу комнаты. — Я всегда держу кое-что из вашей снеди. Гости к нам заглядывают редко, но никогда не знаешь...

Вернулась она с другим блюдом кексов. Эти были кричаще яркими и с таким низким разрешением, словно она специально их выбрала, лишь бы оттенить свое домашнее печево. Но Лемми был голоден и съел один за другим шесть штук, а она смотрела и улыбалась.

— Надо же, какой завидный аппетит!

— Я ведь из самого Дот.лэнда добирался, — напомнил ей Лемми. — И постоянно бежать приходилось. К тому же зверь не по прямой сюда шел. То туда, то сюда, а еще несколько раз давал кругалю.

Рассмеявшись, Кларисса кивнула. А потом, как уже несколько раз до того, начала что-то говорить, осеклась, но все равно сказала. Похоже, у нее была такая привычка. Наверное, когда много времени проводишь один, разучиваешься о чем-то умалчивать.

— Знаешь, как функционирует твоя еда? — спросила она Лемми. — Знаешь, почему она тебя насыщает? — И даже не дала Лемми возможности ответить: — Всякий раз, когда ты что-то откусываешь, компьютер посылает сигнал, и откуда-то очень далеко идут сигналы к твоим центрам осязания. Тогда небольшое количество питательных веществ впрыскивается в твой кровоток...

Лемми нахмурился.

— Почему ты все время так делаешь?

— Что именно, дружок? — Она разыграла полнейшую невинность, но притворство было хрупким как стекло.

— Сбиваешь меня с толку.

— О чем ты, Лемми? Зачем, скажи на милость, мне сбивать тебя...

Она снова осеклась, провела рукой по лицу, словно стирала маску ложной искренности, и ненадолго умолкла, уставившись на почти догоревший огонь.

— Наверное, из зависти, — сказала она наконец. — Да, из самой обычной зависти. Мне так обидно смотреть на шум и смех в Дот.лэнде. Мне завидно, что ты живешь в этом городе. Ведь все мои настоящие друзья умерли. В Лондоне нас, Внешних, осталось не больше ста, и по прошествии стольких лет мы на дух друг друга не переносим. Знаешь, мы не можем иметь детей. Это — одно из условий, при которых нам позволили остаться Извне. Нас стерилизовали. Конечно, мы все равно были слишком старыми.

Она устало вздохнула — точно человек, которому сама печаль надоела, как серые тучи, которые никогда не развеются.

— А на улицах... ну, сам знаешь, каково там... Ты необычный. Ты ведь не убежал, едва узнав, кто я, и не стал надо мной потешаться, и друзей не позвал, чтобы они тоже надо мной посмеялись и обозвали «жутиком». Ты добрый. И посмотри, как глупая старуха тебя отблагодарила!

Внезапно схватив блюдо с настоящими кексами, она решительно подошла к камину и выбросила их в огонь. Поднялись язычки желтого и голубого пламени, чтобы сожрать промасленный кулинарный пергамент.

Некоторое время оба молчали.

— Вы мистера Говарда знаете? — спросил вдруг Лемми. — Того, которому принадлежат дома в Грейтауне?

— Ричарда Говарда? Знаю? Да я пять лет была за ним замужем!

— Замужем? За мистером Говардом? Шутите!

— Отнюдь, — улыбнулась Кларисса. — Видишь ли, все мы, уцелевшие, так или иначе жили друг с другом. Возможных перестановок ведь не так много.

— И какой он?

— Ричард Говард? Этот никогда не моется, — сморщила носик Кларисса. — И воняет от него, как из помойки.

— Воняет? — спросил вдруг ее муж. — Кто воняет?

Пока они разговаривали, старик вошел в комнату и начал шумно рыться в кипе бумаг на секретере у них за спиной, шуршал и шаркал, лишь бы его присутствие не осталось незамеченным.

— Я все равно не понимаю, куда пошел тот белый зверь? — сказал Лемми. — И почему мне не удалось?

— Белый зверь? — раздраженно переспросил старик, поднимая голову от бумаг, чтобы обратиться к жене. — Какой еще белый зверь?

— Олень, — терпеливо объяснила она. — Альбинос, наверное.

— В самом деле? И как вышло, что мальчишка его увидел?

— Очевидно, олень пробрался в одну из дырок в ограждении.

— Ха! — хмыкнул старик. — Опять треклятая дырка, да? Совет на все смотрит сквозь пальцы. А в ограждении то и дело возникают огромные дыры!

Недоуменно посмотрев на Клариссу, Лемми заметил, как она съехала от презрительных слов мужа. Но не дала заткнуть себе рот.

— Да, да, — продолжала она с возмутительной небрежностью, — и если верить нашему Лемми, он добрался до самого Дот.лэнда. Лем-

ми пришел сюда за ним, чтобы выяснить, откуда он взялся. Но олень ушел за периметр, а Лемми не смог последовать за ним. Лемми... — тут она попыталась подобрать слова потактичнее: — Не понимает, куда он подевался.

— Неудивительно! — проворчал старик. — Им ведь правды не говорят. Не говорят, кто они на самом деле или что происходит. Им...

— А что происходит на самом деле? — прервал его Лемми.

— Что происходит? — Теренс невесело то ли хохотнул, то ли кашлянул. — Ладно, покажу ему, если он так хочет. Могу достать камеру и продемонстрирую.

— Не уверена, что это удачная мысль, — начала было Кларисса, но возражение прозвучало вяло, а ее муж уже вернулся к вместительному секретеру и снова выдвинул ящик.

Достав видеокамеру и какие-то провода, он подсоединил их к телевизору в углу гостиной. На экране появилась часть каминной полки — размытая и сильно увеличенная. Достав стеклянную штуковину, похожую на ту, какую напаяли Кларисса, он опустил ее себе на переносицу. Потом что-то в ней поправил. Картинка уменьшилась и сфокусировалась.

Ничего примечательного в изображении не было. Просто комната, где они сидели. Но когда Теренс направил камеру в другую сторону, на экране появилось кое-что, не видимое в самой комнате — почти под потолком висела серебряная сфера размером чуть больше футбольного мяча.

— Что это? — спросил Лемми.

— Сенсор, — ответил старик, но смотрел при этом на жену. — Проклятая штуковина. Нам пришлось во всех комнатах их развесить. Положено по закону. Это часть наказания за то, что живешь внутри периметра.

— Но что это такое? И почему я вижу ее только по телику?

— Он не знает, что такое сенсор?! — прорычал Теренс. — Господи милосердный! Да чему их вообще учат?

— Они тут не виноваты, милый, — мягко сказала Кларисса.

— А вот и нет, — весело отозвался Лемми. — Я вообще в школу не хожу.

Старик попытался подавить невольный смешок, и потому получилось фырканье.

— Я ведь уже говорила, дружок, — обратилась Кларисса к Лемми. — Сенсоры — это приборы, которые отслеживают физический мир и передают информацию в консенсусное поле...

— ...А оно накладывает поверх любую безвкусную дрянь, какую

пожелает, — буркнул старик. — Как те... те дурацкие цветные пирожные из воздуха.

Он говорил про кексы с малым разрешением, которые Кларисса достала из буфета для Лемми. Только теперь Лемми заметил пугающее несоответствие картинки на экране и самой комнаты. На столе в комнате еще стояло блюдо с последними тремя кексами, а на экране хотя и были ясно видны стол и блюдо, но последнее было совершенно пустым.

— А почему я кексов по телику не вижу? Почему не вижу сенсора в комнате?

— Кексы — консенсусные. Сенсор — физический, — объяснил, не глядя на него, Теренс. — Сенсор способен засечь все, кроме себя самого — совсем как человеческий мозг. Он накачивает поле информацией о физическом мире, но сам в нем ни визуально, ни тактильно не отражается. Вообще никак не отражается.

— Они для нас большая помеха, Лемми, — весело сказала Кларисса. — Сушее бельмо на глазу, и мы вечно стукаемся о них головами. Но вам они не страшны: вы способны пройти прямо сквозь них. Вам они не мешают. На дороге у вас не стоят. — Она посмотрела на мужа. — Ты же не собираешься... Я хочу сказать, ты ведь не хочешь наставить на него камеру? Не хочешь показать ему самого себя?

Тут Лемми сообразил, что она только делает вид, будто предостерегает Теренса, но на самом деле старается ему напомнить.

— Ага, давайте покажите мне меня, — устало сказал он, заранее зная, что увидит.

Старик обвел камерой комнату. На телеэкране Лемми увидел сидящую в кресле Клариссу. Увидел картину сдохлыми фазанами. Увидел умирающие янтарные угли в камине и уголок темно-красного дивана, где сидел он сам. А потом — хотя совершенно того не желал — весь диван целиком.

Как Лемми уже догадался, диван был пуст.

— Ладно, — сдавленно сказал он. — Пусть меня тут нет, тогда где же я?

— Могу и это тебе показать, если хочешь, — сказал Теренс, все еще не глядя на мальчика, но впервые обращаясь прямо к нему. — Пойдем наверх...

— О, Теренс, — пробормотала Кларисса. — Это уж слишком. Думаю, нам следовало бы...

Но сама при этом вскочила с кресла.

Лемми поплелся за ними по широкой мраморной лестнице. Двигались медленно. Подъем давался старику тяжело, ему даже пришлось

несколько раз остановиться, чтобы опустить камеру на ступени и перевести дух.

— Давай, я понесу, Теренс! — нетерпеливо говорила ему всякий раз Кларисса. — Я знаю, ты лестниц не любишь.

— Все в порядке, — неизменно отвечал он, задыхаясь. Лицо у него покраснелось, глаза стали влажными и налились кровью. — Перестань кудахтать.

На первой площадке стояли три стеклянных шкафчика: в одном красовались окаменелые раковины, в другом — образцы минералов, в третьем — сотни мертвых колибри, рассаженных на ветках искусственных деревьев. Часть переливчатых птичек попадала с насестов и болталась на проволоке, несколько лежало на дне шкафа. Старик проковылял ко второму пролету.

— Вот тут еще один сенсор, — просипел он, на мгновение оборачиваясь к Лемми.

Положив камеру на пол, он привстал на цыпочки и, тяжело дыша, потянулся постучать по чему-то костяшками пальцев. Раздавшийся звук отчасти походил на ветер среди деревьев. Лемми ясно слышал гулкий звук, какой получается, когда стучат по твердой поверхности, но видел лишь, как покрытая старческими пятнами рука Теренса барабанит по воздуху. А когда Лемми сам шагнул вперед и протянул руку к тому же месту, ничего твердого или даже плотного он не нащупал.

— Теренс однажды отсоединил этот сенсор, — рассказала Кларисса. — Та еще шкодная выходка, нам пришлось заплатить большой штраф... Как бы то ни было, он выдернул шнур, и...

— А вот возьму и снова отключу, — пообещал Теренс и поднял руку. — Отключу и покажу этому молодому человеку, каково...

И вдруг не стало ни лестницы, ни Клариссы, ни Теренса, одна только мерцающая пустота и треск статики. Когда Лемми поставил ногу перед собой, под ней ничего не оказалось. Когда он вытянул руку, то не уперся в стену. Когда он попытался заговорить, никакого звука не получилось. Словно бы сам мир еще не создали.

Зато перед глазами у него замигало зелеными буквами сообщение: **ОШИБКА ЛОКАЛЬНОГО СЕНСОРА!**

И успокаивающий женский голос в голове Лемми произнес:

— Примите наши извинения. Произошел сбой в работе местного сенсора. Если через пять секунд он не будет устранен, вас перенесут по вашему домашнему адресу или по тому, который зарегистрирован как ваше местонахождение. Один... два... три...

Но потом он вдруг снова оказался на лестнице, в ветшающем особняке Клариссы и Теренса.

— Подсоединяй скорее, Теренс! — кричала мужу Кларисса. — Немедленно! Слышишь!

— Да замолчи же, глупая ты женщина! Уже подсоединил.

— Ага, — подтвердил Лемми. — Я вернулся.

— Мне так жаль, Лемми, — сказала, беря его за руку, Кларисса. — Теренс такой жестокий. Это, наверное, было...

Старик с трудом взбирался по лестнице. На второй площадке оказались шкаф с кремневыми наконечниками стрел, еще один с римскими монетами и третий, полный залитых формалином анатомических диковин: тут были обезображенные эмбрионы, препарированная змея, крыса, живот которой вспороли, а шкуру оттянули в стороны. Еще Лемми углядел какую-то глубоководную рыбу с зубами-иглами... Дверка в стрельчатом проеме между вторым и третьим поставцами вела на узкую винтовую лесенку. Вскрабкавшись по ней, старики и мальчик попали в комнатку, занимавшую пространство над домом в псевдосредневековой башенке.

Три окна выходили на разные стороны света. У четвертой стены, возле двери, стоял стол с дряхлым компьютером. Все пространство между окнами занимали книжные шкафы. На столе и на полу были неряшливо свалены бумаги и книги, почти все покрытые толстым слоем пыли.

— Тут у нас кабинет Теренса, — фыркнула Кларисса. — Он поднимается сюда, чтобы вести свои знаменитые исследования, хотя — какой сюрприз! — никому, кроме него, о них не известно.

Эту колкость Теренс пропустил мимо ушей. Водрузив на нос стеклянную штуковину, он неловко пошарил за компьютером, чтобы отыскать порт камеры, — и все это время сопел и что-то бормотал себе под нос.

— Ты уверен, что хочешь это увидеть, Лемми? — спросила Кларисса. — Это, наверное, слишком...

— Ну, вот и готово, — удовлетворенно сказал старик, когда монитор ожил.

Он отнес камеру к восточному окну и пристроил на подоконнике. Лемми подошел и выглянул на улицу. Внизу он увидел сад с его льдисто-зелеными огоньками, фонтанами и розами. За ним тянулась вереница фонарей и табличек (по одной на каждые пять столбов), знаменовавшая границу города. За ней — лишь пустота незанятого канала, постоянно мерцавшая бессмысленными точками света.

— В окно ты ничего не увидишь, — сказал Теренс, на одно краткое мгновение поглядев прямо в глаза Лемми. — Ты полагаешься на сенсоры, а они ничего, помимо Поля, тебе не покажут. Но сенсор в ком-

нате, конечно, уловит и продемонстрирует то, что возникнет на мониторе.

Лемми оглянулся на монитор. Старик примеривался, как бы лучше поставить камеру, и поначалу Лемми увидел лишь подергивание сада внизу. Только вот сад никак не походил на тот, который виднелся из окна. Проектора остались на месте, но прудики превратились в черные дыры. Фонари и таблички на мониторе выглядели в точности так же, как из окна, но за ними была уже не мерцающая пустота. Ясно проступало высокое ограждение из цепей, за которым чернела ночь с силуэтами деревьев.

Старик перестал возиться с камерой, пристроив ее на подоконнике так, чтобы она показывала прямо вперед. И теперь Лемми увидел на экране большое бетонное здание, стоявшее на некотором расстоянии от периметра. Параллелепипед без окон за высоким забором, окруженный лишь мощеной дорогой, залитой холодным белым светом галогеновых ламп.

— Вот где ты, друг мой, — сказал старик, который, оставив камеру, подошел всмотреться в экран через свои стеклянные диски. — Это Сердцевина Лондона, истинное местонахождение всех жителей Лондонского консенсусного поля. Все вы там — лежите себе рядком и походи на плевки овсяной каши в банках.

— Ну зачем ты так, Теренс! — одернула его Кларисса.

— Там пять этажей, — продолжал Теренс. — И на каждом по два коридора, наверное, полмили в длину. Вдоль каждого коридора тянутся на восьми уровнях полки, а на каждой полке, через каждые пятьдесят сантиметров — один из вас. Так вы и сидите в своих банках, соединенные проводками, и вам снится, будто у вас есть тела и конечности, гениталии и смазливый рож...

— Теренс!!!

— И время от времени, — упрямо продолжал старик, — кто-нибудь из вас засыхает и его, разумеется, заменяют другим плевком овсянки, который роботы вырастили в автоклаве из клеток. А потом двоих из вас обмывают, мол вы зачали и родили дитя, тогда как на самом деле...

— Теренс! Прекрати сейчас же!

Раздраженно фыркнув, старик умолк. Лемми молчал, не отрывая глаз от монитора.

— Разумеется, для окружающей среды лучше не придумаешь, — лишь недолго помолчав, снова заговорил Теренс. — Вот какое придумали разумное, логичное объяснение, вот какой предлог. Насколько я понимаю, две с половиной сотни «плевков» потребляют энергии и выделяют токсинов и углекислого газа меньше, чем одна интриган-

ка, вроде моей милой Клариссы, или старый хрыч, вроде меня. Но это никак не меняет того факта, что вы, консенсусные, похожи на замаринованные диковины у меня в шкафу, или того, что ваша жизнь сплошная видеоигра, где вас дурачат, заставляя думать, будто вы свободны.

— Зачем ты это делаешь, Теренс? — воскликнула Кларисса. — К чему такая жестокость?

— Жестокость? — раздраженно рявкнул старик. — Ты лицемерка, Кларисса. Законченная лицемерка. Это ты раз за разом приводишь сюда хорошеньких мальчиков, этих несуществующих мальчиков из видеоигры. Зачем еще ты с ними так поступаешь, если не за тем, чтобы показать им, что они есть на самом деле? — Он невесело хохотнул. — И зачем вечно прорезаешь дыры в ограждении?

Кларисса сдавленно охнула, но ее муж только усмехнулся.

— Если ты хотела это скрыть, милочка, то надо было положить секатор на место, в сарай, где ты его нашла. Ты вырезаешь дыры, чтобы животные заходили в город и заманивали к периметру мальчиков, а ты бы приводила их сюда. Ведь я прав, да? Не будешь же ты это отрицать?

— Хорошо, Теренс, хорошо, — пронзительно взвизгнула старуха. — Но Лемми же здесь, сейчас. Лемми же здесь!

— Нет! Он вовсе не здесь. Мы уже это установили. Он — вон там, на полке в банке с формальдегидом, или в чем еще их маринуют. Тебе только кажется, что он здесь, и мы можем без труда избавиться от иллюзии, просто отключив наши имплантаты. Почему бы тебе не отключить их сейчас, если тебя так расстраивает его присутствие? Хотя нет, у меня есть мысль получше! Мы могли бы отключить сенсор, и тогда он перестанет считать, что он здесь. Тогда останемся только мы с тобой, в башенке над нашим большим пустым домом.

Кларисса повернулась к Лемми.

— Не обращай на него внимания. Ты такой же реальный, как мы. Просто ты живешь в ином медиуме, вот и все, в более современном медиуме, в котором сможешь до конца жизни оставаться молодым, здоровым и сильным, и у тебя никогда не появятся морщины, и ты никогда не сделаешься таким же старым и озлобленным, как мы. Вот и вся правда, просто Теренс не хочет ее принять.

Но Лемми ей не ответил. Он смотрел на монитор. Перед Сердцевинной Лондона притормозил огромный грузовик с прицепом и теперь въезжал в автоматически раздвинувшиеся ворота. Странно, но в кабине грузовика не было окон, поэтому Лемми не смог определить, кто или что сидит за рулем.

— Почему бы тебе тогда не присоединиться к ним, Кларисса, золотко? — фыркнул Теренс, его старческие глаза блеснули. — Почему бы тебе не попросить, чтобы твои мозги переложили в банку, а тебя саму подключили к Полю?

Лемми подобрался еще ближе к экрану.

— Эй, смотрите! Он там! Тот белый зверь. Вон там, возле того большого серого дома!

— Ох, Лемми, Лемми! — воскликнула, подбегая к нему, Кларисса. — Ты такой...

— Ради всего святого, возьми себя в руки, женщина! — рявкнул старик.

Он вытащил на середину комнаты стул.

— Что ты делаешь? — воскликнула она.

— То, что давно следовало сделать. Отправляю этого беднягу домой.

Взобравшись на шаткий стул, он потянулся к невидимому предмету под потолком.

— ...Два... три... четыре... пять.

Лемми сидел на стуле в уютной маленькой гостиной, где проводил вечера со своими родителями, Дороти и Джоном. Джон смотрел телевизор. На каминном коврике свернулся серо-голубой мультяшный кот по кличке Мышастик (продавец на дот.лэндском рынке утверждал, что у него органическая центральная нервная система. Кто знает? Может, и правда. Может, где-то на полке в Сердцевине Лондона у него тоже есть свой маленький аквариум и свой маленький плевок овсянки).

Взметнув подол юбки нового платья, вошла мама Лемми.

— А где туш?!

Она закружилась по комнате. И папа Лемми (который был похож на рок-звезду былых времен, только вот слишком часто улыбался) развернулся в кресле и восхищенно присвистнул.

— А, Лемми! Привет, милый! — улыбнулась Дороти. — Я и не слышала, как ты вошел!

— Ух, ты! — удивился отец. — И я! Тихо же ты прокрался, приятель. Я понятия не имел, что ты дома!

— Так что скажешь, Лемми? — спросила Дороти.

— Классное платье, мам, — отозвался Лемми.

— Это не просто платье, милый. Твой добрый папа сделал мне чудесный подарок на день рождения и сапгрейдил меня до двухсот пятидесяти шести. Разве не видишь разницы? Думаю, я просто замечательно выгляжу.

— Дождь начался, — сказал папа Лемми.

О дожде можно было узнать по слабым серым потекам, которые возникали в комнате, точно помехи на телеэкране. Но Лемми и его родителям они не мешали. Потехи были едва различимы, и почему-то от них еще уютнее было сидеть перед телевизором у камина. Ни Лемми, ни его родителям никогда не приходило в голову спросить себя, откуда они берутся.

Но в это самое мгновение Лемми вдруг понял. У их дома нет физической крыши. У него нет ни физических потолков, ни физического второго этажа, совсем ничего, что укрыло бы их от физического дождя, который падал с физического неба. В физическом мире тут не было ни телевизора, ни камина, ни ламп, ни пушистого ковра, ни уютных кресел, ни Мышастика, ни Дороти и Джона, ни самого Лемми, а был лишь пустой кирпичный остов, открытый непогоде и ветрам, развалина в ряду других таких же посреди заброшенного города.

— Я как раз подумал, какая у тебя красивая кожа, — сказал он. — Двести пятьдесят шесть, говоришь? Тогда все ясно.

Рассмеявшись, Дороти взъерошила ему вихры на затылке.

— Врунишка! Если бы я не сказала, сам бы ты не заметил.

Примостившись в просторном кресле возле мужа, она положила ему голову на плечо.

Лемми подтащил свой стул поближе к маме и попытался смотреть с родителями телевизор, попытался раствориться в нем, как всегда делал это раньше, до того, как Кларисса Фолл впустила белого оленя из леса за периметром.

ПИККАДИЛЛИ-СЕРКУС

Кларисса Фолл направляется в центр Лондона посмотреть на городские огни, трясется по разбитым мостовым в электрической инвалидной коляске со скоростью пять миль в час, не замечая ни выстроившейся за ней очереди из машин, ни воя гудков, ни гневных криков... Сколько раз ее предупреждали? Сколько раз ее унижали? Но ей нужно увидеть огни.

— Когда я была маленькой, на Пиккадилли-серкус еще горели физические огни, — рассказывает она всем и каждому. — Помню, как папа меня туда водил. Ничего прекраснее я в жизни не видела.

Она всегда была странной. Помните, как она прорезала дыры в заграждении, чтобы впустить в город диких зверей? Помните юных сор-

виголов, которых она настойчиво зазывала к себе домой? Но по-настоящему худо стало, когда умер ее муж Теренс, оставив ее одну в том большом старом доме у периметра, в том псевдошато с пустыми фонтанами и ледяными огнями прожекторов, из-за которых по ночам оно походило на замок Дракулы. Наверное, во всем виновато одиночество, хотя бог свидетель: пока был жив Теренс, они с Клариссой постоянно ругались.

— Мне двести лет, знаете ли, — то и дело повторяла она теперь. — Я самый последний физический человек в Лондоне.

Разумеется, все это было не так, но бесспорно другое: она действительно была очень стара, и проходили дни и даже недели, когда она никого физического не видела. Нас уже не так много осталось, и, чтобы поддерживать друг друга, большинство образовало колонии в несколько домов вокруг общего сада в предместьях Южного Лондона. В радиусе пяти миль от псевдошато Клариссы у северного периметра вообще никто не жил, и никому не хотелось ее навещать. Она всегда была эгоцентрична и сумасбродна, а теперь просто помешалась. Хуже другое: она привлекала к нам ненужное внимание как виртуальцев, которые и так уже нас не любили и называли «людьми Извне» и «жутиками», так и невидимых властей из Сердцевины.

Ее беда заключалась в том, что ни в одном из миров — ни в физическом, ни в виртуальном — она не чувствовала себя дома. Косность (как она это называла) физических вызывала у нее отвращение. Она считала нас лицемерными, скучными и самодовольными и презирала за допущение, что наше собственное существование единственно аутентичное и истинное.

— Вы бы предпочли конец света, лишь бы не признавать, что помимо нас есть другие формы жизни! — как-то заявила она.

Но запираясь перед нами, она не меньше презирала и виртуальцев — за их поверхностность и безусловную готовность считать реальностью все, что подсовывает им Сердцевина, за отсутствие любопытства и подчеркнутое безразличие к тому, откуда они взялись и что действительно собой представляют. Она вечно критиковала нас, но ей и в голову бы ни пришло отказаться от собственного физического существования и присоединиться к виртуальцам, обменять свое тело на виртуальный конструкт. А потому для них она оставалась «человеком Извне».

Хотя своей она себя не чувствовала нигде, зато для всех и каждого в обоих мирах сделалась сущей занозой в заду — главным образом из-за своих вылазок в город. Сначала она ходила пешком. Потом, когда слишком ослабла, раздобыла где-то маленькое инвалидное кресло-

коляску, которую вскоре научились узнавать и стали ненавидеть виртуальцы Северного Лондона. Медленно трясясь по разрушающимся физическим мостовым, она отключала свой имплантант Поля, чтобы ее не обманывал гладкий виртуальный асфальт, и, соответственно, не видела и не слышала потока виртуальных машин. Перед ней тянулись лишь пустые дома и шербатый, растрескавшийся асфальт заброшенной улицы. А виртуальным водителям приходилось мириться с тем, как она петляет с полосы на полосу.

Но, останавливая коляску, Кларисса обязательно включала имплантант. И, разумеется, он превращал разрушенный физический Лондон в оживленный мегаполис, который существовал в Городском консенсусном поле: Сердцевина накладывала виртуальный симулякр Лондона былых времен на сегодняшнюю реальность. Кларисса помнила былые дни: толпы, выхлопы, огни, шум, суматоха большого города, в котором — как это ни странно — миллионы людей бездумно потребляли и расходовали любые ресурсы физического мира и отбрасывали все то, что оказывалось ненужным. Она не просто тосковала по суете и бурной жизни, она отчаянно ее жаждала.

Конечно, у всех физических имелись имплантанты Поля. Они были необходимы для контакта с цивилизацией, которая, нравилось нам это или нет, стала цифровой. Сращенные с нашей нервной системой, имплантанты накладывали виртуальные конструкторы на наше восприятие материального мира, и в результате мы видели тот же мир, что и виртуальцы, слышали то же, что и они, и даже — отчасти — могли касаться того, чего касались они. Большинство из нас рано или поздно приходило к выводу, что подобные контакты нам неприятны, а цифровой мир считали неизбежным злом. Но для Клариссы дело обстояло иначе. Имплантанты она включала не из практической необходимости, а словно бы вгоняла себе дозу героина. Будто по мановению волшебной палочки, вокруг нее оказывались люди, повсюду бурлила жизнь, поблескивали стекла витрин, рыночные ларьки манили разноцветными товарами, и головокружительная внезапность преображения действовала сильнее любого наркотика.

Но наркотиком для Клариссы стало не само Поле, а его включение. Дальнейшее уже не достигало до заманчивого обещания, таящегося в первом мгновении, и сколько бы Кларисса ни пыталась, виртуальный мир ее не принимал. А она очень и очень старалась. Она много часов проводила в виртуальном городе у дверей магазинов, на перекрестках и в скверах, где снова и снова жадно пыталась завязать разговор. Виртуальцы обычно ее избегали, нисколько не скрывая своего презрения. Да, верно, несколько добрых душ могли забыть

о своем отвращении к ее возрасту, к самой ее *физичности* и на краткий миг давали ей иллюзию, что она с кем-то подружилась — но ими двигало лишь сочувствие. К тому же Кларисса была плохой собеседницей. Она слишком много говорила и не умела слушать, и что гораздо хуже, порицая нас за экзистенциальный снобизм, сама была не меньшим снобом. И ее снобизм не знал меры: она никогда не упускала возможности ткнуть виртуальцев носом в поверхностность и иллюзорность их бытия:

— Ты такая милая, душечка! Какая жалость, что ты тут не правду.

Обычно она оказывалась в «мертвом пятне», — люди обходили ее стороной. И в таких ситуациях она срывалась, раздражалась гневными тирадами, кричала:

— Вы не настоящие, слышите! Вы просто подключенные к компьютеру комки нервных окончаний! Вы далеко отсюда, и компьютер посылает вам картинки реального Лондона, на который наложена всякая виртуальная ерунда!

Пока был жив Теренс — с надменностью, присущей физическим старикам — он сам часто так говорил, но тогда еще Кларисса его одергивала:

— Кто сказал, что твой мир более реален, чем их?

Помню, Кларисса как-то набросилась на него во время одного из собраний нашего сообщества. Они сидели с противоположных сторон длинного обеденного стола, заставленного серебром и хрусталем. Теренс не поддавался на ее провокации, и всем физическим хотелось, чтобы она умолкла и позволила нам вернуться к привычному оцепенению.

— Ну же, Теренс, подумай! — не унималась она. — У виртуальцев хотя бы есть жизнь, они хотя бы друг другом интересуются. — Она обвела собравшихся свирепым взглядом. — И что, по-вашему, останется от нас самих, если мы откажемся от всего, что существует вне нас, от всего, что сделано другими? Мы будем голыми. Мы превратимся в марзматики. Только подумайте! Даже разговаривая сами с собой, мы используем то, что нам дали другие.

Но так было тогда. Сейчас казалось, что Теренс с самого начала говорил от имени второго «я» Клариссы.

— Не смотрите на меня так! — огрызалась Кларисса на виртуальцев, когда они указывали на нее пальцем и смеялись. — Вы продали свои тела за иллюзию молодости и изобилия, но я-то настоящая!

Иногда посреди такой тирады она демонстративно отключала имплантант, чтобы люди и машины исчезли. Дома тогда превращались

в голые остовы, а витрины магазинов с их разноцветьем товаров — в черные провалы.

— Я вас даже не вижу! — кричала она, зная, что виртуальцы все равно ее видят, так как размещенные повсюду сенсоры улавливают изображение, звук и текстуру физических объектов и включают их в матрицу, внутри которой существует консенсусный город. Они вынуждены ее видеть, у них просто нет выбора. — Я в реальном мире и совершенно вас не вижу. Поняли теперь, что вы такое?! Вас можно просто выключить!

Но хотя она с удовольствием сообщала виртуальцам, что их не существует, их мнение было для нее отчаянно важно, и она не могла устоять перед искушением снова включить имплантант, чтобы посмотреть, как подействовал ее крик (я никогда не встречал человека, который бы так часто включал и выключал имплантанты, как Кларисса). Но виртуальцы почти всегда ее старательно игнорировали.

И вот, когда, закатив истерику, она обнаруживала, что никто на нее не реагирует, ситуация выходила из-под контроля. Однажды, за месяц до своего путешествия на Пиккадилли-серкус, она почувствовала, что не может завладеть вниманием прохожих возле станции подземки Уолтхэмстоу. Не желая признавать своего поражения, она, невзирая на артрит и общую слабость, заковыляла вниз по лестницам, чтобы на платформе дожидаться поезда на юг. Платформа вокруг нее опустела, так как все виртуальцы сгрудились на другом конце.

А после, когда подошел поезд, она решительно попыталась в него войти. Естественно, она упала на рельсы, ведь поезд-то был виртуальным, частью Поля, способного выдерживать не физический вес, а лишь абстрактный вес виртуальных проекций. Она сломала косточку в колене. Ей было очень больно, но она встала и принялась ковылять взад-вперед по рельсам, ожидая, что кто-нибудь поможет ей забраться на платформу. Законы Поля не позволяли поезду тронуться, пока она внизу. А ведь Кларисса сама нарушила эти правила. Пассажирам оставалось только с ужасом смотреть, как старуха с трудом ходит по пояс в полу вагона, как она, запрокинув голову, обвиняюще буравит их взглядом и упрекает в недостатке сочувствия:

— Разве в Лондоне не осталось никого, кто помог бы пожилой женщине? Вы что, не только тела, но и сердца потеряли?

Сломанные кости и вообще физические травмы совершенно выходили за рамки разумения виртуальцев, поэтому они могли бы и не сочувствовать ей, но действительно хотели помочь, если не из чистого альтруизма, то хотя бы в собственных интересах, ведь она задерживала их поезд (не говоря уже про те, которые шли за ним) и всех выводила из

равновесия. Виртуальцы, если, конечно, они не обнищали до крайности, однообразно красивы, и, хотя рано или поздно умирают, но не старятся, как мы. Изо рта у них никогда не вылетают капельки слюны. Под носом никогда не блестит капля. Их макияж не размазывается. Наверное, поистине ужасно смотреть, как по вагону бродит грязное и страшное морщинистое существо, голова которого едва достает им до колен: ни дать ни взять — гоблин из сказки. Но что они могли сделать? Своими виртуальными руками они так же не сумели бы втянуть Клариссу на платформу, как ее не удержал пол виртуального вагона.

Поэтому кто-то позвонил в Сердцевину, а из Сердцевины дали знать сообществу физических, что один из нас попал в беду.

В наших домах надрывались телефоны. Физические Лондона похожи на членов старой перессорившейся семьи, которые давно уже глухи к недугам ближних, которые знают все их мелкие и мучительные слабости. Подобное равнодушное оцепенение способна нарушить лишь общая беда.

— Проклятая Кларисса. Вы слышали?

— Кларисса снова взялась за старое.

— Конечно, нельзя привлекать Агентов. Реальные люди должны сами решать своих проблемы.

— Проклятая Кларисса! Как она смеет ставить нас в такое положение?

В конечном итоге делегировали нас с Ричардом Говардом. Мы пересекли весь Лондон и, поскольку не могли воспользоваться виртуальными эскалаторами, тоже медленно и неловко сползли по гулкой бетонной лестнице на платформу. Кларисса сидела на рельсах. Она опять отключила имплантант — отчасти демонстративно, отчасти чтобы не нервничать при виде сотен возбужденных виртуальцев. Но в результате она оставила себя и без света ламп, который накладывало на заброшенную и неосвещенную станцию Поле. Последний час она, спотыкаясь, завывая и плача, бродила в крошечной темноте — видя одних лишь крыс и слыша только стук водяных капель, доносящийся откуда-то из глубины туннеля.

Мы с Ричардом включили имплантанты, чтобы видеть, что делаем, и потому нам пришлось сносить холодные взгляды виртуальцев. Они сидели в поезде, наблюдая, как мы неуклюже втаскиваем Клариссу вверх; они стояли на платформе, глядя, как мы ее отряхиваем; они перегибались с виртуальных эскалаторов, посмотреть, как мы несем ее по бетонным ступенькам.

— Взгляните на этих жутиков! — сказал один из прохожих, когда мы помогли Клариссе сесть в пикап Ричарда. — Какие безобразные у них рожи! У них что, нет никакого самоуважения?

Ответом ему стал общий гул согласия. Как правило, виртуальцы боятся нас, людей Извне, и наших жутковатых способностей в их мире (в особый трепет повергает их Ричард — с его огромным ростом, пышной гривой седых волос и манерой надменно проходить сквозь виртуальные стены). Но в тот момент мы мало кого могли напугать: два отдувающихся раскрасневшихся старика помогают колченогой сбрендившей старухе сесть в древний пикап.

— Не забудьте мою коляску! — взывала вдруг Кларисса.

Каким-то образом мы умудрились затолкать инвалидное кресло через задние дверцы. Один бог знает, почему мы на это согласились, а ведь с полным правом могли бы возразить, что оно слишком тяжелое, и оставить его в сквере. Но приказы Клариссы, как правило, действовали на нас магически. Мы могли ворчать, роптать, но неизменно поступали так, как она велела.

— Только не надейся, что мы снова будем тебя спасать, — сказал ей Ричард уже у нее дома, туго забинтовывая старухе ногу. — В следующий раз это будут Агенты.

Никто из нас не знал точно, что собой представляют Агенты, известно было лишь, что они подручные Сердцевины в физическом мире. У них не было различимых лиц. Их гладкие головы и тела покрывал скафандр или кожа особого голубого оттенка, который не улавливали сенсоры Поля, и потому для виртуальцев они оставались невидимками. Одни из нас считали их просто роботами, другие — новой разновидностью людей, выведенных и выращенных для собственных целей Сердцевины. Но кем или чем бы они ни являлись, мы боялись их почти так же, как и виртуальцы, которые знали о них лишь по слухам, и их присутствие могли определить только по косвенным признакам.

— Я бы этого не перенесла, — пробормотала Кларисса. — Только не Агенты, которые придут за мной в темноте.

— Решать тебе, — отозвался Ричард. — Если снова попадаешь в переплет, другой помощи не жди.

Когда-то, в эпоху до Теренса, он был женат на ней. Как бы абсурдно это ни звучало, раньше они любили друг друга. И даже сейчас Кларисса попыталась рассеять его гнев кокетством.

— Ричард, дорогой, я знаю, что была глупой девочкой, но обещаю впредь вести себя хорошо.

Я обдумываю написанное: «Большинство из нас рано или поздно приходило к выводу, что подобные контакты нам неприятны, а цифровой мир считали неизбежным злом...»

Воображаю, как издевательски фыркнет Кларисса, прочтя эти строки.

— А ты бы предпочел, чтобы были только мы и никакого виртуального мира?

На самом деле происходит как раз обратное.

Виртуальные урбанистические конструкторы создавались ради того, чтобы извлечь людей из окружающей среды, находившейся на грани полного уничтожения, и было решено, что эти города будут соответствовать старым физическим. На то имелись три причины. Во-первых, многих смогли уговорить принять консенсусный, или в просторечии виртуальный, статус, лишь пообещав, что у них сохранится доступ к тому, что они тогда еще считали «реальным миром». Во-вторых, проектировщики сочли необходимым оставить виртуальцам возможность контактировать с теми из нас, кто купил себе исключение из процесса «обесфизичивания», уплатив огромные штрафы и позволив себя стерилизовать (ведь в те дни физические и виртуальцы жили бок о бок, могли быть братьями и сестрами, отцами и сыновьями, однокашниками и давними друзьями). Третья причина была связана с мощностями самой Сердцевины: при всей огромности процессоров ее возможности были небезграничны, и виртуальный мир, который опирался на физический, требовал гораздо меньше системных ресурсов, чем выдуманный от начала и до конца.

Сейчас эти три условия утратили силу. Сердцевина разрослась, физические и виртуальцы отдалились друг от друга, и последние давно уже перестали воспринимать физический мир как «реальность». Поэтому, с точки зрения и политики, и техники, Сердцевина могла бы отделить физический город от виртуального. Отчасти это было бы проще, чем поддерживать статус-кво за счет дорогостоящей сети сенсоров.

Но, если быть честным, мне становится не по себе от одной мысли, что однажды я проснусь в Лондоне, где имплантанты больше не работают, где больше не встретишь виртуальцев, а мы предоставлены самим себе среди развалин. Эта мысль вызывает у меня ужас, ощущение заброшенности, изоляции. Видимо, говоря, что виртуальцы нужны нам из практических соображений, что их присутствие неизбежное зло, я просто ищу рациональное объяснение этому чувству.

Думаю, свое обещание Кларисса держала дня два, а после снова покинула дом в коляске. Уже через неделю она вернулась в Уолтхэмстоу, хотя избегала станции подземки и больше сцен не устраивала.

Не прошло и месяца, как она стала заряжать аккумулятор для большого путешествия — в самый центр Лондона. А после и впрямь взяла туда курс, мрачно подпрыгивая на рытвинах мостовой и упрямо отказываясь думать о том, насколько хватит зарядки.

Как всегда, она катила, выключив имплантант. Ее обступали разрушенные дома и заброшенные бензоколонки, мостовая лежала пустая, растрескавшаяся от многолетних заморозков. Но время от времени она останавливалась ради желанной «дозы», ради мгновения уюта и утешения, когда перед ней среди безмолвных руин вставал живой город.

— Я еду на Пиккадилли-серкус, — говорила она людям возле магазинчиков на Стоук-Ньютингтон. — Когда я была маленькой, меня водили туда посмотреть на разноцветные огоньки.

Покупатели — все как один — отворачивались.

— Как я любила эти огоньки, — рассказывала она букмекеру у дверей его конторы в Ислингтоне, — они плыли и искрились. Яркое электричество! Волшебные краски.

— Почему бы тебе не вернуться домой, жутик? — пробормотал букмекер и поспешил прочь.

— Наверное, огни там до сих пор есть, правда? — спросила она девушку на Кингс-кросс. — Ну, конечно, не настоящие, а те, которые вы способны видеть?

— Да, да! — откликнулась девушка, которую звали Лили. — На Пиккадилли-серкус чудесные огни, но они совершенно настоящие, понимаете? Они не физические, вы не подумайте ничего такого.

Особым умом Лили не отличалась, но была рада сделать доброе дело. Ее простое круглое личико, с очень низким разрешением и совершенно плоское, выглядело так, будто его взяли из комикса. Виртуальцы могли выбирать себе внешность, становиться настолько хорошенькими, интересными или получать настолько высокое разрешение, насколько позволяли их банковские счета. Но детальная проработка стоила дорого, а, судя по внешности девушки, Лили была очень бедной. Кожа у нее была однородно розовая, одежда — цветовой заливкой, вместо глаз — точки, а вместо улыбки вверх или вниз загибались кончики прямой линии.

— Ну, я, во всяком случае, уверена, что они не физические, — произнесла она тоненьким низкоразрешенным голоском, но вдруг сообразила, что попала впросак, и улыбка внезапно обратилась в изгиб раскаяния. — Ох, простите пожалуйста. Я не хотела сказать, что плохо быть... ну, знаете... физической. Просто неудачно выразилась.

— Не беспокойся, душечка. Я сплошь и рядом такое слышу. А ты — первый добрый человек, кого я встретила с тех пор, как вышла из дома.

Кларисса сняла с термоса крышку-стаканчик и, сидя в своей колясочке, налила себе немного кофе. Была середина октября, прохладный осенний день клонился к вечеру, и ей становилось зябко.

— Когда я была маленькой, мой папа повел меня на Пиккадилли-серкус посмотреть огоньки. Но, понимаешь, мне было совсем мало лет, и я услышала не «серкус», а «цирк», и когда мы туда пришли, спросила, куда подевались клоуны и тигры. «И где красивые тети в трико?» — спрашивала я. А папа объяснил, что это не «цирк», а «серкус» — круглая площадь, по которой ездят машины. О чем он еще говорил, я забыла, но точно помню, как вокруг меня переливались чудесные электрические огни и как я поняла, что мне нет дела до тигров и красивых тетей в трико. В детстве краски кажутся волшебными. Я смотрела то в одну сторону, то в другую, но мне хотелось видеть все разом, так что под конец я решила, что буду кружиться на месте.

Поднеся крышку-стакан к губам, она отпила кофе.

— Я Лили, — дружелюбно сказала Лили.

Девушка удивленно смотрела на сеть морщинок, на старческие коричневатые пятна, покрывавшие руки Клариссы, на то, как сами руки, не переставая, дрожали, так что кофе выплескивался через край. Если низкоразрешенной внешности Лили не хватало деталей, то у Клариссы их было в избытке. Но больше всего Лили сбивало с толку, что они не служили для украшения. Такая внешность, наверное, стоит целое состояние, решила Лили, но как можно самой захотеть вот так выглядеть?

— А меня зовут Кларисса, милочка. Кларисса Фолл, — величественно ответила старуха и, допив кофе, стряхнула капли из стакана прежде, чем закрыть термос.

— Вы дорогу знаете? — рискнула спросить Лили. — Знаете дорогу на Пиккадилли-серкус?

— Хотелось бы думать! — фыркнула Кларисса. — Мне больше двухсот лет, и в Лондоне я живу с самого рождения. Я здесь последний физический человек.

Она глянула на часы. Ей мучительно хотелось общения и внимания, но, получив их, она всегда была на удивление нетерпеливой и резкой.

— Двести лет! — почтительно повторила ее слова Лили. — Так вы совсем старая! Просто на случай, если вы не знаете, я могла бы вам показать...

— Да. Ради бога, покажи, — великодушно согласилась Кларисса.

Законы физического мира не позволяли нам ездить на виртуальном транспорте, но правила Поля не мешали виртуальным людям ездить в физической коляске. Единственная проблема заключалась в том, что инвалидное кресло было сконструировано лишь для одного человека, поэтому Лили пришлось встать сзади на небольшую приступочку, предназначенную для сумок с покупками.

— Ладно, — сказала Лили, которой чувство собственного достоинства было не по карману. — Тут недалеко.

— Боюсь, мне придется отключить имплантант, — сказала Кларисса, — чтобы видеть рытвины на дороге. Пока не прибудем на место, ты со мной разговаривать не сможешь.

— Я не против, — храбро согласилась Лили.

Она понятия не имела, о чем говорит Кларисса, но уже давно смирилась с тем, что жизнь по большей части непостижима.

Кларисса тронула рычаг, чтобы завести коляску. И делая это, невзначай бросила взгляд на дисплей аккумулятора. Когда она отправилась в путь, стрелка указывала на «Полный заряд», но сейчас уже дрожала на краю красного участка с надписью «Осторожно! Опасно низкий!». Лишь на одно мгновение Кларисса позволила себе понять, в какую беду попала, и почувствовать страх, а после решительно выбросила все из головы.

Кларисса медленно ехала по Тоттенхем-Корт-роуд. Универмаги электроники были темны и пусты, их витрины — затянуты пылью, а то и вовсе выбиты и полны мертвых листьев. Голые переулки вокруг засыпаны щебнем. Если не считать гудения электрической коляски и постукивания камешков, вылетающих из-под резиновых колес, царил мертвая тишина.

А Лили видела повсюду многоцветье товаров в витринах, машины, автобусы и людей.

— Почти приехали! — весело крикнула она, еще не окончательно уразумев, что с дезактивированным имплантантом Кларисса не видит ее и не слышит.

Потом она вдруг испуганно пискнула, когда Кларисса беззаботно свернула влево прямо под носом у автобуса и с величественным безразличием к гудкам и возмущенным воплям покатила по противоположной полосе.

— Она физическая! — кричала в объяснение Лили со своей приступочки позади Клариссы. — Просто она физическая.

На середине Шафтсбери-авеню аккумулятор окончательно сел, и коляска встала.

Вот тут Кларисса не на шутку испугалась. Вечерело, становилось очень холодно, а она — пожилая женщина со сломанной ногой — застряла среди развалин города. У нее нет крыши над головой, нет ни еды, ни питья и никакого способа добраться домой.

Но Кларисса хорошо умела выбрасывать неприятное из головы.

— Тут недалеко, — пробормотала она, имея в виду не псевдоша-то, свой далекий дом, а площадь Пиккадилли-серкус, которая ждала впереди. Пиккадилли-серкус не обещала ни тепла, ни пищи, ни выхода из ее затруднений, но главное ведь не в этом. — Придется пойти пешком, — сказала она. — Глупо забраться так далеко и ничего не увидеть.

Выбравшись из инвалидного кресла, она уже собралась мучительно проковылять оставшиеся несколько сотен ярдов, как вспомнила про Лили и остановилась.

— Остаток пути пойду пешком! — заорала она, совершенно верно предположив, что Лили потянулась за ней следом, но ошибочно — что невидимость девушки делает ее глухой. — Я тебя не вижу, потому что мой имплантант выключен, и я не хочу его включать, пока не доберусь до места, иначе все впечатление пропадет.

Она все распланировала заранее. Она не включит имплантант, пока не окажется прямо посреди серкус.

— Но можешь пойти со мной, если хочешь! — крикнула она, словно лично контролировала доступ в общественные места.

Она прошаркала еще несколько шагов по мертвой улице, а в другом Лондоне ее объезжали машины, на нее пялились пешеходы, а Лили терпеливо брела следом, будто они Добрый Король Венцеслас и его верный паж*.

— Но вот что я тебе скажу. — Кларисса снова остановилась. Лицо у нее перекосилось от боли, но голос звучал беспечно. — Если тебе покажется, что нужно позвонить Совету и попросить разыскать какого-нибудь физического, чтобы он приехал и мне помог, я была бы признательна... Просто в моей треклятой коляске сел аккумулятор, понимаешь, и назад она меня не повезет.

* Персонажи популярного рождественского хора «Добрый король Венцеслас», в котором король Венцеслас, отправившись раздавать милостыню на следующий день после Рождества, совершает чудо ради своего замерзшего пажа: от его следов в снегу исходит тепло. Герой хора — исторический герцог Богемии, святой Венцеслаус (907—935). Пьеса положена на музыку в XIII в. (Здесь и далее прим. перев.)

— У меня нет денег, — ответила Лили. — Как, по-вашему, это экстренная ситуация? Мне набрать номер для экстренных ситуаций?

Но, Кларисса, разумеется, ее не услышала.

Когда она прихромала наконец на Пиккадилли-серкус, уже стемнело. Здания высились бессмысленными нагромождениями камня, тысячи разноцветных лампочек на старых рекламных вывесках были темны и неподвижны, а статуя Эроса больше походила на ангела смерти над гробницей, чем на бога физической любви.

С Риджент-стрит ветер принес капли дождя. Губы и пальцы Клариссы посинели от холода, ее била дрожь (Лили была потрясена: она в жизни ничего подобного не видела, ведь виртуальцы не мерзнут). А еще Клариссу мучила боль: сломанная косточка в колене сместилась, и казалось, будто в мышце проворачивают нож, а еще она устала, ей хотелось есть и пить. Слишком поздно она сообразила, что термос с кофе забыла в инвалидном кресле.

— Ты глупая гусыня, Кларисса Фолл, — ворчала она себе под нос. — Не в состоянии сама о себе позаботиться. Однажды ты просто сыграешь в ящик, придут крысы и тебя съедят. И во всем будешь виновата ты одна.

Потом она вспомнила про свою низкоразрешенную спутницу.

— Ты еще тут, Лили? — заорала она. — Ты позвонила, как я просила? Я сейчас подойду вон к той статуе и включу имплантант, и тогда мы сможем поговорить.

Она доковыляла до постамента Эроса и подняла руку к имплантанту у себя за ухом. На пустынную площадь разом хлынули краски, электрический свет и бурлящая жизнь большого города. Люди были повсюду. Машины сияли передними фарами и оставляли за собой тлеющие огоньки задних, а еще ездили черные такси и красные автобусы, полные пассажиров, из окон лился уютный желтый свет. Волшебные реки электрического света складывались в живые картины, и мерцающие слова вывесок переливались на фоне из чистейшего пурпура, красного, зеленого, желтого, голубого и белого.

— О! — замороженно воскликнула Кларисса. — Почти такие же, как в те времена, когда я была маленькой и огни были настоящими!

— Я же говорила, что они чудесные, — сказала Лили, словно комнатная собачонка, которая ждет час, два или три, пока хозяйка про нее вспомнит, и будет бесконечно благодарна, если на нее наконец обратят внимание.

Кларисса с улыбкой обернулась, но карикатурное личико Лили подействовало на старуху неожиданно: она ощутила одновременно укол жалости и отвращения. Ее улыбка поблекла. Ее радость развеялась. Она почувствовала, как к ней стучится физический мир: острые когти физической боли терзали ногу и голова раскалывалась от усталости и обезвоженности.

Лили почувствовала перемену в ее настроении, и концы простенькой черточки, служившей ей ртом, как раз начали загибаться вниз, когда Кларисса вновь выключила имплантант. Лили исчезла, а с ней и огни, такси, автобусы и пестрая толпа. Стало очень темно и совершенно тихо, и дома замаячили смутными тенями.

— Дело в том, Лили, — объявила пустой тьме Кларисса, — что вы, виртуальцы, совсем как эти огни. Всего лишь движущиеся картинки, складывающиеся из точек. Просто изображения автобусов, изображения машин, изображения людей...

Подчеркнуто повернувшись спиной к тому месту, где стояла Лили, Кларисса опять включила имплантант, и огни зажглись снова. Но на сей раз не было ни дрожи возбуждения, ни радостного шока, ничего, что скрасило бы холод и боль. «Словно каналы на телевизоре меняешь», — горько подумала Кларисса и тут же потянулась выключить имплантант. И в этот момент тумблер, сконструированный так, чтобы его трогали не больше пары раз за день, наконец не выдержал и сломался, отказываясь оставаться в том или другом положении. Теперь все, окружавшее Клариссу, беспорядочно мерцало, раз в несколько секунд перескакивая из виртуального в физический мир и обратно, — и она ничего не могла с этим поделать. Некоторое время Кларисса стояла, беспомощно и безутешно теребя тумблер, потом сдалась и села на асфальт у подножия статуи. А что еще ей оставалось?

— Ты позвонила Совету, Ли... — начала она, но тут виртуальный мир пропал. — Ах ты боже мой... Лили, ты еще тут?.. А, ты уже здесь? Хорошо. Ты позвонила Совету? Просто, кажется, мне пора домой... Лили? Лили! Совет пришлет помощь? Скажи, не надо Агентов. Скажи, пусть выташат из постели кого-нибудь физического. Они будут на меня злиться, но все равно приедут. Плевать, что там говорил Ричард.

Но вне зависимости от пожеланий старухи, Агенты были уже в пути: четверо спешили с четырех разных сторон, оторвавшись от четырех разных дел в разных частях Лондона. Они были еще далеко, но приближались. Их послала Сердцевина после того, как связалась

с Ричардом Говардом и узнала, что мы, физические, больше не придем.

Позже Ричард устыдился и позвонил мне.

— Знаю, это кажется жестоким, — оправдываясь, сказал он, — но я действительно считаю, что нам лучше не вмешиваться, разве нет? Клариссе надо понять всю серьезность положения, иначе она опять возьмется за старое. Господи помилуй, она же не где-нибудь, а на Пиккадилли-серкус! Даже Кларисса должна сознавать, что нельзя съездить в центр Лондона и обратно на этой ее глупой колясочке. Она, совершенно очевидно, решила, что кто-нибудь за ней приедет. Прямо-таки на это поставила.

Я не меньше его злился на Клариссу. Полуденные часы я провел, сгребая листья и прибираясь в моем обнесенном стенами садике. Я только что съел легкий ужин, налил себе стакан старого портвейна и рассчитывал на тихий вечерок у камина, уютное время, которое пробежит за подготовительными заметками к главе 62 моей книги «Упадок и разрушение Реальности»* (главы 60 и 61 я посвятил появлению интернета и мобильных телефонов и как раз подходил к центральному эпизоду повествования: моменту, когда человечеству впервые были представлены неопровержимые доказательства того, что его жизнедеятельность уничтожит планету — и не через сто или пару десятков лет, а уже через два-три года, если не сократить его физическое присутствие до сегодняшнего уровня).

— Проклятая Кларисса! Проклятая, проклятая, проклятая Кларисса!!!

Ну почему я должен отказывать себе в удовольствии посидеть над новой главой, если старуха по собственной воле, преднамеренно впуталась в такие неприятности? Даже днем мысль о поездке в центр Лондона вызывает у меня ужас, и Кларисса это прекрасно знает и тем не менее преспокойно решила, что меня можно вытаскивать из дома всякий раз, когда ей приспичит. И все-таки я понимал, что должен за ней поехать.

— Не могу же я оставить ее Агентам, Ричард. Знаю, она невыносима, знаю, она нас использует, но не могу же я ее бросить.

— Да бога ради, Том! Это послужит ей уроком, — отозвался Ричард, распаяясь от моей мягкотелости. — Как она вообще чему-то научится, если мы сейчас не проявим твердость? Это для ее же блага. И вообще, Агентов уже не отзовешь. Сам знаешь, каковы они.

* Отсылка на фундаментальный труд Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи», написанный в 1764—1788 гг.

— Ну, если они там будут, то и мне лучше поехать. Они напугают ее до смерти. Поеду прямо сейчас, тогда рядом хотя бы будет кто-то знакомый.

Я вышел на холод и завел машину. Я ужасно злился на Клариссу, боясь, что на меня вновь нахлынут горькие чувства, которые неизменно пробуждали во мне поездки в Лондон: смущение, стыд, горечь утраты, зависть, глубокое горе, сходное с тем, какое испытываешь, видя бывшую возлюбленную, которая ныне принадлежит другому и уже никогда, никогда к тебе не вернется... Меня мучила сама мысль о том, сколько сил будет потрачено зря, а еще пугали холод и темнота.

Когда я добрался до Пиккадилли-серкус, как раз прибыли Агенты: один появился с Шафтсбери-авеню, другой — с Пиккадилли, и еще по одному — с разных концов Риджент-стрит. Но, съездившись под статуей Эроса, Кларисса их не видела, поскольку, когда тумблер опускался, ее обступала кромешная тьма, а когда поднимался, сами Агенты становились невидимы. Рядом сидела на корточках Лили, виртуальной рукой обнимая старуху за физические плечи. Иногда Кларисса видела девушку, иногда нет, но в любом случае не могла получить тепла от прикосновения, сколько бы Лили ни желала его дать.

Когда свет моих фар скользнул по физическому пространству, первым, что увидела Кларисса, были двое Агентов, надвигающихся на нее из темноты. Ей они показались кошмаром из детских снов, и она закричала. Потом ее имплантант сам собой включился, и, закрывая их, вернулись автобусы и толпа. Но так стало даже хуже, ведь она знала, что Агенты все равно приближаются, хотя теперь и невидимые.

Она опять закричала.

— Не подходите ко мне, слышите! Не подходите!!!

— Не бойтесь, Кларисса, — сказала Лили. — Я здесь, я с вами.

Но Лили понятия не имела о происходящем. Она не знала, что такое холод. Она не знала, что такое физическая боль. Она не подозревала о присутствии Агентов. Она понятия не имела, что за мир безмолвия и теней прячется за яркими огнями Пиккадилли-серкус.

Я вышел из машины. Мой собственный имплантант был включен, и я осторожно преодолевал лежащую между мною и Клариссой площадь, прекрасно зная, какие ужасные рытвины могут скрываться под виртуальным асфальтом. Я изо всех сил старался не обращать внимания на множество виртуальных глаз, следивших за мной с холодным неодобрением, и одновременно кипел от ярости на эгоистичную Клариссу, которая снова заставляет меня переживать такое.

Как она посмела вытащить меня сюда холодной ночью! Почему я должен сносить иллюзию Консенсусного Поля и недоброжелательные взгляды виртуальцев, когда мне хочется лишь сидеть дома за высокой изгородью, которую я подстриг в виде крепостных стен, за запертыми дверьми, за плотно задернутыми шторами, и писать о реальности?

— Вы ее знаете, верно? — спросил меня прохожий. — Так сделайте же что-нибудь, приятель. Она же чокнутая. Больная. Ей нужна помощь.

Я не ответил. Я так и не научился разговаривать с этими людьми, столь отчетливо нереальными и столь очевидно живыми. Я презирал их и одновременно им завидовал. Каким безвкусным был их сконструированный мирок и с какой малодушной покорностью они его принимали. И сколь же узким и тусклым по сравнению с ним оказался мой собственный мир, мой унылый садик, моя подстриженная изгородь, моя книга, мой вечерний стакан портвейна, мои еженедельные вылазки в «Пегаса и Псов», в Последний Реальный Паб, где я пью Реальное Пиво во все скудеющей компании бесплодных и дряхлеющих старух и стариков, называющих себя Последними Реальными Людьми.

— Ее надо немедленно запереть, — сказала женщина. — Это та самая, которая в прошлом месяце остановила поезда на Северной линии. Я видела ее фотографию в газете.

Я пробирался меж гудящих машин.

— Хватит, Кларисса, — холодно сказал я, когда подошел к ней. — Я опять за тобой приехал. Простофиля снова пришел тебе на помощь, как ты, без сомнения, и ожидала. Я приехал отвезти тебя домой.

— Простофиля? Это еще кто? — пискнула она. Она испугалась, что с ней заговорил один из Агентов.

— Всего лишь я, Кларисса. Всего лишь Том.

— Кто-кто? — пробормотала Кларисса, сиюсья меня увидеть.

— Он сказал Том, дорогая, — объяснила ей Лили.

Кларисса искоса глянула на карикатурное лицо с черными точками глаз и выгнутой черточкой рта. Потом Лили снова исчезла, вместе со всем Полем, и Кларисса опять очутилась в темном физическом мире. Но теперь в нем был свет фар моей машины, и, поскольку ее не отвлекало Поле, Кларисса ясно увидела, как подхожу я и как у меня за спиной сгрудились Агенты, ожидая, что придет их черед братья за дело, если я не сумею с ней сладить.

Неловко, мучительно, она поднялась на ноги.

— Мне просто хотелось снова увидеть огни. Такие, какие они были в моем детстве, — упрямо сказала она.

А потом вдруг закружилась на месте, как девочка, — но медленно, очень медленно, шаркая ногами и морщась от боли. И пока она кружилась, испорченный переключатель ее имплантанта продолжал шелкать, и несколько секунд вокруг нее летели яркие огни, автобусы и машины, потом снова наступал черед тьмы, которая была источником холода и боли, и вокруг плыли, сливаясь, пустые здания, подсвеченные лишь фарами моей машины.

Лили тоже то появлялась, то исчезала. Когда была она, растворялись Агенты. Когда пропадала она, возникали они. Неизменным оставался лишь я, который, как и Кларисса, мог и ощущать физический холод, и видеть виртуальные огни.

— Пойдем, Клари, — мягко сказал я ей. — Пойдем домой.

Несколько минут старуха не обращала на меня внимания, продолжая свое странное замедленное кружение и напевая себе под нос что-то без мотива и слов. Водители и пассажиры высовывались из окон машин и автобусов. Прохожие неприкрыто пялились на нас с тротуаров, словно «серкус» наконец превратилась в «цирк», словно мы здесь — лишь для того, чтобы устроить им представление.

А потом вдруг Кларисса остановилась, пошатнулась от головокружения, но глаза у нее горели, как у загнанного зверя.

— Кто ты? — вскинулась она. — Скажи мне честно, кто ты?

Странно, но в это мгновение все вокруг меня словно обрело новую резкость: острее стал холодный ночной воздух физического мира и ослепительнее разноцветные огни виртуального... Странное столкновение двух миров, которое вызвала одна, без чужой помощи, моя Клари... И я поймал себя на том, что больше не злюсь, даже не обижаюсь, хотя она заставила меня проделать такой путь.

Я отключил имплантат у себя за ухом, чтобы проверить, на месте ли Агенты. Они еще стояли в стороне и ждали.

— Это я, Клари, Том. Твой младший брат Том.

Ближайший ко мне Агент слегка насторожился и наклонил голову в мою сторону, словно я напомнил ему о чем-то.

— Думаю, на сегодня с тебя хватит приключений, милая, — сказал я сестре, снова включая имплантат, лишь бы не видеть Агентов. — На один день достаточно, ладно? И не обращай внимания на Агентов. Я приехал за тобой. Я приехал отвезти тебя домой.

Она позволила отвести себя к машине, и я помог ей сесть. Она была бледна, растеряна, сломанная нога у нее сильно распухла. Я порадовался, что не забыл захватить для нее плед и термос с горячим какао, а также бутылку бренди.

Странное луноликое создание по имени Лили, человеческая душа

в карикатурной оболочке, последовала за нами и теперь обеспокоенно глядела на Клариссу.

— С ней все будет хорошо? — спросила девушка. — Она вдруг стала такая странная. Что с ней случилось?

— С ней все будет хорошо. Она просто старая и очень устала, — отозвался я, закрывая дверцу со стороны Клариссы и обходя машину, чтобы сесть самому.

Я выключил имплантант, стирая Лили и огни и звуки Пиккадилли. В темном мертвом пространстве силуэтами маячили четыре Агента. Они сдвинулись ближе и теперь стояли в ряд. У меня возникло странное ощущение, что им тоже хотелось бы поехать с нами, хотелось бы, чтобы кто-нибудь приехал за ними с пледами, бренди и горячим какао.

Устроив сестру поудобнее, я повернул ключ в замке зажигания. Я собирался вести машину так, как всегда передвигалась она — не видя виртуальных машин. Я не любил так поступать. Я знал, сколь высокомерным это кажется виртуальцам и как они на нас негодуют (ведь именно этим мы, люди Извне, заслужили свою дурную славу), но слишком велик был риск сломать подвеску по дороге домой — только этого еще не хватало.

— Если подумать, мы не так уж друг от друга отличаемся, — некоторое время спустя сказала Клари. Имплантант у нее был отключен, она смотрела в окно на заброшенные улицы, такие же одинокие, как пустые каньоны на какой-нибудь безжизненной затерянной в космосе планете. — Вон там физический мир, вот это физическая материя. Но мы же не такие, верно? Мы — сумма мыслей и образов. Рябь на поверхности бытия.

— Выпей еще чуточку бренди, Клари, а потом откинь сиденье и постарайся заснуть. Домой мы попадем не скоро.

Кивнув, она плотнее завернулась в плед. Ее имплантант включился сам собой, и она увидела, как с визгом тормозов от нас уворачивается такси и услышала разъяренный гудок. На краткое время вокруг нее вновь возникла оживленная ночная жизнь виртуального города. Потом все исчезло.

— Точно такие же, — сонно сказала она. — Точно такие же, как огни на Пиккадилли-серкус.

**Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ**

© Chris Beckett. The Perimeter. Piccadilly Circus. 2005. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2005 г.

КЛОУН СДЕЛАЛ РАМУ

Виктор ПЕЛЕВИН. АМПИР «В». ЭКСМО.

После почти детективной истории с появлением на свет романа под названием не то «Empire V», не то «Ампир «В» можно уверенно констатировать: многолетний проект по созданию Самого Главного Клоуна завершен. Правда, книги Виктора Пелевина отличаются от скетчей Евгения Петросяна тем, что Петросян на фольклоре паразитирует, а Пелевин его создает. Обычно сразу же после выхода к читателю его романы растаскивают на цитаты, а шутки разбирает народ.

Самой популярной шуткой нового романа Виктора Олеговича стала, конечно же, многократно растиражированная фраза: «Единственная перспектива у продвинутого парня в этой стране — работать клоуном у пидорасов. Кто не хочет работать клоуном у пидорасов, будет работать пидорасом у клоунов».

За радостным хихиканьем горькую самоиронию автора цитаты оценили не все.

Нет, в самом деле — кем был для публики Пелевин все эти годы? В конце восьмидесятых — начале девяностых несостоявшийся выпускник Литинститута одним из первых понял, кто более наступающей матери-эпохе

ценен. С клоунами в то время дело обстояло плохо. Это было время акынов, скальдов и пророков. Они витийствовали, прославляли и обличали — многословно и эпически хоронили эпоху. Не замечая очевидного: не то что смелы — никакой твердой почвы за уходящей цивилизацией не просматривается. А в наступившую паузу безвременья оказались не у дел. В отличие от умного, ехидного и желчного клоуна по фамилии Пелевин.

Какое время — такие и песни. Вместо почвы — опилки. В буйные девяностые, когда людям было не до чтения и не до рефлексии, как обычно, важнейшим из искусств стал цирк. А там...

Каждый вечер на арене выступал Пелевин.

Клоуны бывают разные, и Пелевин не только и не столько смешил. Как и положено настоящему таланту, он доводил людей до слез, но слезы эти были самого разного толка. Плакали и от смеха, и от страха, и от презрения к себе. Достав из цилиндра кролика, Пелевин немедленно с той же артистической непринужденностью выворачивал наизнанку героев нашего времени, чтобы затем ткнуть зрителей в это неприглядное нутро и сорвать овации.

После того как «Чапаев и Пустота» и «Поколение Пи» стали главными книгами девяностых, сам Виктор Олегович получил полный карт-бланш.

Дело в том, что грустный клоун никогда не забывал, у кого он работает. Публику свою он не любил. От большинства зрителей его подташнивало, поэтому, получив маломальскую известность, он сразу же приступил к работе над главным, может быть, своим проектом.

Он начал делать Бестелесного Клоуна. Получившийся в итоге голем по имени «Писатель Пелевин» интриговал всех, потому как был Абсолютным Мифом. Он никогда не показывался на публике, но знал об этой публике все. Он не общался с журналистами, не сидел в телевизоре и не стоял у стола на фуршетах литературных

премий. Его никто никогда не видел и не слышал, но непостижимым образом он видел и слышал всех. Не участвуя в околотурной жизни, он не реагировал и на выкрики публики, даже если шумели из ВИП-ложи. Клоун не снисходил до полемики и дискуссии даже с особенно надоевшими крикунами, сводя счеты привычным образом — литературные критики с чуть измененными фамилиями становились персонажами пелевинских романов и радовались, что не угодили под серьезную раздачу, как знаменитый Ослик Семь Центов.

Пелевин нагнал вокруг себя столько тумана, настолько замистифицировал все и вся, что когда его новый роман упал, как Голубиная книга, из ниоткуда в Сеть, почти все решили, что имеют дело с очередной выходкой дерзкого клоуна. Многие даже обрадовались столь красивому пируэту.

Дело в том, что Главный Клоун в последнее время явственно стал уставать. Его кульбиты выполнялись не с блеском, а с кряхтением, шутки становились натужнее, а искрометность все больше сдавала позиции многословию и брюзжанию.

Досрочное появление книги в Сети поклонники сочли великолепной выходкой, которая бы сохранила честь и раннему Пелевину. Ни один топовый писатель не презентовал свой новый роман

так романтично и эффектно. Ну в самом деле: в ночь пятницы, 13-го, в Сети объявляется неизвестный анонимный роман, который вроде как Пелевина, но кто ж его знает. Пока в очередной раз критики весь уик-энд спорили об авторстве, роман разлетался во все уголки света с интенсивностью пандемии. Это был настоящий праздник.

Похмелье наступило в понедельник. Выяснилось, что никакой роскошной презентации не было, роман пошло сперли, а сам Пелевин вовсе не хохочет счастливо над тем, какие красивые фортели выбрасывает жизнь, а причитает об упущенной прибыли, как презренный буржуа: «Насколько я знаю, это не оплошность издательства, а случай так называемого воровства. Вам это кажется похожим на забавный пиар-ход, а мне напоминает принудительный французский поцелуй на морозе». Жизнь перешутила клоуна, и клоун как-то сник и постарел. И от этого особенно заметнее стали все недостатки «Empire V».

Это роман о том, как 19-летний лузер по имени Рома Шторкин становится вампиром, а другие вампиры объясняют ему истинное устройство мира. Собственно, эти вот объяснения и составляют основное содержание пухлого тома.

Автор вроде бы и пытается порадовать героям каким-никаким

сюжетом, добавляя в текст по вкусу то резиновых женщин, то боевые конфеты. Пытается пугать бестелесной дамой с интонациями Аллы Борисовны, у которой из всех форм осталась только форма черепа приставленной непонятно к чему головы. Отправляет своего Рому, переkreщенного в Раму Второго, на смертельный поединок с могущественным волосатым халдеем Семнюковым, у которого есть только две черты, которые придают ему что-то человеческое — то, что он педераст, и то, что он агент Моссада. Но, увы, все эти веселые приключения отчаянно стремятся к одному и тому же финалу, и автор не в силах им противостоять. Головастая Иштар Борисовна втягивает юношу в спор о душе, а товарищи побитого халдея, не отойдя и шага от не успевшего остыть тела, начинают рассказывать Раме о сложностях управления перекошенной страной.

Текст очень напоминает одинокого пожилого пенсионера — рыхловат, многословен до занудливости, очень неряшлив и неаккуратен, к тому же обожает пересказывать то, что уже слышали от него многократно.

Нет, ничто не умирает совсем, и периодически можно узнать прежнего льва, но, увы, как в старой латинской поговорке — лишь по когтю. Удачные шутки случаются, но обычно попытки острить

вызывают не хохот галерки, как раньше, а сконфуженное молчание. Чего стоит хотя бы разогнанный до 60000 (прописью: шестьдесят тысяч) знаков скетч про гламур и дискурс. Пелевину образца 1996 года хватило бы на это пары блестящих абзацев. Далее — везде. Герои, лишенные даже зачатков индивидуальности, наличие отсутствия внятного сюжета, втискивание в книгу остромодных реалий вроде «ЖЖ-ных юзерпиков» или «падонкавского новояза», которое выглядит бессильной попыткой хоть чем-то разбавить длинные и нудные проповеди на ту же осточертевшую тему — «буддизм-лайт для офисного планктона».

В чем же дело? А все очень просто — времена изменились. Один из немногих живых эпизодов в книге — именно об этом.

«За обочиной мелькали блочные восемнадцатипэтажки спальных районов, последние постройки советской эпохи. Я пришел в мир на самом ее закате. Я был слишком мал, чтобы понимать происходящее, но помнил звуки и краски того времени. Советская власть возвела эти дома, завезла в них людей, а потом вдруг взяла и кончилась. Было в этом какое-то тихое «прости».

Станным, однако, казалось вот что — эпоха кончилась, а люди, которые в ней жили, остались на месте, в бетонных ячейках своих советских домов. Порва-

лись только невидимые нити, соединявшие их в одно целое. А потом, после нескольких лет неведомости, натянулись по-другому. И мир стал совершенно другим — хотя ни один научный прибор не мог бы засечь этих нитей. Было в этом что-то умопомрачительное».

Дело действительно именно в том, что мир изменился. Междувременье кончилось, началось новое время. Нити, пусть по-другому, но вновь натянулись, а новой эпохе нужны уже не криэйторы, а творцы. Не клоуны, а опять акыны, скальды и пророки.

И Пелевин, похоже, снова понял это раньше всех. Роман «Empire V» начинается с того, что старый уставший вампир Брама, собираясь уйти навсегда, передает свою вампирскую сущность пацану, представителю племени младого, незнакомого. Для этого старый вампир должен вложить в рот молодому неопиту «душу и суть вампира» — так называемый «язык».

Случайно или нет этот ритуал является развернутым парафразом стихотворения А.С.Пушкина «Пророк»?

И где же нам теперь искать этого новоназначенного Раму Второго, друга Иштар, начальника гламура и дискурса, комаринского мужика и бога денег с дубовыми крыльями?

Вадим НЕСТЕРОВ

Рецензии

Лиланд Экстон
МОДЕЗИТТ

**ПОДОБНО
ВОЙНЕ
ЗА ВЕРУ.
ЭФФЕКТ
ЭТОСА**

*Москва: АСТ,
2006. — 767 с.
Пер. с англ.
Т. Усовой.
(Серия «Золотая
библиотека
фантастики»)
4000 экз.*

В книгу вошли два романа американского фантаста. Оба текста посвящены противостоянию двух враждебных цивилизаций. С одной стороны выступает Эколого-Технократическая Коалиция, которая использует супертехнологии для модернизации не только людских тел, но и целых планет, с другой — Ревенанты Пророка, раса агрессивных религиозных фанатиков, единственная цель которых — завоевание все нового жизненного пространства.

Действие первого романа начинается с отражения лейтенантом Тристином Десоллом атак Ревенантов на терраформируемой планете Мара. Размашисто выписанная боевка смахивает на новеллизацию какой-нибудь компьютерной игры. Модезитт вообще не чужд тактических боевых контактов и, к его чести, встраивает их в текст по делу. Впрочем, центральными они не являются. Сюжетообразующая тема — столкновение цивилизаций, осваивающих Вселенную, возможность сосуществования двух видов с принципиально несовпадающей этикой.

Действие «Эффекта Этоса» происходит более ста лет спустя после событий, описанных в романе «Подобно войне за веру». Нового героя, командира Ван Кассия Альберта, автор забрасывает на планету Скандья, оказавшуюся на пересечении политических и экономических интересов старых и новых игроков. А Модезитт продолжает исследовать излюбленную тему, однако усложнив ее философской дилеммой: возможно ли главенство одной этической нормы над другой и можно ли вывести единую норму для всех? Понятно, что Достоевский в романе упоминается.

Романы Модезитта — довольно редкий сплав философской, рефлексивной прозы с динамикой и атрибутикой космической оперы. Жаль только, первый роман дилогии представлен в сильно сокращенном виде: в переводе отсутствует около трети оригинального текста и финальная часть. Почему так вышло? Рецензенту то неизвестно.

Сергей Шикарев

Дмитрий КАЗАКОВ

ЧАША ГНЕВА

*Киев: Сварог,
2006. — 352 с.
(Серия «Хроники
вторжения»).*
10 000 экз.

Новый роман Дмитрия Казакова на уровень выше его юмористических боевичков с буйными варягами. Нет, книга не лишена недостатков. Завязка действия растянута на четверть романа. Альтернативно-исторический элемент (победа крестоносцев при Хаттине) не «играет» по ходу разворачивания сюжета. Казакова интересует в основном бытовая, повседневная ситуация в христианских государствах Святой земли, а она та же, что и до Хаттина.

Однако можно назвать, как минимум, три очевидных достоинства «Чаша гнева». Во-первых, роман представляет собой микроэнциклопедию по истории тамплиеров и латинскому периоду в истории Святой земли, настоящий образец «дидактической фантастики».

Во-вторых, нашей НФ-литературой давным-давно освоен метод «романа взросления». Казаков же предъявляет прямо противоположный метод: духовный стержень его центрального персонажа, молодого крестоносца Робера, остается неизменным при любых обстоятельствах. Хотя во время странствий он узнает о мире и о пути рыцарства много такого, что никак не соответствует его простодушным нормандским представлениям... Зрелость приобретена Робером очень рано, за счет веры и доброго воспитания, поэтому перемены касаются лишь поверхностных слоев его личности.

В-третьих, Казаков выказывает отторжение привычного для современной НФ стремления решать человеческие проблемы нечеловеческими способами. Достался тамплиерам мистический артефакт страшной разрушительной силы — Чаша гнева Господня, способная сжечь хоть все человечество. Как используют ее люди? Поубивают довольно много себе подобных. В лучшем случае — применяют для обороны Святой земли. В худшем — добавляют огоньку в межхристианские раздоры... И значит, что с ней лучше всего сделать? Вернуть всю эту мощь на небо, где она и должна пребывать. От соблазна подалее, коли нет сил с ним справиться...

Дмитрий Володихин

Татьяна
АПРАКСИНА

МИР НЕ МЕЧ

*Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 318 с.
(Серия «Звездный
лабиринт»).*
5000 экз.

Благодаря «Дозорам» С. Лукьяненко и циклу «Тайный город» В. Панова городская фэнтези стала невероятно популярной у читателей. И у писателей. По-настоящему, огромные тиражи историй про вампиров и ведьм, живущих рядом с нами, вызывают у молодых сочинителей желание идти проверенным путем.

Роман Татьяны Апраксиной «Мир не меч» — типичный образчик городской фэнтези. Настолько типичный, что по нему можно смело изучать специфику жанра. И, как ни жаль, настолько вторичный, что поклонников городской сказки обязательно посетит чувство дежа-вю. Ей-богу, читая книгу, так и ждешь, что кто-нибудь из героев воскликнет: «Ночной Дозор, всем выйти из сумрака!» На месте дозорных — Смотрители, наделенные сверхспособностями и спасающие незащищенных обитателей Москвы, взамен сумрака и морока — завеса, имеющая несколько слоев. Конечно, жанр обязывает использовать присущие ему элементы, но зачем же так явно! Впрочем, если бы недостатки сводились лишь к этому...

Сюжет, повествующий о нелегкой судьбе бесполого Смотрителя Тэри и других защитников города, развивается очень вяло. Страница сменяет страницу, а действие не двигается с мертвой точки. Повествование все время пробуксовывает на ненужных деталях, которыми переполнено произведение. То автор увлечется описанием, то заставит героев долго и основательно заниматься любовью, то сравит их в схватке, забыв о том, что динамика нужна не только мордобою, но и сюжету. Вообще, складывается впечатление, что Апраксина не писала роман, а раздувала до нужного объема повесть или рассказ, заливая пустоту водой.

Ложкой меда в бочке дегтя оказались герои. Получились они характерными и яркими, каждый со своими причудами — словно автор сам встречался и общался с каждым из них в реальном мире. Тем не менее рекомендовать роман можно только очень преданным поклонникам жанра, скучающим в ожидании очередного «Последнего Дозора».

Степан Кайманов

**ДОЗОР КАК
СИМПТОМ.**

Сост.
**Б. Куприянов
и М. Сурков**

*Москва:
Флаанстер,
2006. — 416 с.
3000 экз.*

Дизайн сборника отражает принцип дуализма, лежащий в основе «дозоровской» мифологии. Под одной крышей тут собраны звездные имена из разных отраслей гуманитарной мысли: М. Рыклин и Н. Трауберг, В. Микушевич и Б. Гройс, О. Седакова и А. Секацкий, каждый из которых имеет свою исследовательскую стратегию и дуэт в собственную дуду, отчего их суждения и оценки нередко противоположны.

Фильмы становятся поводом для выявления глубинных тенденций и сдвигов в истории и культуре, политике и повседневной жизни. НФ-кино выступает в роли «зонда», исследующего на границе столкновения между обыденным и неведомым потайные закоулки общественного сознания. И хотя некоторые авторы не скрывают своего скептицизма по поводу «низкого» жанра, это не мешает им демонстрировать хорошее знакомство с литературной первоосновой, которую они пытаются включить в широкий культурный контекст.

Урок, данный продюсерами «Дозора», выучен: необходимо шире использовать рыночные формы художественного языка, а если рынок в упадке, надо создавать его «под себя». Один из неожиданных результатов сборника: он создает мгновенный портрет самого интеллектуального сообщества, которое начинает понимать, что невозможно жить в замкнутой раковине, придется выходить к реальности. Потому что даже самые отточенные методы анализа обеспечивают силу и глубину лишь тогда, когда применяются к реальным проблемам.

Однако наше общество боится своей недавней истории, не желает ее осознать. Память о 1990-х отмечена глубокой психологической травмой — с этим временем у многих связаны воспоминания о беззаконии, когда судьбы людей оказались игрушкой в руках внешних сил. «Дозоры» подводят в массовом сознании решительную черту под этим временем, дистанцируясь от 90-х и «переводя стрелки» на новую историческую эпоху.

Сергей Некрасов

Кадзуо ИСИГУРО

**НЕ ОТПУСКАЙ
МЕНЯ**

Москва — СПб.:

ЭКМО —

Домино,

2006. — 352 с.

Пер. с англ.

Л. Мотылева.

(Серия

«Интеллектуальный

бестселлер»).

4100 экз.

Хейлшем — особое место. Оно изолировано от внешнего мира, его воспитанники пользуются уважением, хотя и не защищены от зависти своих менее удачливых «коллег». Атмосфера доброжелательного внимания со стороны опекунов, поощрение творчества, учебные классы и места для игр — все это создавало ауру привилегированности вокруг Хейлшема. Вот только даже хейлшемовским выпускникам не избежать печальной и фатальной участи...

Действие книги Кадзуо Исигуро, британца японского происхождения и букеровского лауреата (за экранизированный роман «Остаток дня»), яркий образец романа взросления. По законам жанра книга начинается с детства главных героев. Глазами Кэти Ш. мы видим детские шалости, мечты и страхи юных обитателей Хейлшема. Своеобразные психологические этюды, в которых с удивительной достоверностью раскрывается анатомия детских переживаний, подводят выпускников Хейлшема к пониманию страшной правды: они клоны и их предназначение — стать донорами органов для медицинских учреждений.

Идея выращивания клонов для этих целей могла бы стать основой залихватского НФ-боевика (вроде фильма «Остров») или романа ужасов. Вот только Кадзуо Исигуро волнуют вовсе не клонические войны. Психологическая достоверность характеров и жизненных ситуаций, с которыми сталкивается героиня книги, автору намного интереснее. За бытовыми и психологическими перипетиями в филигранной прозе Исигуро, пронизанной пафосом ответственности создателя за свое творение, скрываются размышления над проклятым вопросом «Что есть человек и что его делает таковым?», попытка найти единственно правильное определение самого понятия «человечность».

Пронзительно лиричный роман предлагает редкую возможность искреннего сопереживания героям, погружая их в непростые ситуации, любовь и ненависть — на пути к «завершению».

Сергей Шикарев

Сергей ЛИФАНОВ,
Ирина КУБЛИЦКАЯ

**НА ТИХОМ
ПЕРЕКРЕСТКЕ**

*Москва: Форум,
2006. — 416 с.
(Серия «Другая
сторона»).*
3000 экз.

Жанр — магический детектив. Время действия — условная современность. Место действия — фрагмент Европы-2, тихая, мелкая, культурная страна Северингия с богатым прошлым и уютным настоящим.

Жанровая принадлежность книги исчерпывает ее содержание. Она представляет собой подборку повестей-расследований. По отношению к текстам Глена Кука, Макса Фрая, Даниэля Клугера и целого ряда менее одаренных отечественных магдетективщиков дуэт Лифанов—Кублицкая выделяется одним: всю чертовщину они настойчиво вписывают в реальность современного города, переданную с подчеркнутым реализмом.

Авторы, сами того не желая, создали отражение некоторых романов Алексея Бессонова в кривом зеркале. Там был рай для мужчин: авантюрно-романтические одеяния, дамы на все вкусы, обилие харчей и оружия, плюс большой корабль с во-от такими стрельками (как вариант: корабль мог оказаться космическим). Тут рай для женщин — даме номер один достается по наследству фамильный замок с привидениями. Персонаж номер два получает тем же путем первоклассную библиотеку прадеда — колдуна и оккультиста, а затем драгоценности, переданные ей за красивые глаза галантным уголовным авторитетом. Героиня номер три стараниями того же уголовника получает солидное состояние (законным, правда, путем), а затем становится женой восточного принца из экзотического государства Куфанг: жаль, принцу не удастся ее осчастливить — родные места оказываются милее. Все с аппетитом уплетают вкусные печенюшки. Все — милые, независимо мыслящие интеллектуалки, без детей, конечно. Все очень пронизательны, героини Донцовой и Хмелевской должны бы со стыдом уволиться... Ну, а представители остаточного пола с готовностью кидаются выполнять прихоти прелестниц. Иначе зачем они вообще нужны?

А впрочем, если дамский детектив имеет сногшибательный успех, почему бы не получить его и дамскому магдетективу? Может, вот она — золотая жила?

Дмитрий Володихин

Григорий
ПАНЧЕНКО

**ГОРИЗОНТЫ
ОРУЖИЯ:
«ЛИКБЕЗ» ДЛЯ
ФАНТАСТОВ
И НЕ ТОЛЬКО**

*Москва: Форум,
2006. — 304 с.
(Серия «Другая
сторона»).*
3000 экз.

Действительно, ликбез, полезный любому уважающему себя фантасту. Здесь показаны практически все виды оружия (кроме огнестрельного) в произведениях писателей-фантастов; причем примеры берутся по возможности из лучших образцов отечественной прозы — Евгения Лукина, Г.Л.Олди, Андрея Лазарчука, Андрея Валентинова. Двуручники, протазаны, цепные шары, цепные шестоперы, кистени, пращи, арбалеты. Защитная экипировка. Соответствующие цитаты из произведений фантастов, плюс описание оружия, его «портрет», история, а кроме того — детальный разбор полетов: где автор ошибся, а где, напротив, проявил глубокие познания в указанной теме. Наконец, тщательно подобранные иллюстрации.

Эта книга в буквальном смысле слова не фантастическая; тем не менее она адресована фантастическому сообществу и известна любителям фантастики благодаря тому, что фрагменты ее публиковались в жанровой периодике. Не меньшим интересом она, полагаю, будет пользоваться и среди любителей ролевых реконструкций.

Григорий Панченко с методичностью ученого разбирает, применим ли, скажем, двуручный меч в конном бою, в пехоте, при обороне укреплений, на кораблях... Можно ли заставить сражаться им героя тех фантастических произведений, где вместо коней в качестве боевого животного используются, например, драконы?

Кстати, о драконах. Григорий Панченко по профессии зоолог, однако раздел «Краткое введение в драконоведение (военно-прикладные аспекты)», написанный в соавторстве с Константином Асмоловым, получился, пожалуй, наименее убедительным: уж слишком много здесь фантастических допущений и натяжек. Интереснее второе приложение (в соавторстве с Владимиром Лещенко) — «Сага об амазонках», тоже весьма спорное, но, по крайней мере, имеющее под собой хотя бы какую-то историческую почву.

Аркадий Штыпель

Наталья ЛАЗАРЕВА

СОН

*Москва: Текст,
2006. — 302 с.
2000 экз.*

Легко сказать: «это не фантастика». Такое внимание к деталям, из которых складывается жизнь и судьба человека, привычно относить к реализму. Из этих деталей создается запах, вкус и цвет времени, как сплетаются ниточки и лоскутки в швейной машинке нынешних мойр. Но за каждым образом и поворотом сюжета открывается выход за границы обыденного, нарочитый сдвиг реальности. В иной перспективе заметны точки пересечения мира и человека, не доступные невооруженному глазу.

Фантастика должна складываться как полноценная проза, только иначе и лучше, — этот принцип, вынесенный из семинара А.Н.Стругацкого, лежит в основе творчества московской писательницы.

Заглавное произведение — первая часть цикла «Повести Временных Поверхностей». Альтернативный мир, где время течет иначе, разные реальности пересекаются и бесчеловечная сверхцивилизация пытается включить людей в сеть своего контроля и управления. «Чужое влияние, не совпадающее с нашей жизнью». Повесть «Сон» может показаться исторической: в ней в спрессованной форме представлена картина советского времени, пережитая изнутри. Сон — это прозвище главной героини, художницы Софьи, жизнь ее изрядно помотала, но она не сдается. Яв — прозвище ее мужа, бывшего руководителя Комиссии мер и весов. Он открывает залежи лигнокристаллов, которые позволят создать принципиально новые компьютеры и новые инструменты для власти над людьми.

Вторая повесть вне всяких циклов. Морская Корова, или дюгонь, тоже прозвище главного героя, пловца Косты Богдасарова. Он не спортсмен, он из тех людей, которые бросают вызов судьбе. Также и судьба постоянно бросает ему вызов, подкидывая новые проблемы, отбирая заслуженные награды. «Думай о том, чего, кроме тебя, сделать не сможет никто. Иначе — ничего от тебя не останется». Принцип «челленджа» — стремиться к выдающемуся результату, потому что это единственный правильный путь, — приложим не только к герою, но и к автору книги.

Сергей Некрасов

Юлия ОСТАПЕНКО

**ЗАЧЕМ НАМ
ВРАГИ**

*Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 349 с.
(Серия «Заклятые
миры»)
5000 экз.*

Юлия Остапенко — поразительно упрямый автор. Сколько ей ни указывают на очевидные просчеты ее текстов, она продолжает гнуть свою линию.

Открывая третий роман львовского фантаста, я искренне надеялся обнаружить если не «новую Остапенку», то хотя бы движение вперед. И действительно: тяжеловесных синтаксических конструкций стало значительно меньше, из текста исчезли канцеляризмы. Но, как ни жаль, самые существенные недостатки, свойственные ее романам, остались на месте: неумение (или нежелание?) закрутить сюжет, довести его до логического конца, изображение «реальности» исключительно в черных красках.

Мир новой книги невероятно мрачен и жесток. Если герои забредают в город, то обязательно наткнутся на гору трупов. Если автор ведет читателя в домишко, то за дверью его встречает персонаж, склонившийся над хладным телом дорогого человека. К чему эта излишняя жестокость, причем совершенно не работающая на сюжет? Кроме того, в списке сохраняется еще один, «фирменный» недостаток — это отсутствие решения заявленной проблемы. Подобное мы наблюдали в дебютном романе «Ненависть», такой же просчет обнаружился и здесь.

Чего не отнять у автора, так это умения создавать яркие типажи, часто пугающие, даже вызывающие отторжение, но всегда выпуклые. Таков высокомерный эльф Глориндель, таков человек Натан, вынужденный сопровождать эльфа к молодой невесте. Несомненным достоинством книги являются и ситуации, в которые Остапенко ставит своих героев, то и дело заставляя решать непростые этические уравнения.

Приходится признать, что рассказы пока удаются Юлии лучше, чем романы. Но автор растет, и это радует. Побори Остапенко собственное упрямство, перестань она зацикливаться на психологических вывертах, возможно, со временем громкие похвалы на обложках ее книг окажутся не пустыми словами.

Алексей Старков

ВОЗВРАЩЕНИЕ СМЫСЛОВ

Желание автора задать именно этот вопрос поклонникам НФ вполне понятно: Э.Геворкяну, представителю «Четвертой волны», довелось наблюдать немало последующих «волн», решительно изменивших облик отечественной фантастики. Но изменились ли мотивы и интересы самих читателей?.. Итак: «Что для вас фантастическая литература в первую очередь?»

Чтиво на досуге — 5%;

Дверь в иные миры, далекие от скучной действительности — 42%;

Игра ума, интеллектуальный кроссворд — 13%;

«Школа жизни», формирующая ваши убеждения или поведенческие модели — 7%;

Индикатор социальных тенденций — 4%;

Сочетание приятного с полезным: эмоциональной встряски с новой информацией — 25%;

Форпост науки — 3%;

Тема для общения с друзьями или в Сети — 2%;

В опросе приняли участие 1053 человека.

Литературная жизнь в высоких сферах художественного вымысла радует глаз и веселит сердце. Что ни день, что ни год — новые авторы, новые книги, новые конвенты, новые премии, новые дискуссии на форумах, блогах и вне оных... Впрочем, с дискуссиями особь статья. Тут время словно остановилось, и каждая новая генерация творческих особей с упованием обсуждает те же вопросы, что и 10, 20, 30 лет назад, и приходит практически к тем же выводам. Вообще, строгий ревнитель словесной новизны мог бы потребовать за сравнение фантастики с Золушкой отлучения от пера или клавиатуры на месяц, а за попытки противопоставления или сопо-

ставления фантастики с мейн-стримом — попросту расстреливать на месте. На первый взгляд, действительно, этакое топтание на месте может утомить искушенного фэна, который с ходу назовет вам место и время проведения аналогичных дискуссий на конвентах или семинарах. Но все же, по моему скромному мнению, сам факт воспроизведения подобных дискурсов весьма отраден, поскольку означает, что жизнь фантастики как самодостаточного и вполне бодрого организма продолжается. И результаты опроса подкрепляют наш оптимизм.

Итак, для большинства участников опроса фантастика являет-

ся «дверью в иные миры, далекие от скучной действительности».

Тут бы горестно взвыть (что автор этих строк в давние годы неоднократно проделывал), пролить слезу над торжеством эскапизма и над другими не менее слезогонными материями. Но на втором месте (25%) идет пункт «Сочетание приятного с полезным: эмоциональной встряски с новой информацией». Ясно, что эмоциональное сопереживание подразумевает некоторый отход от критического восприятия действительности — обыденной и вымышленной. И вообще, даже в пору расцвета густопсовой НФ автор сознательно или инстинктивно эксплуатировал именно склонности целевой аудитории к уходу от действительности, к неприятию ее как данности в ощущениях. Да что там скрывать, эффективность игры на этом инструменте — традиционное наследие литературы художественного вымысла. Так было, так будет. И подавляющее большинство опрошенных продемонстрировало здравый смысл и понимание своих мотивов.

Собственно говоря, когда вопрос только набирал статистику, казалось, что остальные пункты равномерно размажутся и можно будет проигнорировать их. Но не тут-то было!

Неожиданно на третье место (13%) вышел вариант «Игра ума, интеллектуальный кроссворд».

Эта нечаянная радость может свидетельствовать о том, что интеллектуальная проза все еще востребована в нашем с вами обществе. Впрочем, не исключено, что ключевое слово «игра» неявно подразумевало соотнесение с позицией «сочетания приятного с полезным», своего рода расширение коннотаций.

Удивительно, что все еще сохранились иллюзии о морализаторской функции литературы. Для 7% респондентов фантастика в первую очередь является «школой жизни». Возможно, в каких-то возрастных группах она и впрямь может влиять на формирование поведенческих модусов, этических и эстетических реперов. Мне почему-то представляется, что такое воздействие имеет статистически кратковременный характер, и взрослый организм, столкнувшись с реальностью во всей ее полноте, быстро становится ей адекватен. Ну, а те немногие, кто смог устоять перед «свинцовыми мерзостями» жизни, пополняют ряды Фэнов и классово близких ролевиков. Вероятно, имеет смысл обратить большее внимание на самых юных читателей... Впрочем, раскрытия темы детской фантастики в этой заметке не предполагалось. Засим продолжим.

Теперь о «социальных трендах». Вершиной фантастики, отслеживающей пути развития общества, традиционно считались антиуто-

пии. Сейчас некоторый интерес к ним проявляют разве что коллеги из малотиражной прозы (заметьте, слово мейнстрим не было произнесено), которые о фантастике говорят, презрительно свесив губу, и сами при случае радостно пасуются на наших полянках. Но не будем держать на них зла: бескормица, вечная грызня, отсутствие конвенгов и фэндомов и без того делает их жизнь невеселой... Но в глазах читателя, избалованного остро сюжетной литературой, антиутопии ныне проходят разве что по разряду боевиков, практически сливаясь с ними, или не идут вообще. Литература предупреждения в стране, за последние десятилетия пережившей гибель империи с последующей дискотеккой на костях, воспринимается весьма своеобразно. 4% на индикацию социальных трендов — вот и, кстати, последний гвоздь в гроб генерации «Четвертой волны», поставившей во главу угла социальную фантастику.

Честно ответившие — «чтиво на досуге» — добрались до самых вершин здравого смысла, но на вершинах, как правило, ветрено, холодно и пусто... Ну, а что касается почти 2% любителей общения — то это, мне кажется, своего рода привет от неистовых фэнов, носителей сакрального знания о том, как живут неформальные сообщества и что их удерживает от распада.

А что касается «форпоста науки»... Э-э, чего уж там, к стыду

своему должен признаться, что и моего голоса нет в этой строке опроса. Но все же интерес к наукам среди молодых поколений — факт очевидный, стало быть и НФ со временем вернет себе эту миссию. В какой-то части, разумеется. Пока же все как у других: изымите пункт о «форпосте» или замените слово «наука» на «культура» — и что изменится, если опрос будет о литературе нефантастической? Да ничего! Хотя мы с вами и знаем, что фантастика — чуть больше, чем просто литература, фантастика отягощена дополнительными смыслами, но имеет ли это значение для массового читателя?

Прометей, как известно, принес человечкам огонь, за что и был заслуженно наказан. Геракл, гуляющий в горах Кавказа, убил орла, освобожденный Прометей ушел по своим делам, но цепи его остались. Время от времени их примеряет на себя очередной Молодой Талантливый Автор, вздрагивая от шороха над головой. Только это не орлы летят клевать его ливер, а издатель брезгливо листает страницы рукописи. Муки начинающего писателя, возможно, и сродни прометеевым, однако потом, когда он увидит свою книгу в «сливе», то вспомнит о Сизифе... Но это его не остановит! Жизнь продолжается. Чем не повод для оптимизма?

Эдуард ГЕВОРКЯН

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Кажется, трудно даже вообразить возможность конкуренции между писателями и путешественниками. Многие литераторы активно странствовали по планете, а многие первооткрыватели оставили после себя интереснейшие книги. И все же была литературная область, в которой писатели и путешественники словно старались опередить друг друга — описание неведомых земель.

Фантастика и география вообще связаны прочнее, чем можно предположить. Процесс познания человеком мира был сопряжен не только с описанием географических реалий, но и со-творением мира, лежащего за пределами известной человечеству Ойкумены.

Собственно, поэтому для первых географических описаний и космографий характерно переплетение объективной информации и фантастических элементов. Ярким примером такого смешения является упоминание в диалогах Платона легендарной Атлантиды.

Подобный подход хорошо виден и в «Сказании о Гильгамеше» или «Одиссее»: ближайшие к родине путешественника земли обрисованы правдоподобно, их населяют люди, а вот дальше начинаются области чудовищ — циклопов и гиппогрифов, аримаспов и пигмеев... Но разве не похожую картину находим мы в древних и средневековых космографиях? Разве не рассказывали ирландские и норвежские мореходы, будто видели на севере ок-

раину ада и Иуду, навечно прикованного к высокой скале?

Когда Данте Алигьери в «Божественной комедии» изображал ад в виде огромной пещеры в чреве Земли, а чистилище — как огромную гору, вздымающуюся к небесам на противоположной от Европы стороне земного шара, он выступал лишь в роли дотошного космографа. Никто не мог бы уличить его в бессмысленной, ни на что не опирающейся выдумке. Для средневекового европейца картина мироздания «по Алигьери» и карты, отмечающие «места обитания драконов» — это, пожалуй, наиболее точное описание окружающей его реальности.

Постепенно картина мира, сочетающая объективные реалии и мифические явления, исчезнет и уже в наши дни будет обыграна в романе Умберто Эко «Баудолино», в котором наравне с Фридрихом Барбороссой действуют псиглавцы, кинокефалы и одноногие исхиаподы.

С развитием представлений о мире роль географических описаний изменилась от равноправ-

ного субъекта повествования до сюжетного атрибута, определяющего место действия произведения. В то же время сформировались типовые жанровые сюжеты, основанные на использовании и доминировании географической составляющей. Совокупность таких сюжетов составляет основу географической фантастики.

В поисках идеального

Целый пласт произведений традиционно основан даже не на описании, а на конструировании новых географических объектов. Что делать, если утопии (в отличие от антиутопий) плохо приживаются в реальном мире?

Фактический создатель этого направления — Томас Мор, автор «Весьма полезной, также и занимательной книжки о наилучшем устройстве государства и о новом открытом острове Утопия». «Утопос» — «нигде». И в этих-то странах «нигде» происходит действие значительного числа фантастических романов XVI — XVIII вв.: у Т.Кампанеллы в «Городе Солнца» — на Тапробане (Шри-Ланке); у Ф.Бэкона в «Новой Атлантиде» — на острове Бенсалема в Тихом океане; у Э.Хэйвуда в «Воспоминаниях о некоем острове, расположенном по соседству с королевством Утопия» — в Атлантике; у С.Джонсона в «Истории Расселаса, принца Абиссинского» — в Африке.

Не отставали в придумывании вымышленных стран и отечественные авторы. Так, князь М.М.Щерба-

тов написал «Путешествие в землю Офирскую», в котором изобразил идеальное общество на некоем острове, а Н.П.Брусилов создал «Путешествие на остров подлецов», где сотворил целый архипелаг в не названном океане. Использовали выдуманные города и земли русские авторы и для создания антиутопий. Например, В.Ф.Одоевский в рассказе «Город без имени» описал исчезнувшую колонию людей, стремившихся построить идеальное общество где-то в Канаде. И понадобилась история этой затерянной земли русскому автору лишь для наглядной критики теории утилитаризма Иеремии Бентама.

Разместить воображаемое общество на острове писателям всегда казалось безопасней, с точки зрения правдоподобности. Ведь и Утопия, и Бенсалема (Новая Атлантида), несмотря на свои размеры, на континенты никак не тянут. Это всего лишь очень большие, хотя до сих пор и не обнаруженные острова. И в самом известном фантастическом романе эпохи Просвещения «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала судового врача, а затем капитана нескольких кораблей» Д.Свифта почти все неизвестные страны, которые посещает его герой, расположены на архипелагах. Исключением кажется лишь Бродбинг-нег, который формально является лишь полуостровом Северной Америки. На самом же деле страна великанов отделена от остального американского континента

непроходимыми горами и доступна исключительно с моря, так что это часть материка лишь по формальным признакам. И поздние писатели помещали целые утопические поселения на островах (А.Московски «Острова мудрости», А.Моруа «Путешествие в страну эстетов»). А болгарский фантаст Э.Манов в 1981 году решил продолжить сатирическую традицию Д.Свифта, написав «Путешествие в Уибробию», где изобразил плавающий континент, населенный уибробами — странной смесью всех героев английского писателя.

В эпоху Просвещения даже Антарктида, в конце концов, стала местом для утопии. В романе «Южное открытие, произведенное летающим человеком, или Французский Дедал» Н.Ретиф де ля Бретон рассказал, как некий изобретатель обнаружил возле Южного полюса совершенное коммунистическое общество.

Соседствует с утопической территорией пространство сакральное. Оно вмещает в себя объекты священного поклонения и позволяет общаться с богами, переходить в иные миры. В отличие от утопий располагаемые на окраине Ойкумены священные земли создавались не волей мыслителя, а представляли собой своего рода «равнодействующую миллионов желаний», отражая народные мечтания о возможности лучшей доли. Такие сакральные географические объекты представлялись своего ро-

да земным раем, неуклонно притягивающим к себе людей. Любопытно, что по мере освоения земель они меняли свое месторасположение, оставаясь недосягаемыми для искателей.

В число таких объектов входит «Царство пресвитера Иоанна», расположенное где-то на Востоке. Эта распространенная средневековая легенда стала предметом одной из книг Льва Гумилёва. В буддийских землях издавна бытовал романтический миф о Шамбале — запретной обители просветленных мудрецов, достигших высшего знания. Некоторые путешественники по Центральной Азии (например, наш соотечественник Н.К.Рерих) вполне серьезно утверждали, что доходили до границ этой спрятанной страны. Литературным воплощением легенды стал роман Д.Хилтона «Потерянный горизонт», где Шамбала выведена под весьма прозрачным псевдонимом «Шангри-Ла». В своей книге Хилтон сумел объединить старую буддийскую легенду, картины утопических миров, характерные для фантастики эпохи Просвещения, и романтику географической НФ XX века. Стоит упомянуть и русскую легенду о граде Китеже, ушедшем под воду озера Светлояр. Старообрядческая легенда стала основой многих произведений культуры, в числе которых роман «В лесах» Мельникова-Печерского, поэма Майкова «Странник», опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Фе-

вронии», НФ-сочинение Зуева-Ордынцева «Сказание о граде Ново-Китеже»...

В поисках неизвестного

Большинство сочинений географической НФ основано не на вымышленных утопических конструкциях и сакральных объектах, а на географических реалиях, приправленных некоторыми фантастическими допущениями.

Всплеску интереса к выдуманной экспедициям способствовала временная приостановка географических открытий. В начале XIX века стало ясно, что есть целый ряд областей на Земле, которые невозможно покорить при тогдашних технических возможностях — полярные льды, влажные тропические леса, горные цепи Азии, пустыни Африки или Австралии. Европейцы осознали, что за тонкой ниточкой маршрутов отдельных смельчаков все равно останутся огромные области неизвестного. Тут-то и вышли на сцену фантасты, которых не могли остановить ни ледяные торопы, ни тучи мух цеце. В течение XIX—XX вв., в эпоху расцвета именно научной фантастики, была создана своего рода альтернативная мини-география самых укромных уголков нашей Земли.

Особой популярностью у выдумщиков необычных путешествий пользовались Африка и Южная Америка. Негостеприимные болота Центрального Конго или таинственные долины Кордильер, где вплоть до начала XX века

археологи ухитрялись находить целые заброшенные города, давали возможность фантастам развернуться. На других континентах дело обстояло хуже — откровенно негостеприимных мест было не то чтобы меньше, просто почему-то и писателям, и читателям мало верилось, будто там смогут сохраниться забытые цивилизации.

Откровенно не повезло Австралии — в истории НФ остался лишь один заметный роман о затерянной цивилизации на этом континенте. Это книга австралийца О.Гренвилла «Падшая раса», которая стала своеобразным памятником географической ошибке — долгим и напрасным поискам внутреннего моря в центре Австралии, куда якобы должно впадать большинство рек этого континента (в реальности речные потоки просто исчезают в песках, но в это в XIX веке никто не мог поверить). Вот герою Гренвилла не только удалось отыскать это внутреннее море, но и обнаружить цивилизацию странных сферических существ, а в итоге даже стать их правителем.

Трудно представить процветающее затерянное королевство и в сибирской тайге. В лучшем случае какой-нибудь писатель-саатирик, вроде М.Е.Зуева-Ордынца в «Сказании о граде Ново-Китеже», сделает таежную глухомань ареной для издевательского описания встречи россиян, застрявших в XVII веке, с носителями «самого прогрессивного советского

мировоззрения». В «серьезных» образчиках географической фантастики в Сибири находили лишь отдельные неизвестные горы или озера, как и в самой что ни на есть обыденной реальности («Озеро Горных духов» или «Голец Подлунный» И.А.Ефремова). И в Гоби или Синцзяне герои фантастических романов, подобно археологам-современникам, также исследовали одни пыльные развалины некогда великих цивилизаций. Правда, результаты таких изысканий иногда оказывались поразительными: например, в романе Т.Манди «Джимгрим» найденные в Гоби научные секреты атлантов позволили герою претендовать на власть над миром.

И даже джунгли Юго-Восточной Азии казались фантастам не слишком интересной ареной для развешивания приключений. Единственное запоминающееся исключение, оставшееся в истории НФ, это повесть Ж.Рони-старшего «Нимфея» (в русском переводе — «Озеро белых лилий»), в которой герои случайно натываются где-то в азиатских тропиках на страну людей, способных жить под водой.

Впрочем, относительно повезло в НФ горным территориям азиатского региона. Труднопроходимые скальные цепи и неприступные восьмимысячники Гималаев способствовали тому, что на страницах произведений появлялись целые государства, скрытые за нерукотворными крепостными валами Памира или Тибета. Самый известный пример — цикл рома-

нов Г.Р.Хаггарда об Айеше, могущественной и таинственной владительнице племени потомков Александра Македонского («Она», «Айеша», «Она и Аллан», «Дочь мудрости»). Назовем еще несколько заметных текстов этого ряда: «Глаз Иштар: роман о земле, откуда не возвращаются» У.Ле Кье, «Абджед Хевез Хютти» Адалис (А.Е.Ефрон), «Гроза мира» И.Дерока (И.Г.Ряпосов).

А.Меррит в романе «Металлический монстр» заставил своих героев в Северных Гималаях столкнуться не только с потомками древних персов, скрытно обитающих там со времен царя Дария, но и с невероятной цивилизацией разумных металлических существ.

Несколько больше повезло заброшенным и залеженным пространствам Аляски. Так, действия двух известнейших произведений А.Меррита («Народ бездны» и «Обитатели миража») разворачиваются среди местных хребтов и долин. И даже в 80-е годы XX века С.Тэлл в романе «Народ за стеной» решил описать затерянный мир, укрывшийся под ледниками Аляски. Остальная же часть североамериканского континента была слишком обжитой и доступной. Ф.Баум, правда, страну Оз поместил первоначально в Канзас, но из текста последующих книг становится ясно, что герои американского сказочника переносятся, скорее, в некий параллельный мир.

Поразительно богатый животный мир Южной и Центральной Америки также привлекал внимание фантастов. И при этом они не ограничились тривиальными ягуарами да пираньями. Ф.Обри «поселил» на нагорье Рорайма дерево-людоеда («Дерево-дьявол из Эльдорадо: роман о Британской Гвиане»), а Г.Уэллс описал гигантских муравьев и пауков («Царство муравьев», «Долина пауков»; впрочем, наряду с этими кошмарами есть у английского фантаста и явный рассказ-аллегория, действие которого разворачивается в горах Колумбии — «Страна слепых»).

И все же самый ценный подарок будущим исследователям неоткрытых территорий в Южной Америке сделал А.Конан Дойл в «Затерянном мире». Именно он придумал отличительный признак фантастических путешествий по этим местам — обязательное присутствие в тексте динозавров и питекантропов. После британца большинство фантастов обязательно описывали либо звероящеров, либо первобытных людей в джунглях Амазонии или долинах Анд.

Привлекательность Латинской Америки для фантастов обеспечило и наследие доколумбовых цивилизаций. Заброшенные города инков и майя будили воображение: а вдруг где-то в глубине непроходимых джунглей до сих пор хранят свои тайны потомки хозяев индейских империй? Одновременно писателей привлека-

ла и уже сложившаяся в литературе репутация этих исчезнувших государств как цивилизаций магических, легенды о невероятном могуществе местных жрецов и шаманов. Одним из первых эту тему поднял Т.Жанвье, у которого в романе «Ацтекский дом сокровищ» главные персонажи находят уцелевшие остатки ацтекской империи.

«Здесь все еще живы древние боги» — эта мысль вдохновляла писателей на создание книг о затерянных городах и племенах Латинской Америки. Не случайно культовой фигурой в подобного рода сочинениях стал полковник Фосетт, всю жизнь искавший забытые цивилизации в бассейне Амазонки и без вести пропавший во время одной из экспедиций. Именно о нем была написана интереснейшая повесть М.Емцева и Е.Парнова «Последнее путешествие полковника Фосетта», один из немногих образцов сочинений о затерянных мирах в советской НФ послевоенного периода.

Многие авторы склонны были изображать мистические приключения, в ходе которых герои втягивались в противостояние между божествами, воплощающими Абсолютное Добро и столь же Абсолютное Зло. А присутствие в мифологии американских индейцев змееподобных богов опять-таки позволяло включать в действие разнообразных динозавров в качестве экзотических слуг неведомых властителей времени и пространства. Именно так поступали,

отправив своих героев в Анды, А.Меррит в «Лице в бездне» или Г.Каттнер и К.Мур в «Долине пламени». И даже в более позднее время эта традиция сохранялась: например, в книге Д.Фелпса «Народ зимы» южноамериканский ученый находит тайное племя в Андах, которое зимой погружается в спячку.

На африканском континенте роль основных «белых пятен» записана за пустынями и экваториальными лесами. Не случайно именно район Калахари в качестве отправной точки для начала поисков неизвестных земель избрал Г.Р.Хаггард в книге, которая на долгие годы стала идеальным образцом географической НФ — «Копи царя Соломона». В южной и юго-восточной Африке разворачивается действие большинства книг этого английского писателя, посвященных судьбе его главного героя — охотника и следопыта Алана Квотермейна.

Диких и заброшенных уголков в этих местах хватало, однако постепенно цивилизация сделала невозможной веру в неведомые цивилизации. Поэтому в 1912 году Э.Р.Берроуз предпочел избрать для своего главного персонажа — Тарзана — несколько иную область для подвигов. Влажные экваториальные леса центральной Африки и по сей день остаются дикими и заброшенными, а уж в начале XX века о них вообще было мало что известно. В книгах вроде «Тарзан и люди-муравьи» или «Тарзан и город золота» хватило места и для заброшенных го-

родов, и для остатков библейского Офира, и для полчищ человекоподобных монстров. В загадочные африканские джунгли, где можно встретить и динозавров, и странные гибриды людей и растений, отправляли своих героев Ж.Рони-старший в «Удивительном путешествии Гертона Айронкастла», Д.Уитли в «Сказочной долине» и многие другие авторы 1920—1930-х годов.

Долгое время Сахара тоже казалась надежным барьером, ограждающим неизвестные земли от взора исследователей. Поэтому и В.Я.Брюсов в повести «Гора Звезды» поместил в глубине ее песков целую цивилизацию бывших марсиан, и П.Бенуа в центре пустыни спрятал город потомков атлантов (роман «Атлантида»). Однако развитие авиации подкосило надежды на отыскание «тайн Сахары». Всерьез писать о загадочных цивилизациях, затерявшихся где-то среди унылых дюн и скал, перестали уже накануне второй мировой войны.

Зато тропические джунгли и по сей день остаются прибежищем для последних забытых цивилизаций в литературе. Это одна из немногих уцелевших арен для развертывания невозможных, фантастических событий на нашей планете. И не случайно известная книга М.Крайтона «Конго» описывает затерянный город Зиндж в экваториальной Африке, охраняемый злобными обезьянами. Данный текст не просто хорошее приключенческое произведение.

Это еще и своеобразная дань памяти современного фантаста двум мастерам прошлого — Г.Р.Хагграду с его романом «Хеухеу, или Чудовище» и Г.Ф.Лавкрафту с рассказом «Артур Джермин», где в качестве фона для повествования выбрано точно такое же пугающее людей место, населенное злобными обезьяноподобными чудовищами.

Северный и южный полюсы земного шара долгие века оставались настоящими территориями недоступности для исследователей. Количество путешественников, погибших при изучении Арктики и Антарктики, намного превышает число тех, кто пал, изучая остальные континенты. Зато полярные регионы надолго остались прибежищем для стран и народов, придуманных писателями-фантастами.

При этом Арктике повезло меньше, чем Антарктике. Несмотря на веру средневековых географов в землю у Северного полюса, в XVII веке Ледовитый океан считали «открытым морем». Согласно этой концепции, которой, например, придерживался и Жюль Верн, моряки, преодолев полосу льдов, находящуюся ближе к материкам, должны найти обширные пространства, свободные от айсбергов и удобные для судоходства. Именно такое море отыскивали персонажи самого известного «полярного» романа великого французского фантаста — «Путешествия и приключения капитана Гаттераса». А вот неоткрытой зем-

ли на полюсе в этой книге было столь мало, что с трудом удалось воткнуть в нее английский флаг...

Последующие авторы также в лучшем случае «находили» в арктических морях легендарные острова вроде Земли Санникова да решались подогреть на них атмосферу при помощи подземного тепла. Так поступили В.Обручев в «Земле Санникова, или Последних онкилонах», Л.Платов в «Повестях о Ветлугине» («Архипелаг исчезающих островов» и «Страна Семи Трав»), В.Пальман в «Кратере Эршота». Редким возрождением старых образцов утопического жанра в арктических условиях стала книга У.Харбена «Земля изменчивого солнца». Здесь рассказывалось, как в будущем в приполярной впадине («стране Альфе»), обогреваемой искусственным электрическим светилом, меняющим свой свет, английские инженеры-утописты создали идеальное общество (правда, в итоге «Альфа» все равно погибла в результате извержения вулканов).

Антарктида была более популярна у создателей историй о затерянных мирах хотя бы потому, что на нее оказались перенесены представления о загадочном Южном континенте, господствовавшие в географической науке в эпоху Возрождения. Считалось, что значительная масса суши, находящаяся в Северном полушарии, обязательно должна уравновешиваться такой же в Южном. Поэтом и новые земли, откры-

вавшиеся мореплавателями, вроде Новой Гвинеи или Австралии, изначально воспринимались лишь как полуострова неизвестного континента.

К тому же недоступная Антарктида в литературе быстро была связана с мифом о проходе внутрь нашей Земли, якобы находящемся где-то у полюсов. Укрепил этот антарктический миф Э.По в известных повестях «Рукопись, найденная в бутылке» и «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» (а еще загадочную впадину у полюса видел герой другого известного произведения американского фантаста — Ганс Пфааль, улетевший на Луну на воздушном шаре).

Незаконченность книги об Артуре Пиме, обрывки и недомолвки ее последних глав дали простор для всевозможных продолжений, в которых, кстати, хорошо заметна психология и творческие наклонности авторов. Например, Жюль Верн, всегда с отвращением относившийся к мистике, на страницах романа «Ледяной сфинкс» сначала уничтожил жителей приантарктических островов, посещенных А.Пимом, а потом вообще скрыл в тумане все «отвратительные тайны», о которых не успел поведать По. Зато Г.Ф.Лавкрафт в «Горах безумия», напротив, не сумел выдержать взятого изначально тона чисто научно-фантастической истории и к финалу ударился в мрачный мистицизм, использовав наиболее непонятные и темные моменты

повести своего великого предшественника.

Затерянный мир, обладающий целым букетом характерных признаков воображаемых земель (динозавры, примитивные дикарские племена, загадочные нечеловеческие цивилизации и т.п.), разместил у берегов Антарктиды Э.Р.Берроуз в цикле «Земля, позабытая временем». Здесь неизвестный континент в южных морях открывают англичане, захватившие немецкую подводную лодку U-33.

Две истории о путешествиях к Южному полюсу касаются как воображаемой географии, так и альтернативной истории. В «Приключениях Карла Вебера» Б.Садовского русская экспедиция исследует еще официально не открытую Антарктиду (действие происходит в Петровскую эпоху). А вот американец О.Райт сотворил целый утопический остров Исландия в одноименном романе. События книги не имеют никакого отношения ни к нашей истории, ни к реальной Исландии Северного полушария.

Впрочем, исследования Антарктиды в XX веке тоже быстро «перекрыли кислород» фантастам. Последним значительным произведением о затерянных северных цивилизациях был роман Д.Уитли «Человек, пропустивший войну». Позже только в отдельных рассказах описывали небольшие оазисы жизни, якобы сохранившиеся подо льдами Антарктики.

Чаще всего неизвестный остров появлялся на страницах НФ-

произведений в качестве разве что убежища для какого-нибудь гениального ученого-одиночки, бежавшего от общества («Остров доктора Моро» Г.Уэллса или забытый клочок суши в Баренцевом море, где поселился герой повести А.Р.Палея «Остров Таусена»). Впрочем, в соответствии с законами субжанра на этих островах могут обитать безумных ученых вполне могут оказаться и, скажем, полулюди-полузвери (С.Фаулер Райт «Остров капитана Спарроу») или причудливые потомки злобных инопланетян (Д.Уондри «Гигантская плазма»).

Особое место на карте затерянных миров занимает Саргассово море. И так плохо проходимое для кораблей, оно давным-давно обросло жуткими легендами о судах, навеки застрявших в сплетениях кочующих водорослей. В мифологизацию (и даже демонизацию) Саргассов свой посильный вклад внесли и фантасты. О чудовищах, тающихся среди саргассовых зарослей, писали Т.Жанвье «В Саргассовом море», У.Ходжсон в «Лодках с «Глена Каррига», Д.Уитли в «Морях, не нанесенных на карту». Ф.Обри разместил в центре Саргассова моря острова, на которых по сей день обитают телепаты — потомки атлантов («Царица Атлантиды: роман о Карибском море»).

Отечественному читателю из книг о «приключениях среди саргассов» лучше всего, разумеется, известен «Остров погибших кораблей» А.Беляева. И это вполне

заслужено — книга советского фантаста о кладбище кораблей, населенных уцелевшими членами их экипажей, выделяется как своим художественным уровнем, так и занимательностью.

Преображая планету

Уже в конце XIX века географическая НФ постепенно сдвигалась от сюжетов про затерянные миры к историям, основанным на активном освоении, использовании и изменении природной среды. По сути, фантасты реагировали на активно развивающиеся проекты покорения природы и терраформирования. Показателен в этом плане роман Жюль Верна «Вокруг света в 80 дней», в котором путешествия утрачивают романтический ореол, а продвижение к намеченной цели связано не с мужеством путешественников, а с расписанием железной дороги.

Еще более наглядным воплощением новой парадигмы является другой верновский роман — «Таинственный остров»: коллективная робинзоада оборачивается созданием на необитаемом острове вполне развитого общества (имеющего, кстати, несомненные утопические черты).

Нужно отметить, что с развитием научно-технического прогресса и появлением собственно НФ вектор фантастического моделирования устремляется не в пространство, а во временное измерение. Произведений с развитой географией становится все меньше, в их сюжетах переплета-

ются географическая и техническая (зачастую — инженерная) составляющие.

В духе утопических романов описывается строительство идеального города в негостеприимных условиях самого южного континента в «Куполе надежды» А.Казанцева. Еще одним грандиозным инженерным проектом становится создание подводного туннеля, соединяющего Европу и Америку в романе «Арктический мост» того же автора.

Асимметричным ответом подобным проектам стал роман Г.Гаррисона «Да здравствует трансатлантический туннель! Ура!» — своеобразная пародия на всю юль-верновскую фантастику. В «деле объединения континентов» выделяется свежее радикальное решение А.Громова, просто лишившего карту мира американского континента в «Исландской карте». Книга снабжена термином «альтернативная география», который появился чуть ранее в совместной книге А.Громова и В.Васильева «Антарктида OnLine».

Своего рода прощальным уклоном жанру географической фантастики стали известные бестселлеры М.Крайтона «Парк юрского периода» и «Затерянный мир».

Закат субжанра связан с внешними факторами — путешественники и спутники-шпионы наконец-то не оставили скрытых областей на земном шаре. По мере исчез-

новения белых пятен с географических карт сдавала свои позиции и географическая фантастика. Прежние сюжеты, в которых география играла если и не доминирующую, то значительную роль, утратили свою актуальность. Место действия романов переместилось в далекие галактики и виртуальную реальность.

Авторы же фэнтези попросту отказались как-то объяснить, мотивировать существование воображаемых земель, как и то, почему там соседствуют люди и мифические существа.

Но романтика неоткрытых земель нет-нет, да и вспыхнет в сознании даже нашего прагматичного современника. Иначе чем можно объяснить, что отдельные авторы (вроде К.Касслера) даже сейчас продолжают создавать книги о приключениях в экзотических странах и затерянных мирах. Правда, миры эти окончательно съезжились до размеров изолированных долин или разрушающихся заброшенных городов.

Впрочем, можно быть уверенными в том, что при расширении границ человеческой цивилизации и появлении нового, уже космического фронта, за которым в ожидании отважных путешественников и первопроходцев раскинулась Terra Incognita, географическую, точнее, уже космографическую фантастику ждет новый расцвет.

ПРИГЛАШЕНИЕ В СКАЗКУ

«Бабушка американской фантастики» — так при жизни называли недавно ушедшую писательницу Андре Нортон, которой в этом месяце исполнилось бы 95 лет. И дело не только в том, что она продолжала писать и выпускать книги, когда уже не за горами маячил столетний юбилей. Просто бабушка в представлении большинства — это любовь, незамутненная воспитанием и назиданием. Так и Нортон — она просто любила своего читателя, избегая назиданий и безапелляционных указаний на то, «как надо». И баловала его сказками. В которых, впрочем, всегда присутствовал намек — «добрый молодцам урок».

На обстоятельства появления этого имени в России останавливаться нет нужды: об этом уже все сказано, и не раз. Да-да, перевод «Саргасов в космосе», выполненный покойным Аркадием Стругацким, и вводящий в заблуждение «мужской» псевдоним — Эндрю Нортон. Впрочем, тут же дезавуированный в предисловии тех же братьев Стругацких. В общем, как в тогдашней культовой комедии «Три плюс два»: «Джексон оказался женщиной!»

Что тогда вынесли из знакомства с романом и предисловия «самих Стругацких» отечественные фэны, так это первое, пожалуй, представление о космической опере. Впервые они познакомились с ней не в обзорах критиков, свободно читавших по-английски и имевших доступ к оригиналам, а, так сказать, живьем. С той самой космической оперой, которая в статьях чаще всего была намертво припишена прила-

гательным «пресловутая». Хотя позже, когда на наш рынок хлынул бурный поток американской фантастики, массовой аудитории стало ясно (для специалистов это давно не было тайной): «Саргасы в космосе» Нортон — это все, что угодно, но никакая не «опера». Просто добротная, увлекательно написанная приключенческая science fiction, без особых изысков и философской глубины, но и без банальностей, пошлости, примитива, картонных персонажей.

И еще выяснилось, что «Саргасы в космосе» — вещь для автора, прямо сказать, не самая значительная. Есть и поинтереснее.

Родилась будущая писательница 17 февраля 1912 года в семье кливлендского бизнесмена и получила при рождении двойное имя — Алиса Мэри. Предки ее происходили от первопоселенцев из Старого Света, однако в ее

крови текла и индейская кровь — когда-то прапрадед взял в жены красавицу из местного племени. К моменту рождения Алисы Мэри ее старшей сестре было уже семнадцать, поэтому единственной подружкой девочки стала мать. Она, в частности, привила младшей дочери любовь к чтению, а затем и к писательству, став фактически первым редактором и домашним критиком начинающего автора.

Писала Алиса Нортон с ранней юности: «Первую мою книгу приняли в издательство, когда мне не исполнилось и 21 года. А еще помню, что сочиняла в школе, к выпускному балу успев полностью закончить три романа; последний как раз и был опубликован, дав старт моей литературной карьере. Вдохновленная успехом, я переписала и самый первый — и его тоже взяли. До 1950 года научная фантастика в издательствах еще шла вяло, в основном, ее печатали журналы, так что мне пришлось пробовать себя в иных жанрах — приключенческом, детективном, историческом».

Первыми вышли в свет как раз шпионские боевики Нортон, составившие трилогию «Мечи». Действие происходит в Нидерландах, во время второй мировой войны, и за один из романов дебютантка удостоилась своей первой литературной награды — почетной грамоты от правительства этой страны.

Проучившись в местном университете Case Western Reserve

два неполных года, девушка решила, что с формальным образованием покончено. Она удачно продала свой первый роман и с легким сердцем перешла работать в детскую библиотеку. Шел 1934 год, Америка еще не оправилась после Великого Кризиса, а в библиотеке платили хоть мало, но регулярно. Кто тогда мог предполагать, что спустя десятилетия детские библиотеки по всей стране будут соревноваться за право обладать полной коллекцией книг Андре Нортон!

Впрочем, Андре (как и Эндрю) Нортон появится позже — только после войны. Уже опубликовав несколько произведений в различных жанрах, Алиса Нортон с грустью убедилась, что до окончательной победы феминистской революции в Америке еще далеко. Пока же издатели куда охотнее «клевали» на мужское имя — и несколько первых романов новоиспеченного автора вышли под чисто мужским псевдонимом Эндрю Норт. Позже «он» трансформировался в некоего Эндрю Нортон, а затем в Андре Нортон. Или некую — с равным успехом под таким именем и фамилией могла скрываться и женщина.

Проработав восемь лет редактором в издательстве Gnome Press, Нортон в 1958 году перешла на вольные хлеба. Незадолго до этого практически перестав «выходить в свет»: посещать многочисленные научно-фантастические конвенции ей отныне не позволяло пошатнувшееся здоровье.

Тогда она, вероятно, и в самых смелых ожиданиях не могла предположить, что проживет еще без малого полвека.

Почти сорок лет она провела в жаркой Флориде, в окрестностях городка с забавным для тех широт названием Винтер-Парк (Зимний парк). В доме кроме хозяйки — эталонной американской бабушки в седых бублях и старомодных очках — обитала во всех отношениях пестрая и шумная компания пушистых любимцев из семейства кошачьих. Число их по естественным причинам постоянно менялось, но никогда, по утверждению самой Нортон, не опускалось ниже шести. Впрочем, для поклонников творчества писательницы ее любовь к братьям нашим меньшим тайны не составляет. Свободное время «бабушка» Нортон обычно коротала за книгами, телевизором и иглой с нитками.

Насколько можно понять из отрывочных сведений, рассыпанных по разным справочным изданиям, Андре Нортон за свою долгую жизнь так и не завела семьи. Ее единственной семьей — и жизнью — стали книги. Семь десятков лет она писала, писала, писала, поражая своей работоспособностью молодых авторов, которые годились ей во внуки и даже правнуки. Число ее книг перевалило за полторы сотни — не Азимов, конечно, но все равно, как говаривал по-

чивший в бозе телевизионный персонаж Хрюн, «внушает»!

Основу этого книжного моря составляют сериалы. В отличие от многих коллег по перу, впадшая в «сериальный грех» писательница предпочитала циклы укороченные — дилогии, трилогии, зато количество таких мини-серий произвела, вероятно, рекордное. В мои намерения не входит даже перечислять их все — после того, как у нас было стихийно издано полное собрание сочинений Андре Нортон, дотошные фэны и библиографы уже составили полный каталог созданных писательницей фантастических миров. И хорошо помнят ее героев — Предвозвестника (или Предтечу), Хостина Сторма, Патруль, Свободных Торговцев...

Впрочем, если говорить о научной фантастике Нортон, то лучшим ее произведением, по общему мнению, является как раз роман, стоящий особняком. «Сын Звездного человека»* появился на редкость вовремя — в начале 1950-х, когда субжанр post-holocaust story (мир после катастрофы) еще не превратился в коммерческий шаблон. Можно сказать, что «бабушка» Нортон стала пионеркой «постатомных сценариев» — это тем более поразительно, что речь идет о ее дебюте в научной фантастике!

Среди мотивов, постоянно присутствующих в произведениях

* Роман выходил также под названием «Рассвет в 2250 году нашей эры». (Здесь и далее прим. авт.)

Андре Нортон, заметное место занимает телепатический симбиоз между человеком и животным, часто инопланетным. Этот сюжетный ход встречается в дилогиях о Хостине Сторме и планете Янус, в романе «Глаз кошки» (1961). И, конечно, в серии о ко'отах (написана в соавторстве с Дороти Мэдли) — звездной расе телепатов, представители которой в незапамятные времена застряли на Земле и мутировали там, превратившись во вполне домашних мурлыкающих созданий.

Зато со всяческой машинерией, технологическими «игрушками» — странно было бы представить себе мир галактической цивилизации, в котором они напрочь отсутствовали бы! — отношения героев Нортон складываются не всегда просто. Многие ее персонажи по сути беглецы из унылой технологической утопии, лишь на дальних космических рубежах обретающие себя в облике первопроходцев, колонистов, типично американских фронтирменов.

Хотя со временем стиль Нортон «матерел» (если позволительно говорить так в отношении автора-женщины), а общее настроение ее произведений порой теряло непосредственную радость и оптимизм ранних книг, она по сей день остается идеальным «писателем для юношества» — как это себе мыслят родители и педагоги (другое дело, что, в от-

личие от тех и других, Нортон не навязывает своих оценок). Ее проза обычно ясна, логична, увлекательна — а кроме того, еще и морально определена. В «бабушкиных» романах не приходится долго гадать, кто из героев положительный, а кто отрицательный — все ясно с первых же страниц. Если отвлечься от галактического антуража, то это хорошо знакомая нам вселенная — Вальтера Скотта и Жюль Верна, Александра Дюма и Александра Грина. Мир Нортон преимущественно солнечный, и титул «Королевы Солнца» писательница заслужила по праву.

Однако в мире фантастики больше известна все-таки другая Андре Нортон. Автор фэнтези и прежде всего — создательница многотомной саги о Мире Ветров, или Колдовском мире*. Хотя это и не совсем фэнтези — ведь речь идет о мире отнюдь не сказочном, события разворачиваются на далекой планете, колонизованной поселенцами с Земли (о чем прямо говорится в романе-прологе «Рогатая корона»). Правда, в дальнейшем связи с галактической метрополией были утеряны, общественный строй на планете неудержимо испытывал инволюцию к феодализму и варварству, а тут еще «заработала» магия...

Так что, по духу, по общему настрою, по декларированной ото-

* Хотя в оригинале — «Witch World», — у нас закрепилось название «Колдовской мир».

рванности от каких бы то ни было земных забот это — чистейшая фэнтези. То есть стандартный набор: принцы, замки, битвы, дворцовые интриги, добрые и злые волшебники. Только у Нортон все не так стандартно, как у ее последователей и имитаторов, имя коим легион. Как говорилось в одном фильме, «культурки поболее» — дала себя знать работа библиотекарем, но иначе! В эссе «Как пишется фэнтези» Нортон не скрывала своих корней: «Всякий писатель — это прежде всего читатель, причем сразу же зарывающийся с головой во множество книжек, из самых разных областей. Для того чтобы сочинить мои собственные книги, я вынуждена была много читать и выписывать — из книг по антропологии, фольклору, истории, путешествиям, археологии, из записанных легенд и исследований по магии...» Особенно интересовала Андре Нортон история: «Не даты, царствующие фамилии и результаты битв и военных походов, но люди, давно превратившиеся в прах, их чувства, обычаи, жизнь». Из любви к земной истории и рождалось ни с чем не сравнимое увлечение — конструирование миров с их неповторимыми историями.

Нельзя сказать, что после чтения любого из романов Нортон читатель узнает для себя что-то новое и сокровенное. Но и чувства досады по поводу зря убитого вечера также не возникает. Немного? Можно сказать, что нема-

ло — учитывая до предела затоваренный фантастический рынок. Книги Нортон нечасто забирались в верхние строчки списков бестселлеров — но и редко преждевременно сходили с дистанции. Что касается полок столь любимых писательницей библиотек, то там они точно не залеживались.

За столь долгую жизнь в литературе «бабушка» Нортон собрала скромную коллекцию литературных премий. Среди ее трофеев — две Всемирные премии фэнтези, по одному «Гэндальфу» и «Балрогу» и наконец долгожданный титул «Великий мастер», которым Ассоциация американских писателей-фантастов награждает тех, кто внес наибольший вклад в развитие жанра. И среди других титулов, изобретенных для Нортон критиками и журналистами, один дорогого стоит: «Гранд-Дама фантастики». В английском языке Dame — это титул женщины-кавалера Ордена Британской империи. Почти рыцарь.

Американскому издателю, редактору и писателю-фантасту Дональду Уоллхейму принадлежит лучшее, на мой взгляд, определение места и значения писательницы в истории жанра: «Андре Нортон тихо и несуетно, без фанфар, но с неизменной любовью читатель, шла к вершинам славы. Шла всю свою долгую писательскую жизнь — и наконец дошла».

Почти детективные

игры развернулись вокруг седьмого романа о Гарри Поттере. Точнее, вокруг названия книги. Фанаты сериала, желавшие как можно раньше узнать название завершающей части, провели целое расследование, выяснив, что Джоан Роулинг зарегистрировала копирайт аж на две дюжины заголовков — если попытаться проанализировать их все, то можно получить некое смутное представление о сюжете будущей книги. Затем промоутеры книги распустили слухи о «финальной тройке» названий. Интрига разрешилась не без изящества: на официальном сайте Роулинг можно было узнать, наконец, заголовок романа, если разгадать некую головоломку. В итоге завершающая часть будет называться «Harry Potter and the Deathly Hallows», что в русском варианте скорее всего переведут — «Гарри Поттер и Роковые мощи». Книга должна выйти уже в этом году, до июльской премьеры пятой части киноэкранизации саги о юном очкарике. Роулинг уже пообещала «погубить» двух персонажей, причем из главных героев. Может, самого Гарри?

Определены исполнители

главных ролей в грядущем телесериале «Хроники Сары Коннор», описывающем события, происходившие в промежутке между второй и третьей частями знаменитой киносаги «Терминатор». Сару Коннор сыграет Лена Хеди, в свое время исполнившая роль Ольги Лариной в англо-американской экранизации «Онегин» (1999). В роли ее сына, 15-летнего Джона Коннора, выступит Томас Деккер, хорошо знакомый нашим телезрителям по детской роли юного гения Ника Желински в телесериале «Дорогая, я уменьшил детей».

Создается

приключенческая компьютерная игра по мотивам повести братьев Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста». Суть игры — расследование, которое проводит инспектор Глебски в отрезанном лавиной уединенном горном отеле. Интересно, совпадут ли результаты расследования в книге и в игре? Разработчиком этой красивой игры стала компания «Акелла».

Известная

фэнтези-автор Джейн Рейб, знакомая российским читателям по нескольким романам из серии «DragonLance», продолжит незаконченный роман Андре Нортон «Вкус магии».

«Небьюла»- банкет,

Завершить работу над книгой — второй частью дилогии, начатой романом «Запах магии» — «бабушке» американской фантастики помешала смерть, наступившая в 2005 году.

на котором вручаются премии SFWA, состоится в Нью-Йорке лишь в мае, однако некоторые обладатели призов стали известны еще в конце прошлого года. Почетнейшую премию «Гранд-мастер» за заслуги перед фантастикой получит Джеймс Ганн. Автор (когда-то, в начале семидесятых, возглавлявший SFWA), на чьем творческом счету за почти 60 лет писательской карьеры сотни рассказов и три десятка книг, станет двадцать четвертым обладателем почетного титула.

Также известен и лауреат премии «Эмеритус» — она вручается авторам, некогда блиставшим на фантастическом Олимпе, а ныне по разным причинам отошедшим от дел. Ее получит англичанин Дэвид Гай Комптон: любителям фантастики хорошо известен фильм «Преступный репортаж» Бертрана Тавернье, снятый в 1980 году по роману писателя.

Стивен Спилберг

разрабатывает для компании 20th Century Fox TV новый масштабный телесериал о путешествиях во времени. Героями сериала станут два физика, которые во времена второй мировой войны получили способность перемещаться в начало XXI века. Они пытаются использовать эту возможность в антивоенных целях, однако рискуют серьезно подпортить пространственно-временной континуум. Автором сценария выступает Скотт Геммилл; сериал пока еще не имеет названия.

«Роскон-2007»,

крупнейший российский НФ-конвент, как и в прошлом году, объединенный с проводимым журналом «Если» Московским форумом фантастики, пройдет с 22 по 25 марта в подмосковном пансионате «Лесные дали». На фестивале ожидается множество мероприятий: семинаров, мастер-классов и практикумов для начинающих авторов, премьерных кинопоказов, концертов и неформальных встреч. Наряду с традиционными премиями «Роскона» будут вручаться и призы журнала «Если»: премии «Сигма-Ф» (по результатам читательского голосования) и Мемориальная премия им. Кира Булычёва (голосует представительное жюри). Программа мероприятий и регистрация участников — на официальном сайте www.convent.ru.

Агентство F-прессе

БЕКЕТТ Крис (BECKETT, Chris)

Английский писатель и преподаватель Крис Бекетт долгое время был социальным работником в детских лечебных заведениях, а затем переключился на преподавательскую деятельность, получив должность профессора в Кембриджском Университете. Он также опубликовал несколько книг и пособий для социальных работников, после чего — неожиданно для себя — начал писать научную фантастику («когда читатели фантастики спрашивают меня, не тот ли я Крис Бекетт, который пишет научные книги, я скромно отвечаю: тот самый»).

В научной фантастике Бекетт дебютировал рассказом «Вопрос выживания» (1990) и с тех пор опубликовал еще два десятка рассказов и роман «Священная машина» (2004).

ДЖИЛМЕН Кэролин Ив (GILMAN, Carolyn Ives)

Американская писательница и ученый Кэролин Ив Джилмен специализируется на истории раннего периода освоения североамериканского континента, а также занимается историей и бытом коренных жителей Америки — индейцев. Она написала монографию о путешествии Льюиса и Кларка (первые белые исследователи, прошедшие всю территорию нынешних Штатов, с Восточного побережья до Западного) и преподавала в ряде американских университетов. В настоящее время К.И.Джилмен проживает в Сент-Луисе и работает историком и музейным куратором в Историческом обществе штата Миссури.

Первый НФ-рассказ «Суд над Виктором Дженевезе» увидел свет в 1986 году, после чего Джилмен выступала нечасто, написав за все последующие годы 15 рассказов и повестей, а также роман «Наполовину человек» (1998). Одна из повестей писательницы, «Гильдия медоваров» (1991), номинировалась на премию «Небьюла».

КАЛУГИН Алексей Александрович

Коренной москвич Алексей Калугин родился в 1963 году. Служил в Советской Армии, затем получил высшее образование в Институте инженеров пищевой промышленности. В течение нескольких лет работал в Институте медицинской и биологической химии АМН СССР, опубликовал ряд научных работ.

Печатным дебютом в жанре стал роман «Лабиринт» (1996), вскоре переросший в трилогию. После успешного дебюта по рекомендации издательства написал еще два мини-цикла боевой НФ — «Резервация» (1997) и «Точка

Статуса» (1998—1999). Однако последующие произведения писателя — образцы «твердой» (естественнонаучной) НФ с выраженной приключенческой подкладкой. Таковы романы «Темные отражения» (1999), «Не так страшен черт» (2000), «Снежная слепота» (2001), «Игра в реальность» (2001), «Мир без солнца» (2002), «Между центром и пустотой» (2004), «Дом на болоте» (2005), «И черт с нами» (2005), «Линкор «Дасоку»» (2006). Рассказы и повести А.Калугина составили содержание авторских сборников «Специалист по выживанию» (1999), «Патруль вызывали?..» (1999), «Не сотвори себе врага» (2000) и «Время — назад!» (2005). Кроме того, в 2005 году он выступил в роли составителя, подготовив тематическую антологию «Новые марсианские хроники».

КОЛЛИНС Рон (COLLINS, Ron)

Американский писатель Рон Коллинз родился в 1978 году, закончил Университет Луисвилля с дипломом инженера и несколько лет проработал на различных предприятиях, выпускающих авионику и электронное оборудование. Ныне писатель живет в Коламбусе (штат Индиана) с женой, дочерью и любимой кошкой. Он сожалеет, что его часто путают с популярным коктейлем на базе кубинского рома («ромовый Коллинз», или Ron Collins по-испански).

Первый НФ-рассказ Р.Коллинза «Семейное древо» был напечатан в 1995 году, и с тех пор автор выступал только в «малой» и «средней» формах. Он был лауреатом конкурса начинающих фантастов Writers of the Future, а его рассказ «Камень Тарант» (2000) завоевал «сетевую» премию HONer.

МАКЛАФЛИН Лорен (McLAUGHLIN, Lauren)

Американка Лорен Маклафлин делает только первые шаги в литературной фантастике, хотя имеет за плечами десять лет работы в киноиндустрии. В кино она перепробовала все: писала сценарии (самый известный из них — сценарий фантазмагорического фильма «Куб-2: суперкуб»), занималась кинопроизводством, была продюсером и даже снялась в эпизодической роли. После того, как киномир ей надоел, Лорен Маклафлин переключилась на научно-фантастическую литературу, дебютировав в жанре рассказом «Шейла» (2005), и первая же ее работа вошла в антологию Дэвида Хартвелла «Лучшее за год». С тех пор писательница опубликовала еще два рассказа, а недавно закончила свой первый роман «Мозг шоссе». Кроме того, Маклафлин написала тексты песен к собственному научно-фантастическому мюзиклу Upload/Download.

МОММЕРС Гельмут (MOMMERS, Helmuth W.)

Для австрийца Гельмута Моммерса фантастика, по его признанию, была «первой любовью». Однако путь к собственному творчеству оказался долгим. Г.Моммерс родился в Вене в 1943 году и начал карьеру как переводчик, иллюстратор, литературный агент антологии «Терра» (первой австрийской антологии немецкоязычной фантастики). В 1966-м он эмигрировал в Швейцарию, где стал специалистом по электронной обработке информации, а затем опять сменил профессию, занявшись ювелирным делом. И только в 1996 году, перебравшись на Майорку, он наконец обратился к своему давнему пристрастию — НФ. Сейчас на его счету цикл романов «Галактиум», начатый в 1999-м в соавторстве с Эрнстом Влечекон, и около полусотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Секс, любовь и киберпространство» (2003).

ПОКРОВСКИЙ Владимир Валерьевич

Московский писатель-фантаст и журналист, один из ведущих авторов отечественной НФ 1980-х Владимир Покровский родился в 1948 году в Одессе. Потом семья переехала в Москву. Окончив Московский авиационный институт, В.Покровский работал физиком-электронщиком в Институте атомной энергии им. И.В.Курчатова, однако в 80-е годы переключился на журналистику: выступал в качестве научного обозревателя в изданиях «Наука в СССР» и «Трибуна НТР», в «Общей газете» и «Независимой газете».

Первым литературным выступлением стал реалистический рассказ «Просчет», опубликованный в журнале «Сельская молодежь» (1976), а двумя годами позже состоялся и дебют в жанре фантастики — рассказ «Что такое «не везет»?» (1979).

Рассказы и повести В.Покровского, выпускника Малеевских семинаров и одного из самых ярких представителей так называемой «Четвертой волны», быстро вывели автора в первый эшелон отечественной социальной фантастики. Событиями НФ-литературы 80-х — начала 90-х стали повести «Время Темной Охоты» (1983), где дана неожиданная трактовка темы «прогрессорства», «Танцы мужчин» (1989), «Парикмахерские ребята» (1989—1990). Перу В.Покровского принадлежит и один из самых ярких рассказов того времени — пронзительная антимилитаристская притча «Самая последняя война» (1984). Фантастика В.Покровского выделяется не только отточенностью стиля, но и изрядной смелостью в постановке «проклятых вопросов». Коллеги по цеху окрестили писателя «чемпионом оксюморона, жрецом синтаксической иллюзии». Однако издательскую судьбу фантаста нельзя

назвать счастливой: на счету В.Покровского всего две авторские книги — сборники «Планета отложенной смерти» (1998) и «Георгес, или Одевятнадцативековивание» (2001). В 2005 году рассказ «Жизнь сурка, или Привет от Рогатого», опубликованный в журнале «Если» (2004), получил приз читательских симпатий «Сигма-Ф».

СИГЕР Джерри (SEEGER, Jerry)

Начинающий американский писатель Джерри Сигер (в этом номере «Если» читатель познакомился с его дебютом) родился в 1964 году. После окончания колледжа Сигер работал инженером-программистом, а литературной деятельностью занялся лишь в самые последние годы («со временем я надеюсь прогрессировать из программиста, пишущего научную фантастику в качестве хобби, в писателя, занимающегося программированием в качестве хобби»). Сигер изобрел особый текст-процессор (Jer's Novel Writer), которым, по словам изобретателя, уже пользуются несколько сотен коллег-писателей. Несколько лет назад Сигер продал свой дом в Сан-Диего (штат Калифорния) и, побродив с рюкзаком по Северной Америке, в конце концов осел в Праге. Кроме того, он периодически снимается в кино и мечтает о карьере актера.

ЯБЛОКОВ Александр (Jablokov, Alexander)

Александр Яблоков родился в 1956 году и вырос в пригороде Чикаго, штат Иллинойс. По словам автора, пейзажи этого штата очень напоминают среднерусскую полосу, и там много эмигрантов из Советского Союза. Его родители сохранили любовь к родине и привили ее сыну: каждое утро над домом Яблоковых развевалось два флага — американский и российский триколор (гораздо раньше, чем этот флаг снова стал государственным в России), а летние каникулы будущий писатель проводил в Русском православном лагере. Учился в Дартмурском колледже и Университете Южной Калифорнии, получил диплом инженера.

Несмотря на инженерно-техническое образование, А.Яблоков посвятил свою жизнь литературному творчеству. Первый рассказ «Счастливые боги Вавилона» был опубликован в 1986 году. Позже увидели свет романы автора «Нимб», «Река пыли» и другие, а также сборник рассказов «Судорожный вздох». Затем на несколько лет он «выпал» из поля научной фантастики, посвятив себя воспитанию сына и дочери, которые сейчас учатся в начальной школе, и снова возвратился к жанру рассказом «Мертвец».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ